

С В. Тюленев

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

*Допущено Министерством образования
Российской Федерации в качестве
учебного пособия для студентов высших
учебных заведений, обучающихся
по гуманитарным специальностям*

МОСКВА
ГАРДАРИКИ
2004

УДК 811.161.Г37(07)
ББК81.2Рус-7
Т98

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Н.И. Рейнгольд*;
доктор культурологических наук, профессор *В.С. Елистратов*;
ст. методист кафедры лексикографии и теории перевода
Ф-та иностранных языков МГУ *Н.Э. Фаталиева*

Тюленей С В.

Т98 Теория перевода: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2004. —
336 с

ISBN 5-8297-0204-5 (в пер.)

Агентство СІР РГБ

Книга уникальна тем, что содержит систематическое изложение современных взглядов на основные проблемы перевода и науки о переводе. На богатом фактическом материале раскрываются закономерности процесса перевода, способы решения конкретных переводческих задач; освещаются семантические, стилистические проблемы перевода; рассматриваются условия обеспечения его репрезентативности.

Издание рассчитано на переводчиков, студентов и преподавателей вузов, готовящих переводчиков.

УДК 811.161.137(07)
ББК 81.2Рус-7

ISBN 5-8297-0204-5

© «Гардарики», 2004
© С.В. Тюленей, 2004

ВВЕДЕНИЕ

На наших глазах происходит невиданная активизация международного общения. В едином политико-экономическом контексте живут и действуют уже не только народы-соседи, но и народы, живущие на разных континентах, разделенные даже не морями — океанами, народы, которые некогда и не знали о существовании друг друга.

Сегодня мы говорим о процессах глобализации, например объединении Европы; сегодня никого не удивляют конференции, симпозиумы, посвященные самым разным проблемам человеческой деятельности, собирающие специалистов из всех стран мира.

Понятно, что все это было бы невозможно безлюдей особой профессии, суть которой сводится к обеспечению и даже оптимизации международного общения, — переводчиков. Без переводчиков не могло бы быть и речи об образовании разноязычных человеческих сообществ — экономических, политических и др., поскольку даже при общности тех или иных интересов без языковых посредников хотя бы на начальном этапе совместной истории они просто не смогли бы сорганизоваться в некое единство. Без переводчиков общение на многочисленных международных форумах, число которых возрастает с каждым годом, оказалось бы просто неосуществимым, невозможно было бы поделиться опытом с коллегами-специалистами, обсудить и решить те или иные проблемы. Без переводчиков затруднительно было бы общение даже в рамках одной многонациональной страны, например России, США, Канады, Швейцарии. В подобного рода странах бывает несколько официальных государственных языков, а следовательно, существует необходимость перевода огромного количества документов с одного языка на другой.

Наконец, работу таких постоянно действующих организаций, как ООН, Европейский парламент и др., невозможно представить без переводчиков.

Все это объясняет тот факт, что вместе с беспрецедентным ростом международного общения колоссально выросла и нужда в переводчиках. И нужда эта еще отнюдь не полностью удовлетворена.

Опять-таки, прямо на наших глазах появляются многочисленные новые учебные заведения, специализирующиеся на подготовке профессиональных переводчиков для обеспечения межъязыкового общения; в уже существующих вузах для этого открываются новые отделения, факультеты. В 2000 г. в России разработана и утверждена новая программа подготовки переводчиков в вузах.

В последние десятилетия появилось огромное количество публикаций, посвященных тем или иным, общим и частным аспектам теории и практики перевода. В целом ряде стран мира существуют специальные периодические издания, публикующие дискуссии по насущным проблемам переводческой деятельности. Кроме того, каждый год в свет выходят все новые и новые учебно-методические пособия, помогающие в подготовке новых поколений переводчиков.

Однако до сих пор практически не существует учебных пособий, предназначенных для начального обучения будущих переводчиков. Конечно, есть немало изданий, посвященных тем или иным проблемам теории и практики перевода, монографий, предлагающих новые теоретические системы в области переводоведения, многочисленные статьи. Но по-прежнему катастрофически не хватает учебных изданий пропедевтического типа.

Предлагаемое учебное пособие хотя бы отчасти восполнит этот пробел. Не претендуя на полноту и фундаментальность проработки излагаемых проблем и положений, оно лишь в самом общем плане намечает их. Цель его — ввести студента в сложный и все еще недостаточно исследованный мир теории и практики перевода. Автор будет считать свою задачу выполненной, если это пособие поможет сегодняшним студентам, слушателям курсов по теории и практике перевода увидеть круг вопросов, связанных с проблемами перевода как особого вида человеческой деятельности, и если оно заложит фундамент, благодаря которому они получат возможность пойти в изучении предмета дальше и глубже.

Структура изложения материала следующая:

- в главе 1 рассматривается центральное в теории перевода (и науке, ее создающей, — переводоведении¹) понятие «перевод». При этом анализируются основные характеристики перевода как процесса коммуникации и перевода как текста, результата переводческой деятельности. Особое внимание уделено проблеме переводимости / непереводимости / всепереводимости;

¹ Здесь и далее наименования «наука о переводе» и «переводоведение» употребляются как синонимичные.

- в главе 2 показаны различные аспекты переводоведения как самостоятельного научного направления: предпосылки и условия его становления, объект и предмет его изучения, методы исследований, терминологический аппарат и его структура;
- глава 3 соотносит переводческую деятельность как таковую в историческом аспекте с наукой о переводе;
- глава 4 представляет собой краткий обзор связей переводоведения с другими научными дисциплинами, сближающимися в том, что изучают один и тот же объект — межъязыковую деятельность, опосредованную переводом;
- глава 5 посвящена одному из важнейших в переводоведении вопросов — о единице перевода;
- в главе 6 анализируются различные помехи, возникающие при межъязыковой коммуникации как со стороны перевода, так и со стороны адресанта и адресата; здесь же предлагается оценить перевод не только как источник помех, но и как средство преодоления препятствий в коммуникации;
- главы 7 и 8 раскрывают понятие «репрезентативность», а также критерии репрезентативности перевода. Репрезентативность рассматривается на макро- и микроуровнях;
- глава 9 конспективно излагает модели переводческой деятельности, которые описывают пути достижения репрезентативности перевода лингвистическими средствами;
- глава 10 посвящена культурологическому аспекту переводческой деятельности и, соответственно, коммуникативных моделей перевода;
- в главе 11 обсуждаются структурно-типологические аспекты переводного текста, увязанные с основными функциональными стилями;
- глава 12 посвящена некоторым аспектам исторической динамики переводческой деятельности и типологии перевода;
- глава 13 отражает обратную сторону взаимодействия переводоведения и смежных с ним научных дисциплин, раскрытого в главе 4; на примерах рассматривается, как переводоведение обогащает другие научные дисциплины;
- главы 14, 15 и 16 посвящены прикладному переводоведению (анализу вспомогательных средств в работе переводчика, научной критике и преподаванию перевода);
- глава 17 кратко излагает некоторые вопросы практики переводческой деятельности (рынок переводческих услуг в России, некоторые аспекты переводческой этики);
- в Summary на английском языке тезисно изложены освещенные в книге вопросы.

В пособии отражены все темы, обязательные для изучения по курсу «Теория перевода», предписанные официальной программой Министерства образования РФ.

Поскольку обучение теории и практике перевода осуществляется после того, как студент овладел основами лингвистики, в частности и ее терминологическим аппаратом, автор настоящего курса оперирует некоторыми лингвистическими терминами, не объясняя их в тексте. Если по каким-то причинам они неизвестны читателю, мы отсылаем его к соответствующим терминологическим и энциклопедическим изданиям.

Предлагаемое учебное пособие было задумано несколько лет тому назад. В его основу положены лекции, прочитанные автором в МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, Международном университете (г. Москва), а также материалы, накопленные за годы проведения семинаров и специализированных курсов.

Автор благодарит издательство «Гардарики» и лично Н.И. Самодину за предоставленную возможность опубликовать все это в форме книги. Хочется также выразить искреннюю признательность всем, кто помог в подготовке рукописи к изданию: Л.П. Поповой, Е.С. Турковой, О.Б. Гончарову, Р.О. Расколкину, А.Л. Бураку, Е.Н. Вихровой, профессору М.В. Вербицкой, а также Полу Роулэнду.

Отдельно хотелось бы выразить огромную благодарность доктору филологических наук (PhD in English), профессору, зав. кафедрой теории и практики перевода, зав. отделением переводоведения и практики перевода Института филологии и истории РГГУ Н.И. Рейнгольд, доктору культурологических наук, профессору В.С. Елистратову и ст. методисту кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Э. Фаталиевой, взявших на себя труд отрецензировать настоящую работу и высказавших ценные замечания, которые помогли автору уточнить некоторые теоретические положения и улучшить структуру изложения материала.

Глава 1

«Перевод» как центральное понятие переводоведения

...Перевод — это не прагматическая и не парикмахерская.

Н. Любимов

§ 1. Понятие «перевод»

Понятие «перевод» — центральное в переводоведении.

Перевод можно определить по-разному, и в зависимости от этого в сферу рассмотрения и анализа попадут различные (хотя, безусловно, тесно связанные между собой) явления.

Вот как определяется «перевод» в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой: «1. Сопоставление двух или нескольких языков с целью отыскания семантических соответствий между их единицами, обычно для двуязычной лексикографии, для сопоставительных семантических исследований и т.п. 2. Передача информации, содержащейся в данном произведении речи, средствами другого языка. 3. Отыскание в другом языке таких средств выражения, которые обеспечивали бы передачу на него не только разнообразной информации, содержащейся в данном речевом произведении, но и наиболее полное соответствие нового текста первоначальному также и по форме (внутренней и внешней), что необходимо в случае художественного текста...» К переводоведческому пониманию ближе всего второе из трех приведенных значений. Третье значение, как и указано в определении, больше относится к художественному переводу, представляющему собой частный случай переводоведческой деятельности.

Итак, под переводом понимается такой вид языковой (вербальной) деятельности человека, в процессе которого благодаря специальной (особой) обработке исходного текста, существующего на одном языке, создается текст (или тексты), репрезентирующий (репрезенти-

рующие) его на языке (языках) перевода. Следовательно, перевод — это такой вид вербальной (устной или письменной) деятельности человека, который может быть охарактеризован как би- или полилингвистический и в результате которого создается текст, репрезентирующий текст-оригинал на языке перевода.

Сразу же следует заметить, что, говоря о переводе, мы должны различать собственно деятельность, т.е. процесс протекания действия, и ее результат. Переводом называют и то и другое, что в специальных исследованиях, как правило, требует уточнения: «процесс перевода», «перевод как действие/деятельность», «текст перевода» и т.п.

Когда речь идет о би- или полилингвистической вербальной деятельности, учитывается и перевод, осуществляемый в рамках одного и того же языка, но представленного разными этапами своего развития, которые уже не могут быть поняты адресатом перевода иначе, как через посредство перевода. Строго говоря, такой перевод без всяких оговорок должен называться переводом с одного на *другой* язык. Дело в том, что языки уже фактически разные в настоящий момент своей истории в практическом смысле, т.е. с точки зрения того, как воспринимают созданные на них тексты не лингвисты, а рядовые читатели, можно отождествить только с известной (и значительной) долей огрубления (ср.: древнеанглийский — современный английский языки).

§ 2. Процесс перевода как процесс коммуникации

Из вышеприведенного определения перевода следует, что перевод можно представить себе как процесс передачи мыслей, высказанных на одном языке, средствами другого языка [См.: Нелюбин, 1983. С. 145]. Это означает, что процесс перевода может рассматриваться как акт коммуникации путем передачи информации от отправителя к реципиенту.

Как процесс перевод определяется прежде всего формирующими его компонентами. Именно в этом смысле он может быть рассмотрен в терминах теории информации, поскольку является одним из многочисленных видов обмена информацией. Следовательно, и к переводу, как к любому другому виду обмена информацией, могут быть применены принципы этого научного направления. (Как будет показано ниже, такой взгляд на перевод оказывается весьма плодотворным для уяснения по крайней мере некоторых из важнейших его особенностей.)

Основными элементами процесса передачи информации в любом коммуникативном акте с технической точки зрения являются: источник информации с передающим устройством, преобразующим информацию (сообщение) в приемлемую для передачи форму; канал комму-

ник.шин. т.е. среда, в которой осуществляется передача сообщения; принимающее устройство или, в широком смысле, приемник, приводящий сообщение в форму, которую может воспринять реципиент.

Еще одна важная составляющая акта коммуникации — код, используемый для общения. Код — это некая система знаков и правил их комбинирования с целью передачи сообщения по каналу связи. Есть множество различных кодов, от самых простых до очень сложных (ср.: азбука Морзе — естественный язык). Коды могут представлять собой различного рода явления. Например, генетический код организма представляет собой набор определяющих его наследственные черты комбинаций аминокислот и протеинов. В качестве кодов при обмене информацией используются естественные и искусственные языки, системы дорожных знаков, обычаи, этикет и т.д. и т.п.

Теория информации, как уже было сказано, может быть применена к любому виду обмена информацией, в том числе к обмену информацией вербальной. Попробуем сделать это.

Итак, есть человек, отправляющий информацию. Есть ее реципиент. При этом в качестве канала связи рассматриваются различные лингвистические единицы (буквы, звуки, слоги, морфемы, слова, словоформы и т.д.), формирующие среду передачи информации (письменную, устную).

В качестве кода вербального обмена информацией выступает язык. В этом коде заданы определенные ограничения на сочетаемость (комбинаторику), а также вероятности появления тех или иных единиц в данном типе речи; все это и реализуется в конкретном произведении речи — тексте.

Сфера перевода в этом смысле — «царство» речи. Переводчик, в отличие от лингвиста, имеет дело не столько с языком, сколько с его конкретными речевыми проявлениями — текстами.

В зависимости от того, пользуются источник (отправитель) информацией и ее реципиент, соединенные общим речевым каналом, одним и тем же кодом (языком) или разными кодами (языками), можно говорить об одноязычной и двуязычной (или многоязычной) коммуникации.

Понятие «информация» в лингвистике, а вслед за ней и в науке о переводе переосмысливается по сравнению с теорией информации и подразумевает сведения, которые содержатся в речевом сообщении¹. Эти сведения выступают при информационном обмене объектом передачи, хранения и переработки.

¹ Употребление термина «информация» требует следующей оговорки. Информация понимается в данном случае максимально широко, как объединяющая в себе и план содержания, и план выражения, т.е. формальные средства донесения до реципиента определенного содержания, что важно отметить особенно в отношении художественного текста.

Таким образом, общая структура вербальной коммуникации будет выглядеть следующим образом: источник (отправитель) информации со своим сообщением, которое преобразуется в соответствии с определенным кодом (языком); канал коммуникации, обеспечивающий передачу сообщения (т.е. письменную или устную форму бытования информационного сообщения¹); декодирующий переданное (исходное) сообщение получатель (реципиент) информации. Такова в несколько упрощенном виде структура коммуникации в одноязычном варианте ее (коммуникации) осуществления.

В условиях двуязычной коммуникации изложенная выше схема претерпевает определенные изменения. Например, отправляемое сообщение в терминах переводоведения называется оригиналом, процесс передачи оригинала через канал связи² с заменой изначального кода другим кодом — процессом перевода, а получаемое реципиентом, преобразованное благодаря переводу сообщение — переводом (переводом-результатом, а не процессом).

Если все вышеперечисленные различия в описании процесса коммуникации в теории одноязычной (монокодовой) передачи информации и в теории информации как таковой все-таки носят более терминологический характер, то основное отличие двуязычного общения от одноязычного состоит в наличии между отправителем и реципиентом сообщения декодирующего-кодирующего преобразователя, который выступает в качестве своеобразного дополнительного элемента, еще одной составляющей канала связи между ними. Этот преобразователь владеет в случае двуязычной коммуникации обоими кодами, тремя — в случае трехязычной и т.д. Им может быть человек (переводчик) или переводящее автоматическое устройство (компьютерная программа-переводчик).

Таким образом, общая схема связи усложняется, и это оказывает принципиальное влияние на ход коммуникации. Действительно, между источником информации и ее получателем оказывается переводчик-преобразователь, «переключающий» код.

Если перевод осуществляет человек, мы имеем дело с так называемым «естественным» переводом, если машина — машинным, или компьютерным.

Сообщение отправителя первоначально генерируется на одном языке (коде). Целью отправителя сообщения является определенное воздействие на получателя, для чего требуется понимание принимающей сто-

¹ В процессе перевода нередки и смешанные типы бытования информации: устно-письменный, письменно-устный, о чем см. ниже.

² Чаше с его (канала связи) сохранением, т.е. письменный текст все-таки, как правило, переводится письменно, устный — устно.

роной посланного сообщения. Сообщение же передается на незнакомом ему иностранном языке, который оказывается недоступным для понимания (декодирования) реципиента. По этой причине в ход коммуникации с целью преодоления возникшего препятствия вводится еще одно звено — преобразователь кода, основная задача которого состоит в том, чтобы единицы одного кода (несущие информацию) трансформировать (перевести) в единицы другого кода. Таким образом, преобразователь-переводчик, с одной стороны, получает сообщение на одном коде, а затем преобразует его в сообщение, выраженное с помощью другого кода. При этом первоначальный код-язык в переводоведении принято называть исходным языком (ИЯ), а код-язык, на который переводится сообщение-оригинал, — переводящим языком (ПЯ), или языком перевода.

Понятно, что в данном случае мы несколько упростили реальное положение вещей. На самом деле переводчик в процессе своей переводческой деятельности выступает и в роли получателя, и в роли отправителя передаваемого сообщения. Сначала отправитель посылает сообщение, закодировав его с помощью одного языка. Переводчик принимает закодированное сообщение, трансформирует его. Затем он, как бы меняя маски, из получателя превращается в отправителя сообщения. Полученное и воспринятое сообщение он трансформирует, условно говоря, в аналогичное сообщение, но уже с использованием иного языкового кода. Именно на этом языковом коде воспримет сообщение конечный реципиент коммуникативного акта.

Прошедшее этот долгий путь первоначальное сообщение в конце концов (возможно) произведет нужный и планировавшийся изначально отправителем сообщения эффект.

Перевод характеризуется также формой, в которой он осуществляется, — устной, письменной или устно-письменной, что соответствует понятию «канал связи», т.е. это среда осуществления обмена информацией. Среда может складываться из определенным образом организованных графических средств (букв, диакритических, пунктуационных знаков и т.д.), служащих внешними, материальными, оформителями текста; из физических звуков (звуковых колебаний), которые воспринимаются как звуки того или иного языка, складывающиеся в слова, предложения, тексты.

§ 3. Перевод как текст

Текст перевода может характеризоваться рядом параметров.

Например, его можно проанализировать с точки зрения того, насколько точно в нем передана фактическая информация, за-

ключенная в оригинале. Если в переводе допущены серьезные фактические ошибки, то перевод нельзя считать приемлемым. Ошибки могут возникать как из-за оригинала, так и по вине переводчика, например из-за того, что переводчик не расслышал или не понял какой-то фрагмент информации. Они могут возникать также, в частности, из-за того, что переводчик, недостаточно хорошо знает идиоматику одного из вовлеченных в перевод языков.

Так, в переводе романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (*W.M. Thackeray. Vanity Fair*) на русский язык, выполненном для журнала «Современник» в 1850 г., переводчик неправильно перевел английское слово *yokel* (что значит *a simple-minded countryman, a country bumpkin*, т.е. *депе-венщина*) русским словом *супруг*. Впрочем, не обязательно ходить так далеко в историю, чтобы найти фактические ошибки у переводчиков.

Во франкоязычной московской газете «Le Courrier de Russie» (du 14 au 28 Janvier 2004) название книги журналистки Е. Трегубовой «Байки кремлевского диггера» переведено на французский как *Les velos d'un digger*. Если даже принять изъятие из названия слова *кремлевский* (довольно важного в свете содержания книги) за осознанный переводческий прием — опущение, то перевод русского слова *байки* французским *velos* (*велосипеды*) — явно фактическая ошибка (переводчик, видимо, принял русское *байки* за английское *bikes*, подумав, что это такое же сленговое заимствование в русском языке, как *digger*).

Еще иллюстрация. В одной из своих статей В.Н. Комиссаров приводит анекдот-пример такого перевода, где межъязыковая коммуникация была существенно искажена из-за грубых ошибок лица, выступавшего в роли переводчика с русского языка на английский и не знавшего употреблявшихся в процессе общения русских идиом [См.: Комиссаров, 2001. С. 9].

В американском суде переводчик буквально переводил слова русской женщины, которую обвинили в краже курицы. Судья спросил ее, признает ли она себя виновной в краже. Женщина ответила: «Нужна мне ваша курица!» Переводчик ничтоже сумняшеся перевел: «Обвиняемая заявляет, что курица была ей очень нужна». Судья задал вопрос, давно ли она задумала украсть эту курицу. Женщина с возмущением ответила: «Как же! Всю жизнь мечтала!» Переводчик опять перевел буквально то, что услышал: обвиняемая мечтала украсть курицу уже давно. Судья снова спросил женщину: «Стало быть, вы признаете себя виновной в краже курицы?» На это женщина удивленно воскликнула: «Здравствуйте, я ваша тетя!» Озадаченный переводчик сообщил судье: «Обвиняемая утверждает, что приходится близким родственником господину судье».

Этот (наверняка придуманный) анекдот хорошо показывает, чем чреваты ошибки при неправильной передаче фактической информации (в широком смысле слова). Однако и перевод, совершенно правильно передающий фактическую сторону оригинала, тем не менее, может быть признан неудовлетворительным, если в нем нарушены лексико-грамматические, синтаксические и стилистические нормы языка перевода.

Приведем примеры из студенческих работ. (1) «Торонто гордится правом считаться крупнейшим городом Канады с количеством населения около 5 млн и одним из самых больших городов в Северной Америке». Или: (2) «Что вы обычно представляете, услышав слово "акула"? Возможно, первое впечатление — это огромные, обтекаемой формы существа из фильма "Челюсти". Несомненно, в действительности не все акулы выглядят, как акула из фильма. Хотя некоторые да».

Вот оригиналы приведенных фрагментов: (1) «With a population of about 5 mln, Toronto is proud to be Canada's largest city and is considered to be among the largest cities in North America*»; (2) «What are you likely to picture when hearing the word *sharks*? The first thing to think of is probably the huge, streamlined creature from the movie *Jaws*. To be sure, in the real life, not all sharks turn out to look like the *Jaws* shark. Though some certainly do».

Буквально при первом же взгляде на эти переводы становится очевидным, что, даже если в них передана вся информация оригинала и передана верно, они не могут быть признаны хоть сколько-нибудь удовлетворительными. Через оба примера «насквозь» просматриваются английские конструкции оригиналов. В примере (1) механически переводится с английского языка на русский слово *гордится* (*is proud to be*), чем нарушается стилистика предложения; не согласованы части сложного синтаксического целого с однородными сказуемыми. В примере (2) вместо *представляете себе* стоит *представляете*; спорно употребление слова *впечатление*; опять-таки стилистические огрехи: *обтекаемой формы существа*; вместо громоздкой нерусской конструкции *не все акулы выглядят, как акула из фильма* — более по-русски звучало бы *так выглядят (далеко) не все акулы* и т.д.

Текст перевода может передать всю фактическую информацию с соблюдением всех норм языка перевода, но при этом исказить цель сообщения. Другими словами, получатель информации из-за недостатков перевода не поймет изначального намерения ее отправителя и не будет действовать сообразно его ожиданию. Если автор оригинала хочет, например, убедить, стремление убедить должно ощущаться и в переводе.

Как правило, цель искажается в результате допущенных фактических, а чаще всего — культурологических ошибок, т.е. ошибок, возник-

кающих из-за неправильного понимания национальных и культурных нюансов того или иного слова, выражения, высказывания. Это можно проиллюстрировать тем же анекдотом, который мы привели выше, о случае в американском суде. Подобного рода, условно говоря, культурологические неточности или прямые ошибки искажают намерение говорящего, тем самым препятствуя выполнению переводом его репрезентирующей функции.

Кроме того, перевод должен хотя бы частично соблюсти тон оригинала. Имеется в виду та часть плана выражения, которая складывается из коннотативно маркированных элементов текста оригинала. Если события описываются с иронией, переводчик должен (хотя бы отчасти) сохранить эту ироничность. Если информация оригинала подана нейтрально, тот же тон должен быть передан и переводчиком. И наоборот, если тон оригинала не нейтрален, то и перевод (хотя бы отчасти) должен это передать.

Ю.Д. Левин, крупный российский специалист по сравнительному литературоведению и переводчик, так шутливо «перевел» фрагмент стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» [См.: Res Translatoica. С. 3).

Оригинал:

Восстанв, пророк, и виждв, и внемли.
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли.
Глаголом жги сердца людей.

«Перевод» Левина:

Вставай, пророк, смотри и слушай,
Мои приказы исполняй
И, обходя моря и сушу,
Сердца словами зажигай.

Этот квазиперевод сделан без выхода за пределы русского языка, но с выходом из одного стиля (или даже «стиля») в другой. Сохранена информация, нет нарушений норм русского языка, передана цель повествования, но разрушен *тон* оригинала. Таким образом, Левин показал, насколько серьезным может быть ущерб, наносимый оригиналу при изменении его характеристик, образующих общий тон переводимого произведения.

В своей книге «Несгораемые слова» известный советский переводчик Н.М. Любимов приводит такой пример:

Доказывая актерам в «Проекте постановки на сцене трагедии "Царь Федор Иоаннович"», как важно знать роли назубок, Ал. Конст. Толстой с полным основанием утверждал, что далеко не все равно, если актер вмес-

то «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха» — скажет: «Ох, как меня давит Рюрика фуражка!»

Подобного рода оговорки — это не только актерские, но и переводческие оговорки. Эти самые «рюриковвы фуражки» — что греха таить! — то здесь, то там мелвкуют в наших переводах.

Наконец, все вышеперечисленные условия могут быть соблюдены, но на макроуровне будут искажены позиция автора, его мнение по какому-то вопросу, смягчены или, наоборот, усилены те или иные аспекты излагаемого им материала, перевод опять-таки окажется неприемлемым. Переводчик всегда должен объективно отражать позицию автора независимо от того, что сам он, переводчик, о ней думает, считает ли ее неправильной, недопустимой или нуждающейся в более ясном и убедительном изложении.

В наше время переводчик вряд ли может позволить себе даже комментарии и замечания такого рода, как те, что позволил себе известный русский композитор П. И. Чайковский, выступивший в роли переводчика с французского языка на русский «Руководства к инструментовке» проф. А. Ф. Геварта. В разделе о флажолетах, переводя французский оригинал, Чайковский дает следующие комментарии. Заявление Геварта: «Самое древнее, нам известное, применение флажолетных звуков к оркестру встречается в опере *Тома Жонса Фишдора*. С той поры эффектом этим композиторы вовсе не злоупотребляли» — Чайковский комментирует следующим примечанием: «Не понимаем, как автор не вспомнил в этой статье о гениальных попытках *Берлиоза*; а еще соотечественник!» Он вряд ли мог сделать такое пристыжающее автора замечание в наше время. Сейчас объективность показа точки зрения автора для переводчика — норма.

Таков минимальный набор критериев, которые можно предложить как базовые, основополагающие и универсальные для оценки текста перевода. Он, однако, может расширяться в зависимости от типа переводимого текста, его функционально-стилистической принадлежности.

Можно сказать, что в последнее время окончательно преодолевается лингвоцентрический подход к оценке перевода. Иначе говоря, перевод уже не оценивается только с точки зрения того, насколько точно он воспроизводит оригинал в плане языкового выражения. Все больше осознается важность донесения до адресата перевода главным образом плана содержания оригинала и достижения того же воздействия, которое предполагалось достичь у реципиента оригинала. В этом смысле говорят о коммуникативной равноценности текста перевода и текста оригинала, подразумевая способность текста перевода высту-

пить в качестве полноправной замены оригинала, т.е. текст перевода должен *репрезентировать* оригинал.

Таким образом, говоря о переводе, следует различать употребление термина «перевод» в переводоведческом и любых других возможных смыслах. В переводоведении под переводом понимается такой вид языковой (устной или письменной) деятельности человека, который может быть охарактеризован как би- или полилингвистический и в результате которого создается текст, репрезентирующий текст-оригинал на языке перевода. При этом собственно термин «перевод» употребляется в двух значениях — как деятельность, процесс, и как результат этого процесса. Перевод как вид деятельности определяется тем, кто его осуществляет и как он протекает. Перевод как результат оценивается с точки зрения его способности репрезентировать оригинал.

§ 4. Проблема переводим(Х)ти/непереводим(х:ти)/всепереводимосги

Переводческая деятельность направлена на передачу некоего содержания, выраженного средствами одного языка (ИЯ), на другом языке (ПЯ). Однако история знает примеры, когда сомнению подвергалась сама возможность осуществления перевода.

Проблема переводимоеTM обсуждается с глубокой древности. Непереводимыми считались сакральные тексты [См.: Steiner, 1993. P. XII; Мечковская. С. 233—234]. Затем, в эпоху Средневековья, непереводимыми считаются светские тексты, поскольку осознается невозможность достичь полной симметрии между различными семантическими системами [См.: Steiner, 1998. P. 251 sq.].

В эпоху Возрождения Данте (Dante Alighieri, 1265—1321) писал о том, что ничто из того, к чему прикоснулись музы, не может быть перенесено с одного языка на другой без утраты своей прелести и гармоничности. Сервантес (Cervantes Saavedra, 1547—1616) говорит о том, что перевод похож на изнанку ковра.

Дю Белле (J. du Bellay, 1522—1560), французский поэт, говорил, что переводить — все равно что художнику пытаться воспроизвести душу и тело своей живой модели.

В том же духе высказывается и П. Б. Шелли (P. B. Shelley, 1792—1822) в трактате «В защиту поэзии» (A Defence of Poetry, 1821): «Стремиться передать создания поэта с одного языка на другой — это то же самое, как если бы мы бросили в тигель фиалку с целью открыть основной принцип ее красок и запаха. Растение должно возникнуть вновь из собственного семени, или оно не даст цвета, — в этом-то и заключается тяжесть проклятия вавилонского смешения языков» [Цит. по: Копанев. С. 252].

Можно привести еще очень много подобного рода суждений. Но обратимся к концептуальным позициям, в которых предпринимаются попытки не просто высказаться против перевода, но каким-то образом объяснить феномен непереводимости или ограниченной переводимости.

Крупный немецкий лингвист, философ языка и переводчик Вильгельм фон Гумбольдт (Wilhelm von Humboldt, 1767—1835), опираясь на идеи антропологического подхода к языку, тесной связи языка, мышления и «духа народа», в предисловии к своему переводу «Агамемнона» Эсхила говорит о непереводимости уникальных произведений, подобных этой трагедии, в силу их особой, своеобразной природы («seiner eigentuemlichen Natur nach»). Суть этой особой природы состоит в том, что язык такого рода произведений отражает мышление и «дух» говорящего на нем народа. В этом смысле языки всего лишь «синонимичны», по мнению Гумбольдта; составляющие их слова не могут быть признаны в полной мере эквивалентными словам любого другого языка. Исключениями являются разве что слова, обозначающие чисто физические объекты, а это ставит под сомнение саму возможность полноценного перевода. (Хотя, заметим, сам Гумбольдт берется за перевод и излагает свои идеи не где-нибудь, а в предисловии к этому своему переводу!)

В письме А. Шлегелю (1796) Гумбольдт пишет: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно, но и просто невозможно» [Цит. по: Копанев. С. 251—252]. Другими словами, он фактически отрицает возможность создания такого перевода, который можно было бы назвать полноценным, т.е. сбалансированным — не вдающимся в крайности буквализма и «адаптирующего» произвола, равноудаленным и от того, и от другого.

На русской почве идеи Гумбольдта были подхвачены выдающимся лингвистом А.А. Потебней (1835—1890). Потебня подчеркивал, что языки принципиально асимметричны. Это проявляется в лексико-грамматических и эмоционально-стилистических структурах, которые могут быть выражены посредством отдельных слов или их сочетаний, что и отличает один язык от другого. Слово одного языка не совпадает со словом другого. Еще менее вероятно совпадение сочетаний различающихся между собой слов. В итоге исчезает, по выражению Потебни, «соль» этих

слов. Поэтому непереводимы, в частности, остроты. Более того, лишенные своей словесной формы, «оболочки», не совпадают также мысли оригинала и его перевода. Они оказываются неравными друг другу и, стало быть, разными, хотя бы отчасти, мыслями.

В 1930-х гг. в США была разработана теория, согласно которой структура языка определяет структуру мышления и тот способ, каким человек, говорящий на данном языке, познает окружающий его внешний мир. Авторы этой теории, иначе называемой гипотезой лингвистической относительности, Э. Сепир (E. Sapir) и Б.Л. Уорф (B.L. Whorf).

Гипотеза Сепира — Уорфа была подвергнута критике многими лингвистами, этнографами, философами и психологами, поскольку фактически в ней провозглашается самодовлеющая сила языка, сила, которая якобы формирует мир, в то время как язык сам является результатом отражения человеком объективного мира. Различия в том, как в разных языках членится объективный мир, возникают, видимо, в период первичного образования в них языковых единиц и обуславливаются ассоциативными различиями, несоответствиями в языковом материале, унаследованном от предшествующих эпох, а также под влиянием других языков. Хотя язык и оказывает определенное регулирующее влияние на мышление человека, все же можно говорить о том, что его форма и категории одинаковы у всех людей независимо от того, к каким этносам они принадлежат.

Все эти критические замечания являются очень важными не только с точки зрения общего языкознания, но и последствий, которые эта гипотеза оказывает на концепцию переводимости в переводоведении. Дело в том, что в соответствии с этой гипотезой перевод с языка на язык в силу различия самой их природы, структуры и формируемого ими у говорящих на них народов мышления оказывается невозможным.

Переводимость в тех или иных ее аспектах подвергают сомнению также деконструктивисты — Ж. Деррида (J. Derrida) и др.

В то же время существует концепция всепереводимости. Коренится эта концепция во взглядах на языки с точки зрения языковых универсалий. В XVII—XVIII вв. создавались универсальные грамматики (например, известная грамматика Пор-Рояля А. Арно и К. Лансло, 1660, — *La Grammaire de Port-Royal par A. Arnauld et E. Lancelot*), целью которых было, в частности, установление принципов, присущих всем языкам, — того, что в современной лингвистике называют языковыми универсалиями. Предпринимались даже попытки создать универсальный язык.

Естественным образом уже в рамках теории перевода совершается переход от теории языковых универсалий и, например, теории порожд-

дающей (генеративной) грамматики Н. Хомского (N. Chomsky) к всепереводимости. Ж. Мунен (G. Mounin) высказывался о возможности перевода с любого языка на любой — причем с безусловным соответствием означаемого (вещи) означающему (слову) и наоборот, — по крайней мере терминологии. Более того, он прогнозировал возможность полной, стопроцентной автоматизации научного и технического перевода.

Эти идеи Мунена уточняются в теории Э. Кошмидера (E. Koschmieder), который говорит о возможности перевода с языка на язык с помощью нахождения *общего*, стоящего за знаковой оболочкой языка оригинала и языка перевода. Это общее он называл *tertium comparationis* (третьим сравнения), т.е. тем, относительно чего сравниваются оригинал и перевод (см. гл. 11). Сходные идеи высказывают В. Вилс (W. Wilss), В. Коллер (W. Koller) и другие переводоведы [См.: Stolze. S. 41—53].

Кроме того, позиции всепереводимости придерживались переводчики — сторонники так называемого дословного перевода (П. Вяземский, А. Фет, Е. Ланн), которые утверждали возможность точно воспроизвести, скопировать оригинал [См.: Денисова. С. 5].

Более сбалансированным подходом к обсуждаемому вопросу отличаются ученые и переводчики-практики, говорившие и говорящие о возможности принципиальной переводимости. В отечественном переводоведении А.М. Финкель, А.В. Федоров в прошлом веке на основании теоретического осмысления опыта переводчиков советской переводческой школы говорили о принципе переводимости. Обоснованием такой позиции служат следующие положения. Благодаря принципиальному сходству мышления людей независимо от их национальности и этнической принадлежности, благодаря универсальности его (мышления) категорий перевод возможен, хотя, конечно, при этом переводчик вынужден идти на порой существенные потери в переводе по сравнению с оригиналом. Но, как правило, эти потери касаются плана выражения оригинала, его языковой формы, а не содержания, которое при невозможности передачи его теми же понятиями, что и в оригинале, может быть донесено до реципиента перевода описательно.

В целом во всей совокупности своих механизмов на всех ярусах языка сопоставимы, изоморфны, что позволяет осуществлять при переводе различного рода компенсаторные замены: то, что не удастся выразить в переводе теми же, что в оригинале, языковыми средствами, можно передать другими языковыми средствами переводящего языка.

Кроме того, от потерь при передаче формы оригинала страдают в основном тексты, относящиеся к тем функциональным стилям, которые тяготеют к художественному, где форма не менее важна, чем выражаемое ею содержание.

Наконец, возможность перевода подтверждает история человечества. Действительно, перевод появился на заре человеческой цивилизации и реально, практически способствовал решению многих возникших перед людьми вопросов. Перевод активнейшим образом осуществляется и в настоящее время. Вряд ли все это было бы возможно, если бы перевод был невозможен.

Вообще же, когда речь заходит о невозможности перевода, всегда вопрос стоит о невозможности передать лишь те или иные аспекты оригинала. И здесь, по сути, все сводится к вопросу о степени, в какой тот или иной перевод способен репрезентировать данный оригинал на другом языке и в другом культурно-историческом окружении.

Так, В.Г. Белинский говорил скорее о границах переводимости. В общем высоко оценив перевод «Илиады» Гомера, осуществленный в XIX в. Н.И. Гнедичем, он, однако, писал: «Никакое колоссальное творение искусства не может быть переведено на другой язык так, чтобы, читая перевод, вы не имели нужды читать подлинник; напротив, не читая творения в подлиннике, нельзя иметь точного о нем понятия, как бы ни был превосходен перевод. К "Илиаде" особенно относится эта горькая истина: только греческий- язык мог выразить такое греческое содержание, и на всех других языках "Илиада" — засушенное тропическое растение, хотя и сохранившее, по возможности, и блеск красок и ароматический запах».

В.В. Набоков, сам талантливый переводчик, в частности переводчик на английский язык такого трудного текста, как роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», засвидетельствовал в своем стихотворении «On Translating "Eugene Onegin"»

What is translation? On a platter
A poet's pale and glaring head,
A parrot's screech, a monkey's chatter.
And profanation of the dead.<...>
Reflected words can only shiver
Like elongated lights that twist
In the black mirror of a river
Between the city and the mist.<...>'.

В настоящее время специалисты справедливо указывают на то, что проблема непереводимости должна рассматриваться по-разному в за-

¹ *Набоков В.В.* Стихотворения. СПб., 2002. С. 406.

Перевод: 'Что такое перевод.' На блюде / Поэта бледная торчащая голова. / Крик попугая, обезьянья болтовня / И глумление над мертвыми...>. Отраженные слова могут только дрожать. / Как удлинённые огни, которые искривляются / В черном зеркале реки / Между городом и туманом. <...> (Перевод мой. — С. Т.)

висимости от того, какой объект попадает в поле зрения переводчика или критика перевода. Непередаваемость частных особенностей переводимого текста компенсируется принципиальной переводимостью всего текста в целом [Иванов. С. 69].

В этой связи говорят также о микро- и макроконтекстах переводимого оригинала, имея в виду, что степень переводимости возрастает по мере расширения контекста [Топер. С. 130], т.е. перехода с уровня микроконтекста, где то или иное явление может оказаться непередаваемым, на уровень макроконтекста, где с помощью приема компенсации, описательного перевода и т.п. удастся все же донести до читателя требуемую эстетическую или иную информацию.

Несмотря на то что те или иные высказывания о невозможности перевода — непередаваемости — могут показаться если не разрушительными, то малопродуктивными, следует сказать, что они внесли свой вклад в развитие переводоведческой мысли. Они как бы от обратного двигали переводоведческую мысль и сыграли свою роль в превращении спорадических и эмпирических высказываний о переводе в полноценную науку о переводе — переводоведение. Прежде всего они помогли осознать, что осуществление перевода — дело отнюдь не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Они помогли уберечь общественность в целом и переводчиков в частности от упрощенческого подхода к переводу и его оценке. Они указали на некоторые аспекты перевода как вида деятельности, от которых раньше попросту отмахивались.

Споры по поводу переводимости / непередаваемости не утихают до сих пор. Сейчас полнее осознается сложность этой проблемы: «Границы "переводимости" очень неопределенны, они изменчивы и зависят от конкретной пары языков и культур, а также от личного прочтения переводчика, т.е. от его субъективного видения и восприятия» [Денисова. С. 73].

Вопросы и задания

1. Что такое перевод в общефилологическом и переводоведческом смысле?
2. Какова структура перевода как процесса в терминах теории коммуникации?
3. Каковы параметры перевода как текста?
4. Раскройте суть проблемы переводимости / непередаваемости / всепереводимости.

Глава 2

Переводоведение как самостоятельное научное направление

Science is organized knowledge.

*H. Spencer*¹

§ 1. Становление переводоведения

До недавних пор вопрос о том, является ли переводоведение самостоятельным научным направлением, был в высшей степени дискуссионным. Это объяснялось по крайней мере двумя причинами. Во-первых, с древнейших времен переводческая деятельность считалась больше искусством, чем профессией в ряду других профессий. Дело в том, что изначально овладение искусством перевода было доступно только людям в определенной степени исключительным. Чаше всего они оказывались в силу тех или иных обстоятельств в условиях, которые позволяли им овладеть в дополнение к своему родному другим, *чужим* языком. К тому же нередко они были представителями немногочисленного социального слоя, владевшего грамотой. До относительно недавнего времени переводчики были почти такими же «исключительными людьми в исключительных обстоятельствах», как писатели, художники, композиторы. Они были носителями если не особого дара, то особого искусства (не ремесла!), поскольку умели, во-первых, понять недоступные для других своих соплеменников, соотечественников и т.п. написанный текст, произнесенную речь; во-вторых — превратить непонятный набор звуков или знаков в понятные для сообщества, пользующегося их услугами, слова и фразы родного языка. Это воспринималось почти как чудо, а чудо, как известно, не поддается никакому рациональному объяснению. Следовательно, вплоть до XX в. сам собой снимался вопрос о научном изуче-

¹ Наука — это организованное знание (Г. Спенсер, *англ.*).

нии этого чуда. Никакого научного направления для изучения перевода не существовало и, казалось, существовать не могло.

Второй причиной, по которой переводоведению отказывали в самостоятельности среди других научных направлений, было следующее обстоятельство. Когда, ближе к середине XX в., стали появляться первые научные работы по теории перевода, перевод изучали прежде всего в русле лингвистических исследований. Он воспринимался как вид исключительно языковой деятельности, а переводоведение — как одно из направлений в рамках лингвистики, прикладной лингвистики, сравнительного языкознания и т.п.

Последствия восприятия языкознания и переводоведения как «близнецов-братьев» видны и по сей день. Так, серьезным заблуждением по-прежнему является убеждение многих не только неспециалистов, но даже филологов в том, что знания иностранного языка вполне достаточно для того, чтобы быть переводчиком. Это заблуждение, в свою очередь, до сих пор вредит и процессу становления профессионализма в практике перевода, и процессу подготовки будущих переводчиков, поскольку преподавание перевода нередко сводится к преподаванию иностранного языка.

В связи с этим уместно вспомнить известное и по своей сути очень верное сравнение. Утверждение, что любой человек, знающий два языка, может быть переводчиком с одного из них на другой и обратно, — равносильно утверждению, что любой человек, у которого есть обе руки, может играть на фортепиано. На самом деле как для того, чтобы играть на фортепиано, нужны специальные знания и специальное — многолетнее — практическое обучение владению инструментом, тренировка слуха, рук, пальцев и т.д., точно так же и для того, чтобы переводить, следует не только выучить один и другой языки, но и овладеть отнюдь не простой системой переводческих навыков, без которых профессиональный перевод невозможен.

Профессиональный переводчик должен знать, во-первых, языки, на которых происходит общение, во-вторых, предмет общения. Причем языки он должен знать по-переводчески, т.е. не каждый из них в отдельности, изолированно от другого, а во взаимосвязи, соответствии единиц одного языка единицам другого.

Согласно академику Л.В. Щербе (1880—1944), можно выделить два типа двуязычия: «чистое» и «смешанное». Чистое двуязычие (биллингвизм) предполагает параллельное, независимое существование двух языков в сознании индивида. Как правило, биллингвы этого типа используют два известных им языка в разных тематических сферах. Например, на одном они общаются у себя в семье, а на другом говорят на работе.

Смешанное двуязычие (билингвизм) наблюдается в тех случаях, когда два языка смешиваются в сознании использующего их человека стихийно. Какие-то понятия человеку легче выразить на одном языке, какие-то — на другом. Процесс переключения с языка на язык, как правило, неконтролируем. Итак, элементы одной языковой системы смешиваются с элементами другой языковой системы. Иными словами, налицо так называемая межъязыковая интерференция.

Это крайние случаи билингвизма. Исследователями описаны и другие, промежуточные, его типы. Наблюдения показывают, что такие билингвы — неудовлетворительные переводчики. Они либо калькируют выражения одного языка, говоря на другом, и затрудняют общение, которому должны бы способствовать, либо вовсе не могут подобрать соответствия.

Переводческий билингвизм — это особый вид билингвизма, к сожалению еще не в достаточной степени изученный. В.Н. Комиссаров (1978) называет этот тип двуязычия «упорядоченным» билингвизмом. У обладателя упорядоченного двуязычия, переводчика-профессионала, две взаимодействующие во время его переводческой деятельности языковые системы соотнесены друг с другом с помощью «взаимно эквивалентных единиц». Это и означает то, что переводчик знает исходный язык и язык перевода *по-переводчески*.

Кроме того, как сказано выше, чтобы быть переводчиком, нужно знать предмет общения, т.е. понимать, о чем в процессе общения идет речь.

Из этого можно сделать вывод, что, даже если человек знает два языка, без специальной подготовки переводчиком он быть не может.

Только во второй половине XX в. яснее стала осознаваться необходимость придания переводоведению статуса особого, самостоятельного научного направления, поскольку иначе невозможно было в полной мере описать и изучить этот вид человеческой деятельности.

Одним из первых слово «наука» (*science*) по отношению к изучению перевода употребил Ю. Найда (E. Nida), вводя это слово в название одной из своих книг «*Toward a Science of Translating*»¹ (1964).

Нельзя отрицать тот факт, что переводоведение — молодая и еще только формирующаяся научная дисциплина, на что указывает, между прочим, и то, что у нее все еще нет единого общепринятого названия. Одни называют ее, как мы, — «переводоведением» или «теорией перевода», другие — «транслатологией». В немецком, английском,

¹ Букв.: «На пути к науке о переводе» («иг»), Перевод отдельных глав этой книги см.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. 1978 (в пер. Л. Черняховской - «К науке переводить»).

французском языках также существует множество названий этой научной дисциплины [См.: Stolze. S. 10].

Возникают и другие терминологические трудности. Например, следует учитывать, что в западноевропейских странах традиционно разграничиваются перевод письменный (англ. — *translating*, нем. — *Übersetzung*) и устный (англ. — *interpreting*, нем. — *Dolmetschen*). В русском языке такого разграничения нет. Переводом называют как устно, так и письменно осуществляемый тип этой деятельности. Родовое понятие «перевод» оказывается удобным для ее обобщенного наименования, но когда принципиальным становится различие между письменным и устным видами перевода, понятие это приходится уточнять. В русском языке говорят об *устном* или *письменном* переводе.

Наоборот, отсутствие родового понятия для обозначения переводческой деятельности в некоторых языках, например в английском или немецком, независимо оттого, устно она осуществляется или письменно, заставляет ученых западноевропейских стран вводить новые термины. При этом ученые вступают в полемику. Так, известный немецкий переводовед О. Кале (O. Kade) в своих работах ввел общий термин *Translat*, покрывающий понятия *Übersetzungn Dolmetschen*. С ним согласились К. Райе (K. Reiss) и Г. Фермеер (H. Vermeer), при этом они отвергли выдвигавшееся Лейпцигской школой переводоведения¹ название *Sprachmittlung* (букв. — языковое посредничество). Свое несогласие с введением этого термина они справедливо аргументировали тем, что переводческая деятельность не сводится только к языковому (точнее, межъязыковому) посредничеству. Процесс перевода — это и межкультурное посредничество. Кроме того, переводчик — не просто посредник, механически повторяющий уже сказанное, хотя бы и на другом языке, — он включается в межъязыковое общение как такой же творчески действующий его участник, как и те, кого и для кого он переводит.

§ 2. Объект и предмет переводоведения

У любого самостоятельного научного направления как суммы знаний, собранных и обработанных научными методами, есть конкретный объект и предмет исследования, без которых нельзя говорить о полноценной научной дисциплине.

Объектом исследования в переводоведении является процесс межъязыкового вербального общения людей. При этом имеется в виду

В Лейпцигскую школу входили немецкие переводоведы О. Кале, А. Нойберт (A. Neubert), Г. Егер (G. Jäger) и др. Ученые этой школы рассматривали переводоведение как часть лингвистики и поэтому говорили о *Translationslinguistik* (лингвистике перевода).

общенис, осуществляемое главным образом на *естественных* (не искусственных) вербальных языках (не языках сигналов, жестов и т.п.). Другими словами, языки, о которых идет речь, имеют вербальную природу (в отличие от языков, возможно и естественных, но относящихся к любым другим семиотическим невербальным системам).

Принципиально также то, что имеется в виду общение между *людьми*. Переводоведение не занимается проблемами общения между животными. Оно (по крайней мере пока) не занимается и проблемами общения (с нами или между собой) представителей внесемных цивилизаций.

Важно отметить еще одну существенную характеристику межъязыкового общения как объекта переводоведения. Оно осуществляется, как правило, с помощью *переводчика* (или *перевода*). Перевод чаще всего выступает необходимым посредником в таком межъязыковом общении.

Предмет науки о переводе — это непосредственный процесс переводческой деятельности, а также результат(ы) такой деятельности — текст(ы) перевода (переводов).

Если имеется в виду межъязыковое общение с помощью переводчика в самом общем смысле, т.е. безотносительно к тому, какие языки вовлечены в такое общение, то его изучение осуществляется в рамках так называемой *общей теории перевода*.

Общая теория перевода занимается выявлением и исследованием переводческих универсалий, т.е. принципов, положенных в основу перевода с любого языка на любой. Иначе говоря, общей теорией перевода является изучение сущности, условий протекания, характерных особенностей межъязыковой коммуникации. Чаще рассматривается двуязычное общение, реже исследования по общей теории перевода затрагивают проблемы межъязыковой коммуникации, включающей в себя более двух взаимодействующих языков.

В качестве предварительного замечания добавим, что процесс переводческой деятельности охватывает не только собственно преобразование исходного сообщения в конечное. Для понимания всей сложности этого многоаспектного процесса необходимо принимать во внимание следующее: кто участвует в коммуникации, условия и ход ее осуществления, особенности исходного текста, предназначенного для перевода, и конечного продукта переводческой деятельности, а также целый ряд других факторов, о которых речь пойдет ниже.

Процесс межъязыкового общения при переводческом посредничестве как *объект* и процесс перевода как *предмет* научного исследования позволяют выделить переводоведение в самостоятельное научное направление, поскольку такая комбинация объекта и предмета не совпадает с комбинацией объекта и предмета изучения, проводимого в рам-

калюбого другого научного направления¹. Вместе с тем межъязыковое общенис. опосредованное переводом, — явление вполне определенное, наблюдаемое эмпирически; его можно изучать научными методами.

§ 3. Методы исследования в переводоведении

Еще одной важной для любого научного направления характеристикой являются методы, используемые в нем для проведения научных исследований.

В принципе, что касается переводоведения, то его методология не является чем-то исключительным, свойственным только ему. Она здесь та же, что и в любой другой научной дисциплине. Совпадают с любой другой наукой и фундаментальные цели переводоведения — объективное изучение того или иного явления действительности, а потому в основном совпадают и методологические принципы.

В переводоведении прежде всего важно взаимодействие теории и практики. Теория изучает практическую переводческую деятельность, а практика вбирает в себя достижения теоретической мысли. Цель теоретических исследований — в оптимизации практического переводческого процесса. Связь эта не всегда прямая (опять-таки, как и в любом другом научном направлении): иногда может показаться, что теория оторвалась от потребностей переводчиков-практиков и занимается умозрительными построениями. Это, однако, не так, поскольку теория даже в своей умозрительности все равно в конце концов приходит к лучшему пониманию собственного объекта и предмета исследования, благодаря чему практика в итоге получает возможность усовершенствоваться, а теория — изучать процесс перевода в новых, изменившихся условиях. И так далее. Таков приблизительно механизм взаимодействия теории и практики перевода в переводоведении.

Пожалуй, главным конкретным методом, широко распространенным в переводоведении, является сопоставительный анализ перевода или переводов с оригиналом, самих переводов друг с другом. При этом обнаруживаются сходства и различия оригинала и перевода или переводов; определяется правомерность и необходимость допущенных отклонений. Сравниваются оригинал и перевод для обнаружения либо разнотипных, либо определенного типа сходств и различий. При этом нередко применяются приемы статистических исследований.

¹ Хотя межъязыковая деятельность может служить объектом изучения в других науках (лингвистике, психологии и т.д.), она рассматривается в них с других, отличных от переводоведческой, точек зрения, т.е. при совпадении объекта изучения предметы его ⁶удут различными.

Еще одним важным методом является сопоставление непереводаемых текстов в переводимом и переводящем языках, которые иногда называются «параллельными» или «аналоговыми». Эта работа осуществляется для того, чтобы выявить соответствия между языками в тех или иных тематических и функционально-стилистических сферах, которые важно учитывать при переводе текстов данной тематики. В какой-то степени этот метод сходен с применяемым, например, в лексикографии при составлении двуязычных словарей. Однако, во-первых, не совпадают цели его применения: в переводоведении эта работа осуществляется исключительно для того, чтобы усовершенствовать процесс перевода. Часто это делается в новых областях человеческой деятельности, где лексикография не успела снабдить переводчиков соответствующими словарями или глоссариями. В лексикографии этот метод применяется для достижения целого ряда целей, а не только для того, чтобы обеспечить необходимыми словарями переводчиков. Во-вторых, метод такого сопоставления тематических сфер в двух языках применяется именно для того, чтобы устранить типичное для лексикографии отставание от реальных темпов изменения языков.

Тот же метод сопоставления непереводаемых материалов применяется и в контрастивном (сопоставительном, сравнительном) языкознании. Но опять-таки между тем, как это делается в переводоведении и в контрастивном языкознании, существуют важные различия. Прежде всего в целях: оптимизация переводческого процесса в переводоведении и изучение языков как таковых в контрастивном языкознании.

В рамках контрастивного языкознания исследования ведутся на уровне языка (*langue*), в то время как в переводоведении на первый план выходит уяснение различий или сходств двух языков на уровне речи (*parole*). Кроме того, в контрастивном языкознании сравниваются языковые единицы чаще всего одного языкового яруса. Целью сравнения в переводоведении чаще всего является обнаружение способов языкового выражения того или иного смысла, эмоции и т.п., причем сопоставляются языковые единицы не обязательно одного и того же яруса. Напомним, что главная цель такого сопоставления — оптимизация переводческого процесса.

В своей практической деятельности, как было сказано выше, переводчики часто прибегают к использованию аналоговых текстов. Переводя тексты нехудожественные, они ориентируются на тексты того же жанра в языке перевода и его культурной традиции.

В художественном переводе в качестве аналоговых текстов используются иногда тексты авторов, чей стиль имеет «черты сходства с тем произведением и тем авторским стилем, который предстоит одолеть

переводчику» [Алексеева, 2000. С. 171]). Так, переводя Флобера, полезно изучить творческую манеру Тургенева; переводя Хемингуэя — стиль Ремарка.

Н.М. Любимов, один из крупнейших отечественных переводчиков, настоятельно советовал использовать этот метод, приводя примеры из собственного переводческого опыта: «Когда я перевожу какого-нибудь автора, я всегда стараюсь найти ему некое хотя бы приблизительное соответствие в русской литературе. Это вовсе не значит, что я призываю самого себя или кого-либо "делать под", — я ишу точку опоры. Когда я переводил роман Мопассана "Милый друг", я перечитал всего Чехова. Я не "украл" у Чехова ни одного выражения. Я учился у него той сжатости, которая роднит его с Мопассаном. Когда я переводил "Коварство и любовь" Шиллера, я перечитал драмы Лермонтова и отдельные главы из "Униженных и оскорбленных", "Идиота" и "Братьев Карамазовых"».

Далее Любимов пишет, что, переводя Боккаччо, он, переводчик «Декамерона», «перечитал лирику и трагедии Сумарокова, лирику Хераскова и Богдановича, трагедии Княжнина, лирику Капниста, Муравьева, "ирои-комические" поэмы, трагедии и лирику Василия Майкова, лирику и повести Карамзина, лирику Дмитриева, Нелединского-Мелецкого, ВЛ. Пушкина, прозу и раннюю лирику Жуковского» [Любимов. С. 52—53).

Очевидно, при анализе переводов с переводоведческой точки зрения также можно использовать этот метод.

§ 4. Терминологический аппарат переводоведения

Терминосистема — важная составляющая любой научной дисциплины. В переводоведении существуют такие понятия, как «исходный язык», «переводящий язык» (бытующие в форме чаще всего нерасшифровываемых аббревиатур ИЯ и ПЯ), «переводимость»/«непереводимость»/«всепереводимость», «адекватность» и «эквивалентность», «лексико-грамматические/переводческие трансформации/приемы» и др.

Но здесь опять-таки мы сталкиваемся с тем, что выдает молодость переводоведения как научного направления. Даже самые главные термины в переводоведении, такие, как «адекватность» и «эквивалентность», «переводческие трансформации» и «переводческие приемы», по-разному определяются в разных школах и у разных переводоведов. Более того, возникают и, так сказать, объективные, языковые трудности в отношении терминологии. Мы уже говорили о русском слове «перевод», обозначающем как процесс, так и результат переводческой

деятельности и поэтому заставляющем ученых специально оговаривать, что, собственно, имеется в виду в каждом конкретном случае.

Такая ситуация сложилась не только в русском языке, но и, например, в немецком. Поэтому О. Каде ввел специальный термин *Translat*, называющий результат переводческой деятельности, поскольку в немецком языке тоже нет слов для различения перевода как процесса и как результата (см. выше).

Тем не менее переводоведение постепенно все же приходит к единообразию в терминологии, что важно для него как самостоятельного научного направления.

§ 5. Структура переводоведения

Выше уже говорилось о соотношении теории и практики в переводоведении. В этой связи следует затронуть еще один важный вопрос.

Как известно, все науки можно подразделить на теоретические, или фундаментальные, и прикладные. Разница между ними состоит как раз в соотношении теории и практики: нацеленности на достаточно отвлеченное изучение явлений окружающей действительности в теоретических дисциплинах и разработки методов решения конкретных практических задач в прикладных науках.

Традиционно переводоведение трактовалось как часть прикладной лингвистики, т.е. часть *лингвистики*, и притом *прикладной*. Как представляется, это не совсем верно. О соотношении переводоведения и лингвистики уже говорилось. Что же касается роли прикладных исследований в рамках самого переводоведения, то скажем следующее.

Дело в том, что проводимые в настоящее время переводоведческие исследования уже не сводятся только к решению чисто прикладных задач, которые ранее понимались как разработка лингвистических методов адекватного преобразования текстов в иноязычную форму. Сейчас переводоведение занимается не только узкопрактическими задачами, связанными с переводом, но и изучает наиболее общие механизмы, делающие возможной межъязыковую деятельность (посредством перевода).

Однако вряд ли можно говорить в этом смысле о различении «теории перевода» и «практики перевода», поскольку под практикой перевода понимается сам его процесс. Понятно также, что фундаментальные переводоведческие исследования ведутся в рамках теории перевода. Где же в этой дихотомии место для решения более практических (прикладных) задач, связанных с переводческой деятельностью?

Структуру переводоведения как самостоятельного научного направления можно описать следующим образом.

Общая теория перевода решает самые общие вопросы межъязыкового общения и, несомненно, относится к наукам теоретическим. В ее задачи входит изучение переводческих универсалий и создание научной концепции о сущности и особенностях любого двуязычного (многоязычного) общения, осуществляемого с помощью перевода.

Частная теория перевода и так называемая специальная его теория в большей степени занимаются как раз прикладными аспектами переводческой деятельности и в этом смысле являются, по словам В.А. Звегинцева, «эмпирическим полигоном, где проходят испытания как частные гипотезы, так и глобальные теоретические построения» [Цит. по: Баранов. С. 287).

Прикладными переводоведческими задачами следует также считать те, что связаны с обучением переводу, с разработкой различных подсобных для переводчика средств, с критикой перевода.

Когда речь идет уже не о межъязыковой коммуникации вообще, а о коммуникации в рамках конкретных пар языков, межъязыковое общение с одного определенного языка на другой изучается частными теориями перевода. Они выявляют межъязыковые соответствия и различия в этих языках, влияющие на процесс перевода. Такое сравнение в переводоведении, в отличие, например, от сравнительного языкознания делается именно с целью оптимизации межъязыкового общения, фактически означающей оптимизацию посреднического звена в этом общении — перевода. При этом частные теории перевода рассматривают перевод с конкретных языков на конкретные (пары, тройки взаимодействующих при посредстве перевода языков).

Специальная теория изучает переводческую деятельность в зависимости от условий предъявления—восприятия сообщения-оригинала и оформления перевода. В этом смысле говорят о письменном переводе, когда предъявление оригинала может быть неоднократным, а оригинал и перевод представляют собой письменные тексты, или об устном, когда предъявление оригинала однократно, а оригинал и перевод являются произносимыми текстами.

Существуют переходные формы перевода: устно-письменная и письменно-устная. В первом случае оригинал является произносимым текстом, в то время как перевод осуществляется в письменной форме. Во втором процедура перевода осуществляется наоборот: переводчик получает письменный оригинал и должен передать его в устной форме (т.н. «перевод с листа»).

Кроме того, устный перевод бывает последовательным и синхронным. Последовательный перевод — это устный перевод, при котором переводчик воспринимает, как правило, небольшие отрезки речи переводимого им человека и переводит их для адресата (адресатов) перевода.

В зависимости от протяженности переводимых отрезков устный перевод разделяют на абзачно-фразовый (АФП) и последовательный с применением переводческой записи. При АФП переводчик работает с относительно короткими речевыми отрезками оригинала и может обходиться без записей, удерживая содержание произнесенного отрезка в памяти. При последовательном переводе с записью длина звучащих отрезков оригинала заметно увеличивается, и переводчик прибегает к специальной системе письменной фиксации воспринимаемой им информации. Эта специальная система записи называется универсальной переводческой скорописью (УПС). В настоящее время не существует общепринятой УПС. Чаще всего переводчики эмпирически вырабатывают каждый — свою собственную.

Устный перевод подразделяется также в зависимости от того, осуществляется он переводчиком «в обе стороны», т.е. на двух языках, или только «в одну сторону». В первом случае речь идет о двустороннем переводе, во втором — об одностороннем.

Синхронный перевод — это перевод звучащего текста, осуществляемый переводчиком практически одновременно с оратором, речь которого он переводит. Перевод производится лишь с относительно небольшим временным сдвигом, точнее отставанием. Синхронный перевод предпочтителен на многоязычных форумах международного масштаба, поскольку позволяет значительно экономить время и усилия для обеспечения эффективной межъязыковой коммуникации.

Перевод можно классифицировать также с точки зрения тематических свойств и функционально-стилистических особенностей переводимых текстов. В этом смысле говорят об общественно-политическом, научно-техническом, художественном переводах.

В последнее время появились новые разновидности перевода, например перевод теле- и радиопередач, дублирование кинофильмов, перевод рекламы. Еще не вполне ясно, каково место этих разновидностей перевода в общей его классификации.

Наконец, перевод может быть «естественным» или машинным в зависимости от того, кто (или что) выступает в роли переводчика — человек или машина.

К сожалению, в настоящее время не существует единства в классификационной, типологической терминологии перевода. То, что у одних переводоведов называется видом, у других может называться, на-

пример, формой, что вносит определенную путаницу и в без того сложную научную полемику.

Таким образом, переводоведение как теоретическая, фундаментальная научная дисциплина изучает межъязыковое общение, максимально абстрагируясь от прикладных задач его обеспечения в конкретных условиях осуществления переводческой деятельности и в конкретных парах (тройках и т.д.) языков. Последнее входит в круг задач переводоведения как прикладного научного направления.

Следует еще раз подчеркнуть, такое разделение не означает, что обе ветви переводоведения — теоретическая и прикладная — никак не взаимодействуют. Наоборот, связь между ними самая тесная.

Ради полноты освещения темы классификации переводоведения в статусе самостоятельного научного направления следует еще добавить, что некоторые ученые-переводоведы предлагали иные способы классификации перевода. Например, А. Людсканов, рассматривая переводоведение как особую ветвь семиотики, считал возможным включить в классификацию перевода еще универсальную теорию, которая бы изучала семиотические его свойства.

Р. Якобсон предлагал трехчленную классификацию перевода, опять-таки с учетом семиотических исследований. В своей статье «On Linguistic Aspects of Translation*» он дал всеобъемлющее семиотическое определение перевода, указав на возможность выделения следующих трех его типов: 1) внутриязыковой перевод, или переформулирование (*rewording*); 2) межъязыковой, или собственно перевод; 3) межсемиотический перевод, или трансмутация (*transmutation*) [Jakobson, 2000. P. 114].

Первый тип перевода лучше всего изучен с точки зрения семантических соответствий между элементами перевода-переформулирования. Второй активно изучается с точки зрения переводоведения. Но, конечно, ни тот ни другой подходы не заменяют семиотической интерпретации этих явлений, хотя эта последняя, безусловно, должна учитывать то, что было достигнуто в рамках до- и внесемиотических исследований.

С третьим типом перевода, согласно классификации Якобсона, дело обстоит в корне иначе. Если первые два можно изучать, ограничиваясь лишь языковой сферой исследования, т.е. в рамках лингвистики, то третий — исключительно *семиотически*. Никакая отдельно взятая семиотическая система не может стать опорной для такого рода исследований. Причина очевидна: при третьем типе перевода мы всегда имеем дело по крайней мере с двумя семиотическими системами.

Классификация перевода важна, поскольку правильное решение проблемы его типологии позволит эффективно решать задачу научно-

теоретического освещения целого ряда важных проблем как теоретического переводоведения, так и переводоведения прикладного. И наоборот, наличие научно обоснованной классификации перевода, его форм, видов, жанров и т.д. и т.п. служит признаком высокого теоретико-практического уровня развития переводоведения как самостоятельного научного направления [См.: Лилова. С. 223 sq.].

Вопросы и задания

1. Почему переводоведение было признано самостоятельным научным направлением лишь относительно недавно? Назовите причины.
2. Почему изучение перевода часто отождествляют с лингвистическими исследованиями?
3. В чем основное отличие переводческого билингвизма от других его видов?
4. В чем проявляется молодость переводоведения как самостоятельной научной дисциплины? Приведите примеры.
5. Что является объектом и предметом переводоведческих исследований?
6. Какие методы используются для изучения перевода?
7. Опишите структуру переводоведения как научной дисциплины.

Глава 3

Соотношение переводческой деятельности и переводоведения

Работаю с неслыханной охотою
Я только потому над переводами,
Что переводы кажутся пехотою,
Взрывающей валы между народами.

Б. Слуцкий

Перевод как деятельность уходит корнями в далекое прошлое. Наука же о переводе — явление относительно молодое.

Переводческая деятельность — пожалуй, один из древнейших видов деятельности человека. Можно по-разному датировать момент зарождения перевода, но следует признать бесспорным то, что отправным моментом для появления переводческой деятельности стала необходимость общения между различными, говорившими на разных языках сообществами людей.

Если верить Библии, такая необходимость появилась после того, как Бог разрушил Вавилонскую башню и «смешал язык» строивших ее людей. Как следствие появилось множество народов, говоривших уже на разных языках.

Вот как это описано в Библии:

На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. **И** сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. **И** стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. **И** сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. **И** сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. **И** сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. **И** рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (**Быт. 11: 1–9**).

Общение между различными языковыми сообществами охватывало широчайший спектр их жизни: это и политико-экономические сношения (прежде всего, очевидно, торговля), и культурный обмен, и выяснение отношений дипломатическим путем или в ходе каких-то военных столкновений и т.д. и т.п.

Важную роль в развитии межнациональных, опосредованных переводческой деятельностью связей в разные времена играли большие города или, ползуясь современным языком, мегаполисы. Такими городами были Александрия в Египте, Рим, Иерусалим, Константинополь, Самарканд и многие другие. В них, как правило, по экономико-политическим причинам поселялись представители различных народностей. Многоязычная атмосфера общения всех со всеми, разнонаправленные взаимовлияния создавали «тепличные» условия для межкультурных контактов буквально на всех уровнях и практически во всех сферах общения.

Понятно, что часто для обеспечения межъязыкового, т.е. преодолевающего барьер различия языков (и культур в широком смысле слова), общения, для обслуживания важных языковых контактов (особенно на официальных уровнях) требовались специальные посредники, люди, которые владели бы обоими вступающими во взаимодействие языками. И они не замедлили появиться. Сохранились свидетельства о такого рода деятельности на самых ранних этапах истории человечества.

§ 1. Краткий обзор истории переводческой деятельности

Одни из старейших свидетельств переводческой деятельности обнаружены в городищах Месопотамии. Так, в храмовом архиве Шуруппака, относящемся к Раннединастическому периоду (2615–2500 гг. до н.э.), появляются своеобразные шумеро-аккадские двуязычные «словари» — глиняные таблички с начертанными на них списками слов на двух или трех языках. — убедительно свидетельствующие о некой переводческой деятельности, без которой невозможна была бы «лексикографическая» работа.

В Аккаде начиная примерно со 2-го тысячелетия до н.э. ученики в специальных образовательных учреждениях (э-дубах, «домах табличек»), помимо того, что упражнялись в знании шумерского языка, еще переводили с аккадского на шумерский и обратно, о чем свидетельствуют найденные во время раскопок двуязычные таблички учебного характера.

В школьную программу кроме того входило овладение особым «женским» языком эме-сальв, который употреблялся в письменности для изложения речи богинь и женщин. Эме-сальв можно поэтому на-

звать особым языком литературных текстов. Для овладения эме-саль ученики должны были выучивать специальные трехязычные шумеро-эме-саль-аккадские «словари». Существовали и другие «словари»: аккадско-хеттские, шумеро-аккадско-хеттские, аккадско-кассидские [См.: От глиняной таблички — к университету].

Таким образом, уже во времена шумеро-аккадской цивилизации, на заре возникновения письменности, мы обнаруживаем свидетельства и первые образцы текстов, отражающих активную переводческую деятельность, которая охватывала сферу административно-государственную, научную, но, видимо, преобладали все-таки переводы текстов религиозного характера. При этом, как мы видели, к переводческой деятельности специально готовили, ей специально обучали.

О переводческой деятельности в Древнем Египте свидетельствуют такие документы, как иероглифическая «Надпись Уни», высеченная на каменной плите в некрополе города Абидоса. Приведем ее фрагмент.

Правитель Южного Египта, блюститель Нехена и Нехебена¹, наделенный властью, единственный друг царя², чтимый Осирисом, властителем западных³, Уни. Так говорит он: «Завязал я повязку⁴ в царствование его величества Тети⁵, и назначили меня смотрителем житницы и надзирателем хентиуше⁶ и главным жрецом-чтецом⁷ при дворе его величества Пепи⁸. И даровал мне его величество звание друга и поставил меня надзирателем за жрецами города при пирамиде своей. <...> Назначил меня его величество судьей в Нехен, ибо было сердце его благосклоннее ко мне, чем к другим слугам[^] его. <...> И вот стал я судьей при Нехене. Даровал мне его величество звание единственного друга, начальника хентиуше. <...> Я исполнял работу писца <...> И вот вознамерился его величество выслать войнство свое против азиатов, жителей песков. <...> И поставил меня его величество во главе войска этого и начальником его, царских казначеев, единственных друзей царя, правителей областей Юга и Севера, друзей ца-

¹ Резиденции древних правителей Египта.

² Придворный титул сановника.

³ Т.е. запада, который, согласно верованиям древних египтян, был страной усопших.

⁴ г

і.с. достиг зрелости.

* Тети II (VI династия, сер. XXV в. до н.э.).

Арендатором земель фараона.

⁷ Жрец-чтец, или *херихеф* («букв. — обладающий праздничным свитком папируса»), чи- заклинания во время ритуальных церемоний, в особенности в заупокойном культе.

⁸ Пепи I (VI династия).

Древнеегипетское слово *баку* переводится как *рабы*.

ря, начальником переводчиков, начальником жрецов Юга и Севера, управителей, возглавлявших отряды Юга и Севера, и отряды храмов и городов, которыми они ведали, и отряды нубийцев стран этих. <...> Я занимал тогда должности [...] все» (Перев. **М.А. Коростовцева**).

Как видим, вельможа Уни, кроме многочисленных своих должностей при дворе фараона, с которыми он преуспешно справлялся, что неоднократно подчеркивает в этой надписи, говорит также о том, что был «начальником переводчиков».

Благодаря одному из древнеегипетских рельефов XXV в. до н.э., найденному в Мемфисе, мы знаем о социальном статусе переводчика в Древнем Египте и о том, как осуществлялось его служение. Переводчик выступал посредником между вельможей и «иностранцами». Вельможа говорил от имени фараона. Переводчик доносил слова вельможи до иноплеменников или, наоборот, слова иноплеменников — до вельможи. При этом переводчик изображен в двоякой роли — слушателя и говорящего, и размер его изображения меньше и вельможи, и даже иноплеменников. Это показывает, что переводчик имел статус слуги, а точнее, как мы видим из надписи Уни, — раба.

Греко-римская цивилизация — это эпоха в истории перевода, когда, во-первых, в полной мере осознается просветительский потенциал перевода, а во-вторых, впервые формулируются некоторые основополагающие его принципы. Фактически с осуществленного в 240 г. до н.э. Ливием Андроником перевода гомеровской «Одиссеи» началась эпоха активной переводческой деятельности в Древнем Риме, связанной с усвоением богатейшего наследия древнегреческой литературы. Перевод осознавался как действенный способ обогащения культуры молодого государства.

Просветительская функция перевода будет реализовываться не раз в последующей (и не только античной) истории. Фактически на ранних этапах развития любого народа, точнее его культуры, как правило, превагирует не собственная, а переводная литература [Мкртчян. С. 9].

Что же касается принципов перевода, сформулированных греко-римской цивилизацией (пусть еще в самых общих чертах), то некоторые из них не утратили своей актуальности до сих пор. Так, именно со времен Античности утвердилось противопоставление двух типов перевода — буквального и вольного.

Еще одним достижением Античности в области перевода следует признать возросший статус и самой переводческой деятельности, и тех, кто ею занимался. Не случайно, в отличие от имен безликих «маленьких» египетских переводчиков, изображавшихся на плитах и ре-

льфах и терявшихся на фоне вельмож и фараонов, имена крупнейших римских переводчиков нам известны доподлинно: это Теренций, Цицерон, Гораций, Вергилий, Иероним и др. Характерно также то, что большинство из них сами были известными авторами, во многом усвоившими древнегреческий литературный опыт, с которым они познакомились в немалой степени именно благодаря своей переводческой деятельности.

С тех пор процесс вывода переводчика и его профессии из «тени», пусть и не всегда одинаково успешно (особенно в Средние века, когда многие монахи-переводчики в монастырях так и остались неизвестными), фактически повторив судьбу своих древнеегипетских коллег), но все же неотвратимо набирает силу.

Следует еще раз подчеркнуть, что начиная с Античности перевод становится посредником между цивилизациями. Около 300 г. до н.э. город Александрия стала центром эллинизма и посредником между Европой, Ближним и Средним Востоком, а также Индией. Именно там осуществлен, по преданию, знаменитый греческий перевод Ветхого Завета, известный как «перевод семидесяти» (Септуагинта).

Позже, в IX—X вв., эта тенденция межцивилизационного посредничества продолжится, когда посредником между древнегреческой и нарождающейся исламской цивилизацией выступит переводческая школа в Багдаде. Затем, уже в XII и XIII вв., в Толедо, в Испании, переводятся те же арабские переводы порой утраченных древнегреческих источников на латинский и испанский языки. В эту эпоху в основном переводились трактаты по медицине, математике, астрономии и астрологии. Между прочим, благодаря этому посредничеству Европа вновь обретает Аристотеля. Это, бесспорно, сыграло не последнюю роль и в распространении идей, ставших основой следующей великой эпохи в истории европейской цивилизации — Возрождения.

Действительно, революционные для своей эпохи открытия Николая Коперника (1473—1543) в астрономии и Андреаса Везалия (1516—1564) в биологии и медицине стали возможными во многом благодаря переводам сочинений их античных коллег Клавдия Птолемея (ок. 87—165 н.э.) и Клавдия Галена (ок. 130 — ок. 200) с арабских переводов, сделанных, в свою очередь, с древнегреческих оригиналов.

Так, Коперник познакомился с идеями Птолемея по книге немца Иоганна Мюллера, вышедшей в конце XV в. и фактически излагавшей геоцентрическое учение о строении Вселенной учителя самого Мюллера — Г. Пейербаха, почерпнувшего свои идеи из «Альмагеста», главного труда Птолемея. В своем сочинении Пейербах опирался на латинский перевод «Альмагеста», осуществленный еще в XII в. Герар-

до Крмонским с арабского текста. Дело в том, что в Европу «Альмагест» попал через арабскую Испанию за два века до того, но долгое время оставался непереуведенным, и поэтому с X по XII в. ученые были вынуждены пользоваться арабским переводом этой базовой для многочисленных астрономических исследований того времени книги. Только в 1175 г. Герардо Крмонский наконец переводит «Альмагест» на латынь.

Похожий и не менее долгий и витиеватый путь проделали работы Галена, прежде чем попали в руки Везалия и его современников.

Начиная с Ренессанса мы уже «в лицо» знаем ярчайших переводчиков Европы (хотя в большинстве своем опять-таки не только переводчиков), таких, как Мартин Лютер, Уильям Тиндейл, Этьен Доле и др.

Перевод в эпоху Просвещения (XVII—XVIII вв.), в XIX и, конечно, в XX в. активизируется еще больше. При этом тематика переводимых текстов, можно сказать без преувеличения, доводится до всего круга возможных тем и становится равной всему объему доступных человеку сфер деятельности.

Несравнимо более активными и многосторонними (в смысле числа участвующих в общении сторон) становятся международные контакты, охватывающие буквально весь мир. Международные конференции, симпозиумы, форумы стали обычным явлением в XX в., что, естественно, имело следствием возросшую интенсивность деятельности переводчиков, людей, во многом обеспечивающих работу этих многонациональных мероприятий.

Профессия переводчика из рабской, прислужнической выросла в престижный и уважаемый труд. К тому же сейчас все яснее осознается тот факт, что в наше время, когда в непосредственный контакт вступают не просто разные языки, но и разные, по некоторым вопросам стоящие на диаметрально противоположных позициях культуры, более того, цивилизации, — переводчики становятся не просто посредниками межъязыкового общения, но и общения межкультурного.

§ 2. Перевод и литературные контакты

Переводческая деятельность всегда была неотъемлемым условием так называемых «литературных контактов», т.е. всех видов и форм «перехода литературных явлений, возникших у одних народов, к другим народам» [Берков. С. 38].

Не следует думать, что всегда и везде, у всех народов и на всех этапах истории человечества единственной причиной появления контактов культурных вообще и литературных в частности были исклю-

чительно экономические и политические сношения. Скорее это была одна, но не единственная сторона таких отношений.

Литературные контакты осуществлялись и на других уровнях. Например, весьма продуктивным всегда был обмен различного рода фольклорными формами. Один народ усваивал сказочные сюжеты другого, его пословицы, поговорки, сюжеты героического эпоса. Таков первый этап литературных контактов [См. там же. С. 48 sq.]. На этом этапе перевод осуществлялся, видимо, более на бытовом и индивидуальном уровне, когда общаются два или несколько представителей двух этносов и при этом либо вообще обходятся без переводчика, если один из собеседников билингв, либо их переводчик вовсе не претендует на роль профессионала.

После возникновения письменности у культурных народов начинает формироваться свое «литературное наследие». Более того, у некоторых социальных групп появилась необходимость хорошо знать это литературное наследие и передавать его из поколения в поколение. Так было в Древнем Египте, Месопотамии, Китае, Иудее, Индии, в Древней Греции и Древнем Риме. Вообще литературное наследие в древности имело исключительно или преимущественно религиозный характер.

На этом, втором, этапе возникает потребность в более высоких формах литературных контактов. Если литературный контакт осуществлялся на религиозной почве, то выполнялись, например, переводы произведений религиозной литературы. Так появились переводы Библии (Ветхого Завета) с древнееврейского языка на греческий (уже упоминавшаяся Септуагинта) или манускрипты сирийской Пешитты и латинской Вульгаты, древние переводы Священного Писания на сирийский, коптский, латинский, армянский, грузинский, эфиопский и другие языки.

Что касается Библии, существуют даже особые компиляции различных версий оригинала, так называемые полиглоты, которые позволяли сопоставлять оригинал Писания и его переводы, главным образом созданные в течение первой тысячи лет распространения оригинала. Например, Комплютенский полиглот (1522), который использовал еще Эразм Роттердамский, когда создавал свое критическое издание Нового Завета, представлял собой Библию с параллельными колонками текста Ветхого Завета на древнееврейском, древнегреческом (Септуагинта), латинском (Вульгата) языках наряду с арамейскими таргумами (арамейским переводом Пятикнижия) с их переводами на латынь.

И это не было исключительным в своем роде изданием. Одним из наиболее авторитетных полиглотов считается так называемая *Biblia*

Regia, или Антверпенский полиглот (1569—1572), а наиболее объемных — Лондонский полиглот, еще называемый Londoninesis или полиглот Уолтона (Waltonian. 1657) по имени его составителя Брайана Уолтона (Brian Walton). В шести томах этого полиглота собраны тексты на девяти языках (древнееврейском, самаритянском, арамейском, древнегреческом, латинском, эфиопском, сирийском, арабском и персидском).

Первым же известным изданием типа полиглота можно считать собрание текстов Оригена Александрийского «Hexapla», созданное еще в 245 г. н.э. Целью «Hexapla» (что в переводе с древнегреческого значит «состоящее из шести частей», поскольку в одной книге содержалось шесть переводов) было предоставление твердого основания для споров христиан с раввинами, для которых единственным авторитетом был древнееврейский текст Священного Писания.

Контакт с другим народом (или в его лице — с целой цивилизацией) осуществлялся не обязательно на религиозной почве. Уже упоминался перевод Ливия Андроника гомеровской «Одиссеи». Этот перевод — следствие стремления молодого еще древнеримского государства вообрать в себя все лучшее от культуры Древней Греции. То же позже проделал в «Энеиде» Вергилий, но не в переводе, а в оригинальном сочинении.

На этом этапе речь уже идет, безусловно, о почти профессиональном переводе, переводе высокого уровня, несравнимого с тем, что мы видели на первом этапе.

В итоге таких межкультурных контактов образовалась своеобразная общечеловеческая «копилка», общечеловеческое наследие. Сегодня любой культурный и образованный человек должен познакомиться не только с культурным наследием своего народа, но и с наследием общечеловеческим. Соответственно, существенно изменяется понятие «мы», по крайней мере у европейских народов и народов таких стран, как США и Канада. Это «мы» включает в себя уже представителей не только одного народа или этноса, а раскрывается для гораздо более широкого круга народов, объединенных значительным по своему объему общим культурно-историческим наследием. В этом смысле мы говорим сегодня о европейской или западноевропейской цивилизации. И когда в сферу «осознания» одного народа—представителя этой цивилизации вводится некое культурное явление, оно попадает в рамки всей этой цивилизации.

Так было, когда мадам Жермена де Сталь (Stael) «открыла» Францию и — Европе немецкую литературу, когда немцы открыли Европе во второй половине XVIII в. Шекспира, когда Мельхиор де Воюэ (Vogue) познакомил французов конца XIX в., а через них и ряд других

народов Западной Европы, с русским реалистическим романом. Знакомство с культурными достижениями других народов, конечно, в значительной мере влияло на принимающие культуры, стимулировало их литературное развитие, обогащение.

На этом этапе опять-таки перевод играл важнейшую роль посредника в таких контактах. Без профессионального, высочайшего уровня перевода не могло быть и речи о полноценном знакомстве одного народа с культурой и литературой другого.

§ 3. Перевод в России

Перевод на Руси с IX в. до начала XVIII в.

В России, как и в случае с любой страной, очень трудно обозначить конкретную начальную точку зарождения переводческой деятельности. Она появилась с формированием древнерусского национального сообщества, которое стало осознавать себя как нечто обособленное, выделенное и в этом смысле противопоставленное другим национальным сообществам.

Переводческая деятельность обслуживала экономические и политические контакты вновь образовавшегося социума. Так, Древняя Русь вела активную торговлю с Византией. В Вертинских анналах под 839 г. говорится о посольстве византийского императора Феофила к императору Людовику I Благочестивому: «Послал он (т.е. византийский император) с ними (византийскими послами) также несколько (людей), которые говорили, что их зовут *рос* (*Rhos*), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (*Chacanus*), отправил к нему (византийскому императору) ради дружбы» [цит. по: Водовозов. С. 5].

Имеется немало свидетельств о военных походах Древней Руси, в том числе против той же Византии.

Константинопольский патриарх Фотий в 866 г. сообщает о нашествии на Византию народа *рыс*, (*рос*). По словам Фотия, *рыс*, — это большой и всем известный народ, покоривший многих своих соседей.

Русь заключала договоры, по которым русским купцам разрешалось торговать в Константинополе. Так, дошедший до нас один из таких договоров 912 г. ссылается на существовавшие прежние подобного рода соглашения, на существовавшую «от многих лет меж христиан (т.е. греками) и Русью бывшую любовь» [См. там же. С. 6].

Русь имела сношения и с другими своими соседями. В «Истории Табаристана» повествуется о походах русов в 880, 909 и 910 гг. на Абесгун, Макале, Сари, Далеиман и Гилян. Арабский писатель Аль-Масуди пишет о пребывании русов в Каспийском море в начале X в.

Хотя свидетельств о переводческой деятельности русов практически не сохранилось, нетрудно предположить, что она была, и весьма активной. В своей книге «Поэтика древнерусской литературы» Д.С. Лихачев пишет о том, что в Древней Руси существовали переводы и с греческого языка, и с латинского, и с древнееврейского, а также с новых для того времени европейских языков: с немецкого, чешского, польского и др. На Руси были известны произведения, созданные в Болгарии, Македонии, Сербии. Позже появились переводы с языков народов Азии.

Мощным толчком для развития культурных и политических связей с Византией, которые необычайно обогатили культуру Древней Руси и определили пути ее развития на многие века — можно даже сказать, вплоть до настоящего времени, — стало, конечно же, принятие христианства на Руси в конце X в. (988). После этого важнейшего для истории Руси события активнейшим образом стала переводиться христианская литература. Благодаря ей русские люди познакомились с новыми нормами морали и нравственности, значительно расширился их кругозор; они получили доступ к многим новым источникам исторической и географической информации.

В первую очередь на Руси были переведены книги Ветхого и Нового Заветов Священного Писания. Содержание Библии было прочно усвоено всеми христианскими народами Европы: библейские истины и нравственные нормы во многом сформировали всю европейскую цивилизацию. Не стала исключением и Россия.

Кроме библейских книг, широкое распространение на Руси получили переводы византийских апокрифов (т.е. «тайных», «сокровенных» книг). Апокрифы излагали не принятые официальным учением церкви повествования о жизни Иисуса Христа. Церковью составлялись их списки (индексы), в которых они объявлялись «ложными» и «отреченными».

Важную роль в утверждении христианства на Руси играла агиографическая литература, излагавшая «жизнеописания» христианских святых.

Переводная литература на Руси была по-настоящему богата. Кроме религиозной, значительную часть в ней составляла историческая и естественно-научная литература Средневековья. С XI в. стали известны византийские хроники, в частности хроника Иоанна Малалы Антиохийского (VI в.) и хроника Георгия Амартола (Грешника), автора IX в. Большой популярностью пользовалась вторая, доходившая до 864 г. Позже она была дополнена материалами из хроники Симеона Лагофета (и доведена до 948 г.). На основе этих хроник на Руси были созданы две редакции так называемого «Еллинского и римского летописца» (XI—XII и XIII вв. соответственно).

Естественно-научное направление в переводных книгах, имевших в этот период хождение на Руси, было представлено «Шестодневами» и «Физиологом».

В «Шестодневах» рассказывалось более подробно, чем в Библии, о сотворении Богом мира за шесть дней. Благодаря этим книгам читатели познакомились с природой и фауной неведомых для них земель. Надо заметить, правда, что реальное в этих книгах переплеталось с фантастическим. В «Физиологе» опять-таки в соответствии с христианским средневековым мировоззрением давались сведения об окружающем мире. Об устройстве Вселенной древнерусский читатель узнавал из «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова («плователя в Индию»), автора VI в. из Александрии. Ее особую ценность составляли рассказы о животном и растительном мире Индии.

Кроме перечисленных книг, к естественно-научному (условно говоря) кругу литературы принадлежали также «Физика» Аристотеля, «Космография» Меркатора, книги по зоологии, астрономии таких авторов, как Улисс Алдрованди, Везалий и др. Эти произведения были переведены в XVII в. В отличие от ранее переведившихся, эти книги уже в гораздо меньшей степени насыщены фантастикой, более свойственной художественной литературе, чем собственно научной. Сведения, сообщаемые в этих книгах, уже не смешиваются с вымышленными историями и рассказами о несуществующем. В этом смысле они гораздо более «научны».

Широкое распространение в Древней Руси получили различные сборники переводных нравоучительных изречений, афоризмов и максим, взятых либо из Библии, либо из сочинений античных авторов. Эти сборники носили название «Пчелы», поскольку, как пчелы, собирали мед — только словесный.

Известны были на Руси и переводы произведений светской византийской литературы. Так, весьма популярной была повесть «Александрия», представлявшая собой жизнеописание знаменитого полководца Древнего мира Александра Македонского. Повестью, отличавшейся занимательным сюжетом и обилием фантастики, зачитывались не только на Руси, но и в других странах средневековой Европы.

Столь же популярной в Древней Руси была византийская поэма X в. о Дигенисе Акрите. В русском переводе она называлась «Девгеново деяние». Прозвище Дигениса «акритос» переводится как «непобедимый». Он был одним из воинов, оберегавших границы Византии от набегов мусульман. Образ этот настолько полюбился русским читателям, что вошел в русский фольклор как «Аника-воин».

В целом, характеризуя переводческую деятельность на Руси от периода становления государственности до XVII в., следует сказать еще, что переводчики пытались либо максимально приблизить читателя к оригиналу, либо, наоборот, оригинал адаптировать к вкусам и понятиям потенциального читателя. Первая тенденция прослеживается прежде всего в переводах Священного Писания, где отход от оригинала, вольное обращение с ним не допускались ни в коем случае. Вторая свойственна переводам светской литературы. При этом переводчики фактически смотрели на текст как на свою собственность. Они могли изменить по своему усмотрению даже содержание оригинала. Общеизвестной практикой было дополнение оригиналов вставками из других тематически близких сочинений, собственными (переводчика) пояснениями и т.п.¹ Сам же переводчик остается безмянным на всем протяжении средневековой истории русского перевода. Со времен Киевской Руси и Московской Руси не сохранилось практически никаких критических или иных суждений о переводе, не говоря уже о свидетельствах теоретического осмысления этой деятельности. Совершенно очевидно, статус переводчика и его труда носят все тот же, что и в других странах аналогичного периода, характер неопределенности; общество пользовалось трудом переводчика, не задумываясь, кто он и как осуществляет свой труд².

Перевод в России в XVIII в.

Начиная с XVIII в. картина существенно меняется. Это видно уже хотя бы на примере нашего великого реформатора Петра I и требований, которые он предъявил к переводу. В соответствии с ними переводчик должен был полно и ясно передавать содержание на русском языке книг по различным полезным знаниям, делать переводы «внят-

¹ В принципе, говоря о ранних этапах развития тех или иных национальных литератур вообще и русской литературы в частности, не следует забывать, что разделение всего литературного корпуса на «свое» и «чужое», переводное, появляется гораздо позже. Понимание различия между «своими» произведениями и переводными, принадлежащими к «иностранному литературам», — один из признаков зрелости той или иной национальной литературы.

² Редчайшими исключениями из этого правила являются, например, поэт и переводчик XVII в. Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, 1629—1680) и Авраам Фирсов, в 1863 г. переведший Псалтырь. Остались некоторые свидетельства переводческой политики С. Полоцкого. Так, он отстаивал свое право переводить «во исполнение разума», т.е. не дословно, а с учетом особенностей родного языка. Кроме того, он стремился донести до читателя перевода эстетический потенциал оригинала. Его перевод «Псалтыри рифмовторной», по его словам, должен не только сообщать читателю содержание оригинала, но и воздействовать на него эстетически. (См.: Прокопович. С. 39-40).

но и хорошим штилем», избегать употребления «высоких слов славянских» ради ясности «сенса» (смысла). Конечно, из наших царей обратить свой взор к переводу мог, пожалуй, только такой просвещенный монарх, каким был Петр Великий.

Как видим, Петр переносит обсуждение вопросов о переводе в сферу сугубо практическую. Перевод был осознан им как мощное средство, способствующее решению стоявшей перед русским обществом того времени задачи усвоения всего лучшего из созданного западноевропейской цивилизацией. Отсюда такое внимание к переводу. Благодаря переводу русский читатель узнал о таких важнейших событиях современного ему мира, как открытие Америки. В 1710 г. по приказу Петра был переведен голландский трактат по географии, в котором говорилось среди прочего и об открытии Америки и рассказывалось о том, почему она так была названа. А в 1719 г., и опять-таки по приказу Петра, была переведена книга немца Иоганна Гюбнера «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии», в которой тоже сообщалось об открытой земле.

Вряд ли можно говорить о преемственности в переводческих традициях всего предшествующего периода и XVIII в. «В той же мере трудно говорить о непосредственном продолжении традиций античных авторов-переводчиков применительно к переводной литературе европейского Возрождения в западных странах (при всем внимании того времени к античности)...» [Топер. С. 53].

В этот период российской истории язык церковной письменности постепенно заменяется русским литературным языком. Последний фактически создается заново. И выдающуюся роль в этом играют переводчики. Именно из-под их пера выходит то, что послужит мощным фундаментом для ломоносовской языковой реформы, от которой недалеко уже было и до новаторства Н.М. Карамзина (1737—1794) и А.С. Пушкина (1799—1837). Затем работа переводчиков возвышается до творческого в полном смысле этого слова преобразования русского языка.

Переводческая деятельность становится подлинной художественной лабораторией, где изучаются достижения литератур других стран и делаются попытки применить эти достижения к русскому языку. Не случайно русская литература этого времени с готовностью откликается на все новое, что появляется в западноевропейской. Это прекрасно выражено в следующих словах Пушкина: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство, в

смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь». К переводу обращаются лучшие национальные литературные силы. Одним из виднейших литераторов и самых интересных переводчиков первой трети уже XIX в. был, например, В.А. Жуковский. На его выдающийся вклад в развитие русского перевода и русской литературы недвусмысленно указывает тот же Пушкин: «Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводной слог его останется всегда образцовым». Или: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его (Жуковского). В боренных с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать, но он, как Voss, гений перевода».

Характерно, что уже в середине XVIII в. в своих ставших хрестоматийными словах о богатстве русского языка М.В. Ломоносов (1711 — 1765) сравнивает его с другими языками, показывает его величие словно бы с переводческой точки зрения: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностью мест, иде он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольством велик перед всеми в Европе. Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на русском языке». Конечно, в этих словах ощущается стремление относительно молодой литературной традиции самоутвердиться, и все же главное не в этом. Главное в том, что русский язык выходит на новый для себя уровень. И не в последнюю очередь именно благодаря переводу.

И сам Ломоносов выступал в роли переводчика, хотя его переводы были по большей части переложениями, что, впрочем, вписывалось в переводческую практику XVIII в. В частности, он перелагал Псалмы и другие библейские тексты.

Традиция переложения псалмов ведет свою историю от «Псалтыри рифмотворной» С. Полоцкого (1678). В XVIII в. псалмы перелагали, помимо Ломоносова, В.К. Тредиаковский (у него есть полное переложение Псалтыри), А.П. Сумароков, И.Ф. Богданович, М.М. Херасков,

Г.Р. Державин. Эта традиция будет продолжена переводами Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Она не исчезнет до конца XIX в.: переложения псалмов встречаются у К.А. Фофанова и К.Д. Балмонта.

В переводах с древнегреческого, латинского, французского и итальянского языков у А.Д. Кантемира (1709—1744) совершенно очевидна экспериментальность, о которой говорилось выше, стремление обогатить за счет переводческих опытов русский язык и русскую словесность. В предисловии к переведенным им «Писвмам» Горация он, в частности, так объясняет свой подход к этим переводам: «Для того и я, желая дать на нашем языке опыт перевода латинских стихотворцев, чаял, что не мог бы сыскать лучшего... Перевел я те "Письма" на стихи без рифм, чтоб по-близку держаться первоначального, от которого нужда рифмы часто понудила бы меня гораздо отдаляться. Ведаю, что такие стихи иным стихами, за тем недостатком рифмы, не покажутся; но ежели они изволят прилежно примечать, найдут в них некое мерное согласие и некий приятный звон, который, надеюся, докажет, что в сочинении стихов наших можно и без рифмы обойтись... В многих местах я предпочел переводить Горация слово от слова, хотя сам чувствовал, что принужден был к тому употребить или слова, или образы речения новые и потому не вовсе вразумительные читателю, в латинском языке неискусному. Поступок тот тем извиняю, что я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать на русском языке "Письма" Горациевы, по-латински не умея; но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь. Да еще и другая польза от того произойдет, ежели напоследок те новые слова и речения в обыкновение войдут, понеже чрез то обогатится язык наш, который конец в переводе книг забывать не должно».

Кантемир смело обогащал русский язык своего времени, изобретая русские соответствия иностранным словам переводимых им оригиналов. Так он поступал, переводя и уже упомянутые «Письма» Горация, и трактат Фонтенеля «Разговоры о множестве миров».

Велики заслуги перед историей перевода в России и В.К. Тредиаковского (1703—1769). Он работал с оригиналами на латинском, французском, немецком и итальянском языках. К требованию Петра I о полноте и ясности передаваемого содержания на другом языке он добавляет требование сохранять в переводе и «пиитическую осанку», т.е. художественные свойства оригинала.

Тредиаковский полемизирует с французской традицией переводить поэзию прозой и даже переводит прозаический роман Фенелона «Приключения Телемаха, сына Улисса» (1699), разрабатывая пути пе-

реноса на русскую почву гексаметра. Кстати, именно его усилия окажутся плодотворными для дальнейшего развития русского гексаметра. Недаром А.Н. Радищев (1749—1802) положительно отзывался о роли Тредиаковского в развитии русского гексаметра. Радищев вообще ратовал за большую смелость русскоязычных переводческих опытов, в частности говоря в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» о том, что если бы Ломоносов и другие переводчики переводили иностранные стихи не только ямбами, то «российское стихотворство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы».

Для перевода того времени характерны так называемые исправительные переводы. Это было свойственно и Тредиаковскому, о чем он писал сам, например объясняя принципы своего перевода комедии Теренция «Евнух», и его младшим современникам, одним из которых был В. И. Лукин (1737—1794). Лукин довольно резонно говорит о необходимости в большей степени приближать переводимые французские комедии к русским нравам, русскому быту, делать их в этом смысле более понятными русской читательской аудитории.

Хотя согласно современным критериям оценки перевода такие переделки иной раз кажутся весьма вольными и даже чрезмерными, надо сказать, что благодаря им выкристаллизовывалась русскоязычная драматургическая манера, подхваченная и развитая впоследствии среди прочих Д.И. Фонвизиным (1744 или 1745—1792), а еще позже А.С. Грибоедовым (1790 или 1795—1829) и Н.В. Гоголем (1809-1852).

Значительным переводчиком-просветителем выступил Н.М. Карамзин. Отличительной чертой его переводческого стиля было прежде всего «не склонение на наши нравы» произведений иноязычных писателей, а воспроизведение их авторского стиля. Таким образом, уже намечался отход от исправительных переводов его предшественников. Кроме того, Карамзин необычайно расширяет сферу переводческих интересов русской литературы: «Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной». Или: «Я также работаю, то есть перевожу лучшие места из лучших иностранных авторов, древних и новых... Греки, римляне, французы, немцы, англичане, итальянцы: вот мой магазин, в котором роюсь всякое утро часа по три!.. Посмотрим, каково будет Цицероново, Бюффоново, Жан-Жаково красноречие на русском языке!.. Даже и восточная литература входит в план». В приведенной цитате опять-таки очевидна направленность Карамзина-переводчика на широкомасштабный литературный эксперимент.

Перевод в России в XIX в.

В XIX в. перевод в России продолжает свое активнейшее развитие. Основная проблема в этот период связана с выяснением достоинств и недостатков дословного и вольного перевода и применением на практике сделанных выводов.

Одним из ярких представителей дословного перевода был П.А. Вяземский (1792—1878), который, как и его предшественники, видит в переводе возможность обогатить русский язык и русскую словесность, в частности русскую прозу, в развитии которой принимал живейшее участие. «Неоспоримо, что при тогдашнем состоянии нашей литературы писателям, вызываемым дарованиями отличными из тесного круга торжественных од и прозы ребяческой или высокопарной, в коей по большей части были в обращении одни слова, а не мысли, должно было заимствовать обороты из языков уже созревших и прививать их рукою искусною к своему языку, приемлющему с ползвою все то, что только не противится коренному его свойству». Вяземский горячо отстаивал право и, как видим, чуть не вменял в обязанность переводчику вводить в свой лексикон заимствования. Прежде всего он высказывался за ползву галлицизмов, понимая их, впрочем, как европеизмы, т.е. слова и обороты, отражавшие наиболее высокий уровень мышления и культуры, свойственный в тот период европейской истории именно Франции. При этом он предлагал заимствовать не слепо все подряд, но сообразуясь с «коренным свойством» русского языка, т.е. не копируя то, что определяется логикой того или иного языка, например французского, а усваивая лишь принадлежащее «логике общего ума», «европеизмы мысли».

Так, Вяземский намечает особенности проповедуемого им дословного перевода, который сам и опробовал в своих переводах романа Б. Констан «Адолф» и прозаическом переводе «Крымских сонетов» А. Мицкевича. В частности, он пишет: «Переводы независимые, т.е. пересоздания, переселения душ из иностранных языков в русский, имели у нас уж примеры блестящие, и разве только что достижимые. Так переводили Карамзин и Жуковский. Превзойти их в этом отношении невозможно, ибо в подражании есть предел неминуемый. Переселения их не отзываются почвою и климатом родины. Я, напротив, хотел испытать — можно ли, повторяю, не насильствуя природы нашей, сохранить в переселении запах, отзыв чужбины, какое-то областное выражение». Переводя «Крымские сонеты» Мицкевича, Вяземский говорит о том, что предпочитал поиску красоты верность и близость «списка». Таково новое понимание дословности. В принци-

пе, именно такое понимание дословного художественного перевода останется в русской традиции и в XIX, и в XX в.

Еще одним представителем «дословного» направления в переводе XIX в. в России был А.А. Фет (1820—1892). Его перу принадлежит множество переводных стихотворений немецких, французских, английских поэтов. Фет переводил античных авторов, а за перевод полного собрания произведений Горация был удостоен Пушкинской премии. Он переводил также поляка Мицкевича, персидских поэтов Гафиза, Саади.

Фет-переводчик известен как смелый экспериментатор. Одни его опыты были весьма плодотворны, другие менее удачны. Но формалистические изыски у Фета были следствием его сознательной переводческой политики: «Песнь поется на каком-либо данном языке, а слова, вносимые в нее вдохновением, вносят все свои, так сказать, климатические свойства и особенности. Насаждая свой гармонический цветник, поэт невольно вместе с цветком слова вносит его корень, а на нем следы родимой почвы. При выражении будничных потребностей сказать *Ich will nach der Stadt* или *я хочу в город* — математически одно и то же. Но в песне обстоятельство, что *die Stadt steht*, а *город городится*, может обнажить целую бездну между этими двумя представлениями. Кроме корня, каждое слово имеет свойственные его почве запах, конфигурацию и влияние на окружающую его область мысли, в совершенное подобие растению, питающему известных насекомых, которые, в свою очередь, питают известных птиц и т.д. Нечего говорить, что чем отдаленнее от нас по условиям жизни и по времени родина известного слова, тем глубже разверзается бездна перед ним и тем словом, которым мы силимся заменить его».

Выступая против вольных переводов, Фет говорит: «Самая плохая фотография или шарманка доставляет более возможности познакомиться с Венерой Милосской, Мадонной или Нормой, чем возможные словесные описания. То же самое можно сказать и о переводах гениальных произведений. Счастлив переводчик, которому удалось хотя отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением: это высшее счастье и для него и для читателя». Здесь, конечно, очевидно полемически заостренное преувеличение: ведь и сторонники вольного перевода не уходили настолько далеко от оригинала, насколько от видимого или слышимого воспроизведения отходит словесное описание.

Применяя свой изложенный выше принцип к дословному переводу, Фет продолжает: «Как бы последний (буквальный, дословный перевод. — С. Т.) ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого

языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большею частью читает переводчика, а не автора». Это утверждение позже фактически оспорит К.И. Чуковский, говоря, что известная трагедия Гёте «Фауст» в переводе Фета предстает перед русскоязычным читателем косноязычной и корявой, что создает впечатление о ее авторе как одном из самых неумелых писателей.

Вольный перевод представлен в России XIX в. прежде всего таким корифеем перевода, как В. А. Жуковский (1783—1852). Выше уже приводились высказывания Пушкина о Жуковском-переводчике и той роли, которую он сыграл для становления перевода и литературы вообще в России.

Жуковский переводил с английского, французского, древнерусского, латинского и немецкого языков. Во многом благодаря Жуковскому русский читатель познакомился с произведениями Шиллера, Гёте, Байрона, В. Скотта и многих других писателей, сказками Перро и братьев Гримм, наконец с «Одиссеей» Гомера.

Жуковский видел в оригинале подробный план нового произведения. В этом он продолжает переводческие принципы XVIII в., что проявилось и в том, что Жуковский на практике еще не в полной мере отошел от исправительных переводов, от которых в своих теоретических замечаниях, однако, уже отмежевывался.

Кроме того, в своих переводах Жуковский, уже более в духе карамзинистов, сглаживал «углы», а именно вносил в художественную систему переводимых произведений отпечаток своей, по словам Чуковского, тишайшей, выпренно-благословенной, сентиментально-меланхолической пуританской личности.

С другой стороны, в своих лучших переводах Жуковский создавал у читателя в целом верное впечатление о немецкой, английской, античной литературах.

Основное требование, которое Жуковский предъявлял к переводчику поэзии, было наличие стихотворного дарования, сравнимого с дарованием переводимого автора. Другими словами, поэт-переводчик должен уметь воображать и чувствовать с равной автору оригинала силой. Он должен уметь находить в своем языке выражения, способные отразить требуемый накал страстей, силу чувств: «Прежде... спросите у себя: чувствую ли я в душе своей тот пламень, которым наполнена душа моего поэта, видимая в его сочинении? Могу ли я с необыкновенной живостью, со всех сторон, со всеми оттенками, заметными для одного только стихотворного взора, представлять себе тот предмет, который в подлиннике моем изображен с таким превосход-

ством? Знаю ли я грамматику? Знаком ли я с хорями, ямбами и даже анапестами? Имею ли разборчивое ухо?..»

Жуковский считает, что, хотя переводчику не принадлежат первая мысль произведения, план его «здания», «переводчик остается творцом выражения, ибо для выражения имеет он уже собственные материалы, которыми пользоваться должен сам, без всякого руководства и без всякого пособия постороннего». Переводчик должен сотворить в собственном языке выражения, соответствующие оригинальным выражениям автора. «А сотворить их может только тогда, когда, наполнившись идеалом, представляющимся ему в творении переводимого им поэта, преобразит его, так сказать, в создание собственного воображения, когда, руководимый автором оригинальным, повторите начала до конца работу его гения».

При этом Жуковский говорит о том, что степень творческой переработки оригинала должна быть разной в зависимости от жанра переводимого произведения. «Заметим, что для переводчика басни оригинальнее... гораздо нужнее, нежели для переводчика оды, эпопеи и других возвышенных стихотворений. Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом или, лучше сказать, в простонародном. Оды и прочие возвышенные стихотворения могут быть переведены довольно близко, не потеряв своей оригинальности; напротив, басня (в которую, надобно заметить, входят и красоты, принадлежащие всем другим родам стихотворства) будет совершенно испорчена переводом близким».

Другим представителем истории перевода в России XIX в., несомненно выдающимся, хотя и порождавшим противоречивые мнения, является И. И. Введенский (1813—1855). Его переводческую манеру можно отнести к волновому переводу.

Введенский известен прежде всего как переводчик романов Диккенса, хотя он переводил и Купера, Ш. Бронте, Теккерея, Прево. Он довольно плохо владел языками своих оригиналов, в частности английским. Чуковский утверждал также, что и русский язык Введенского оставлял желать лучшего. Но, пожалуй, самым главным нареканием в адрес Введенского было то, что ничтоже сумняшеся он постоянно переносил героев переводимых им романов на русскую почву. Говорят, что даже сам Диккенс называл Введенского Вреденским.

Тем не менее (и в этом, несомненно, кроется удивительный парадокс переводческой репутации Введенского) даже такие суровые и взъясательные критики переводчика, как Чуковский, не могли не принять переводов Введенского. Так, Чуковский, с одной стороны, пишет о том, что Введенский учинял почти что кулачную расправу с

Диккенсом, а с другой, говорит о том, что ему «милы его переводы». При этом он аргументирует свое приятие Введенского как переводчика тем, что, несмотря на множество допущенных им ошибок, без него мы были бы лишены Диккенса: «он единственный из старых переводчиков приблизил нас к его творчеству, окружил нас его атмосферой, заразил нас его темпераментом». Вообще, когда мы читаем отзывы о работе Введенского как переводчика, авторами которых являются его современники, публиковавшиеся в «Современнике», и уже скорее наши современники, как тот же Чуковский, не может не удивлять противоречие, которое возникало между выводами критически настроенного рассудка и живым читательским восприятием одного и того же человека: «Иногда кажется, что в переводе Введенского Диккенс — более Диккенс, чем в подлиннике. Это, конечно, иллюзия» (Чуковский).

Сам Введенский в одной из своих статей проповедовал то, что сегодня мы бы назвали культурологическим подходом к изучению языка. Он говорил, что изучать язык какого-либо народа «значит изучать его жизнь, историю, нравы, обычаи, домашний, юридический, общественный быт... Этнография и филология идут нераздельно». Отсюда и следует, что язык перевода предъявляет свои требования к излагаемому посредством него содержанию, и до переселения персонажей на почву языка и культуры перевода — один шаг, который сам Введенский столько раз, не страшась ничего и ничем не останавливаемый, делал.

Любопытны рассуждения Введенского о разнице английского и русского синтаксиса в статье «О переводах романа Теккерея "Vanity Fair"» (1851): «Все люди, спора нет, мыслят по одним и тем же законам, но эти законы, в частнейшем приложении, видоизменяются до бесконечности в своих оттенках, и вместе с ними видоизменяется образ выражения мыслей. Отсюда — различие синтаксиса в языках. Английский язык в этом отношении представляет черты совершенно неудобоприложимые к русскому... Допуская всегда и везде множество длинных периодов, Теккерей тем не менее отличается языком чрезвычайно легким, живым, цветистым и блестящим; но русский переводчик неизбежно и непременно уничтожит колорит этого писателя, если станет переводить его, не говоря буквально (что невозможно), но по крайней мере слишком близко к оригиналу, из предложения в предложение».

Из всего этого Введенский выводил свою, по словам Чуковского, величавую теорию художественного перевода: «При художественном воссоздании писателя даровитый переводчик прежде и главнее всего обращает внимание на дух этого писателя, сущность его идей. Собираясь переводить, вы должны вчитаться в вашего автора, вдуматься в него, жить его идеями, мыслить его умом, чувствовать его сердцем и

отказаться на это время от своего индивидуального образа мыслей. Перенесите этого писателя под то небо, под которым вы дышите, и в то общество, среди которого развиваетесь, перенесите и предложите себе вопрос: какую бы форму он сообщил своим идеям, если бы жил и действовал при одинаковых с вами обстоятельствах».

Сходные идеи высказывал и в большей или меньшей степени воплощал на практике еще один заметный переводчик этого периода — А. В. Дружинин (1824-1864).

Сравнивая дословный и вольный типы перевода, Дружинин, в частности, говорит о том, что «всякий народ выражается по-своему, всякий язык имеет свои собственные идиотизмы, и разность в духе каждого языка делает слияние поэзии с безукоризненной точностью перевода делом решительно невозможным. Жуковский понимал вышеприведенную истину до тонкости».

Этот принцип приспособления иноязычного произведения к языку и культуре перевода он воплотил в своих переводах трагедий Шекспира «Король Лир», «Кориолан», «Король Ричард III».

Среди сторонников дословного перевода следует, конечно, упомянуть и Н. И. Гнедича (1784-1833).

Гнедич переводил новогреческих поэтов, пьесы Вольтера, Шиллера; он перевел также идиллию Феокрита «Сиракузянки». Но, пожалуй, главным его трудом стал первый полный перевод на русский язык «Илиады» Гомера. Он отдал ему двадцать лет жизни, изучил, обобщил и творчески применил достижения переводчиков Гомера и в России, и за рубежом. Гнедич окончательно утвердил в русской поэзии гекзаметр как новый стихотворный размер, введенный в практику русской словесности в свое время Третьяковским.

В предисловии к переводу «Илиады» Гнедич провозглашает требование не раболепствовать «перед вкусом гостинных, перед сею прихотливой утонченностью и изнеженностью общества, которых одобрения мы робко ищем, но коих требования и взыскательность связывают, обессиливают язык». Он смело идет вразрез с модой на вольный перевод Гомера: «...вольные переводы выгоднее для переводчика, нежели для подлинника. Я предпочел выгоды Гомера своим».

Интересны суждения Гнедича о верности поэтического перевода: «По мнению моему, тот переводчик может быть осуждаем за неточность, который к сумме слов своего подлинника прибавляет свои. Я, обнявши сумму слов гомерических, ни одного прибавлять к ним не намерен, а для стиха заменяю иногда одно слово другим, у Гомера же находящимся... Следовательно, кто в переводе моем, взявши отдельно какой-нибудь эпитет или слово и не находя его соответственным,

по-видимому, подлиннику в том стихе, из какого взято, будет осуждать меня в неточности, — может ошибиться». Здесь очевидно предпочтение стихотворной формы отдельным аспектам плана содержания. И в то же время переводчик не пускается в открытый произвол по отношению к плану содержания, а скорее провозглашает свою свободу в применении переводческой компенсации, поскольку вместо потерянного употребляет обнаруживаемое у Гомера же, хотя и в другом месте.

Конечно, разделение на сторонников дословного и вольного перевода условно. Так, В. К. Кюхельбекер (1797—1846) и П. А. Катенин (1792—1853) и др. высказывались за художественную точность перевода, за внимание переводчика и к духу, и к форме подлинника. Отвергались переводы, не только сглаживающие, но и тем более приукрашивающие оригинал. Ставился даже вопрос об отражении в тексте перевода недостатков оригинала.

Однако это не означает, что все такие переводчики обязательно примыкали к лагерю «буквалистов». Например, в переводе баллады «Ленора» немецкого поэта Г. А. Бюргера соревновались Жуковский («Людмила») и Катенин («Ольга»), и оба перевода были вольными переделками оригинала, что видно уже и по их названиям. Но налицо существенные различия двух переводов. Жуковский проявил себя как продолжатель традиций оглядывавшихся на XVIII в. карамзинистов, в то время как Катенин переделывает оригинал, сообразуясь с необходимостью быть осторожным в процессе поиска новых путей и освоения новых стихотворных форм¹.

Любопытно распределение сторон в споре о достоинствах и недостатках обоих переводов. Гнедич, который должен был бы, казалось, поддержать Катенина, высказался против его перевода в пользу перевода Жуковского. В защиту Катенина выступили Грибоедов и Пушкин. Грибоедов приветствовал просторечие, краткость, простоту перевода Катенина и осуждал смазанность драматического диалога, конфликта вообще, приукрашивание и многословие у Жуковского. Пушкин, чье восхищение переводческим гением Жуковского хорошо известно, а вместе с этим, по мнению специалистов, и вольным переводом в противовес дословному, в данном случае встал на сторону Катенина: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой "Леноры". Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сде-

¹ Хотя и в переводе Катенина говорится о Полтавской битве, жених главной героини Ольги сражается вместе с Петром I и гибнет на Украине.

лал из нее то же, что Байрон в своем "Манфреде" сделал из "Фауста": ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам "Ленору" в энергической красоте ее первобытного создания; он написал "Ольгу". Но сия простота и даже грубоватость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнение в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым».

В конце концов Жуковский создает свой новый, уже третий (вслед за первой «Людмилой» и второй «Светланой») перевод «Леноры», в котором подходит ближе к немецкому оригиналу, что, видимо, можно расценивать как признание им правоты тех, кто критиковал его первоначальные, более вольные варианты¹.

Больше критиками перевода, чем собственно переводчиками, выступают А.С.Грибоедов, А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь. Если первых двух мы уже упоминали, в частности в связи со спором, разгоревшимся по поводу своеобразного соревнования двух переводчиков баллады Бюргера «Ленора» Жуковского и Катенина, то о Гоголе надо заметить следующее.

В литературном наследии Гоголя остались высказывания о художественном переводе. В частности, в них он говорит о лингвостилистической разносистемности даже близкородственных славянских языков (украинского и русского), вследствие чего «иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть для него ближе... Почти всегда сильное лаконическое место становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка; и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его». Гоголь советовал переводчикам «привязываться к мысли» и в меньшей степени к словам. Он высоко, хотя и более лестно, чем фактически обоснованно, оценил перевод «Одиссеи», выполненный Жуковским. Гоголь сравнивает переводчика (Жуковского) то с «как бы истолкователем Гомера», «как бы каким-то зрительным, выясняющим стеклом перед читателем, сквозь которое еще определительней и ясней выказываются все бесчисленные его сокровища», то с прозрачным стеклом, таким, «что, кажется, как бы нет стекла».

¹ Третий вариант «Леноры» Бюргера Жуковский опубликовал в 1831 г., а в 1839-м — свой новый перевод «Элегии» Томаса Грея. Между прочим, «Элегию» Грея Жуковский переводил тоже три раза. С перевода ее он начал свой творческий путь (в русском переводе он назвал эту элегию «Сельское кладбище»). Затем, после поездки в Англию (1839) и, видимо, не без влияния описанной полемики о степени свободы переводчика поэзии, он создал третий перевод (гекзаметром).

Более обоснованны, чем импрессионистические идеи Гоголя, идеи В. Г. Белинского (1811—1848).

Во-первых, он четко определяет задачи перевода, который, по его мнению, способствует «развитию эстетического чувства, образованию вкуса и распространению истинных понятий об изящном», позволяет сравнивать свою отечественную литературу с зарубежной. Перевод, конечно, имеет просветительскую функцию: благодаря ему народы знакомятся между собою, происходит распространение идей, становится возможным «процветание литератур и умственное движение». Кроме того, перевод способствует «образованию нашего еще не установившегося языка: только посредством их (переводов. — *СТ.*) можно образовать из него такой орган, на коем бы можно было разыгрывать все неисчислимые и разнообразные вариации человеческой мысли».

Во-вторых, Белинский определяет по крайней мере некоторые важные критерии оценки труда переводчика (конечно, в самом общем еще виде, что, как мы видели, характерно для периода, предшествовавшего формированию науки о переводе). В частности, критик пишет: «Правило для перевода художественных произведений одно — передать дух переводного произведения (чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским. Чтоб так передавать художественные произведения, надо родиться художником». В других своих работах Белинский уточняет этот тезис, говоря, что это требование главным образом касается языка, «но во всех других отношениях оно более нежели несправедливо. Кто угадает, как бы стал Гете писать по-русски? Для этого самому угадывающему надобно быть Гете». Белинский не раз подчеркивает то, что переводчик должен быть не меньшим творцом в том, что касается языка переводимого им произведения, чем автор. Он называет поэтому талант переводчика прежде всего талантом формы.

Белинский требует естественности языка перевода. Он касается этого в связи с критикой перевода «Гамлета», выполненного М. П. Вронченко. В драме язык в высшей степени естественный, по словам критика; он чужд вычурных книжных оборотов. Таков язык самого Шекспира. Того же должен добиваться и переводчик.

Определяя критерии оценки перевода, Белинский исходит из цели перевода, которая состоит, по его словам, в том, чтобы «дать возможно близкое понятие об иностранном произведении так, как оно есть». Следовательно, если переводчик даже и улучшает исходное произведение, то «перевод неверен, следовательно нехорош».

Согласно представлению Белинского, существует два типа перевода: поэтический и художественный. Под поэтическим переводом он понимает перевод, предназначенный для первоначального знакомства публики с данным автором, под художественным — полный перевод данного произведения, в полной мере репрезентирующий, заменяющий собой оригинал в переводящих культуре и языке.

Вопрос о том, *что* переводить, Белинский решает просто: следует переводить только то, что входит в золотой фонд мировой литературы. При этом предпочтение должно отдаваться произведениям и авторам, являющим собой «резкий тип национальности». В русской литературе наиболее интересными для перевода на иностранные языки, по мысли Белинского, являются Пушкин, Лермонтов, особенно в тех своих творениях, которые имеют ярко национальный характер. В этом смысле «Евгений Онегин» предпочтительнее «Моцарта и Сальери» или «Каменного гостя» у Пушкина. И, пожалуй, самый интересный «из русских поэтов» для иностранцев — это Гоголь, «хотя по причине самой национальности его сочинений и в лучшем переводе не может не ослабиться их колорит».

Заметными фигурами в сфере русского художественного перевода XIX в. были также Н.А. Полевой (1796—1846), переводчик Шекспира; М. П. Вронченко (1801—1855), известный переводами европейских классиков, среди которых были Шекспир, Байрон, Гёте, Мицкевич; В.С. Курочкин (1831—1875), прославившийся своими переводами стихотворений (песен) П.Ж. Беранже.

В большей степени переложениями, чем переводами, занимался М.Ю. Лермонтов (1814—1841). Некоторые из его переводов-переложений снискали у русского читателя не меньшую, а, пожалуй, и большую славу, чем оригиналы («Сосна», «Горные вершины» и др.).

Проблемами перевода живо интересовался и И.С. Тургенев (1818—1883). Он, как и Белинский, разделял переводы на ознакомительные и воссоздающие великие произведения.

Говоря о личности переводчика, Тургенев пишет: «Их нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другим, способностью поэтически воспроизводить впечатления, производимые на них любимым поэтом; элемент восприимчивости преобладает в них, и собственный их творческий дар отзывается страдательностью, необходимостью опоры. Они по большей части бывают люди с тонким вкусом, с развитой рефлексией... Всякий хороший перевод проникнут любовью переводчика к своему образцу, понятной, разумной любовью, т.е.

читатель чувствует, что между этими двумя натурами существует действительная, непосредственная связь».

Переводчиков, делающих буквальные, дословные переводы, Тургенев со свойственным ему остроумием уподобляет детям, «которые беспрестанно посредством циркуля сравнивают расстояние от глаза до губ и т.д. в своем рисунке и в оригинале и удивляются, что у них выходит не то».

А. К. Толстой (1817—1875) переводил немного, однако некоторые его переводы считаются подлинными шедеврами переводческого искусства. К таким относится перевод баллады Гёте «Коринфская невеста», в связи с которым Толстой выразил свои переводческие принципы: «Я стараюсь, насколько возможно, быть верным оригиналу, но только там, где *верность* или точность *не вредит художественному впечатлению*, и, ни минуты не колеблясь, я отдаляюсь от подстрочное™, если это может дать на русском языке другое впечатление, чем по-немецки.

Я думаю, что не следует передавать *слова* и даже иногда *смысл*, а главное надо передавать впечатление.

Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы в ту же *сферу*, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал на *те же нервы*».

Крупный переводчик XIX в. М. Л. Михайлов (1829—1865) говорил о внимательном и вдумчивом подходе к отбору предназначаемых для перевода произведений. По его мысли, это должна быть прежде всего классика, так как «близкое знакомство с классическими писателями других народов расширяет умственный кругозор наций, вносит свежие элементы и в язык и в сферу мысли. Это международное общение есть один из самых действенных двигателей человечества по пути к прогрессу».

От переводчика Михайлов требует умения улавливать и передавать единство содержания и формы, в котором состоит главное достоинство подлинного художественного произведения: «Если сам Гёте работал так много над песней о царе Фулейском, если он изменял и представлял выражения и слова в каждом почти стихе, чтобы довести ее до того художественного совершенства, в каком она является теперь, то как же не требовать еще большей старательности, еще большего внимания от переводчика при передаче ее на другой язык».

П. Н. Вейнберг (1851—1908), поэт, переводчик и популяризатор западноевропейских литератур в России, был сторонником так называемого вольного перевода, ибо ратовал за сохранение в переводе впечатления, производимого на читателя оригиналом: «...обязанность хорошего переводчика — стараться произвести на этих читате-

лей (перевода. — *С. Т.*) такое же *впечатление*... какое производит подлинник, дать об этом последнем полное или в тех случаях, когда это, по условиям языка, оказывается невозможным, приблизительно полное понятие относительно мысли, тона, всех частных подробностей, каковы выражения, эпитеты и т.п. Сохранение этих последних в их полной по возможности неприкосновенности мы считаем весьма важным, так как в них, т.е. в распоряжении поэта своим языком, заключается главным образом своеобразность его... Поэтому его (большого поэта. — *С.Т.*) надо давать в переводе читателю не только со всеми его достоинствами, но и со всеми недостатками, другими словами — переводчик должен стараться, если он переводит произведение *целиком*, не только вызывать в своем читателе эстетическо-приятное впечатление, подавать ему и то, что может по той или другой причине подействовать на него неприятно. При несоблюдении этого условия можно зайти очень далеко и действовать, руководствуясь не какими-нибудь определенными правилами, а личными взглядами и вкусами переводчика».

Анализируя переводы поэзии Г. Гейне, осуществленные М.Л. Михайловым, в целом считая их вполне удачными, Вейнбергом не менее указывает на нарушение в переводе поэтических качеств подлинника, обусловленное разницей в грамматических свойствах некоторых ключевых для подлинника слов. Так, разбирая стихотворение Гейне «Лотос» и его перевод на русский язык, Вейнберг показывает разницу между оригиналом и переводом, которая объясняется тем, что слово *лотос* в немецком языке — существительное женского рода. С лотосом в этом стихотворении Гейне связывает образ возлюбленной, ожидающей появления на небе луны (в немецком это существительное мужского рода), своего возлюбленного. У Михайлова все наоборот: лотос — возлюбленный, луна — возлюбленная. Изменилась ситуация, изменилось, по мнению Вейнберга, и впечатление.

На тот же недостаток, но уже у М.Ю. Лермонтова, указывает Вейнберг в связи с его известным переводом тоже гейневского стихотворения «Сосна». *Ein Fichtenbaum* (мужской род и мужской образ) подменяется у Лермонтова образом женским — сосны. Опять-таки меняется ситуация, меняется, по мнению Вейнберга, и впечатление.

Рассуждения, касающиеся важной и труднопреодолимой глубинной, морфологической и вместе с тем культурологической разницы между языками и, как следствие, стилистическими фигурами, положили начало филологическим трудам, наиболее известные из которых статьи Л.В. Щербы (в частности, о той же лермонтовской «Сосне»).

Отдельные высказывания о переводе есть и у таких крупных русских писателей и деятелей литературы, как Н. А. Некрасов (1821 — 1878), Ф. М. Достоевский (1821 — 1881) и Л. Н. Толстой (1828—1910).

Некрасов видел один из источников трудностей перевода в национальном своеобразии литератур разных стран и лингвостилистическом несовпадении присущих им черт. С этим связана трудность восприятия русским читателем переводной литературы по сравнению с литературой русскоязычной. Он отмечает, что такого рода трудности не снимаются даже при переводе с родственных языков, более того, «с близкого по духу языка переводить еще труднее — может быть, оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника».

Достоевский и Толстой тоже не без скептицизма смотрели на возможность передачи в переводе национального колорита того или иного художественного произведения. Так, Достоевский резко отрицательно оценил перевод повестей Гоголя на французский язык, осуществленный Луи Виардо и Тургеневым: «...я хоть и предчувствовал заранее, что Гоголя нельзя передать по-французски, все-таки никак не ожидал такого исхода... Весь юмор, все комическое, все отдельные детали и главные моменты развязок, от которых и теперь, вспоминая их иногда, нечаянно, наедине (и часто в самые нелитературные моменты жизни), заляешься вдруг самым неудержимым смехом про себя, — все это пропало, как не бывало вовсе... Словом, все характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное), по моему мнению, для Европы неузнаваемо... Так что всем нашим крупным талантам... суждено надолго, может быть, остаться для Европы совсем неизвестными; и даже так, что чем крупнее и своеобразнее талант, тем он будет неузнаваемее».

Толстой не менее отрицательно высказался о русских переводах гомеровского эпоса: «Сколько я теперь уже могу судить, Гомер только изгажен нашими, взятыми с немецкого образца, переводами. Пошлое, но невольное сравнение — отварная и дистиллированная теплая вода и вода из ключа, ломящая зубы, — с блеском и солнцем и даже со щепками и соринками, от которых она еще чище и свежее. Все эти Фоссы и Жуковские поют каким-то медово-паточным, горловым подлым и подлизывающимся голосом, а тот черт и пост и орет во всю грудь, и никогда ему в голову не приходило, что кто-нибудь его будет слушать».

Перевод в России в XX в.

В XX в. перевод у нас во многом продолжает и развивает традиции, заложенные еще в XVIII в. и обретшие более четкие очертания в XIX в. Свидетельство тому — универсальность интересов русских переводчи-

ков. Александр Блок в своих известных строках: «Мы любим всё — и жар холодных числ, / И дар божественных видений, / Нам внятно все — и острый галльский смysl, / И сумрачный германский-гений...» — вторя, почти как эхо, не менее известным словам Ломоносова о всеохватности гения «языка российского», а заодно и отзыву Достоевского о Пушкине, фигуре символической и отражающей самую суть русской литературы, о его «всемирной отзывчивости» — великолепно, теперь на новом этапе истории литературы (и, конечно, перевода) в России, выразил ту же мысль — открытость нашей литературы для литературных традиций других стран и народов.

Действительно, в конце XIX — начале XX в. в России переводится очень и очень много как традиционно интересовавшей нас литературы — немецкой, французской, английской, так и менее известной нам испанской, итальянской, бельгийской, норвежской, шведской, датской и др. А. Белый, называя имена Э. Верхарна, У. Уитмена, Р.М. Рилке, Ю.А. Стриндберга, Г. Ибсена, М. Метерлинка, О. Уайльда, Т. Манна, К. Гамсуна, Х. Гофманстала и др., писал о том, что перевод охватил в это время весь круг чтения русского интеллигента начала XX в.

Особый подъем, вместе с расцветом Серебряного века русской поэзии, переживает поэтический перевод. Собственно, во многом благодаря переводу Серебряный век обогащается и выходит за рамки всего лишь национального явления, обретая общемировое художественное значение. Дело в том, что, во-первых, переводят тогда практически все крупнейшие поэты. Во-вторых, и в этом опять-таки мы видим продолжение традиций художественного перевода прошлых веков, делается ставка не просто на перевод в его просветительской миссии, но на перевод как средство обогащения собственного художественно-поэтического инструментария.

В самом деле, поэты-переводчики круга символистов — В. Иванов, Д. Мережковский, И. Анненский, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов, А. Блок и др. — благодаря именно своей переводческой деятельности вводили в русскую литературу новые идеи, темы, образы, поэтические формы, расширяя, по выражению Иванова, «ритмические возможности нашего языка» [Цит. по: Топер. С. 108]. Так, были освоены некоторые новые или мало использовавшиеся стихотворные формы (алкеева, сапфическая строфы, дольник); поэтический язык русской литературы этого периода под влиянием перевода заметно расковывается и в ритмической, и в рифменной организации стиха, вводится верлибр, создателем которого, по словам Блока, считают Верхарна.

Репертуар переводимой поэтической литературы не менее широк, чем в случае с переводом прозы. В это время переводятся заново произведения уже известных русскому читателю авторов, например античных классиков, Гёте, Шиллера, Петрарки, Байрона, Мицкевича и др. Появляются новые авторы, новые имена и целые направления, прежде всего, конечно, французы, символисты, «парнасцы», а также представители различных европейских поэтических школ. Однако русский читатель знакомится и с литературой народов России, а также народов ближайших соседей. Так, выходят или готовятся к изданию сборники переводов с армянского, белорусского, грузинского, еврейского, латвийского, литовского, татарского, финского и других языков.

В рассматриваемый период мы опять-таки видим уже знакомые нам по предыдущим периодам своеобразные «соревнования» переводчиков. Например, известное стихотворение «Ворон» американского поэта Э. По переводили Д. Мережковский, К. Балмонт, В. Брюсов.

По-прежнему актуальны и традиционные споры о том, какой перевод вернее: волнный или дословный. Хотя полемика ведется существенно иначе по сравнению с предыдущими периодами.

С одной стороны, вопрос этот обсуждается уже существенно глубже, с пониманием того, что оба эти типа перевода не должны рассматриваться в крайних своих вариантах, что следует искать некий баланс между ними. Собственно, разговор сводится к выяснению пропорций между тем, насколько в конкретном переводе представлены оба типа перевода. С другой стороны, экспериментаторство, попытки исчерпать этот «проклятый вопрос» перевода, например, у Брюсова, да и у Балмонта, принимают в это время порой крайние формы (о чем см. ниже).

Но все эти борения в области перевода происходили в атмосфере творчества, поиска, проб и ошибок, без которых невозможны новые завоевания, победы и открытия. Известный советский переводчик Л.А. Озеров [С. 115] писал: «Творческий перевод не может не вызвать на спор, на высказывание разных, подчас противоположных точек зрения. Пример: отношение к переводам Балмонта — резко отрицательное, насмешливое — Брюсова и Чуковского; положительное, сочувственное — Блока и Пастернака».

И.Ф. Анненский (1855—1909), крупный русский поэт, филолог, специалист по античной литературе и переводчик трагедий Еврипида, писал: «Лексическая точность часто дает переводчику лишь обманчивую близость к подлиннику, — перевод является сухим, вымученным, и за деталями теряется передача концепции». И далее: «Достоинством и красотой русской речи, в стихотворном языке особенно, нельзя жертвовать ничему» [Цит. по: Топер. С. 116].

Нередко подлинник у адептов вольного перевода оказывался лишь поводом для самовыражения. В этом, например, обвиняли одного из самых плодовитых переводчиков К. Д. Бальмонта (1867—1942). Его переводы критиковали за то, что в них он неоправданно вольно обращался с переводимыми авторами, менял строфику, интонационный строй произведения, так что чужие стихи у него приобретали свойственные его собственному поэтическому стилю черты. М. А. Волошин писал, что «произведения всех поэтов были для него лишь зеркалом, в котором он видел лишь отражение собственного своего лика в разных обрамлениях» [См. там же. С. 110].

В. И. Иванов (1866—1949), символист, автор поэтических сборников («Кормчие звезды», «Сог ardens»), тоже работал как переводчик — переводил главным образом произведения Эсхила. Работа эта продолжалась всю его жизнь, но так и не была завершена. Его переводческая позиция интересна тем, что он не пытался переместить Античность в контекст современности. Он мечтал сделать Эсхила «общенародным достоянием», тем не менее сохраняя, насколько возможно, все детали древнегреческого оригинала. Эсхил «будет истинно греческим по духу, если он будет и истинно русским (не интеллигентским, не западничеством — т. е. разглядываемым через призму западной интерпретации, но уж, понятно, и не "стасовским")». Есть сфера общности между эллинской и национальной *живой* стариной, которую мне хочется открыть и воплотить в этих переводах». В этой позиции очевидна ориентация на уравновешенную передачу языковой стороны оригинала, тех или иных деталей плана выражения, и «духа» оригинала.

К тому же равновесию стремился и А. А. Блок (1880—1921) как в своих, пусть и немногочисленных, переводах, так и в критических разборах чужих. Например, при разборе переводов М. Михайлова из Гейне он, с одной стороны, отмечает удачи переводчика, но с другой — детально перечисляет принципиальные отступления от передаваемой формы оригинала.

К числу выдающихся русских переводчиков XX в. относится И. А. Бунин (1870—1953), прославившийся целым рядом переводов из английской и американской, французской, итальянской, польской литератур. Он перевел А. Теннисона, Г. Лонгфелло, Леконта де Лилля, Петрарку, Мицкевича и др. При этом Бунин с величайшим уважением относится к каждому переводимому автору. Например, перед тем как взяться за переводы поэзии Мицкевича, он специально учился польскому языку.

Но, пожалуй, самым совершенным творением переводческого дара Бунина и всего русского переводческого искусства является его перевод

поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате». До него ее переводил Михайловский, который сегодня интересен лишь для специалистов, историков перевода. После бунинского перевода «Песни» уже многие годы никто из переводчиков не решается соперничать с Буниным. В этом своем переводе, равно как и других переводах различных авторов, Бунину удалось, избегая и неоправданной русификации и чрезмерного буквализма, сохранить поэтику оригинала и в то же время органично выразить ее средствами русского языка: «В русскую речь перевода естественно, просто вплетается музыка индейских имен, названий, фольклорность этой поэмы. Гайавата возникает перед нами во весь рост, во всех красочных подробностях своей жизни, вписанной в жизнь его народа» [Озеров. С. 96].

Одним из крупнейших переводчиков XX столетия является, бесспорно, В.Я. Брюсов (1873—1924). В его творчестве как переводчика очень четко обозначено противостояние вольного и дословного перевода.

Так, в 1906 г. вышла книга «Эмиль Верхарн. Стихи о современности. В переводах Валерия Брюсова», в которой отразилась творческая эволюция Брюсова-переводчика. В предисловии к этому изданию он, разделив свои переводы на более ранние и более поздние, пишет: «В переводах первого типа я жертвовал точностью — легкости изложения и красоте стиха; в переводах второго типа все принесено в жертву точному воспроизведению подлинника» [Цит. по: Топер. С. 114].

В том же предисловии Брюсов говорит: «Каковы бы ни были различия этих двух типов моих переводов, *везде* я старался давать именно переводы, а не пересказы пьес Верхарна... с другой стороны, нигде дух подлинника не принесен в жертву буквальности» [См. там же. С. 115]. Другой метод он проповедует десять лет спустя: нужно «передавать не только мысли и образы подлинника, но самую манеру речи и стиха, все слова, все выражения, все обороты; и мы твердо верим, что такая передача — возможна» [См. там же. С. 115—116]. Логическим завершением творческой эволюции Брюсова как переводчика стали его крайне буквалистские переводы «Энеиды» Вергилия и «Фауста» Гёте. Так, начало «Энеиды», которое показывает, насколько радикальным был буквализм переводов позднего Брюсова, звучит так: «Тот я, который когда-то на нежной ладил свирели песнь и, покинув леса, побудил соседние нивы, да селянину они подчиняются, жадному даже (труд, земледелам любезный), — а ныне ужасную Марса брань и героя пою, с побережий Тройи кто первый прибыл в Италию, роком изгнан...» [См. там же. С. 116].

Можно сказать, что проблема соотношения вольного и дословного перевода оказывается теперь в рамках одной творческой личности. Ранее, за редким исключением, приверженцы вольного и дословного перевода расходились по разные стороны баррикад, хотя на практике, вдали от абстрактных дискуссий и речей в полемическом задоре, всем было понятно, что ни вольного, ни дословного перевода как таковых, в чистом виде, быть не может (разве что в упомянутых брюсовских крайних экспериментах). Переводчик-практик всегда балансирует между тем и тем.

Переводчики обсуждают также проблему переводимости/непереводимости. В связи с тем, что в сознании многих у них прочно укоренилась именно идея *непереводимости*, снижается общий уровень переводческой культуры [См.: Топер. С. 111]. В литературных и филологических кругах становятся популярными идеи А.А. Потебни о несовпадении различных языков, стоящих за ними взглядов на мир, отражаемых в конкретных словах и их сочетаниях (см. гл. 1, § 4).

Ситуация в сфере литературной жизни и перевода в 1920-х гг. была весьма похожа на нынешнюю: частные и кооперативные издательства, порожденные нэпом, заваливали книжный рынок развлекательным чтивом, в частности переводной беллетристикой, для нэпманско-мещанской читательской аудитории. Некоторое время с этими тенденциями боролись государственные издательства — «Всемирная литература», Госиздат, Ленгиз и др.

М. Горький (А.М. Пешков, 1868—1936) сыграл важную роль в становлении русской переводческой школы. В Петрограде в 1918 г. он основал издательство «Всемирная литература», объединившее около ста литераторов. Многих из них он, кроме всего прочего, просто спасал от голодной смерти, давая работу. Целями нового издательства были повышение переводческого искусства, ознакомление советского читателя с лучшими образцами мировой литературы, а также подготовка молодых кадров, способных продолжить традиции русского перевода.

Лучшие филологи, которых Горький привлек к работе в издательстве, тщательно проанализировав уже существовавшие на русском языке переводы произведений Данте, Сервантеса, Гёте, Байрона, Диккенса, Бальзака, Теккерея и др., приняли решение создать новые переводы классиков мировой литературы. Были сформулированы принципы, суммировавшие опыт старых и новых мастеров-переводчиков. Собственно, это было началом теоретической деятельности в нарождающемся отечественном переводоведении. Горький предложил изложить принципы перевода К. И. Чуковскому (1889—1962)

и Н.С.Гумилеву (1886—1921). И Чуковский, и Гумилев сами были талантливыми переводчиками. Чуковский впоследствии прославился своими переводами М. Твена, а также стал основателем так называемого литературоведческого направления в отечественном переводоведении; Гумилев перевел эпос о Гильгамеше, некоторые произведения французских и английских поэтов. В 1919 г. вышла предназначенная исключительно для работающих в издательстве переводчиков книга «Принципы художественного перевода». Через год присоединившийся к проекту видный филолог Ф.Д. Батюшков вместе с Чуковским и Гумилевым переиздал ее.

Издательством «Всемирная литература», просуществовавшим до 1924 г., было выпущено около двухсот лучших произведений мировой литературы. Позднее переводческие принципы «Всемирной литературы», главным из которых была научно-филологическая фундаментальность переводов, во многом сформировали советскую переводческую школу, а собственно издательские традиции «Всемирной литературы» подхватили издательства «Academia», Государственное издательство художественной литературы (позднее — «Художественная литература»).

Продолжает развиваться и теория перевода. В издательстве «Academia» в 1930 г. Чуковский публикует статью «Искусство перевода», к которой была присоединена статья молодого тогда еще лингвиста А.В. Федорова «Приемы и задачи художественного перевода». Федорову суждено было сыграть важнейшую роль в формировании отечественной школы переводоведения, в частности лингвистического его направления.

В 1936 г. Чуковский издал уже книгу «Искусство перевода», а в 1941-м, основательно ее дополнив и исправив, переиздал в Гослите уже под другим названием — «Высокое искусство». Книга переиздавалась в 1964, 1966 и 1988 гг. Появляются и другие публикации, посвященные вопросам художественного перевода, например книги М.П. Алексева «Проблема художественного перевода» (1931) и А.В. Федорова «О художественном переводе» (1941).

Несмотря на проделанную организационно-практическую работу и работу по теоретическому осмыслению переводческой деятельности (хотя еще только художественной литературы), перевод иностранной литературы оставался все же не вполне удовлетворительным и требовал дальнейшего улучшения.

Активное участие в этом процессе принял О.Э.Мандельштам (1891—1938). Он выступал в прессе, где говорил о крайне низком творческом уровне нанимаемых переводчиков, не обладавших ни талантом, ни необходимыми литературными знаниями и умениями, о

хаосе в отборе литературы для перевода, о низкой оплате труда переводчиков.

Мандельштам, сам крупный поэт и прозаик, проявлял живейший интерес к проблемам художественного перевода. Из сравнительно небольшого переводческого наследия поэта следует назвать переводы поэзии французских авторов (Расина, О. Барбве, Ж. Ромена), поэмы классика грузинской литературы В. Пшавелы «Гоготур и Апшина», стихов современных немецких поэтов. Гораздо больше — с французского, немецкого языков — он переводил прозу. Участвовал также в редактировании переводов романов В. Скотта и М. Рида.

Переводческой манере Мандельштама свойствен отход от скрупулезной точности; он мог довольно свободно обращаться с лексикой оригинала, отступая при ее передаче дальше необходимого. Над ним довлела сила его собственной поэтической индивидуальности. Он фактически переносил в перевод свои эстетико-стилистические установки. Как и в своем собственном поэтическом творчестве, Мандельштам испытывал пристрастие к повышенной экспрессии, ярко индивидуальному словоупотреблению.

Хотя в описываемый период в России продолжают уже ставшие к тому времени почти традиционными споры о вольном и дословном переводе, следует сказать, что проблема эта все же не стояла так остро (особенно в практической деятельности участвовавших в полемике переводчиков), как в XVIII—XIX вв. В книге «Высокое искусство» Чуковский [С. 51] называет переводчиков-буквалистов «целой школой... приверженцев механистического метода». К ней он относит А. Кривцову, Е. Ланна, А. Радлову, В. Шпета, И. Аксенова, Б. Ярхо, А. Смирнова и др., упрекая их в том, что, стремясь к максимальной близости к оригиналу, они нарушают самые элементарные нормы русского языка. Впрочем, такого рода переводы становятся все более редкими, и уж точно они чаще осознаются переводческой общественностью как неприемлемые.

При этом не следует думать, что Чуковский выступает за вольный перевод в том смысле, который вкладывался в это понятие в предшествующие века. Не случайно он так же непримирим по отношению к слишком далеко отступающим от оригинала переводчикам. Скорее следует говорить о дальнейшем уточнении уже нащупанной «золотой середины». Это видно на примере крупного переводчика советского периода, обычно относимого к сторонникам дословного перевода, — М.Л. Лозинского (1886—1955). При всей близости его переводов «Божественной комедии» Данте, произведений западноевропейских* и восточных классиков (среди которых Шекспир, Молвер, Р. Роллан, Фирдоуси) к соответствующим оригиналам они не просто удобочита-

емы по-русски, но без всяких оговорок входят в золотой фонд русскоязычной переводной литературы.

Точно так же к этому золотому фонду относятся переводы Б. Л. Пастернака (1890—1960), придерживавшегося иных позиций. Он, в частности, писал: «...дословная точность и соответствие формы не обеспечивают переводу истинную близость» [Цит. по: Швейцер, 1996. С. 155]. В определенном смысле противопоставляя себя Радловой и Лозинскому, он говорит о том, что от перевода слов и метафор он обратился к переводу «мыслей и сцен, потому что, помимо точности, равнострочности с подлинником и пр., в нем больше всего той намеренной свободы, без которой не бывает приближения к большим вещам» [См. там же. С. 156]. Хотя его критиковали за эту «намеренную свободу» и обвиняли в самовыражении за счет переводимых авторов, ему удалось создать «по-настоящему театралного русского Шекспира», выиграв при переводе гётевского «Фауста» в поэтической выразительности по сравнению с более точным переводом Н. Холодковского [Аникст. С. 10].

В советскую эпоху к переводу привлекаются лучшие литературные силы. Чуковский писал: «...самое количество блистательных художников слова, посвятивших себя этой нелегкой работе, свидетельствует, что здесь произошло небывалое. Ведь и правда, никогда еще не было, чтобы плечом к плечу одновременно, в пределах одного десятилетия, над переводами трудились такие таланты». Хотя Чуковский говорит об одном десятилетии, это можно отнести ко всему советскому периоду истории перевода в нашей стране.

Действительно, в сфере художественного перевода работали такие мастера, как Г. Л. Щепкина-Куперник (1874—1952), переводившая Э. Ростана, Шекспира, Молвера; А. Д. Радлова (1891—1949), переводившая К. Марло, Шекспира; И. А. Кашкин (1899—1963), переводчик Э. Хемингуэя, Р. Фроста, К. Сэндберга, а также теоретик художественного перевода. Известный поэт и композитор М. А. Кузмин (1875—1936) переводил Апулея, Шекспира. Р. Я. Райт-Ковалева (1898—1988) прославилась как переводчица на немецкий язык поэзии В. В. Маяковского, на русский — Г. Бёлля, Ф. Кафки, У. Фолкнера, Дж. Сэлинджера.

Одним из крупнейших продолжателей лучших традиций русской переводческой школы был С. В. Шервинский (1892—1991), получивший известность как блестящий переводчик с древнегреческого и латинского, армянского и других языков. Он перевел произведения Софокла, Еврипида, Вергилия, Овидия, Катулла, Гёте, П. Ронсара, Низами, Х. Абовяна, О. Туманяна и многих других мастеров мировой литературы.

Интересно, что некоторые великие писатели и поэты, как однажды справедливо заметил Г.Б. Остер, в советскую эпоху фактически были вытеснены в перевод. Так, в сфере перевода работали Н.А. Заболоцкий (1903—1958), переведивший грузинских, немецких поэтов, Л. Украинку; А.А.Ахматова (1889—1966), переведившая восточных, западноевропейских, латышских и еврейских поэтов; М.И.Цветаева (1892—1941), переведившая И. Франко, Ш. Бодлера, Ф. Гарсиа Лорку и др.; А.А.Тарковский (1907—1989), «специализировавшийся» на переводе поэтов Востока; С.Я.Маршак (1887—1964), прославившийся своими переводами английской поэзии, в особенности сонетов Шекспира и поэзии Блейка, Бёрнса, Киплинга; П.Г.Антоколовский (1896—1978), переведивший французских поэтов (П.Ж. Беранже, Гюго, Ш. Бодлера, А. Рембо, Л. Арагона, П. Элюара и др.); Б.А.Ахмадулина (р. 1937), переводившая поэтов разных стран и народов, особенно грузинских и итальянских авторов. Вот что об этом «вытеснении» писал Пастернак: «Именно в 36-м году, когда начались эти процессы (вместо прекращения поры жестокостей, как мне в 35-м году казалось), все сломалось во мне, и единение со временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал. Я ушел в переводы. Личное творчество кончилось» [Цит. по: Швейцер, 1996. С. 155]. О том же, в принципе, говорит в своем известном стихотворении «Переводчик» Тарковский (см. гл. 9).

Кроме этих уже сложившихся мастеров слова, многие из которых были скорее вынуждены заниматься переводом, в русской переводческой школе появились новые лица. Среди них — В.В.Левик (1906—1990), переводчик французских, немецких, английских, испанских, португальских, итальянских поэтов, особенно известных переводами Г. Гейне; Нора Галв(Э.Я. Галвперина, 1912—1991), переведившая с английского и французского, прославившаяся переводами А. де Сент-Экзюпери, К. Маккалоу; Н.М.Любимов (1912—1993), переводчик на русский язык шедевров мировой классики, среди которых произведения Сервантеса, Ф. Рабле, Ш. де Костера, Дж. Боккаччо. М. Пруста, Молвера, Г. Флобера, М. Метерлинка.

Продолжается обсуждение проблем художественного перевода. Издаются новые книги: А.В. Федоров «Введение в теорию перевода» (1958), Е. Эткинд «Поэзия и перевод» (1963); появляется целая группа теоретиков и критиков художественного перевода, среди которых Г. Гачечиладзе, И.А. Кашкин, О. Кундзич, А.В. Кунин, Ю.Д. Левин, Л. Мкртчян, П. М. Топер, В.М. Росселвс, В.Е. Шор и др. Входят специальные сборники: «Мастерство перевода», «Тетради переводчика»,

«Теория и критика перевода», «Международные связи русской литературы» (под ред. акад. М.П. Алексеева), «Редактор и перевод» и др. Организуются круглые столы переводчиков в журнале «Иностранная литература».

В конце советского периода и в постсоветское время также работает немало талантливых переводчиков и переводческая деятельность в сфере художественного перевода не ослабевает. Наоборот, в целом ряде издательств публикуются новые переводные произведения иностранных авторов. С новинками и классикой иностранной литературы продолжает знакомить своего читателя журнал «Иностранная литература», что, конечно, было бы невозможно без талантливых переводчиков. В сети Интернет есть специальные сайты, посвященные тем или иным вопросам перевода.

Но в XX в. следует уже говорить об истории не только художественного перевода. Если мы практически ничего не знаем о работе переводчиков, занимавшихся нехудожественным переводом в предшествующие века, то век XX отмечен активизацией также устного перевода, появлением новых жанров писменного перевода — перевода технической литературы, официально-деловой документации и т.д. Правда, в отличие от переводчиков художественной литературы, устные переводчики и переводчики-писменники, занимающиеся переводом нехудожественных текстов, широко не известны. Они составляют армию малоизвестных переводчиков на различного рода конференциях, конгрессах, симпозиумах, международных встречах, в переводческих бюро и т.д. Широкая публика чуть лучше знает, пожалуй, только тех, кого видит по телевидению в передачах, освещающих различные политические мероприятия на высшем уровне.

Тем не менее, в поле зрения теоретиков перевода теперь попадают уже и эти переводчики. Недаром от теории художественного перевода современное переводоведение перешло к нехудожественным его видам и жанрам.

Таково в самом общем виде историческое развитие переводческой деятельности. Конечно, наш краткий экскурс в историю мирового и русскоязычного перевода не может быть признан сколько-нибудь полным: за его пределами остались многие не менее важные для истории перевода имена. Но цель состояла в том, чтобы дать представление о важнейших тенденциях на этом долгом пути.

§ 4. Краткий обзор истории переводоведения

Как уже говорилось, в отличие от долгой истории перевода как вида человеческой деятельности, история переводоведения еще весьма коротка.

В 1957 г. известный переводовед Т. Савори (Т. Savory) посетовал на то, что проблемами перевода занимаются гораздо меньше в сравнении с тем, сколько делается переводов. Надо сказать, что с тех пор ситуация во многом изменилась. Настоящий взрыв востребованности переводческого труда в XX столетии повлек за собой и перемену в отношении к искусству/ремеслу перевода.

Конечно, вначале переводческая деятельность, по-видимому, отличалась от того, как она протекает (организуется и осуществляется) в наше время. Действительно, когда-то в древности сношения (политические, экономические и т.п.) языковых сообществ наверняка не обходились без посредников, сегодня называемых переводчиками. Сначала ими, видимо, становились просто люди, знавшие языки взаимодействующих сторон. При этом под знанием языка понималась та или иная степень знакомства с его фонетическим строем, лексическим составом и морфолого-синтаксической структурой. Чаше всего стилистика, а тем более знание культурных особенностей, стоящих за теми или иными вербальными построениями, почти никак не учитывались. Такие «переводчики» изъяснялись на обоих языках, но вряд ли владели *переводческим* их знанием. К счастью, такое положение дел существовало хотя и долго, но не всегда. И все же о более или менее профессиональном подходе к переводу, т.е. организации (со стороны заказчиков перевода) и осуществлению (со стороны собственно переводчиков) переводческой деятельности, можно говорить только начиная с XX в., когда заметно активизируются, усложняются и глобализируются международные отношения.

В орбиту интернациональных связей постепенно вовлекаются практически все живущие на земле народы: и те, чьи языки имеют статус международных, своеобразных *лингва франка* современного мира, и те, на языках которых, кроме самих носителей, говорят, пожалуй, только переводчики. К тому же работа созданных в XX в. международных организаций, в том числе крупнейших, как, например, ООН, немыслима без переводчиков.

Все это не могло не вызвать огромной потребности в профессионально подготовленной, высококвалифицированной армии специалистов-переводчиков.

Для ее удовлетворения в продолжение (и во имя продолжения) уже начавшегося процесса профессионализации переводческого ремесла

в целом ряде стран по всему миру создаются многочисленные учебно-педагогические центры по подготовке переводчиков-профессионалов. Процесс этот не ослабевает, а наоборот, активнейшим образом набирает силу. Создаются переводческие факультеты и отделения при факультетах родственных профилей. Студентам различных специальностей дают возможность получить квалификацию переводчика, работающего в рамках своей основной профессии (например, переводчик текстов медицинской тематики).

Процесс осознания необходимости профессионализации переводческой деятельности — если под таковой понимать, во-первых, поворот от «высокого искусства» отдельных, пусть и выдающихся, мастеров слова к массовому ремеслу, а во-вторых, рационализацию переводческой деятельности — растянулся почти на целый век. Но время это нельзя считать потерянным.

Потребность в профессиональном переводе во многом послужила стимулом для обобщения накопленных знаний в этой области и кристаллизации их в виде научно-методической базы для обучения новых поколений переводчиков. Таким образом, стала очевидной необходимость теоретической научно-обоснованной обработки дотоле лишь интуитивных догадок и чисто эмпирических наблюдений отдельных переводчиков-практиков. Так было положено начало науке о переводе.

Первоначально переводоведение воспринималось как часть то прикладной или сопоставительной лингвистики, то литературоведения. Кроме того, по многовековой традиции основное внимание в молодой науке уделялось почти исключительно художественному переводу.

За всю литературную историю человечества было накоплено немало более или менее развернутых высказываний переводчиков-практиков именно художественной литературы — писателей и поэтов, переводивших произведения своих коллег на родной язык или на их языки с него. Рождавшиеся по ходу перевода соображения они фиксировали то в афористически кратких сентенциях, то в более протяженных предисловиях к своим переводам.

Только начиная с 1920-х гг. появляются работы, которые можно назвать первыми ростками зарождающейся науки о переводе. Но и это все же были лишь подступы к по-настоящему научному, фундаментальному изучению проблем перевода. Наука о переводе в полном смысле слова складывается тогда, когда к переводу обращается лингвистика. Это произошло во второй половине XX в.

В 1950—1960-х гг. публикуются работы А. В. Федорова, Э. Кари (E. Caru), Т. Савори, Ю. Найды, Ж. Мунена, Дж. Кэтфорда (J. Catford)

и др. Примерно в то же время появляются периодические издания, посвященные проблемам перевода (журнал «Babel», официальный орган созданной в то время Международной федерации переводчиков — ФИТ¹, сборники «Мастерство перевода», «Тетради переводчика» и др.). Постепенно происходит слом традиционного исключительно «филологического» взгляда на перевод. Одной из пионерских работ в этом направлении стала книга канадцев Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне (J.-P. Vinay, J. Darbelnet) «Сопоставительная стилистика французского и английского языков. Метод перевода» (1958). В отечественном переводоведении следует отметить работу «Основы общего и машинного перевода» (1964) И. Ревзина и В. Розенцвейга, в которой, по словам самих авторов, была предпринята попытка отойти от описания перевода как творческой деятельности и изложить его теорию в терминах структурной лингвистики.

В те же годы на многочисленных переводоведческих конференциях и в огромном количестве публикаций о проблемах перевода со всей остротой ставится вопрос о самостоятельности переводоведения как науки.

Еще одной заслуживающей упоминания особенностью того времени был бум в отношении машинного перевода. Сначала оценка его перспектив развития была более чем оптимистической. Очень скоро, однако, после того как была осознана вся сложность формализации описания естественного человеческого языка, эйфорию в отношении машинного перевода сменил почти тотальный скепсис. Позднее ситуация в известном смысле «уравновесилась»: работа над машинным переводом продолжается и сегодня, но масштабы ее заметно уменьшились, а сам машинный перевод стали рассматривать как вполне применимый, хотя и в довольно ограниченных рамках, способ перевода (подробнее о машинном переводе см. в гл. 12).

Дальнейший ход истории переводоведения связан с процессом освобождения от узко лингвистического подхода в изучении перевода. Постепенно все яснее и яснее осознается необходимость рассматривать и другие его аспекты с выходом на смежные науки (психологию, психолингвистику, семиотику, культурологию, религиоведение и др.). Переводоведение окончательно «эмансипируется».

Среди крупнейших отечественных ученых-переводоведов 1970-х гг. следует упомянуть Л.С. Бархударова, Ю.В. Ванникова, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, Г.В. Чернова, Л.А. Черняховскую, А.Д. Швейцера; среди зарубежных — Г. Егера, В. Вилса (W. Wilss), К. Райе.

В 1980—1990 гг. появляются труды О. Каде, А. Нойберта, П. Ньюмарка (P. Newmark), М. Снелл-Хорнби (M. Snell-Hornby), Д. Селескович (D. Seleskovich) и М. Ледерер (M. Lederer), Ж. Делила (J. Delisle), Г. Фермеера и многих других авторов. Отечественные переводоведы также публикуют новые работы: выходят книги Р.К. Миньяра-Белоручева «Общая теория перевода и устный перевод» (1980), Л.К. Латышева «Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения» (1986) и др.

Переводоведы обращаются теперь ко всем без исключения видам и подвидам переводческой деятельности, ко всем типам переводимых текстов, изучают деятельность переводчика с различных точек зрения, в различных условиях. К переводу проявляют интерес представители самых разных наук: от психофизиологов до специалистов в области этики. А собственно лингвистические вопросы перевода заняли свое (одно из многих) место в этом спектре подходов.

За последние годы в переводоведении появилось и появляется множество работ молодых ученых. Таким образом, переводоведческие исследования ведутся уже не только корифеями, утвердившимися в науке. Проблемы переводоведения разрабатываются студентами переводческих семинаров, курсов, отделений, факультетов, специализированных вузов.

Вопросы и задания

1. Расскажите об основных этапах истории перевода в России и в мире вообще.
2. Какие вопросы теории и практики перевода проходят через всю историю переводческой деятельности и ее осмысления?
3. Назовите имена крупнейших зарубежных и российских переводчиков и критиков перевода. Кратко охарактеризуйте вклад каждого из них в историю теории и практики перевода.
4. Что вы знаете о переводческой деятельности А. Карельского, М. Гаспарова, М. Литвиновой, Н. Демуровой, Э. Линецкой, Г. Кружкова? Каких еще современных российских переводчиков вы знаете?

Глава 4

Переводоведение и смежные с ним научные дисциплины

Все девять, дружно кружились Музы...

Ст. Конен

§ 1. Многоаспектность перевода как вида деятельности

Выше уже упоминалось, что одним из отличительных качеств процесса перевода является его многоаспектность. Перевод — это такой вид коммуникации, который осуществляется с помощью языка (точнее, двух языков или более), но этим процесс перевода далеко не исчерпывается. Для его эффективного осуществления следует учитывать особенности общения, связанные с культурой взаимодействующих людей или народов. Кроме того, в процесс перевода вовлечены переводящий и переводимый, адресат перевода, разные люди, играющие разные роли и по-разному себя ведущие в данном процессе. Это выводит нас на различные проблемы психофизиологического, социологического, этического порядка. А раз такова особенность процесса межъязыкового общения при посредстве перевода, то наука, его изучающая, должна все это учитывать. Иначе она неправомерно упростила бы сами объект и предмет своего исследования. Вот почему переводоведение представляет собой научное направление, находящееся в тесной связи с целым рядом смежных с ним научных дисциплин. Прежде всего с научными дисциплинами филологического цикла. Кратко обрисуем точки его соприкосновения с некоторыми из них, не претендуя, впрочем, на полноту освещения этого сложного и многогранного вопроса.

Переводоведение связано с лингвистическими (шире — филологическими) дисциплинами, изучающими язык и те или иные языковые ярусы в рамках какого-либо одного языка, а также изучающими два языка или более. С некоторыми из этих дисциплин оно связано теснее, т.е. у них больше общих научных проблем, с другими таких проблем

меньше, а значит, меньше и точек пересечения (например, с фонетикой). К помощи некоторых дисциплин переводоведение прибегает при решении стоящих перед ним прикладных задач, например в процессе разработки частной теории перевода в конкретных парах языков или изучения тех или иных вопросов специальной теории перевода, касаясь таким образом конкретных разновидностей последнего. Обращение переводоведения к другим лингвистическим дисциплинам способствует решению более фундаментальных, общетеоретических проблем межкультурной коммуникации с помощью перевода.

§ 2. Переводоведение и филология

Рассмотрим несколько примеров взаимодействия некоторых разделов филологии (языкознания и литературоведения) и переводоведения.

Фонетика и переводоведение. Фонетика — это раздел языкознания, который изучает речь как реализацию языка в ее физическом, акустико-артикуляционном аспекте.

В фонетическом инвентаре языка различают два уровня единиц — сегментный и суперсегментный (или просодический). К сегментному уровню относятся конкретные звуки и звуковые комплексы речи, служащие «кирпичиками», из которых складывается речь.

К суперсегментному уровню относят все, что превышает уровень минимальных языковых единиц. На суперсегментном уровне выделяют такие важные параметры речеобразования, как различные интонационные контуры, ударение, ритм, громкость, темп, паузация и т.д.

В рамках переводоведения вопросы фонетики занимают подчиненное положение, поскольку переводятся не отдельные звуки или просодические компоненты речи, а целые и цельные тексты и смыслы. Поэтому междисциплинарная связь фонетики и переводоведения носит ограниченный характер и затрагивает в основном устный перевод или перевод текстов, предназначенных для устного воспроизведения.

К таким типам переводных текстов относятся тексты театральных пьес и речь персонажей в фильмах, либретто и тексты вокальной и вокально-симфонической музыки, литургические тексты, речи выступлений и доклады, а также звучащие фрагменты рекламных текстов. В определенной степени вопросы звучания учитываются при переводе поэзии и ориентированной на особые произносительные эффекты художественной прозы.

При переводе всех таких текстов приходится учитывать как сегментный, так и суперсегментный уровень. Например, диалог какого-либо фильма под синхронный дубляж следует переводить не просто

правильно (соблюдая все межъязыковые соответствия, передавая все реалии и т.п.). Нужно переводить с учетом удобочитаемости текста, следить за тем, чтобы длина фраз перевода совпадала с длиной фраз оригинала, а паузы в переводе были там же, где и в оригинале, и т.д.

Семантика и переводоведение. Семантика как раздел языкознания изучает значения слов, предложений, целых текстов. Вопрос о том, что значит то или иное слово, словосочетание, предложение, текст, является одним из самых важных вопросов и в переводоведении.

Структурные исследования в семантике показали, что слова в языке организованы в определенную структуру, или систему. Во-первых, они могут быть соотнесены друг с другом *парадигматически*. Иначе говоря, слова могут быть сформированы в группы на основе сходства или оппозиции и потому быть связанными между собой отношениями синонимии, антонимии, паронимии, систем словоформ одной лексемы. Наконец, они могут образовывать целые семантические поля.

Во-вторых, слова сочетаются друг с другом согласно определенным коллигационным и коллокационным правилам. Этот взгляд на отношения между словами в языке называется *синтагматическим*.

Как показывает практика перевода, ни парадигматика, ни синтагматика любых двух языков никогда не совпадают полностью. Следовательно, при переводе нужно вникать в значение оригинала, определяя место переводимых единиц в системе исходного языка и пытаться найти им соответствие в системе ПЯ.

Например, русское слово *рука* должно быть переведено на английский язык по-разному во фразах *Кто знает ответ на этот вопрос, пусть поднимет руку* и *Они шли под руку*. В первом случае соответствием слову *рука* будет *hand*, во втором — *arm*.

Весьма полезным для оптимизации переводческой деятельности оказывается так называемый семантический компонентный анализ. Он представляет собой как бы расслоение слова на все содержащиеся в нем смыслы, семы. Применение компонентного анализа к процессу перевода в переводоведении необходимо, поскольку практически ни одно слово в каком бы то ни было языке не совпадает по своему семантическому составу со словами другого языка. А поэтому нужно уметь обнаруживать наиболее существенные семантические компоненты слова в данном конкретном контексте (см. гл. 8, § 4; гл. 9, § 4).

Обращение к семантике и ее категориальному аппарату существенным образом оптимизировало общетеоретические и частно- и специально-теоретические переводоведческие исследования межъязыковой коммуникации, что, в свою очередь, позволило усовершенствовать некоторые аспекты переводческой практики и преподавания перевода.

Контрастивная лингвистика и переводоведение. Контрастивная лингвистика — это направление исследований в рамках общего языкознания, целью которого является сопоставительное изучение двух или более языков для выявления сходств и различий между ними на всех ярусах их структуры.

Контрастивная лингвистика выросла из наблюдений над различиями между родным и чужими (иностранными) языками. Эти наблюдения фиксировались в различного рода сопоставительных грамматиках, появившихся в западноевропейских странах начиная с эпохи Возрождения.

Кроме того, исследования по сопоставлению языков оказались важными для создания типологической классификации языков, начавшегося примерно во 2-й четверти XIX в. в Европе.

Контрастивная лингвистика занимается сравнением языков на их синхронном срезе. Активнее всего языки сопоставляются на уровне грамматики, хотя ведутся исследования и в области, например, изучения их лексики.

Контрастивная лингвистика изучает языки на уровне *языка* (по Соссюру — на уровне *langue*). Переводоведение же имеет дело с реальной, конкретной *речью* (*parole*) в виде текстов и в меньшей степени с системой языка вообще. Поэтому не все результаты сопоставления языков в рамках контрастивной лингвистики оказываются в равной мере полезными для переводоведения.

Однако весьма и весьма ценными для переводоведения представляются исследования ученых, занимающихся проблемами контрастивной лингвистики, где на материале двух разных языков изучается то или иное языковое явление. Такие работы тяготеют к типологическим исследованиям. Как правило, при этом за исходный пункт берется то или иное понятие и соответственно рассматриваются все формы его языкового выражения в обоих языках. Благодаря этому переводоведение оснащается ценными для него фактами межъязыковых соответствий. Например, в 1980-х гг. заметно активизировались исследования порядка компонентов в синтаксических структурах. В частности, изучение тема-рематических принципов актуального членения предложения дало возможность правильно распределять новую и уже известную информацию при переводе с одного языка на другой, поскольку отнюдь не во всех языках эти принципы совпадают (см. гл. 8, § 5).

Весьма плодотворными оказываются исследования в области лексической семантики, в рамках которой сопоставляются семантические поля определенных лексем в тех или иных парах языков.

Еще одним важным и многообещающим для переводоведения направлением контрастивной лингвистики, бесспорно, следует признать исследования в области контрастивной прагматики. В работах, посвященных этим проблемам межъязыкового сравнения, изучаются способы вербального воздействия на реципиента сообщения (например, языковое оформление приказов, пожеланий и т.п.; языковые механизмы убеждения в тех или иных языках и т.д.) (см. гл. 10, § 2).

К сожалению, контрастивная лингвистика относится к числу еще недостаточно разработанных областей языкознания, а потому и объем накопленного в ней и полезного для переводоведения материала еще очень ограничен.

Связь переводоведения с контрастивной лингвистикой иллюстрирует ее связь со всеми лингвистическими дисциплинами, предмет исследования которых охватывает два языка и более.

Кроме перечисленных дисциплин, следует упомянуть направления лингвистических исследований, с которыми в тех или иных аспектах соприкасается переводоведение. Это лингвистика текста (текстообразования), психолингвистика, стилистика, терминоведение, лексикология, лексикография и др.

Заметим, что связи между переводоведением и любым лингвистическим направлением всегда носят именно характер взаимодействия и взаимовыгодности. Лингвистика обогащает переводоведение, а переводоведение, в свою очередь, снабжает лингвистику новым материалом для дальнейших исследований (см. гл. 13).

Переводоведение взаимодействует отнюдь не только с лингвистикой. Оно тесно связано и с таким важным направлением филологии, как литературоведение. Без этого взаимодействия невозможны исследования истории литературы и литературных процессов современности как отдельных стран, так и всего мира; как отдельных литературных направлений, так и их взаимовлияния через перевод (см. гл. 3, § 2). Тесный контакт литературоведческих и переводоведческих исследований способствует решению проблем, стоящих перед литературной критикой, например в выработке критериев оценки переводной литературы (см. гл. 15) и литературы в целом, сравнительным литературоведением и т.д.

Таким образом, наука о переводе, во многом вышедшая из колеблели филологии, продолжает с ней взаимодействовать самым тесным образом. Исследования филологического характера играли и продолжают играть в ней очень важную роль.

Как уже было показано, под филологическими исследованиями перевода понимаются и литературоведческое, и языковедческое (лингви-

стическое) исследования. Одним из основоположников литературоведческого подхода к переводу у нас в стране можно считать К.И. Чуковского, выступавшего прежде всего за верность передачи образности переводимого художественного текста — исключительного объекта исследования представителей этого направления. Представители же языковедческого направления (А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров и др.) распространяли свои исследования в равной степени на художественные и нехудожественные тексты. При этом исследовались возможности максимально точной передачи оригинала на языке перевода как в плане содержания, так и в плане выражения.

Вместе с тем, подчеркнем еще раз, в ходе исследований были получены важные сведения и обобщения, обогатившие не только переводоведение, но и саму филологическую науку. В этом процессе можно выделить два направления. Так, в одних работах обобщающего характера достижения переводоведения сочетаются с достижениями науки о языке, а языковые явления изучаются в тесном соотношении с текстологией художественной речи [См., например: Виноградов, 1978]. Другие работы рассматривают проблему сосуществования текстов в разных языках как фактор обогащения общемирового литературного процесса, взаимодействия культур [См.: Левин, 1963; Алексеев, 1965, 1982; Гачечиладзе]. Все эти работы вносят важный вклад в филологическую герменевтику и помогают решать главный в филологии вопрос о понимании текстов (Л.В. Щерба).

§ 3. Переводоведение и гуманитарные науки нефилологического цикла

Переводоведение тесно взаимодействует и с науками нефилологического цикла — гуманитарными и естественными.

Теория и практика перевода соприкасаются с культурологией, поскольку стало уже аксиомой, что перевод — это не просто перенесение с языка на язык слов и предложений, это и общение культур. Культура очень ярко проявляется в языке, языковой картине мира. В этом смысле перевод следует признать не только средством межъязыкового общения, но и общения межкультурного (см. гл. 10).

Для того чтобы обеспечить эффективное межкультурное общение, переводоведение должно учитывать достижения культурной антропологии, истории, этнографии, религиоведения. Без знания особенностей культуры, истории, этических норм, религиозных воззрений взаимодействующих при посредстве перевода народов не может быть и речи о корректной и адекватно воспринимаемой обеими взаимодействующими сторонами коммуникации.

Переводоведение связано также с философией, особенно с той ее частью, которая занимается проблемами философии языка. При этом выделяются наиболее общие принципы функционирования языка в смысле экзистенциальной роли, какую он играет в человеческом обществе.

Еще одной важной точкой соприкосновения переводоведения с философией является его взаимодействие с философской герменевтикой, изучающей процесс понимания (в переводческой деятельности) как диалектический процесс накопления знаний; перевода как отождествления с принимаемым переводчиком сообщением; перевода как творческого языкового поведения и т.д. [См., например: Iser].

Переводоведение активно взаимодействует также с семиотикой. Наиболее плодотворными для него оказываются те семиотические исследования, которые изучают специфику культурно обусловленных эстетических и литературных кодов. С точки зрения семиотики переводческая деятельность представляет собой частный случай семиозиса, процесса порождения знаков и обмена ими. При этом оригинал и перевод предстают сложными знаками, требующими интерпретации и перенесения из одной семиотической среды в другую (из языка в язык, из культуры в культуру).

Предпринимались и предпринимаются попытки семиотических исследований в области типологии перевода. Самой известной является семиотическая типология перевода Р.О. Якобсона. Перевод в ней подразделяется на внутриязыковой, или переформулирование (*rewording*), межъязыковой, или собственно перевод, и межсемиотический, или трансмутацию (*transmutation*).

Связи со всеми этими науками нефилологического цикла вбирают в себя как синхронный, так и диахронический способы изучения общих для них и переводоведения проблем. Другими словами, проблемы, интересующие ученых, специализирующихся в конкретных областях научного знания, и переводоведов анализируются не только в современном срезе их существования, но и в исторической перспективе.

§ 4. Переводоведение и естественные науки

Несколько слов следует сказать и о связях переводоведения с естественными науками, прежде всего с изучающими мыслительные процессы, процессы речепроизводства и т.п. с психофизиологической точки зрения.

Так, переводоведение взаимодействует с психофизиологией, когнитивной нейронаукой. Условно к этому же кругу соприка-

сающихся с переводоведением наук можно отнести и психологию.

Добавим в заключение, что переводоведение сотрудничает также с теорией коммуникации, математической статистикой и другими, более отдаленными от гуманитарной сферы науками.

Все вышеизложенное показывает, насколько обширными являются сферы взаимодействия переводоведения с другими науками и областями научных исследований. При этом наиболее тесными ее связи оказываются с науками филологическими, что и понятно, ведь переводческая деятельность — прежде всего, деятельность языковая. Но этим не исчерпывается вся сложность и многогранность изучаемого переводоведением объекта, чем и объясняется необходимость привлечения к ее исследованиям других научных направлений.

Вопросы

1. В чем проявляется взаимодействие переводоведения с другими научными дисциплинами? Чем объясняется необходимость такого взаимодействия?
2. С какими науками филологического цикла тесно соприкасается переводоведение? В чем проявляется это взаимодействие?
3. С какими науками нефилологического цикла связано переводоведение? Каким образом?

Глава 5

Единица перевода

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути...

Б. Пастернак

§ 1. Проблема единицы перевода в связи с центральными проблемами переводоведения

Двумя центральными проблемами переводоведения являются уяснение принципа, согласно которому устанавливаются переводческие соответствия между ИЯ (исходным языком) и ПЯ (переводящим языком), и создание модели (моделей) переводческой деятельности. Понятно, что вопросы о поиске межъязыковых соответствий в процессе переводческой деятельности и о свойствах самих этих соответствий — ключевые для осуществления такого вида вербальной коммуникации, ведь именно таким образом появляется возможность соединить в едином коммуникативном акте различные языки и в конечном итоге — культуры.

В этой связи, однако, возникает вопрос о том, что считать единицей перевода в процессе осуществления переводческой деятельности [См.: Brodovich], поскольку, как показывает опыт переводческой деятельности и подтверждает этот опыт языкознание, структурно-семантические системы разных языков не совпадают, план содержания в них выражается по-разному. Иначе говоря, одно и то же содержание в разных языках проявляется в неодинаково организованном и членящемся на составные части речевом потоке.

А. Мальблан (A. Malblanc), а также Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне предлагали считать единицей перевода единицу мысли (*unite de pensee*). У последних она определяется как наименьший отрезок речи, связь между составляющими элементами которого не позволяет переводить их по отдельности.

Это определение, однако, сориентировано только на ИЯ, что ведет к определенному рода трудностям (переводческим и переводоведческим) при несовпадении членения плана выражения в ИЯ и ПЯ. А поскольку это происходит практически всегда, ведь даже в самых типологически близких языках единицы плана выражения различаются, иногда довольно значительно, то данное определение единицы перевода требует пересмотра. По мнению О. Каде, его следует признать наименьший отрезок текста на ИЯ, для которого может быть установлен соответствующий (эквивалентный) ему отрезок текста на ПЯ, чтобы при этом неизменным оставался план содержания.

§ 2. Понятие «транслатема».

Проблема языкового наполнения транслатемы

Единицу перевода можно (по аналогии с единицей фонологии — фонемой, морфологии — морфемой и т.д.) назвать транслатемой. Транслатема — это то, что переводчик стремится обнаружить и с чем он работает в процессе своей переводческой деятельности. Транслатема отражает константу переводческого соответствия плана содержания, обладающего своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке оригинала (в ИЯ), плану содержания, обладающему своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке в ПЯ. Таким образом, транслатема представляет собой целое, состоящее из двух (или даже более — например, при трехстороннем переводе) компонентов. Первым компонентом транслатемы является некое содержание, определенным образом выраженное средствами ИЯ; вторым — то же содержание, но выраженное уже средствами ПЯ.

Важно понимать, что транслатема — это константа с точки зрения *переводоведения*. С точки же зрения *лингвистики* длина транслатемы варьируется от звука (буквы) до целого текста.

Предположим, что на иностранный язык переводится следующее известное стихотворение В. Хлебникова:

Бобэоби пелись губы,
Вэоми пелись взоры,
Пиззо пелись брови,
Лиэээй — пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Слова *бобэоби, взэоми, пиэо, лиэээй, гзи-гзи-гзэо*, конечно, будут переводиться позвучно-побуквенно независимо оттого, будет ли целью перевода — воспроизведение тех же звуков, поиск ли других, которые могут вызвать те же или приблизительно те же ассоциации у иноязычного читателя. (Дополнительная трудность здесь кроется в том, что звуковые ассоциации, положенные в основу этого изображающего лицо человека стихотворения, очень индивидуальны, они выстраиваются в некий личный ассоциативный ряд, в полной (?) мере, наверное, понятный лишь Хлебникову. Их нельзя назвать ассоциациями, понятными любому носителю русского языка и русской культуры. Следовательно, задача поиска соответствующих ассоциаций в иностранных языках становится невыполнимой. Остается только воспроизвести то, что Хлебников дает в оригинале.) Таким образом, транслатемой при переводе этих слов должны выступать звуки, зафиксированные определенными буквами.

Наоборот, некоторые рекламные тексты переводятся только целиком. Возьмем, например, текст рекламы одной из марок сигарет: *Slow down. Pleasure up.* Казалось бы, хотя бы первое предложение можно перевести на русский, например, так: *He snehuu. Oстановись* и т.п. Но ведь *slow down* употреблено здесь в паре с *pleasure up*, неологизмом, который перевести отнюдь не просто. *Down* вступает в контекстуально активные антонимические отношения с *up*. *Slow (down)* входит в опять-таки контекстуально обусловленные синонимические отношения с *pleasure*, выступающим здесь (по морфологической конверсии) с адвербиальной частицей *up* в роли фразового глагола. По этим причинам перевод обоих предложений этого мини-текста должен осуществляться вместе, а не порознь, т.е. нужно переводить весь текст, который с его потенциальным переводом и составляет транслатему.

Транслатемами, учитывающими богатый аллюзивный контекст, придется переводить следующие стихи:

1

<...>

Совладал? Брат Ификала? Откуда такая в нем сила?!
 Две огромных змеи у шита — бездыханная грудя!
 Запыхался лишь... Что у слепца ты. Алкмена, спросила?
 Что Тиресий ответил? Что с домом Персеевым будет?

<...>

Туши погрязшие, тупо ревушие, вонь,
 Авгиев перст указующий, вязнувший конь.
 Но: брешь в стене и поток — бурный, пенный поток.
 Но: люди, люди! И этот — лукавый игрок!

<...>

Мила Деянира. мила, молода и красива.
 Беспечна, как козочка, скачет и Несса не чуёт.
 Увы, на земле даже кони в лукавстве ретивы!
 И мчат кони-люди — кентавры, — по трупам гарцуя.

2

<...>

Вокруг лишь глухие — до неба всё — стены.
 И окрики стражи, и Миноса бас.
 А где-то — эгейские волны, Микены,
 А там и Афины... Лететь — всего час.

<...>

- ' Лечу! Мы летим! А дворец тонет! Кносский!
 Соленой запахло свободой, отец!..
 Конечно, мы помним отлично конец:
 И свист, и шлепок, и шипение воска.

<...>

Юнца хоронить мы всем островом вышли.
 (Его имя — острова имя теперь.)
 Казалось, и шелест олив вдруг стал тише.
 Но плут ждать не будет! И бык. Он ведь зверь...

3

<...>

...И поножовщина, и океан вина,
 и мальчиков и женщин вой животный,
 блевотина, моча — разгул триумфа! Вот он!
 А я: «записки», «галльская война»...

'••"4\$ <•»>

Я жребий бросил, победил, придя, увидев,
 и вот — отечества отец и царь
 с царицей Клеопатрой! Я теперь властитель
 твой. Город-мир! Мой даже — календарь!

! •"»•

u*S ь <->

чД-'

Водораздел прошел вот по тому хребту
 Меж тем, что *было* и что *есть* и *будет*.
 С миндальным цветом иды, март весь — отойдут.
 Апрель и май, и обо мне забудут.

При переводе этих стихов, а точнее, при переводе того обилия слов и аллюзий на события, мифические и реальные, из греко-римского культурного мира, переводчику, очевидно, придется работать не просто на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Он должен будет учесть весь историко-культурный фон, стоящий за этими четверостишиями. Транслатемы, частью которых будут культурно-исторические реалии, здесь будут не просто лексико-грамматическими соответствиями ИЯ и ПЯ. Они должны быть лексико-грамматическими соответствиями с идентичным культурно-ассоциативным зарядом.

Как единую транслатему следует рассматривать, видимо, некоторые поэтические тексты, например образцы так называемой поэзии нонсенса, и их переводы. По крайней мере, в какой-то степени это может быть применено к произведениям макаронического типа, где соотношение между разноязычными пластами внутри одного произведения должно быть выстроено с учетом целого, а значит, весь текст все-таки нужно рассматривать целиком. Но даже в менее экстравагантных художественных, в особенности поэтических, произведениях длина транслатем увеличивается в силу того, что в таких произведениях речи языковые средства выражения оказываются тесно связанными с более крупными единицами плана содержания — образами. Наличие образов в поэтическом произведении заметно укрупняет структуру плана его содержания, что не может не отразиться на процессе поиска транслатем при его переводе на иностранный язык.

Кроме того, лингвистическая протяженность транслатем прямо пропорциональна типологическому сходству/различию ИЯ и ПЯ в выражении тех или иных единиц плана содержания. Если планы выражения для данного плана содержания в ИЯ и ПЯ структурно близки, то лингвистическая протяженность транслатем относительно невелика. Если же ИЯ и ПЯ сфуктурно-типологически очень разнятся между собой, то лингвистическая протяженность транслатем увеличивается.

§ 3. Транслатема и процесс перевода

Вопрос о единице перевода — транслатеме — возникает лишь в связи с процессом перевода, а не с переводом как текстом, результатом процесса перевода. Дело в том, что процесс перевода представляет собой первичный поиск транслатем, затем транслатемы могут изменяться (например, укрупняться или, наоборот, уменьшаться), уточняться, перестраиваться в синтаксическом целом.

Возьмем простое предложение на английском языке: *Paul was the last to leave the room.*

Первичное переводческое ознакомление с текстом, скорее всего, будет примерно следующим. Предложение будет разбито на такие отрезки:

Paul	Пол
was	был
the last	последним
to leave	(кто) вышел
the room	(из) комнаты

Таким образом, предложение получится таким: *Пол был последним, кто вышел из комнаты*. Однако, очевидно, в окончательном варианте перевода будет более лаконичная русская конструкция: *Пол вышел из комнаты последним*. Таким образом, будет произведен пересмотр первоначального набора транслатем. И это отнюдь не самый сложный тип предложения в английском языке.

Зачастую работа переводчика состоит из предварительного перевода и дальнейшего редактирования полученного первичного варианта. Это наиболее естественно при письменном переводе. В устном же и особенно в синхронном, а также с приобретением переводческого опыта сокращается время (и масштабы) редактирования, но процесс обработки первичного варианта перевода всегда присутствует.

По сути, мы наблюдаем поиск транслатем сначала, условно говоря, на низшем уровне — уровне линейного, последовательного восприятия переводчиком оригинала. Затем полученный набор транслатем пересматривается с точки зрения языковой / национальной логики передачи данного плана содержания в условиях ПЯ.

Иногда некоторые первоначальные транслатемы удаляются, как, например, в следующем предложении: *It was a difficult thing to do*. Окончательный вариант может быть более полным (*Задача была трудная / нелегкая / не из легких; Сделать это было нелегко / непросто*) или менее (*Это было трудно/нелегко; Было трудно/нелегко*), но в любом случае те или иные первоначально найденные транслатемы (прежде всего транслатема *to do* — (с)делать) были изъяты из окончательного варианта¹.

Первоначально воспринятые транслатемы могут также разворачиваться, распространяться. Например, в предложении *The policeman waved me on* окончательный вариант потребует увеличения объема воспринятых транслатем: *Полицейский показал, что я могу ехать/идти дальше*.

Таким образом, то, что мы видим в окончательном переводе какого-либо текста, редко соответствует тому, с чего перевод начался.

¹ Строго говоря, эта транслатема принимает вид /o do — 0.

Окончательная редакция перевода-текста отличается от перевода-процесса с его набором транслатем.

Между тем было бы неправомерным упрощением считать, что процесс перевода сводится к подбору первоначальных транслатем, а затем к их перестройке-редактированию. Дело в том, что перестройка-редактирование потому и предпринимается, что между линейно воспринятыми отрезками выражения содержания и окончательным переводом проходит сложный процесс верификации транслатем.

Прежде всего они соотносятся со всей многоярусной структурой ИЯ и ПЯ. Переводчик, опираясь на свое знание языка оригинала и языка перевода, как бы накладывает предъявленную ему в оригинальном тексте речь (*parole*) на языковую систему (*langue*) оригинала, выступающую в роли своеобразной матрицы. При этом выявляются те или иные отклонения от нормы, нейтрального стиля, те или иные словообразовательные, грамматико-лексические и синтаксические структуры; определяется, что в оригинале представляет собой индивидуальную, требующую отдельного перевода лексему, а что должно быть связано с другой лексемой (рядом или в отдалении от нее). В итоге определенные отрезки образуют транслатемы — сцепления с соответствующими им единицами плана выражения в ПЯ. Что-то в ИЯ, наоборот, не найдет соответствия в ПЯ, и транслатема не реализуется. По возможности ее отсутствие должно быть компенсировано в другой транслатеме, чтобы переводной текст не утратил той или иной (важной?) черты оригинала на ИЯ.

Например, при переводе с английского языка на русский архаизированной фразы *Thy cheeks, oh, let me kiss, my love* переводчик, хотя и переведет местоимение *thy* как *твою*, все же не передаст таким образом ее архаизированного звучания. Слово *thy* исходного языка — это, с одной стороны, местоимение второго лица в притяжательном падеже, с другой — это местоимение *архаичное*, вследствие чего архаизируется вся фраза оригинала. Перевод *твою* передает только первую функцию слова *thy*. Была реализована только эта транслатема (найденно соответствие в ПЯ). Архаизированность, заложенная в *thy*, не была реализована в этой транслатеме. Зато переводчик сможет компенсировать это при переводе слова *cheeks*, добавив к нейтральной транслатеме *cheeks* — *щеки* стилистическую окраску архаизированноеTM, получив «на выходе» транслатему *cheeks* — *ланыты*.

Кроме того, переводчик должен подумать, как передать синтаксическую архаизированность приведенной выше фразы. Опять-таки потребует компенсация, ведь порядок слов в русском языке более свободный по сравнению с английским, а потому не сможет отразить

особую стилистическую окраску инверсии: для русского языка это будет практически ничем не примечательным языковым явлением.

Таким образом, транслатемы прежде всего верифицируются при сравнении оригинала с языковыми системами ИЯ и ПЯ в целом.

§ 4. Верификация транслатемы

Транслатемы верифицируются на денотативном уровне. Денотатом называется определенный фрагмент окружающей нас реальности.

Воспринимая текст оригинала, переводчик должен сопоставить его с соответствующим денотатом. Именно отсутствие этого действия нередко ведет к ошибкам у начинающих переводчиков. Они воспринимают текст как «вещь в себе», вне его связей с окружающей реальностью. Текст оказывается оторванным от описанной в нем действительности. В этих случаях человеку, осуществляющему перевод, полезно вспомнить, что любые тексты пишутся людьми для людей и отражают те или иные факты и явления окружающего мира, о которых, с точки зрения автора текста, полезно знать его адресатам. Начинающие переводчики, забывая об этом, часто переводят какие-то «абстрактные», «непостижимые» тексты, будто написанные инопланетянами и адресованные если и землянам, то в форме, требующей фундаментальной дешифровки. Это, конечно, шутка, но она, похоже, отражает суть проблемы.

Итак, во время перевода следует задаваться вопросами: «Может ли такое быть? Имеет ли смысл "полученный ответ"? Будет ли переведенный мной текст понятным в той же мере, что и оригинал, воспринимающим его людям?» Другими словами, возвращаясь к объясненным выше терминам, нужно сопоставлять получаемые в процессе перевода транслатемы и модифицировать их таким образом, чтобы финальный текст перевода имел тот же смысл для его реципиента на ПЯ, что и для реципиента оригинала. Например, если нам предстоит перевести какую-либо идиому из текста оригинала, мы должны понять, что она значит, какой конкретный фрагмент действительности за ней стоит, и переводить это фразеологическое выражение данного содержания соответственно так, чтобы обратить внимание воспринимающего наш перевод человека именно на это явление, представление и т.п.

С этой точки зрения понятной становится разница при переводе следующих двух предложений с английского языка на русский:

- (1) The weather is fine today.
- (2) There is more than one way to skin a cat.

При переводе предложения (1) первоначальный набор транслатем будет таков:

The weather	погода
is fine	хорошая/отличная
today	сегодня

Путем перестройки транслатем в соответствии с естественным русского языка порядком слов получаем русское предложение вида: *Сегодня хорошая / отличная погода.*

Верифицировав транслатемы при сравнении ИЯ и ПЯ, приходим к выводу, что распределение транслатем должно быть именно таким. Здесь нет никаких более крупных идиоматически выраженных блоков содержания. При верификации транслатем на уровне их соотносительности с окружающей действительностью приходим к выводу, что приведенные выше варианты перевода можно считать удовлетворительными.

Иначе дело обстоит с предложением (2). Первоначально оно может быть разбито на такие транслатемы:

There is	Есть / существует
more	более
than	чем
one	один
way	способ
to skin	сдирать шкуру / свежевать
a cat	(с) кошки / кошку

Очевидно, при некоторой перестройке транслатем получаем следующее: *Есть/существует более одного способа содрать шкуру с кошки. Или: Шкуру с кошки можно содрать по-разному.* Даже при большей естественности с точки зрения русского языка второго варианта перевода он вряд ли нас устроит по нескольким причинам. И причины эти будут иметь смысл не с точки зрения языковой верификации полученных транслатем, а с точки зрения их денотативной верификации.

Действительно, что за дикость свежевать кошку, сдирать с нее шкуру! Мы, русские, этого не делаем. Следовательно, это не будет понятно нормальному русскоязычному реципиенту данного перевода. Требуется либо какое-то пояснение, либо нужно лучше понять, что имеется в виду, какое понятие объективной реальности здесь все-таки отражено. Вряд ли речь идет о технике свежевания котов!

Благодаря дальнейшей процедуре повторной языковой, а точнее уже шире — лингвокультурологической, верификации узнаем, что в данной идиоме мы столкнулись с поговоркой, распространенной в южных штатах США, например в Техасе. Там она означает всего-навсего то, что одно и то же можно сделать по-разному. «Жестокость» вербального облечения этой тривиальной мысли имеет, видимо, какие-то исторические корни, что в данном случае не имеет для нас никакого значения, «выносится за скобки», поскольку в восприятии рядового жителя Техаса фраза превратилась просто в идиому и не осознается как выражение, излагающее способы свежевания котов.

Таким образом, первоначально полученные транслатемы полностью пересматриваются. Идиома должна поэтому переводиться как единая транслатема. И в результате мы получаем что-то типа: *Одно и то же можно сделать по-разному*. При данном переводе, однако, теряется свойственная поговоркам яркая образность. Есть два выхода из этой ситуации: либо компенсировать эти черты оригинала, образовав соответствующие транслатемы при переводе других фрагментов текста оригинала; либо удовольствоваться по крайней мере ясностью выражения заложенной в оригинале мысли. В любом случае это, конечно, лучше, чем вводить реципиента русского перевода этой английской фразы в заблуждение рассказом о способах свежевания котов и жестокости техасцев.

Транслатемы также верифицируются на коммуникативном уровне, т.е. на уровне широкого контекста, ситуации общения и т.п.

Предположим, нам нужно перевести следующее предложение с английского языка на русский: *Several new schools appeared in the area* [См.: Miram. P. 52].

Перевод будет разным в зависимости от ситуации, в которой происходит общение. Если речь идет о появлении в данном районе (города? страны?) учебных заведений — школ, перевод может быть таким: *В (этом) районе появилось несколько новых школ*. Если же это предложение употреблено в сфере рыболовства, то, понятно, транслатема *schools* — *школы* должна быть признана неверной. Правильной транслатемой будет соответствие *schools* — *косяки (рыб)*.

Итак, выбор той или иной транслатемы из всех возможных определяется не только чисто языковыми причинами. В данном случае это было бы просто невозможно. Требуется знание контекста или ситуации, в которой осуществляется общение.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что установление и реализация транслатем во время осуществления переводческой деятельности — сложный, многоуровневый процесс. Иногда при этом мыс-

лительные операции, проделываемые переводчиком, напоминают своеобразные круги, как было показано, например, при анализе перевода американской пословицы. Найденные на «низшем», пословном, уровне транслатемы были признаны неприемлемыми для окончательного текста перевода, и переводчику пришлось вернуться к новому рассмотрению переводимого выражения на фоне языковой системы оригинала. При этом поиск охватил уже более широкий круг лингвокультурологического анализа ИЯ.

Интересно понаблюдать за тем, как переводчик осуществляет вышеописанный процесс на практике, тем более что сделать это удается нечасто, поскольку переводчики-практики довольно редко раскрывают ход своих рассуждений и механизм принятия решений во время перевода. Чаще мы видим лишь результаты этих рассуждений и уже принятые решения в форме конкретных переведенных текстов.

И все-таки иногда нам удается заглянуть в лабораторию переводчика. Так, в одном из номеров журнала «Иностранная литература» за 2003 г. были опубликованы стихи и эссе лауреата Нобелевской премии 1995 г. Шеймаса Хини (Seamus Heaney) в переводе с английского языка известного российского переводчика Г.М. Кружкова. К своим переводам Кружков предпослал вступление, в котором, в частности, так описывает процесс принятия решения о переводе названия сборника Хини «*Seeing Things**» (1991).

Надо сознаться, название сборника «*Seeing Things**» доставило переводчику немало хлопот. «Зримые вещи» или что-нибудь в таком роде здесь не подходит: слово «*things*» вообще редко переводится на русский впрямую, к тому же акцент в данной фразе сделан на глаголе «*seeing*», а не на существительном. Но как это перевести? «Зрение» — мало, «прозрение» — явный перебор. Множество других вариантов было рассмотрено и отброшено. Следовало обратиться к тексту — прежде всего к тексту заглавного стихотворения. В нем же речь идет не просто о зрении, а пришедшем к поэту новом, более глубоком, видении, обозначенном им латинским словом «*claritas*» (ясность). Критики отмечают, что тот «общий сумрачный фон», который превалировал раньше у Хини, в этом сборнике сменился ощущением «ясности и прозрачности». Это дает ключ к переводу названия: вынести из-за скобок подразумеваемое и сделать его русским названием и стихотворения, и книги.

Но как определить по-русски это подразумеваемое? Здесь уже авторского текста недостаточно; важен тот интертекст, который Хини, как мне кажется, имел в виду, а именно — рассуждение Джойса в «Портрете художника в юности» о термине «*claritas*» у Фомы Аквинского. Здесь мы имеем целую цепочку толкований. Это и «свет, исходящий из какого-то другого мира, для

которого реальность — лишь тень», и «миг, когда высшее качество красоты, яркое сияние эстетического образа отчетливо познается сознанием, очарованным его целостностью и гармонией» (Шелли), — и, наконец, просто «за мороженность». Нужно было передать все это, не теряя смысла *seeing*, «зрения», и я выбрал «прозрачность» за отсутствием лучшего варианта¹.

Как видим, от буквального перевода «видение вещей» до окончательного — «прозрачность» переводчик прошел отнюдь не простой и довольно долгий путь. В сферу его рассуждений были вовлечены и глубоко языковые соответствия (способы переводы слова *thing* с английского языка на русский), и основная мысль и содержание главного (одноименного) стихотворения Хини из переводившегося поэтического сборника, и — шире — культурный, или, точнее, литературный, контекст (рассуждение другого ирландского писателя Дж. Джойса о термине средневекового богослова Ф. Аквинского «*claritas*»). Были учтены также оценки этапов творчества Хини, высказанные критиками-литературоведами. Проанализировав все это, переводчик и пришел к окончательному варианту перевода. Весь путь от варианта транслатемы *seeing things* — *видение вещей* до варианта *seeing things* — *прозрачность* стал возможен именно благодаря широкой культурологической верификации каждого этапа перевода, каждого варианта, возникавшего в его процессе.

§ 5. Лингвистическая обработка транслатем

Обработка транслатем осуществляется не только в смысле их верификации, но и в смысле их чисто лингвистической² обработки (что мы, кстати, уже видели в вышеприведенных примерах). В переводоведении такая лингвистическая обработка называется переводческими трансформациями.

Перечислим основные виды переводческих трансформаций.

Опущение — это изъятие тех или иных элементов исходного текста в силу их избыточности с точки зрения ПЯ. Рассмотрим следующее предложение: *He [Simon] put down his fork and wiped his mouth, bending forward as he did so*³. При переводе на русский язык придаточное *as he did so* окажется избыточным и потому в тексте перевода будет опущено: *Он положил вилку и, наклонившись (вперед), вытер рот.*

¹ Кружков Г.М. Путем Энея // Иностранная литература. № 5. М., 2003. С. 3—4.

² Под лингвистической обработкой транслатем понимается и смысловая их обработка, выражающаяся различного рода языковыми формами.

³ Hepinstalk. The Absence of Nectar. N.Y., 2001. P. 44.

Таким образом, транслатема соответствующей части оригинального] предложения принимает вид: *as he did so — 0*.

Добавление — обратный процесс, требующий распространения какого-либо свернутого с точки зрения ПЯ в оригинале языкового оборота. В предыдущем примере предложение, исходя из контекста, можно расширить следующим образом: *Он положил вилку на стол...* Набор транслатем начала предложения дополняется еще одной: *He put down his fork 0. — Он положил вилку на стол...*

Заметим попутно следующее. Как хорошо видно из последнего примера, при переводе в одном и том же предложении, например, может быть сразу несколько трансформаций: *He put down his fork 0. — Он положил вилку на стол...* В оригинале есть притяжательное местоимение **h a**, но его нет в переводе. Налицо опущение. С другой стороны, в оригинале нет обстоятельства места, которое появляется в переводе: *на стол*. Это — добавление.

Еще один пример: *Our company's business systems and models could be adapted to address the market, language, and cultural differences, which were sure to be encountered.* — Системы и модели деловой деятельности нашей компании могут быть адаптированы *сообразно рыночным условиям, языку и культурным нормам различных регионов мира*.

В данном примере применяется прием опущения в отношении фразы *which were sure to be encountered*. Зато добавляется фраза *различных регионов мира*. Первое избыточно с точки зрения русского языка, второе является необходимым конкретизирующим определительным оборотом: *сообразно каким рыночным условиям, языку и культурным нормам?* Без этого дополнения русское предложение оказалось бы неполным.

При переводе часто требуется изменение порядка слов. Это может быть обусловлено различием в нормативных требованиях, предъявляемых к порядку слов в различных языках. Так, в английском, немецком и других языках есть определенные, довольно жесткие требования к порядку слов. В языках типа русского порядок слов хотя и не в полной мере свободный, тем не менее свободнее, чем, например, в английском или немецком языках. Поэтому часто требуется перестройка синтаксического целого в переводе по сравнению с оригиналом. Предложение *A man entered the room* должно быть переведено на русский с изменением порядка слов: *В комнату вошел человек*.

Иногда из-за различий между языками грамматические формы оригинала изменяются по сравнению с переводом. Например: *The meeting was held in the office.* — *Собрание проходило в офисе (компании)*.

Выше уже приводился пример компенсации.

Кроме того, при переводе применяется ряд контекстуально обусловленных лексических замен.

Конкретизация — выбор в качестве соответствия единицы ИЯ единицы ПЯ, более узкой по своему значению. Транслатема таким образом объединяет в себе соответствие единиц более широкого семантического объема в ИЯ и более узкого — в ПЯ.

Например, в английском предложении *We had a hearty meal* английское слово *meal* может потребовать конкретизации при переводе: *Мы прекрасно позавтракали / пообедали / поужинали*.

Генерализация — обратный процесс, когда более узкой по своему значению единице ИЯ соответствует более широкая семантически единица ПЯ. Так, в предложении *They usually shopped in Walmart* название магазина, хорошо известного в США, вряд ли что-либо скажет русскоязычному реципиенту перевода, а поэтому должно быть заменено в ПЯ родовым понятием *недорогой магазин*: *За покупками они обычно ходили в недорогой магазин*.

Антонимический перевод — это перевод, при котором составтранслатемы входят единицы ИЯ и ПЯ, находящиеся в антонимических отношениях, т.е. обозначающие противоположные понятия. Чаще всего антонимия сводится к наличию / отсутствию отрицания.

Приведем пример: *Not infrequently, the doctor had to tell his patients distressing news.* — *Врачу часто приходилось сообщать своим пациентам о постигшем их несчастье*. Транслатема *not infrequently* — *часто* иллюстрирует антонимический перевод в его типичном виде: отрицанию в оригинале соответствует отсутствие отрицания в переводе.

При смысловом развитии выраженное в оригинале содержание модифицируется при образовании транслатемы таким образом, что выраженное содержание в переводе соотносится с содержанием оригинала чаще всего как причина и следствие или наоборот.

Например: *answered the phone.* — *Я поднял / снял трубку*. Очевидно, что по лингвистически обусловленным причинам невозможно буквально перевести английское предложение на русский язык, поэтому приходится прибегать к домысливанию ситуации. Действительно, в оригинале речь идет о том, что зазвонил телефон и говорящий ответил на этот звонок. Но чтобы ответить на звонок, естественно, нужно сначала поднять / снять трубку (с телефонного аппарата).

Строго говоря, домысливание в данном случае обусловлено различием в описании одной и той же ситуации в двух взаимодействующих в переводческом процессе языках. Там, где по-английски «отвечают на телефон», по-русски «поднимают / снимают трубку».

Целостное переосмысление высказывания чаще все связано с переводом различного рода фразеологизмов. При этом, исходя из значения фразеологизма в ИЯ, либо подбирается соответствующий фразеологизм в ПЯ, либо характерная для фразеологизмов образность снимается и дается перевод, в котором остается лишь значение соответствующего фразеологизма: *You're a pain in the neck.* — Ты головная боль/ От тебя одни неприятности.

Смысловое развитие и целостное переосмысление высказывания — это, в сущности, варианты одного и того же вида переводческих трансформаций. Разница — в степени фразеологической «яркости» плана выражения. Кроме того, в первом случае перестройка оригинала не так полномасштабна, как во втором.

Еще одним видом трансформации при переводе является метонимический перевод. Если при смысловом развитии оригинал и перевод в конкретной транслатеме соотносились как причина и следствие или наоборот, то при метонимическом переводе они соотносятся как часть и целое или как соотнесенные по смежности понятия. Так, в предложениях *The iron curtain was there between Russia and the West for several decades.* — Железный занавес разделял СССР и Запад на протяжении нескольких десятилетий английское слово *Russia* означает не только Россию, но и представляемую ею страну — СССР, в которой Россия является лишь одной из многих частей. Однако именно с этой частью за рубежом ассоциируется вся страна в целом.

He has a wonderful Chagal in his house. — У него в доме есть замечательная картина Шагала. В данном примере *Chagal* означает полотно, написанное Марком Шагалом. Имя художника связано с одной из его работ по смежности (художник и его творение), а потому метонимия с именем художника в этом значении может быть заменена в переводе на более эксплицитное словосочетание картина Шагала. Таким образом, транслатема в данном случае оказывается следующего вида: *a Chagal* — картина Шагала, при этом части транслатеми связаны между собой метонимически.

Трансформации возможны и на синтаксическом уровне: тексты в ИЯ и в ПЯ могут по-разному члениться на предложения. Например, следующие два английских предложения могут быть объединены в одно русское: *I don't know about that. Nor do I care.* — Я ничего (этого) не знаю и знать не хочу. В каких-то случаях, наоборот, одному предложению оригинала может соответствовать два в переводе. Трансформации на синтаксическом уровне осуществляются исходя из логики языковой подачи содержания, традиций синтаксического оформления высказываний и т.п.

Еще одно важное замечание, касающееся всех описанных выше трансформаций. Дело в том, что предложенная выше их классификация является в известной степени теоретически искусственным разделением их на конкретные случаи и типы. В реальном переводческом процессе порой они, во-первых, как уже было сказано выше, встречаются не по одной в высказывании (например, в предложении), а сразу по нескольку. Во-вторых, нередко одна трансформация вызывает необходимость в другой. Они как бы напластовываются одна на другую. Наконец, грани между некоторыми видами трансформаций довольно зыбки и представляют собой чисто теоретические абстракции. В реальности иногда трудно сказать, что перед нами, например, — смысловое развитие, полное переосмысление высказывания или метонимический перевод.

Таковы в общих чертах особенности перевода с точки зрения его наименьшего звена, его единицы — транслатемы.

В заключение добавим лишь, что уяснение принципов определения транслатем (соответствий в ИЯ и ПЯ) важно для изучения переводческой деятельности, а также для того, чтобы оптимизировать процесс обучения будущих переводчиков и насколько возможно формализовать перевод как процесс для разработки эффективных программ машинного перевода.

Вопросы и задания

1. Раскройте взаимосвязь между проблемами, находящимися в центре внимания переводоведения, и проблемой единицы перевода.
2. Что такое транслатема? Как она соотносится с ее языковым наполнением?
3. Почему понятие «транслатема» предполагает обсуждение процесса перевода, а не его результата (текста)?
4. Как осуществляется поиск транслатем в процессе перевода?
5. Как и на каких уровнях верифицируются транслатемы?
6. Каковы лингвистические способы обработки транслатем?

Глава 6

Источники помех в межъязыковой коммуникации

...Мы видим, однако, что теология отрицания...
необходима для теологии утверждения...
Поэтому полезно будет сказать еще
немного и об отрицательной теологии.

Н. Кузанский (перев. В.В. Бибихина)

I know exactly what I want to say.
I've estimated how long it will take.
I've weighted the trouble that will come my way...

S. Hannah¹

Уже говорилось выше, что процесс перевода можно рассматривать как частный вид коммуникативного акта. Одним из важных факторов, влияющих на межъязыковую коммуникацию, является неизбежная энтропия, как, в принципе, и при любом другом процессе передачи информации.

Рассмотрим помехи, приводящие к энтропии информации в процессе ее передачи.

§ 1. Оригинал как источник помех в процессе межъязыковой коммуникации

Прежде всего следует заметить, что вопреки довольно широко распространенному мнению о возникновении помех только на этапе переноса информации, источником энтропии может выступать уже оригинал.

Оригинал — это текст (в широком смысле слова, т.е. он может быть как письменным, так и устным). И потому уместно будет напомнить следующее высказывание немецкого переводоведа Г. Хёнига (H. Hoenic): «Живые тексты — это дефектные тексты» (цит. по: *Handbuch Translation*. P. 147). Несмотря на кажущуюся неправомерно абсолютизирующую парадоксальность этого высказывания, оно во многом все-таки отражает действительное положение вещей.

Текст — это последовательность знаковых единиц, объединенная смысловой связью. Основными свойствами текста являются связность

¹ Я точно знаю, что хочу сказать, / И сколько это времени займет, / И трудности с которыми столкнусь... (С. Ханна, *англ.*)

и цельность. Связность текста складывается из внешней связности и внутренней осмысленности. Текст должен быть таким, чтобы в конце концов достигать цели того конкретного коммуникативного акта, в условиях которого он порождается, не распадаться на части в плане выражения, а следовательно, и в плане содержания. Чисто механическое нагромождение не выстраивающихся в слова звуков, несвязанных слов и предложений не может иметь никакой рационально осознаваемой коммуникативной установки. Все, что такого рода антитекст может произвести, — это озадаченность реципиента. Ни о каком конструктивном коммуникативном процессе говорить в таком случае не приходится.

Итак, для того чтобы текст способствовал достижению той цели, которая поставлена перед ним в данном коммуникативном акте, он должен быть определенным образом организован в плане содержания и в плане выражения. Другими словами, достижению цели коммуникации в тексте подчинены все лексические средства — тектонические (порядок слов), интонационные (если текст устный) и т.д. В плане содержания текст должен особым образом «разворачивать» заключенную в нем мысль: поэтапно, логически выстраивая исходные положения, их развитие (комбинирование, сталкивание и т.п.), выводя из них конечные, итоговые положения.

Еще одним важнейшим условием правильного (требуемого) восприятия текста является общий фонд знаний, или коммуникативный фон, присущий участникам коммуникации. Отсутствие такого общего фонда, или фона, приводит к невозможности хоть сколько-нибудь эффективно осуществлять общение. Поэтому наличие реципиентов, объединенных одним, общим для них фондом знаний, совпадающим по крайней мере настолько, насколько этого требует успешное восприятие данного текста, является совершенно необходимой составляющей акта коммуникации.

Но в реальной жизни дело нередко обстоит совсем не так. Отнюдь не всегда порождаемые людьми тексты отвечают предъявляемым к ним требованиям, т.е. обладают внутренней цельностью, связностью и внешней стройностью за счет соответствующих текстообразующих показателей. Тексты могут оказаться дефектными и в плане содержания, и в плане выражения. Да и участники коммуникации могут не обладать одинаковыми, необходимыми для достижения цели коммуникации знаниями или опытом.

Действительно, в плане содержания очень часто можно наблюдать нелогичность изложения мысли, ее недостаточную продуманность и т.п. В плане выражения текст может быть оформлен так, что восприятие его окажется совсем не простой задачей. Скажем, могут быть допущены ис-

кажающие текст фонетические ошибки: сильный иностранный акцент, неправильное произношение тех или иных слов, неправильный интонационный контур, что в языках типа русского может превратить вопрос в утверждение, а утверждение, наоборот, в вопрос, и т.п. Например, один студент-американец попал в неприятное положение из-за того, что в переполненном московском автобусе перепутал интонацию утверждения с интонацией общего вопроса во фразе «Вы сходите сейчас?», обращенной к стоявшему перед ним пассажиру. Человек, понятно, услышал в ней приказ, а не вопрос, — приказ покинуть автобус, хочет он того или нет, иотреагировал весьма недружелюбно [См.: Виссон, 1999. С. 165].

В плане выражения текст может быть искажен также лексическими ошибками, например нарушающими связь между высказываниями, а значит, и логику языкового развертывания текста, и в результате план содержания расходитя с планом выражения.

К ошибкам в плане выражения может привести и неправильный порядок слов в предложении. Этот тип дефектности плана выражения текста мешает достижению коммуникативной цели в языках типа немецкого и английского, где порядок слов в предложении, или правильность в организации тектонических средств, играет ключевую для его понимания роль. Часто именно от порядка слов в английском предложении зависит, что перед нами — вопрос или утверждение.

Наконец, если адресат сообщения не учитывает фонда знаний своего собеседника, получателя сообщения, коммуникативный акт не может состояться, и уж точно ему будет нанесен более или менее значительный ущерб.

Все перечисленные компоненты текста обычно критически анализируются в тексте перевода. Но не следует забывать о том, что дефектным нередко оказывается уже исходный, оригинальный, текст.

Изначальный текст (оригинал) может содержать ошибки «механические». Например, при произнесении оригинала, подлежащего переводу, говорящий может дважды повторить одно и то же слово, употребить частицы и междометия, заполняющие паузы в момент обдумывания продолжения речи (в русском языке *ну, э-э-э*, в английском *well, whatchamacallit* и т.д.). Адресант сообщения может оговориться (перепутать слова и т.п.). В письменном, набранном на компьютере тексте могут быть допущены ошибки, например, при копировании (методом *cut-and-paste*) и составлении фрагментов других текстов в окончательный текст оригинала: один и тот же фрагмент может быть — по ошибке — скопирован и внесен в текст оригинала дважды или не туда, куда следовало. Понятно, что подобного рода ошибки выявить довольно легко и они практически не мешают осуществлению коммуникации (в частности, и через пере-

вод). К легко определяемым ошибкам можно отнести также бессмысленные опечатки (типа *сoьл* вместо *eшь*), которые не изменяют смысла высказывания.

Сложнее дело обстоит с опечатками, порождающими иные смыслы. Скажем, в английском предложении *When I saw the men, the vision startled me* об ошибке в слове *men* (в некотором гипотетическом тексте) можно догадаться только при сопоставлении этого предложения с предшествующим ему, например таким: *A man entered my room*. Иначе понять невозможно, ошибка перед нами или нет. Контекст бывает важен особенно в устном переводе. Например, иногда оказывается невозможным, по крайней мере до следующей фразы, определить, что имеется в виду — *sun* (солнце) или *son* (сын), и т.п.

Могут быть допущены ошибки в приводимых (чаще всего числовых) данных: перепутан порядок числа — 10 вместо 100; допущена ошибка в статистических или иных данных, например относительно численности населения той или иной страны, города и т.п. Из-за каких-то технических ошибок подписи к фотографиям, графикам, таблицам и их описания могут не соответствовать самим фотографиям, графикам и таблицам.

Все подобного рода погрешности оригинала в информационноцентричных текстах при переводе, как правило, устраняются переводчиком. Собственно, на корректировки такого типа рассчитывают и заказчики перевода. Исключением из этого принципа поведения переводчика в отношении ошибок в исходном тексте следует считать перевод текстов эстетически ориентированных (художественных, публицистических), где такие ошибки могут быть намеренным художественным приемом, а потому должны быть сохранены. Даже если они, скорее всего, являются ошибками, переводчик их оставляет в тексте без изменения и дает соответствующие примечания, где может быть дана правильная (с точки зрения переводчика, редактора или издателя) информация.

§ 2. Процесс перевода как источник помех в межкультурной коммуникации

Еще одним фактором, порождающим помехи в процессе перевода, является сам процесс перевода и его результаты, находящие отражение в тексте перевода. Например, оригинал может характеризоваться определенным отклонением от литературной нормы ИЯ. Текст может быть создан на каком-нибудь его диалекте или социолекте. Конечно, это никак не должно быть источником помех, если переводчик подготовлен к работе с такого рода текстами. Если же он недостаточно под-

готовлен, то возникает опасность неправильного понимания исходного текста, а соответственно, в тексте перевода могут возникнуть ошибки, иногда серьезные, фактические, что, конечно, недопустимо.

Как переводчик должен поступать в такого рода ситуациях, вопрос, безусловно, важный и требует особого разговора. Во всяком случае, он меньше всего должен думать о сохранении во что бы то ни стало своей репутации за счет интересов людей, для которых работает.

Мы уже знаем: чтобы быть способным квалифицированно осуществлять свою профессиональную деятельность, переводчик должен знать язык оригинала, язык перевода и предмет речи. Другими словами, он должен отлично владеть обоими вовлеченными в перевод языками. При этом важно понимать, что каждый из трех элементов абсолютно необходим, незаменим, ни одним из них нельзя пренебречь. Если это условие не будет соблюдено и хотя бы один из компонентов этой триады будет отсутствовать, под угрозой срыва окажется весь коммуникативный акт.

Что подразумевается под отличным владением обоими языками? Очевидно, переводчик должен быть подготовлен так, чтобы владеть грамматикой обоих языков, их лексикой, уметь беспрепятственно выражать свои мысли хотя бы на уровне бытового общения, а также в своей профессиональной сфере (лингвистика, литературоведение, медицина, банковское дело и т.д.); он должен видеть и уметь воспроизводить разницу между текстами, созданными на одном и том же языке, но принадлежащими к разным функциональным стилям; обладать основными сведениями о культуре стран, языки которых используются в процессе перевода.

Говоря о лингвистической компетентности переводчика, следует помнить о различии языка и речи. Речь можно назвать воплощением, реализацией языка как системы. При этом речь динамична, вариативна, субъективна, произвольна в отличие от стабильного, инвариантного, объективного и императивного языка [См.: Арутюнова. С. 417—418]. Именно этим объясняется огромный спектр реализаций языковых системных требований в конкретных речевых актах — от почти идеального стиля высокообразованного ратора до ломаной, с трудом понимаемой носителями языка речи иностранца. В этой связи можно говорить о языковой норме, но вряд ли о норме речевой (разве что в смысле функциональных стилей).

Владение иностранным языком — это владение языковой литературной нормой. Конечно, неспециальное языковое обучение, особенно в последнее время, ориентировано на несколько менее требовательное отношение к тому, насколько высок уровень студента во владении языковой нормой. Но так или иначе, ставка делается на ак-

тивное овладение данным языком и, главное, императивной (строго обязательной) нормой [См.: Скворцов. С. 271]. Ознакомление с диспозитивной (не строго обязательной) нормой, «разрешающей» колебания в употреблении тех или иных форм языковых единиц (например, колебания в ударении: *иначе — иначе* и т.п.), занимает в процессе обучения (особенно иностранному языку) гораздо более скромное место.

Обучение же переводу и тем более собственно осуществление переводческой деятельности — это выход в гораздо более обширную и разнообразную сферу реальной речевой деятельности, осуществляемой на данном языке (языках). Таким образом, овладение языком (особенно иностранным) — это именно овладением *языком*. Переводческая деятельность связана в большей степени с *речью* в виде текстов со всей присущей ей изменчивостью.

Специалисты-переводчики подчеркивают неизбежность элемента непредсказуемости в процессе осуществления любого типа перевода. Одним из его проявлений, бесспорно, является непредсказуемость речевой деятельности переводимого человека. И переводчик-профессионал, конечно же, должен быть всегда готов к этому.

Элемент непредсказуемости в работе переводчика может проявляться на разных языковых уровнях: фонетическом (различные акценты одного и того же языка), лексическом (различные тематико-семантические пласты), синтаксическом и т.д. Языковая норма, которой обучают на уроках языка (родного или иностранного), безусловно, пригодится будущему переводчику для собственного речепроизводства, а к восприятию всего многообразия речепроизводства людей, которых он будет переводить, его готовят уже на занятиях по практическому переводу.

Действительно, переводческая деятельность не ограничивается произведениями речи, соответствующими только императивной норме. В ней встречаются тексты, искажающие в той или иной степени литературную норму ИЯ (на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом уровнях). Таким образом, вариативность как неотъемлемый компонент переводческой деятельности не сводится только к вариативности тематической. Она идет дальше и глубже.

Переводчик должен знать и, когда это необходимо, учитывать в своей работе, добываясь репрезентативности перевода, различия между разновидностями (в том числе диалектами, говорами и т.п.) языков, с которыми он работает. Так, если он работает с немецким языком, он должен знать и немецкие говоры, представленные в Германии, а кроме того, швейцарскую и австрийскую разновидности немецкого языка. При работе с французским языком он должен по крайней мере пони-

мать различные говоры людей, живущих не только в современной Франции, но и в Бельгии, и в канадском Квебеке, и в бывших французских колониях, например в Африке. Если речь заходит об испанском языке, понятно, что к языку собственно Испании добавится целый ряд разновидностей этого языка Южной и Центральной Америки.

И все это не говоря о том, что переводчику-письменнику (особенно тому, кто занимается переводом художественной литературы) просто необходимо хорошо изучить историю чужого языка, поскольку в сфере художественного перевода ему весьма часто придется сталкиваться не только с современными разновидностями того или иного языка, но и с его архаическими или архаизированными (возможно, всего лишь стилизованными под архаику — и тем не менее) видами.

Для переводчика, работающего с английским языком, необходимо знать основные различия между британской и американской его разновидностями. Конечно, хорошо, чтобы он знал и особенности канадского, и австралийского, и новозеландского, и индийского английского, и английского других бывших колоний Великобритании, но без понимания различий между британским и американским английским переводчику просто не обойтись.

Прежде всего проблема существования разновидностей того или иного языка касается устного перевода. Действительно, переводчик, работающий с парой языков английский—русский (и наоборот), в любой момент может столкнуться с какой-нибудь из ныне существующих разновидностей английского языка. Ему, привыкшему к традиционному в нашей стране британскому английскому и впервые столкнувшемуся с американским (и не просто в качестве собеседника, который может и недопонять, и вообще не понять слово или целое выражение, а в качестве переводчика), как правило, требуется некоторое время для языковой адаптации и уяснения для себя того, что и как произносится данным носителем английского языка, какая лексика им употребляется и в каком значении.

Вот почему в своей книге «Теория и практика синхронного перевода» Е.В. Чернов [С. 166—167] специально говорит о необходимости обучать переводчика-синхрониста (а, по сути, это требование может быть распространено на любого переводчика) особенностям звукового строя не только британского, американского, но и австралийского, индо-пакистанского, африканского вариантов английского языка. Чернов совершенно справедливо подчеркивает, что на международных конференциях большинство ораторов говорят на английском, имея в качестве родного другие языки. В этом случае осложняющим работу переводчика фактором становится заметная степень интерфе-

ренции родного языка каждого конкретного оратора, проявляющаяся и на фонетическом, и на лексическом, и на синтаксическом уровнях.

Переводчик (особенно устный) должен уметь почти мгновенно, на месте редактировать определенного рода высказывания, которыми, к сожалению, изобилует речь наших даже самых высокопоставленных государственных лиц. Низкая культура речи (например, политиков, хотя и не только их) — для переводчика не объект критики (как, например, для специалистов в области орфоэпии), не объект насмешек (как, скажем, для широкой публики и журналистов), а серьезное препятствие на пути обеспечения эффективной коммуникации.

В недавнем прошлом неуклюжие высказывания публичных лиц печатал журнал «Итоги» (совместно с «Newsweek») в рубрике «Международия». Материалы этой рубрики служат прекрасным материалом для упражнений на «мгновенное редактирование», умение в общем и целом понять то, что хотел сказать человек, а уж потом переводчески обрабатывать детали. Например, такое высказывание: *Бывает, она, эта волокита, не связана с непорядочностью, хотя часто это два, так сказать, полушария одного события* (Ю. Лужков). Это высказывание помимо типичных для устной речи повторов (*она, эта волокита*), которые уже сами по себе загромождают речь, затрудняя для потенциального переводчика вычленение и запоминание фактической информации, содержит еще и речевую контаминацию (*два полушария одного события*) не совсем понятного происхождения («две стороны одной медали?»). Если бы переводчику нужно было переводить это высказывание, ему пришлось бы выступить прежде всего в роли интерпретатора-редактора и, определенным образом мгновенно трансформировав это высказывание, попытаться передать основную мысль московского мэра.

«Прекрасным образцом» русского канцелярита может служить следующее высказывание из упомянутого издания: *Хотя по душе в русском народе нет антисемитизма, но, к сожалению, нас беспокоят отдельные факты его проявления* (В. Матвиенко). Опять-таки здесь есть контаминации (*по душе в русском народе* вместо *в душе у русского народа*), а также выдержанная в лучших традициях русского канцелярита фраза *отдельные факты его проявления*. Трудность для потенциального переводчика заключается в необходимости быстро преодолеть препятствия, создаваемые неумением четко выразить мысль, стремлением передать ее хотя и с определенной долей личного отношения, но все-таки более строго (отсюда канцелярит). Понятно, что навыкам такого перевода (с элементами редактуры) нужно обучаться специально.

Может показаться, что все вышесказанное в основном относится к проблемам, с которыми сталкиваются только устные переводчики.

Однако задача перевести текст, написанный, например, не на литературном английском языке, может встать и перед переводчиком, работающим в сфере письменного перевода.

Ограничимся одним примером из рассказа Дж. Ч. Гарриса «Uncle Remus Initiates the Little Boy»¹. В этом рассказе, как и в других своих рассказах о дядушке Римусе, Гаррис воспроизводит диалект негров Юга Соединенных Штатов, причем ставка делается не просто на достоверную запись особенностей негритянской речи — язык рассказов передает юмор и поэтический дар афроамериканцев¹.

С первого взгляда на текст рассказа становится ясно, что он никак не может служить примером литературной нормы английского языка. Это подтверждает уже первая произнесенная в рассказе дядушкой Римусом фраза:

Bimeby, one day, atter Brer Fox bin doin' all dat he could fer ter ketch Brer Rabbit, en Brer Rabbit bin doin' all he could fer to keep 'im fum it, Brer Fox say to hisse'fdat he'd put up a game on Brer Rabbit, en he ain't mo'n got de wuds out'n his mouf twel Brer Rabbit come a lopin' up de big road, lookin' des ez plump, en ez fat, en ez sassy ez a Moggin hoss in a barley-patch:

Первая проблема, с которой сталкивается переводчик, возникает уже на уровне понимания текста. Вот как перевел этот отрывок из рассказа (на русском языке «Братец Лис и Братец Кролик») на русский язык М. Гершензон²:

Гонялся, гонялся Братец Лис за Братцем Кроликом, и так и этак ловчился, чтобы его поймать. А Кролик и так и этак ловчился, чтобы Лис его не поймал.

— Ну его совсем, — сказал Братец Лис.

И только вылетели эти слова у него изо рта, глядь вот он скачет по дороге — гладкий, толстый и жирный Кролик.

Переводчик, видимо, не был уверен, что понимает окончание приведенного фрагмента оригинала (а именно слово *Moggin*), потому ограничился усеченным вариантом перевода. Этот пример показывает, что проблема понимания текста весьма актуальна даже для письменного переводчика.

¹ Английский текст цитируется по книге «Nineteenth Century American Short Stories» (1978).

² Текст перевода воспроизводится по книге «Американская новелла» (1958).

Итак, причиной энтропии передаваемой в коммуникативном акте информации может быть отправитель сообщения, стоящий за оригинальным текстом, или переводчик. Энтропия может возникать в процессе перевода. Нередко именно этот процесс влечет за собой искажение первоначальной информации («отправленной» оригиналом).

Вообще, когда речь заходит об энтропии, порожденной переводческим процессом, надо понимать, что она неизбежна. Если идеальные или по крайней мере вполне корректные тексты-оригиналы себе представить можно, то идеальных переводов не существует. Любой перевод лишь бесконечно стремится приблизиться к оригиналу. При этом чем менее информационноцентричным является текст-оригинал, тем менее близким к нему окажется его перевод (или переводы). Чем больше ставка в оригинале на форму (как, например, в художественных текстах), тем сложнее передать оригинал на ПЯ и тем больше потерь.

Дело в том, что содержание более или менее универсально у всех народов (общечеловеческие понятия, логика мышления и т.д.), в то время как форма выражения этого содержания очень разнится от народа к народу, от культуры к культуре, от языка к языку. Осознание этой проблемы заставило многих переводчиков усомниться в возможности успешного перевода вообще.

В этих условиях неизбежной энтропии оригинальной информации переводчик должен решить для себя (и эмпирически решает постоянно), какие помехи он должен устранить, а с наличием каких следует смириться.

Другими словами, одни ошибки или неточности его перевода должны быть признаны существенными (и по возможности быть устранены), другие — несущественными в зависимости от некоего сформированного у переводчика при ознакомлении с оригиналом представления о минимальном наборе его основных характеристик. Если эти характеристики в переводе сохранены, он признается удовлетворительным, или репрезентирующим оригинал. Таково необходимое и достаточное условие. Все дефекты перевода, препятствующие выполнению его репрезентирующей оригинал функции, считаются существенными, прочие несущественными.

Но встает закономерный вопрос о наборе критериев для определения существенных характеристик оригинала, обязательно подлежащих переводу. Обладая им, можно выявить, что от оригинала нужно сохранить в переводе, а чем можно пожертвовать. Иначе говоря, вооружившись таким набором критериев репрезентативности перевода, мы можем определить уровень допустимой энтропии (в терминах теории информации).

Минимальный набор требований, предъявляемых к переводу текстов, принадлежащих к любому функционально-стилистическому пласту, следующий.

Во-первых, перевод должен сохранить фактическую информацию оригинала и цель высказывания. Иначе он утрачивает одну из наиболее существенных характеристик оригинала, т.е. переводчик создает свой собственный текст, а следовательно, не репрезентирует оригинал.

Важно, однако, понимать, что фактическая информация, содержащаяся в оригинале, понимается широко. Это весь объем предметно-ситуативных сведений, которые вкладывал в свой текст создатель оригинала. В большинстве текстов переводчик прежде всего воспроизводит план содержания (исключение составляют только тексты художественные). При этом он может воспользоваться совершенно отличными от оригинала единицами плана выражения. И различия плана выражения ПЯ и ИЯ не будут сводиться только к различиям на уровне фонетических комплексов. Это могут быть различия и на уровне морфологическом (иные части речи), и на уровне лексическом (иной набор лексических единиц для описания данной ситуации), и на уровне синтаксическом (иной порядок слов), и на уровне стилистическом (возможна нейтрализация некоторых маркированных стилистически особенностей оригинала).

Например, русской фразе *Дайте мне почитать эту книгу* соответствует английская *Can I borrow this /your book?* Как видим, фраза значительно изменена в плане выражения по сравнению с оригиналом, но именно в таком виде она соответствует русскому варианту. А буквальный перевод (*'Give me this book to read'*)¹ абсолютно неприемлем, даже при том, что в нем нет ни грамматических, ни других ошибок. Причина в том, что данная фраза не соответствует стилистико-узуальным требованиям ПЯ (английского языка) и потому искажает оригинал на уровне его этико-нормативных характеристик. Зато изменение плана выражения дает возможность более точно отразить заложенную в оригинале информацию, включая ее стилистико-узуальную компоненту, и обеспечить верную передачу цели сообщения.

Перевод должен сохранить *тон* оригинала, т.е. хотя бы самые существенные его стилистические характеристики. При том, что не всегда представляется возможным сохранить все стилистические черты оригинала, нужно «просигнализировать» в переводе, каков его тон, т.е. та часть плана выражения, которая складывается из коннотативно маркированных элементов текста оригинала. Если события описываются с

Здесь и далее звездочкой (*) обозначены неудачные варианты перевода.

иронией, переводчик должен (хотя бы отчасти) сохранить эту ироничность. Если информация оригинала подана стилистически нейтрально, тот же тон должен быть передан и переводчиком. И наоборот, если стиль оригинала не нейтрален, то и перевод должен в основном это передать.

Перевод должен также сохранить отношение автора к тому, о чем он говорит. Искажение позиции автора, его мнения по какому-то вопросу, смягчение или, наоборот, усиление тех или иных аспектов излагаемого материала следует считать существенным недостатком перевода. Переводчик обязан всегда объективно отражать позицию автора.

Таков минимальный набор критериев репрезентативности перевода. Он может быть применен к переводам текстов любого функционального стиля. Набор этот будет расширяться, если тексты оригиналов в большей степени ориентированы на план выражения. Так, публицистические и художественные тексты требуют от переводчика усилий по максимальному сохранению в переводе не только плана содержания, но и плана выражения.

Минимальный набор требований репрезентативности перевода должен быть критерием его оценки. Если допущенные неточности не искажают темы и цели оригинального высказывания, его тона (наиболее существенных стилистических характеристик) и позиции автора, то с ними можно (и нередко придется) смириться.

Разумеется к переводу художественного прозаического или поэтического произведения предъявляются более высокие требования. Так, В. Брюсов считал, что переводчик стихотворного произведения при передаче рифм хотя бы одно из рифмующихся слов должен перевести соответствующей ему лексической единицей из ПЯ. Понятно, что такое требование касается исключительно поэтического перевода, да и то, скорее отражает личный взгляд на перевод В. Брюсова. Из этого следует, что расширение минимального набора требований репрезентативности может варьироваться от переводчика к переводчику, в то время как минимальный набор вряд ли может быть сокращен (исключение составляет так называемый сигнальный перевод, о чем см. в гл. 7).

Специально следует оговорить вопрос сохранения в переводе объема оригинала. Современное состояние развития теории и практики перевода свидетельствует о том, что требование сохранения текстуально-вербального объема оригинала не может быть введено в минимальный набор требований репрезентативности. Часто на практике от переводчика не требуется воспроизведение оригинала средствами ПЯ в полном объеме, и это относится не только к сигнальному переводу. Тем не менее способность такого несколько усеченного перевода репрезентировать оригинал не подвергается сомнению. Сокраще-

ние объема (хотя и считается нежелательным) практикуется даже при переводе художественных текстов. Но даже с купюрами текст первола *defacto* признается (пусть и в течение какого-то ограниченного *nt-i* риода времени) репрезентирующим оригинал. Между прочим, проблема эквилинеарности (равноточности, а следовательно -3 объема) обсуждается (*sic!*) и в сфере поэтического перевода.

Однако если перед переводчиком стоит задача перевести оригинал в полном объеме, то полнота объема перевода автоматически становится подлежащим выполнению требованием репрезентативности! В этом случае минимальный набор расширяется за счет добавления к нему еще и требования возможно полной передачи объема оригинала.!

§ 3. Реципиент сообщения как источник помех в межкультурной коммуникации

Причиной появления энтропии перевода может быть и его получатель, не обладающий достаточным фондом знаний для правильного понимания адресованного ему отправителем сообщения. В этом случае переводчик нередко берет на себя функции не просто посредника, но и толкователя текста оригинала для его получателя.

В свете данной проблемы несовпадения объема знаний у отправителя и получателя сообщения важно подчеркнуть, что репрезентативность не сводится к чисто лингвистическому соответствию текстов оригинала и перевода. Отнюдь нет, особенно в наше время активизации международных связей, когда нередко в непосредственный контакт вступают не просто носители различных языков, но и различных культур. Учет культурных установок отправителя и получателя переводимого текста требует (порой существенного) переосмысления роли переводчика в условиях межкультурной коммуникации. Из межкультурного и межличностного посредника он превращается в посредника межкультурного.

Важной также представляется проблема вариативности перевода.

Соотношение текстов оригинала и перевода уже само по себе — вопрос в высшей степени сложный, поскольку в данном случае имеется в виду не механическое тождество, а диалектически многоаспектное сопряжение двух текстов. С одной стороны, эти тексты связаны, причем один более независим (оригинал), другой менее (перевод); с другой — о ми в известной мере «живут своей жизнью» каждый в своем культурно-языковом локусе. Но когда мы переходим к анализу нескольких переводов одного и того же оригинала, проблема еще более усложняется.

Чаще всего несколько переводов создается в случае с художественными произведениями. Уже давно замечено, что, в отличие от оригинала, которым является выдающееся литературное произведение, его перевод устаревает. Это объясняется тем, что он репрезентировал свой оригинал для своего времени, своего поколения читателей. С изменением читательской аудитории перевод перестает отражать присущую оригиналу полифонию смыслов. На смену ему приходят вновь создаваемые переводы, те, в свою очередь, сменяются новыми и т.д. В результате создается ситуация, при которой в одной культурно-языковой среде оказывается более одного перевода одного оригинала. Иногда в одно и то же время (чаще всего независимо друг от друга) создаются несколько переводов одного и того же произведения.

Предположим, что оба перевода в полной мере репрезентативны. В этом случае возникает проблема, требующая теоретического осмысления: как у одного текста могут быть два в более или менее равной степени репрезентативных перевода? Это порождает вопрос, относительно чего можно говорить о вариативности конкретных переводов?

Можно сказать, что вариантами переводы являются относительно того, что называется «переводом вообще». «Перевод вообще» — это виртуальная сущность в отличие от актуальных (реализованных материально) переводов. Соотношение между разными текстами перевода одного и того же оригинала есть соотношение между единицами этического и эмического уровней (Бродович. С. 12].

Иначе это можно выразить так. Соотношение «перевода вообще» и его конкретных реализаций сравнимо с соотношением фонемы и аллофонов. При этом переводы могут находиться между собой в отношениях свободного варьирования: несмотря на некоторые различия они могут свободно заменять друг друга, примерно одинаково эффективно репрезентируя оригинал. На практике, конечно, один перевод удачнее передает один аспект оригинала, другой — какого-нибудь другой его аспект. Но в целом и тот и другой репрезентируют оригинал.

Однако возможно и иное объяснение причин вариативности перевода. Очевидно, все зависит от того, как рассматривать статус оригинала и перевода (переводов) в межкультурной коммуникации. Если оригинал первичен по отношению к переводу (переводам), то вышеописанная трактовка верна. Но если рассматривать и оригинал и перевод(ы) как разные варианты выражения одного и того же плана содержания, то сообщения оригинала и сообщения его переводов будут (равностатусными) его вариантами.

На языковом уровне вариативность перевода объясняется уже тем, что даже в рамках одного языка в большинстве случаев есть несколь-

ко способов выразить одно и то же содержание. Тем более когда мы имеем дело с протяженными произведениями речи, невозможно даже предположить, чтобы два переводчика, какими бы близкими ни были их переводческие принципы, слово за словом, словосочетание за словосочетанием, предложение за предложением выбирали бы одни и те же варианты перевода. Вот почему рассказ о переводе Септуагинты, когда семьдесят толковников якобы одинаково перевели весь Ветхий Завет с древнееврейского языка на древнегреческий, маловероятен.

Здесь важно упомянуть еще один, в идеале, правда, исключаемый, но в реальной практике весьма распространенный, источник вариативности, а именно различную степень энтропии исходной информации в восприятии разных переводчиков. Каждый переводчик может видеть оригинал иначе, чем его коллега. Это особенно важно учитывать при рассмотрении перевода публицистических и художественных текстов. Кроме того, он в большей или меньшей степени удачно, по сравнению опять-таки с его коллегой, может передать воспринятое единство формы и содержания оригинала.

Итак, источниками помех в межкультурной коммуникации, осуществляемой посредством перевода, могут быть и оригинал, и процесс перевода, и его реципиент.

Еще одной проблемой, связанной с энтропией при межкультурной коммуникации, является вариативность перевода. Она объясняется как вариативностью на языковом уровне, так и неизбежностью энтропии при передаче подлежащей переводу информации от адресанта адресату перевода.

§ 4. Перевод как коммуникативный акт «повторяющего» типа, средство преодоления энтропии при межкультурной коммуникации

С одной стороны, процесс перевода — это один из факторов, вызывающих энтропию исходного сообщения, но с другой — в переводе можно увидеть противоположную и противостоящую энтропии тенденцию. При неизбежности глобальной энтропии исходного сообщения в процессе межкультурной коммуникации возможно частичное ей, энтропии, противостояние, в частности и с помощью перевода. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Вторичный текст, создаваемый в результате деятельности переводчика, — это преобразованное, трансформированное на другой языковой код сообщение. Оно может быть названо повторением первоначального только условно, поскольку по своему существу отличается от первоначального, хотя и ориентировано на него. Поэтому мы называем такой

текст «вторичным» по сравнению с текстом «первичным». Термин «вторичный» не носит никакой оценочности и указывает лишь на последовательность и соотношенность двух текстов — оригинала и перевода.

Под вторичностью, являющейся результатом энтропии сообщения, пропускаемого через канал коммуникации, мы понимаем вторичность текста перевода со всем комплексом изменений, которые могут быть обнаружены в нем при сравнении с оригиналом. Эти изменения, или искажения первоначальной информации, могут носить неизбежный характер (например, разница языковых кодов оригинала и перевода) или быть результатом деятельности данного конкретного переводчика, данной конкретной переводящей машины или введенной в нее программы. В любом случае в большей или меньшей степени, с большей или меньшей степенью вероятности первоначальное сообщение будет искажено.

Однако есть средство уменьшения объема искажения первоначальной информации.

Н. Винер вслед за Дж. Гиббсом указывает на то, что уже наличие передачи сигналов в процессе коммуникации неизбежно уменьшает объем содержащейся в них информации. Это непреодолимое следствие царящего во Вселенной второго закона термодинамики, в соответствии с которым «обычно физическая система, принадлежащая к классу физических систем, продолжающего сохранять свои специфические черты класса, в конце концов почти всегда воспроизводит такое распределение, которое она показывает в любой данный момент во всем классе систем. Иначе говоря, при известных обстоятельствах система проходит через все совместимые с ее энергией распределения положения и моментов, если время ее прохождения достаточно для этого» [Винер. С. 25].

Во Вселенной царит хаос, и до определенного момента ее истории он будет не уменьшаться, а возрастать. Но этому разрушительному потоку противостоит упорное стремление всего сущего сохранить целостность. Так, некоторые организмы, к числу которых относится человек, стремятся хотя бы на время сохранить и даже повысить уровень присущей им изначально организации. Это явление носит лишь локализованный характер во всеохватывающем потоке усиливающейся энтропии. Жизнь как явление, имеющее место в нашем мире, — это оазисы антиэнтропических тенденций в умирающем мире. Стремление живого организма к сохранению и установлению наибольшей из возможных степеней физиологической устойчивости своего существа в целом и отдельных его частей называют гомеостазисом.

Мы существуем в среде, одним из основных свойств которой является распад и дедифференциация. При этом мы сами создаем свою микросреду до тех пор, пока она не начнет разрушаться быстрее, чем

восстанавливаться и преодолевать всеобщий хаос физического разложения. После этого наступает наша физическая смерть. В нашем организме есть специальные механизмы, регулирующие количество кислорода, углекислого газа, соли и сахара в крови, руководящие работой различных органов. Эти механизмы активно сопротивляются неблагоприятным воздействиям внешних и внутренних факторов окружающей (и наполняющей нас) среды. Таким образом осуществляется гомеостазис, действующий на основе обратной связи и сигналов о необходимости «наведения порядка» в наметившемся на том или ином участке организма хаосе.

Однако эти механизмы не могли бы осуществлять свою деятельность, не размыкая системы нашего организма. Мы принимаем пищу, вдыхаем воздух. Упомянутые антиэнтропические механизмы используют все полезное для поддержания порядка в нашем организме, а отработанное и пришедшее в негодность из него выводится. Так антиэнтропические процессы, включающиеся специальными механизмами в нашем организме, превращают и нас в антиэнтропические существа, и происходит это благодаря тому, что изолированная система замыкается и вбирает в себя необходимые для противостояния хаосу, упадку и надвигающейся смерти элементы из других систем.

То же самое происходит при передаче информации. Механизмами, хотя бы отчасти противостоящими распаду, т.е. потере информации или ее уменьшению, являются «новые впрыскивания» созидательных, или антиэнтропических, элементов из других сред благодаря размыканию данной среды. Так, передача сигнала может постепенно угасать, если она не будет подпитываться сигналами либо новыми, либо возвращающимися старыми (например, из памяти).

Известно, что *repetitio est mater studiorum* (повторение — мать учения). На самом же деле эта поговорка отражает лишь частный случай более общего принципа. Повторение — это один из универсальнейших способов преодоления энтропии, прием, с помощью которого можно разомкнуть изолированную систему и влить в нее новые силы для противостояния процессу утраты данной системой жизнеспособности.

Повторение настолько универсально, что мы привыкли к нему и не обращаем на него (точно так же, как на антиэнтропические механизмы внутри нашего организма) никакого внимания. Но давайте присмотримся к повторению, каким оно может быть, и задумаемся, зачем нужно что-либо повторять.

Повторить — значит сказать или сделать еще раз то, что уже было сказано или сделано, т.е. «отразить, воспроизвести, явиться повторением, копией кого-л. или чего-л., создать что-л. чему-л. подобное, а также

возобновить еще раз в памяти ранее заученное» | Словарь русского языка!. Последние значения суть частные случаи первого, самого общего.

Из такого понимания процесса повторения очевидными становятся его составляющие. Действительно, любое повторение по определению должно иметь то, что повторяет, и то, что повторяется. Другими словами, есть, как сказали бы мы в переводоведении, оригинал и есть некое воспроизведение этого оригинала.

С повторениями мы сталкиваемся буквально повсюду. Пример из повседневной житейской практики: мы что-то сказали кому-то, человек не услышал нас или не совсем расслышал то, что мы сказали, он просит нас повторить сказанное.

Можно привести случаи совершенно иного характера. Повторение может быть мнемоническим приемом, с помощью которого в древних культурах из уст в уста передавались огромные по объему (чаще всего сакральные) тексты. Оно может быть и другого типа. Например, повторение некоего приема (элемента общего, целого) для создания некой параллели, репризы в форме, скажем, художественного произведения.

Возьмем в качестве иллюстрации музыку. Начало «Страстей по Иоанну» И.С. Баха. Большой хор с оркестром — *Herr, Herr, unser Herrscher...* Это крупный хор для большого состава исполнителей. В конце же этого хора в партитуре стоит *Da capo* (с начала). И хор повторяется.

Зачем Баху понадобилось повторить такой большой хор целиком? Возможно, для того, чтобы еще раз повторить своеобразный эпиграф ко всем «Страстям» — мысль о том, чтобы страдания (страсти), через которые прошел Господь Иисус Христос, истинный Божий Сын, и через которые Он был прославлен, послужили нам примером (*Zeig'uns durch deine Passion, dap du wahre Gottes Sohn... verherrlicht worden bist*). Это диктовала также музыкальная форма произведения, ведь хор открывает монументальное вокально-симфоническое произведение, для чего, безусловно, требуется особая весомость начала. Вероятно, существуют и иные причины.

Но вот данное произведение повторяет уже в XX в. выдающийся кинорежиссер А.А. Тарковский в финале своего, пожалуй, самого лучшего фильма «Зеркало». Почему? С какой целью? Может быть, отчасти для того, чтобы сделать эпизод эмоционально более выразительным, к чему, по его же словам, согласно воспоминаниям Э. Артемьева, он прибегал, когда «эмоционально недотягивал» исключительно кинематографическими средствами. А может, чтобы подчеркнуть, как бы «перефразировав», основную мысль текста, звучащего у Баха, применением его к другому, своему материалу. Вспомним, что «Зеркало» — это фильм о переосмыслении сыном своего отношения к матери, че-

ловека — к своей Родине (вспомним процитированное в фильме известное письмо Пушкина Чаадаеву).

В заключительной сцене уже пожилая мать ведет по лесу и выводит из него двух своих маленьких детей. Она же, мать, но-еще молодая женщина, стоит в поле и смотрит на *себя* и своих детей. Это сцена примирения «через поколение». Взрослый сын, пройдя «чистилище» (если прибегнуть к понятиям, которыми оперировал Данте) воспоминаний о своей жизни, своем детстве и трудностях, которые ради него и с ним переживала его мать, воспоминаний о жизни своей страны, ее победах и поражениях, примиряется с матерью, Родиной. Он, по мысли Тарковского, преодолевает свой эгоизм и начинает понимать мать, свой народ. Он словно бы причащается недоступному ему дотоле чувству, пройдя *еще раз* через некогда уже пережитые страдания.

Хор Баха, возможно, должен еще раз подчеркнуть эту мысль, конечно при условии осмысления зрителем (и слушателем) всего заложенного в этот глубокий, философский и в то же время очень личный, почти интимный фильм классика мирового кинематографа.

Родом повторения является и лейтмотив в музыке (вспомним, например, богатую и развитую систему лейтмотивов в операх Вагнера), и мотив в литературе (поэзии, прозе), и колорит, линия в живописи. Существует понятие *рифмы ситуаций* (кстати, рифма в поэзии тоже повторение, имеющее свою роль в общей форме), применимое, например, к кино, драме и т.д., когда один эпизод или фрагмент эпизода повторяется в другом эпизоде, напоминая о предшествующем. Конечно, повторения такого рода осуществляются не в полном виде. Здесь мы имеем дело скорее с повторением-намеком.

В фильме М. Чимино «Охотник на оленей» один из главных героев, Майкл (Р. де Ниро), возвращается с вьетнамской войны в свой родной город в Пенсильвании, в свой дом, к своим друзьям. Но из-за обуревающих его чувств он не в силах войти в дом к ожидающим его друзьям. Все пережитое во Вьетнаме оставило в его душе неизгладимый след (в этом состоит одна из центральных мыслей фильма, мысль хемингуэевская — о том, что с войны не возвращаются, даже если выживают: не возвращаются теми, кем ушли), и ребяческое поведение его друзей теперь ему чуждо. Он видит, как не дождавшиеся его друзья садятся в машину, как один из них, Аксел, не успел сесть. Его товарищи в машине в шутку трогаются, «забыв» его. Аксел бежит за машиной.

Похожие шутки разыгрывались с участием самого Майкла когда-то давно, еще до войны. Но теперь в них не участвовали, кроме него самого, еще по крайней мере двое — Ник и Стив, каждый по-своему пострадавшие на войне.

Приведенный короткий эпизод — тоже повторение, которое может быть названо рифмой ситуации. В данном случае это повторение острее подчеркивает контраст в восприятии героем того, что было до войны, и того, что происходит после.

Эти примеры демонстрируют по крайней мере два типа повторений. В «Страстях по Иоанну» у Баха мы видели первый — точное, или статичное, повторение. Точным повторением может быть признано и повторение хора из «Страстей по Иоанну» в «Зеркале» Тарковского. То обстоятельство, что повторение осуществляется через значительный временной промежуток и переосмысливается, не является существенным. Для нас важно то, что повторение точное текстуально.

Точное повторение более характерно для одноязычной (однокодовой) ситуации общения.

Второй тип повторения — это повторение с некоторым изменением, динамическое повторение (пример из «Охотника на оленей»).

Хорошим примером динамического повторения является форма так называемого сонатного *Allegro* в музыке. У венских классиков (Гайдна, Моцарта, Бетховена) эта форма представлена наиболее ясно.

Сонатное *Allegro* — обычно первая, подвижная, часть сонатно-симфонического цикла — состояло из трех больших разделов: экспозиции, разработки и репризы. В экспозиции представлялся основной музыкально-тематический материал, состоявший обычно из главной и побочной тем. Могли быть и другие темы, например связующая между главной и побочной, а также тема заключительная, завершающая экспозиционный тематический материал. Экспозицию сменяла разработка, темы экспозиции развивались, расчленились на составные элементы-мотивы и т.д. Завершалось сонатное *Allegro* повторением экспозиции. Но это было динамическое, измененное повторение. Могли измениться тональности проведения тем (как правило, побочных) и в какой-то степени другие элементы музыкальной формы: фактура, tessitura (регистр) проведения тем и т.д. Кроме того, существовала так называемая зеркальная реприза, когда сначала звучала побочная партия и только затем главная. У Бетховена значительную роль начинает играть кода — заключительная и факультативная часть сонатного *Allegro*, — которая иногда под давлением драматизма отражаемых в музыкальном языке мыслей и образов превращалась во вторую разработку.

Все это важно для нас как пример динамического повторения, которое, по крайней мере отчасти, изменяет повторяемое, сохраняя при этом какие-то наиболее существенные его черты.

Динамическое повторение характерно для дву- или многоязычной (дву- или многокодовой) ситуации общения.

В определенном смысле говорить о точном повторении вообще можно только условно. На повторение, как и на другие процессы и явления нашей Вселенной, вполне может быть распространено высказывание, приписываемое Гераклиту в редакции Платона, о том, что невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Строго говоря, повторение всегда осуществляется в иных по сравнению с первоначальным представлением повторяемого материала условиях. Но сейчас мы абстрагируемся от этого, поскольку нас прежде всего интересует соотношение повторяющего и повторяемого, а не изменение среды коммуникации и осуществляющих ее сторон, что в конечном счете изменяет условия осуществления обмена информацией.

Но откуда мы знаем, что является повторением? В повседневной жизни это кажется нам настолько само собой разумеющимся, что мы и не задумываемся над этой банальностью. Нам же, чтобы применить все то, о чем мы здесь рассуждаем, к переводу, предстоит это выяснить.

Мы знаем, что перед нами повторение прежде всего потому, что оно открыто декларируется как повторение (например, в названии или его части — подзаголовке). У Ф. Листа есть фортепианные произведения под названиями «Сонеты Петрарки», «По прочтении Данте». Сам композитор указал нам на первоисточник своих произведений, что уже является достаточным свидетельством того, что перед нами повторение (идей, образов и т.д.). Это стимулирует нашу работу по поиску сходств между первоисточниками и их повторениями (в иной семиотической сфере), и она обязательно будет благодарной (даже если очевидных сходств окажется не так много), ведь «повторивший» сам подтолкнул нас к розыскам, дав нам своеобразный карт-бланш на интерпретацию сходства своего повторения и повторяемого.

Повторение такого рода определяется нами, так сказать, априорно, до-опытно, т.е. до того, как мы знакомимся с произведением-повторением. Например, в речи мы нередко вводим повторение специальным сигналом-предупреждением: (*ещераз*) *повторяю, повторимся, сколько раз тебе говорить!* т.п. Таким образом, слушающий сразу понимает, что дальше последует повторение уже сказанного.

Но бывают повторения «без предупреждения». Эта ситуация сложнее для адресата речи, произведения и т.д., потому что теперь, в отличие от предыдущего случая, словно бы проверяется его способность, умение, навык воспринять повторение, вычленив из общего потока повторяющее или повторения-аллюзии, отсылающие его к предыдущему опыту восприятия других произведений (речи, искусства и т.д.). В таком случае о повторении мы узнаем в процессе восприятия текста (в широком смысле) и вычленения из него повторяющихся час-

тей — повторяемого и повторяющего. При этом повторяющее может не декларироваться как повторение: не будет ни соответствующего названия, ни указания того или иного вида. Тем не менее, повторение будет восприниматься как более или менее явное. Например, в финале Девятой симфонии Бетховена проводятся темы из предыдущих ее частей. Заметим, что повторение из других частей дается в части, названном своим расподобляющейся с предыдущими (в финале повторения из других частей отнюдь не были обычным для венцев делом). Тем не менее повторения очевидны, потому что на них указывают текстуальные сходства повторяемого и повторяющего.

Этот, второй, признак повторения — текстуальное сходство — требует дальнейшего разъяснения. Из чего оно складывается? Какие компоненты его образуют?

Как известно, любой текст складывается из структуры глубинной и поверхностной [См.: Тураева. С. 56—57]. Глубинная структура текста — это его идейно-тематическое содержание. Она может быть подразделена на собственно содержание, т.е. тематический материал, факт или несколько фактов, то, о чем рассказывается в данном тексте, и на цель изложения этого тематического материала. Поэтому есть смысл говорить об *идейно-тематическом* содержании текста. (Текст в данном случае понимается широко как любого рода сообщение, которое обычно становится предметом передачи языковому сообществу в целом или отдельным его представителям, а также предметом переводческой обработки, в результате чего текст так или иначе, более или менее преобразуется.)

Поверхностная структура складывается из тех знаковых элементов (лингвистических единиц, звуков и других элементов в музыкальном искусстве, колорита и других элементов в живописи и т.д.), сцепление и сопряжение которых дают целостность, ведущую к содержательной полноте, законченности и выразительности текста. В искусстве вообще и литературе (любой, но больше художественной) в частности поверхностная структура имеет формально-содержательный характер, поскольку спаянность поверхностной и глубинной структур может быть очень и очень крепкой — одна начинает заметно и даже значительно влиять на другую и наоборот. В этом смысле термин «поверхностная структура» достаточно условен и указывает лишь на то, что элементы этой структуры лежат как бы на поверхности при восприятии текста, именно с них начинается его восприятие и через их посредство реципиент приходит к пониманию глубинной структуры текста.

Кроме того, представляется целесообразным (особенно в связи с переводом, хотя и не только с ним) говорить о проявляющейся в тексте

позиции автора, его аксиологической (оценочной) точки зрения. Дело в том, что в любом тексте у любого автора с той или иной степенью интенсивности (силы проявления) и экстенсивности (количества проявляющих авторскую позицию единиц, лингвистических и/или других, текста) обнаруживается авторская позиция по отношению к предмету речи. Она может быть вычленена даже в максимально нейтральном научно-техническом тексте, хотя, конечно, там степеней интенсивности и экстенсивности минимальнейшая в сравнении с текстами, относящимися к другим функциональным стилям (если говорить о вербальных текстах-сообщениях).

Понятно, что проявление авторской позиции отчасти пересекается с идейным содержанием текста, той частью его структуры, которую можно определить как ответ на вопрос: зачем был создан этот текст? Однако пересечение в данном случае не означает совпадения, потому что все-таки, даже если рассматривать эти аспекты структуры текста как похожие друг на друга его характеристики, следует признать, что это, хотя и похожие, тем не менее разные его свойства. Особенно это важно для художественной литературы (и искусства вообще), где возможны тексты с идейным содержанием весьма противоречивым и не до конца проясняемым, но с более артикулированной авторской позицией. Другими словами, прочитав текст, мы можем так до конца и не понять, что предлагает автор, зачем он, собственно, создал данный текст, и мы довольствуемся самым общим предположением, что автор просто хотел привлечь наше внимание к этому явлению, факту и т.п. Более четко сформулировать идейное содержание бывает в таком случае сложно. Тем не менее позиция автора при этом может быть вполне ясной, выражать, например, неприятие или, наоборот, горячую поддержку того или иного факта, процесса и т.п. У него есть четкая позиция, но он еще не знает, к чему призвать (если в этом вообще состоит его цель) общественность. (Возможно, данная точка зрения отражает в большей степени видение искусства и литературы вообще и художественной в частности как «учебника жизни», но, как представляется, в той или иной степени это свойственно любому тексту.)

Таким образом, мы выделили следующие универсальные компоненты любого текста-сообщения (подлежащего передаче и, возможно, преобразованию для ее успешности):

- содержание (*subject matter* — то, о чем идет речь);
- цель (идея) создания текста (зачем он создается или создан);
- элементы поверхностной структуры текста (знаки и их смыслообразующее сцепление);
- авторская позиция (аксиологический компонент текста).

В данном случае неважно, в какой последовательности даны эти компоненты. Сначала мы воспринимаем знаки, их сцепления, уясняя для себя их мн/фосодержание, затем выходим на уровень стоящего за ними мн/фосодержания, т.е. сначала мы (в случае лингвистического текста) понимаем слова, словосочетания, предложения, затем поднимаемся до уровня понимания текста в целом. Хотя в известного рода текстах (например, в текстах классических произведений литературы) после этого мы можем вернуться к началу и проделать следующий виток герменевтического круга и т.д. Однако это другой вопрос, в данном случае для нас важнее сам инвентарь компонентов структуры текста-сообщения.

Применим вышеизложенное к процессу повторения. Процесс этот, как уже говорилось, складывается из неизбежного сравнения двух текстов (или, если угодно, двух вариантов одного и того же текста). Но реципиент должен, во-первых, понять, что сравнение должно быть проведено, а во-вторых, провести его. Говоря об априорном повторении и повторении «без предупреждения», вычленившем эмпирически, мы указывали, как сигнализируется реципиенту необходимость проведения сравнения; заговорив же о структуре текста — вплотную подошли к проблеме того, что повторяется, т.е. к процессу сравнения *per se*.

и

При априорном повторении «жанр» повторения задается изначально, и сравнение компонентов структуры первоначального текста-сообщения (текста *отправленного*) с компонентами структуры текста вторичного (*полученного*) осуществляется исследователем, обладающим карт-бланшем как пропуском в любые глубины и на любые территории поверхностной структуры обоих текстов. Другими словами, сравнивая листовские «Сонеты Петрарки» с сонетами Петрарки мы более или менее свободны. Скованы мы лишь стремлением истолковать это сходство двух текстов по возможности более адекватно общему (художественному) замыслу обоих текстов и их совокупности [См.: Есаулов]. Даже при относительной «непохожести» или «туманности» сходства первичного текста и ориентированного на него текста вторичного сравнение является благодарным занятием, поскольку в наличии сходства несмотря ни на что мы не сомневаемся и потому смело его находим и в плане выражения, и в плане содержания.

При эмпирическом повторении наличие повторения вытекает непосредственно из текстуального анализа исходного и конечного текстов. Сравнение же осуществляется согласно перечню указанных выше компонентов, присущих структуре текста вообще и сравниваемым текстам в частности.

В процессе сравнения последовательность перехода от компонента к компоненту приобретает большую важность. Обычно мы движемся от поверхностной структуры текста-сообщения к глубинной. Сначала мы воспринимаем слова, звуки, краски, элементы композиции, а затем определенное их сцепление *напоминает* нам об уже читанном, слышанном, виденном и т.п. Далее мы распространяем сравнение на содержательные элементы структуры текстов, проверяя их сходство на глубинном уровне. Если наша догадка об их сходстве и ориентированности одного текста на другой подтверждается, мы делаем вывод о первичности одного текста и вторичности другого.

Впрочем, нередко оказывается, что тексты не совпадают *текстуально* или, по крайней мере, не совпадают полностью, и тем не менее мы ощущаем их ориентированность одного на другой. Наиболее показательными примерами такого рода случаев являются, конечно, переводы, где знаки полностью изменены, но мы все же ощущаем сходство оригинала и перевода. Нередки и неполные совпадения повторяемого и повторяющего. Так, музыкальная форма вариаций — очень убедительный пример того, как повторяющий текст может сохранять лишь весьма отдаленное сходство с повторяемым (темой), но при этом восприниматься именно как повторение темы, узнаваемое ее изменение — ее *вариация*.

В данном случае (особенно это касается перевода) определение сходства идет скорее от содержания к элементам поверхностной структуры, чем наоборот. Хотя, конечно, здесь механизм сопоставления усложняется и проявляется уже как-то комбинированный подход с элементами априорного и эмпирического сравнений. Действительно, с одной стороны, мы знаем, что слушаем вариации и, следовательно, ищем сходства в звучащем потоке музыки. С другой, мы не знаем точно, когда одна вариация заканчивается и начинается другая, и сигналом смены одной вариации другой служит не только и не всегда контраст характера музыки, но и другие «текстуальные» признаки (одни и те же мелодические и гармонические последовательности, фактурные приемы и т.д. и т.п.).

По содержанию судить о «генетическом» родстве лингвистических текстов, т.е. об исходности одного из другого, не всегда надежно, поскольку речь в сравниваемых текстах может идти об одном и том же, но при этом тексты могут быть совершенно разными, сопоставимыми только в рамках, например, сравнительного литературоведения.

Таким образом, можно говорить об онтологических, имманентных свойствах повторения (декларируемого, априорного) и об эвристически определяемом повторении (текстуальном, эмпирическом).

Сравнение повторяющего и повторяемого текстов, необходимое для установления повторенных элементов первичного текста во вторичном, проводится на уровне глубинной структуры обоих (или нескольких) текстов и на уровне поверхностной их структуры. При этом сравниваются содержание, цель высказывания, с одной стороны, и особенности употребления знаков, с другой, а также следует принимать в расчет скрывающуюся за текстом позицию автора, его оценку описываемого предмета речи (в широком смысле этого слова).

В рамках предпринятого нами рассуждения полезно задуматься над тем, в чем состоит функция повторения. Зачем мы повторяем то, что повторяем?

Повторение понимается нами как часть более общего процесса коммуникации, передачи сообщения от отправителя к получателю. Как мы уже знаем, в теории информации цель коммуникации определена — ею является возбуждение действия, достижение известного результата. Изменение поведения реципиента как тип обратной связи может быть однократным проявлением реакции адресата на сообщение адресанта в данных условиях, при осуществлении данного действия, процесса и т.п. Обратная реакция также способна влиять на все последующее поведение реципиента и, таким образом, становится процессом научения.

Кроме того, следует помнить о неизбежном сопроводителе процесса коммуникации — о шуме, помехах, приводящих к потере или изменению передаваемой информации, к энтропии. Однако, как уже было сказано, во вселенском хаосе есть постоянно появляющиеся (пусть и относительно скоро угасающие и подчиняющиеся общей тенденции к разрушению) энтропоустойчивые оазисы — разомкнутые системы, черпающие извне энергию, которая позволяет им преодолеть энтропию и успешно осуществлять гомеостазис.

Применив все вышесказанное к процессу повторения, приходим к выводу, что повторение — один из способов преодоления информационной энтропии и размыкания изолированной системы. Более того, дальнейшее размышление и наблюдение над окружающими нас явлениями показывают, что повторение служит либо для восстановления (или укрепления как частного случая восстановления) нарушенного канала связи, либо для установления нового (помимо уже существующих) канала связи. Иллюстрацией восстановления канала или его укрепления в большинстве случаев может служить статическое, точное повторение; установления нового канала — как правило, динамическое повторение.

Имеется в виду, прежде всего, следующее. Действительно, точное повторение характерно для одноязычной (однокодовой) ситуации об-

шения, передачи информации или обмена информацией. Если оно вообще возможно, оно возможно только при таком виде общения. В одноязычном общении, впрочем, вероятно и динамическое повторение (и оно осуществляется чаще, чем текстуально точное воспроизведение повторяемого материала). Важно то, что точное повторение, единственно возможное в одноязычной среде коммуникации, служит для восстановления или укрепления канала связи, т.е. при неудовлетворительной реакции реципиента (отсутствии желательного для отправителя сообщения языкового поведения) адресант получает сигнал о недостаточно эффективной работе канала. Это заставляет его повторить свое сообщение (в точном виде или слегка измененном), чтобы все-таки добиться желаемой цели коммуникации с адресатом. Таким образом, происходит размыкание системы, уже замкнутой первым этапом коммуникации, когда сообщение было передано в первый раз, за счет введения новой порции информации, в той или иной мере повторяющей переданную ранее, но не эффективно. Цель повторения — укрепление или восстановление пропущенного какой-то шум канала связи для осуществления, несмотря на энтропию, успешной коммуникации и достижения желаемого языкового поведения у реципиента.

При дву- или многоязычном общении возможно только динамическое (в той или иной степени, более или менее измененное) повторение. Это неизбежный результат энтропии, имеющей место при перекодировке, преобразовании сообщения в процессе передачи с одного языка на другой, т.е. даже если (что маловероятно) все другие шумы будут исключены из зоны канала коммуникации и передача отправленного сигнала-сообщения будет осуществлена безукоризненно, останется по крайней мере один тип помех, а именно помехи перекодировки сообщения. От этого проклятия Вавилона уйти все равно не удастся.

При этом оказывается неизбежным и само повторение. Если в случае одноязычного общения в принципе возможны ситуации без повторения, когда вся необходимая для обеспечения нужного языкового поведения реципиента информация передана, то при дву- или многоязычном общении повторение так же неизбежно, как неизбежны информативные изменения, возникающие в первую очередь по его вине. При этом изменения — это не обязательно потери, ими может быть и неизбежное приращение информации, например добавление отсутствовавших в оригинале языковых категорий, фигурирующих в переводном тексте [См.: Jakobson, 2000].

При этом перекодировка, языковое преобразование оказывается видом повторения первоначального сообщения, но иначе, на другом языке-коде. Этот вид повторения необходим, несмотря ни на какие

неизбежные потери, поскольку без него процесс межкудовой, межъязыковой коммуникации вообще не может состояться, т.е. вообще не может быть достигнута цель коммуникации — определенное действие или изменение языкового поведения принимающей стороны, так как эта сторона говорит на ином по сравнению с посылающей сообщением языком. Для того чтобы вторая сторона поняла первую и первая достигла желаемого результата, ради которого и послала сообщение, необходима перекодировка. Таким образом, перекодировка-повторение выступает в активной и необходимой для процесса коммуникации роли посредника, обеспечивающего контакт стремящихся к взаимодействию сторон, т.е. она прокладывает дорогу для общения, устанавливает канал связи.

Таковы по крайней мере две важные функции повторения для акта коммуникации — функция восстановления (или укрепления) канала связи и функция его установления. В переводе как повторении реализуется вторая функция повторения — повторение для установления связи. Однако в более широком смысле, если межъязыковую коммуникацию вообще и перевод в частности рассматривать как отдельный случай языковой коммуникации, можно говорить о том, что перевод как повторение реализует и первую функцию повторения — восстановление (или укрепление) канала связи.

Вопросы и задания

1. Расскажите, каким образом оригинал может быть источником помех при межъязыковой коммуникации.
2. Назовите возможные источники помех, возникающих в процессе перевода и восприятия его реципиентом.
3. Расскажите о проблеме вариативности переводов.
4. Что вы можете сказать о переводе как способе преодолеть энтропию -в межъязыковом общении?

Глава 7

Репрезентативность перевода

Мой переводческий идеал:
добиться, чтобы переведенный мной текст
самым достойным образом представлял оригинал.

Л. Оз

...Я восторженно выкрикнул: -Incredible HulkN
• Невыносимый Халк», — неправильно, но точно
перевел довольный Довлатов.

*А. Гэнис (*Довлатов и окрестности)^*

§ 1. Переводческая эквивалентность / адекватность

Традиционно перевод рассматривается с точки зрения верности, т.е. полноты и точности передачи оригинала. Именно в этом смысле говорят о «хороших» или «плохих» переводах. Критики же перевода, обращаясь к оригиналу, нередко забывают о том, что оригинал не существует ради самого себя, а служит средством передачи определенных идей, эмоциональных состояний **читателю**. Для того же предназначен и перевод. Поэтому перед оригиналом и переводом стоит одна и та же задача, а именно определенным образом повлиять, или воздействовать, на читателя. Различие заключается лишь в том, на **какого** читателя оказывается влияние, или воздействие. Оригинал нацелен на читателя, владеющего языком, на котором оригинал и написан, в то время как перевод рассчитан на реципиента, который, не владея языком оригинала, нуждается в посредничестве перевода, с помощью которого он и знакомится с оригиналом.

Таким образом, перевод представляет оригинал иноязычному читателю. Говорят, что перевод **репрезентирует** оригинал в иноязычной культурной (в широком смысле) среде. Перевод может быть выполнен хорошо или плохо, но даже «самый плохой перевод остается "переводом", поскольку он предназначен для репрезентирования (полноправной замены) текста оригинала» [Комиссаров, 1973. С. 20].

Перед тем как подробно рассмотреть собственно понятие репрезентативности перевода, проанализируем традиционно используемые для описания процесса и результатов перевода термины «переводческая эквивалентность» и «переводческая адекватность».

Как уже отмечалось, одним из признаков молодости науки о переводе является то, что некоторые, в том числе ключевые, ее термины еще не вполне устоялись и толкуются по-разному у различных исследователей. Именно таково положение дел в том, что касается названных терминов.

Итак, особенность перевода в ряду других видов языкового посредничества состоит в том, что он должен выступать заменой оригинала, или репрезентировать его. Вместе с тем понятно, что полного соответствия перевода оригиналу добиться невозможно. В переводе всегда остается лишь некая часть, пусть большая, пусть существенная, пусть наиболее важная для коммуникативного акта, но **часть** информации, содержащейся в оригинале, будь то в плане содержания или в плане выражения. При попытках сохранить в переводе максимально много из оригинала текст получается неоправданно громоздким и даже малопонятным.

Например, переведем с английского языка на русский предложение: *While I was talking to my girl-friend my mobile phone rang.* Если переводить, пытаясь передать средствами русского языка все или почти все, что заключено в оригинале, получится примерно следующее: *'Пока/ когда я был говорящим/находился в процессе разговора с моей девушкой-подругой, мой мобильный телефон (за)звонил.*

Действительно, прошедшее продолженное время (Past Continuous Tense) в английском языке обозначает процесс действия, который прерывается другим действием, тоже совершенным в прошлом и выраженным прошедшим неопределенным (Past Indefinite/Simple Tense). Отсюда вариант перевода сочетания *was talking*, **был говорящим* или *'находился в процессе разговора*. Разумеется, для того чтобы обозначить протекавший в прошлом процесс действия, в русском языке есть свои средства. В данном случае мы бы перевели первую половину предложения глаголом несовершенного вида *говорил*: *Когда я говорил...* А потому перевод *'был говорящим* или *'находился в процессе разговора* **аопжен** расцениваться как избыточный.

Выражение *'девушка-подруга* тоже избыточно. По-русски достаточно просто сказать: *подруга*.

Конечно же, мы исклчили бы слово *моей* (с *моей подругой*), поскольку слово *подруга* подразумевает, что речь идет о подруге именно говорящего. Вариант *'...мой мобильный телефон (за)звонил* на поверку оказывается неудачным с точки зрения как идиоматики, так и синтаксиса русского языка. Правильным русскоязычным вариантом перевода было бы: *...у меня зазвонил мобильный телефон*.

Таким образом, перевод оказался бы, например, следующим: *Когда я говорил с подругой, у меня зазвонил мобшьный тегефон*. Хотя некоторые элементы первоначального английского предложения были ут-

рачены и не попали в окончательный вариант перевода, можно утверждать, что последний не потерял ничего существенного из информации, заложенной в оригинале. Значит, цель коммуникации будет сохранена и при переводе, несмотря на утрату определенных компонентов оригинала.

Приведенный пример показывает, что абсолютной тождественности между оригиналом и переводом нет. Это заставляет нас как-то иначе определять их соотношение, отсюда термины «эквивалентность» и «адекватность», включаемые в абсолютное большинство определений перевода, поскольку, как считают многие переводоведы, они отражают одну из основных особенностей перевода, а именно его тесную связь с оригиналом. Дж. Кэпфорт, например, определяет перевод как «замену текстового материала на исходном языке (ИЯ) *эквивалентным* (курсив мой. — **С Т .**) текстовым материалом на языке перевода (ПЯ)» (Цит. по: Комиссаров, 1999а. С. 19). Ю. Найда говорит о поиске в процессе перевода ближайшего естественного *эквивалента* (the closest natural equivalent) (Цит. no: Koller. S. 2141).

Иногда в определение перевода включают не слова «эквивалентность» или «адекватность», а, например, «инвариант», но это не меняет сути дела. У болгарского теоретика перевода А. Илюкова и вслед за ним у А. Поповича речь идет о том, что качественными или точными являются только те переводы, «которые осуществляют свою цель — предоставляют *инвариантную информацию* (курсив мой. — С. 7^и) в сравнении с оригиналом выполняют одинаковую функцию» (Попович. С. 27). Однако уже из «Алфавитного списка терминов» в конце процитированной книги становится ясно, что по крайней мере для Поповича нет никакой сколько-нибудь существенной разницы между терминами «адекватность», «эквивалентность», «инвариантное сходство значений и их стилистическая ценность». Так, «эквивалентность стилистическая и содержательная в переводе», по Поповичу, — это «функциональная равноценность элементов оригинала и перевода. Замена элементов оригинала при переводе таким способом, чтобы инвариантное сходство значений и их стилистическая ценность были идентичны» (Там же. С. 180, 197).

Итак, особая связь, устанавливающаяся между оригиналом и переводом, прослеживается как в плане содержания, так и в плане выражения и является настолько тесной, насколько это только возможно в условиях межъязыковой коммуникации, т.е. тогда, когда дает о себе знать естественная труднопреодолимая преграда различия языков, разных способов выражения некоего содержания. Эту связь чаще всего называют «эквивалентностью» или «адекватностью».

Однако уже здесь намечаются серьезные расхождения в том, чем наполняются эти термины у различных ученых. Немецкий исследователь В. Коллер пишет о том, что разброс значений термина *Aequivalenz* (нем.) / *equivalence* (англ.) очень и очень широк. Так, под ним подразумевают и содержательное, и текстуальное, и стилистическое, и экспрессивное, и формальное, и динамическое, и функциональное, и коммуникативное, и прагматическое сходство оригинала и перевода, а также сходство эффекта, производимого на реципиентов оригинала и перевода [Koller. S. 215).

Неустойчивость употребления этих терминов существует и у отечественных переводоведов. К тому же проблема эта у них усугубляется из-за использования уже не одного термина, а нескольких. Так, одни переводоведы называют способность текста перевода отражать оригинал его «адекватностью», другие — «эквивалентностью». При этом граница между терминами проводится по-разному.

Я.И. Рецкер в своей статье «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» (1950) под эквивалентами понимает постоянные, «равнозначные», не зависящие от контекста соответствия между единицами ИЯ и ПЯ. А В.Н. Комиссаров [1973. С. 75] считает, что «эквивалентность перевода заключается в максимальной идентичности всех уровней содержания текстов оригинала и перевода», что при оценочной трактовке термина «эквивалентность», т.е. когда «хорошим», или «правильным», признается только собственно «эквивалентный*» перевод, употребление термина «адекватность» становится вовсе излишним [1996. С. 118]. Совершенно очевидно, что эквивалентность провозглашается у Комиссарова более широким, чем у Рецкера, понятием и обозначает уже саму цель переводческого процесса, а не отдельный тип соотношений единиц ИЯ и ПЯ.

Более того, если Комиссаров предлагает избавиться от ставшего ненужным при оценочной трактовке термина «эквивалентность», то А.Д. Швейцер [1973. С. 270], например, определяет адекватный перевод как «перевод, вызывающий у иноязычного получателя (переводимого сообщения. — **СТ.**) реакцию, соответствующую коммуникативной установке отправителя». Это фактически делает достижение адекватности целью перевода, ведь именно к достижению «реакции, соответствующей коммуникативной установке отправителя» и стремится переводчик, переводя текст. Р.К. Миньяр-Белоручев [1996. С. 188] так и определяет адекватный перевод: «Адекватный перевод. Воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Адекватный перевод является целью художественного перевода. Некоторые авторы предлагают употреблять вместо термина "адекватный перевод"

термин "полноценный перевод", имея в виду "исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему".

Мы осознанно не прервали цитату из книги «Теория и методы перевода» Минвяря-Белоручева после его собственного определения! адекватности перевода. Характерно, что он упоминает рядом со своим термином «адекватный перевод» термин «полноценный перевод», который употреблял А.В. Федоров. При этом два термина «мирно уживаются» у Минвяря-Белоручева, хотя очевидно, что либо один, либо другой должен быть признан избыточным, коль скоро оба значат совершенно одно и то же.

Другое дело бескомпромиссность Комиссарова [1999б. С. 118—119] в следующем пассаже: «Некоторые определения перевода фактически подменяют эквивалентность (читай: «адекватность», по Швейцеру и i Минвярю-Белоручеву. — **СТ.**) тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. Федоров, например, используя вместо "эквивалентности" термин "полноценность", говорит, что эта полноценность включает "исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника". Неприемлемость термина «полноценность», понимаемого как «тождественность», объяснима: Комиссаров оспаривает положение о том, что содержание оригинала может быть передано исчерпывающе, с сохранением «неизменного I плана содержания» в переводе. Непонятно, однако, почему Комиссаров предпочитает термин «эквивалентность» термину «адекватность».

В целом Комиссаров выделяет три подхода к определению понятия «эквивалентность».

Первый подход к эквивалентности как к тождественности, I «полноценности» (Федоров), «сохранению неизменного плана содержания» (Бархударов), однако, оказывается не вполне корректным, поскольку в процессе перевода всегда требуется определенное преобразование оригинала. Чаше всего это проявляется в том, что переводчик I сознательно идет на определенные потери, и перевод неизбежно утрачивает некоторые черты оригинала. Именно в этом смысле Л.С. Бархударов говорит о неизбежности потерь при переводе, «то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника» [Цит. по: Комиссаров, 1999б. С. 119]. А если так, то определение эквивалентности, которое ставит во главу угла именно «полноценность» и I «сохранение неизменного плана содержания» оригинала, должно быть признано не вполне приемлемым и требующим корректировки.

Второй подход состоит в том, что предпринимается попытка выделить в содержании оригинала некую инвариантную часть. Сохранение I

этой инвариантной части содержания оригинала признается необходимым и достаточным условием для обеспечения эквивалентности перевода в целом. Чаще всего под инвариантной частью оригинала понимается либо функция текста оригинала, либо описанная в нем ситуация. Другими словами, если обеспечивается выполнение переводом той же коммуникативной функции, которая заключена в оригинале, или описывается та же ситуация, что и в оригинале, то перевод признается эквивалентным оригиналу. Однако, согласно Комиссарову, такой подход к определению степени эквивалентности перевода не отражает всего многообразия успешно обеспечивающих межъязыковую коммуникацию переводов.

Третий подход к определению эквивалентности перевода, по Комиссарову, — подход эмпирический. При этом подходе исследователь не закрепляет эквивалентность априори за тем или иным видом сходства перевода и оригинала. Он сопоставляет большое количество реально сделанных переводов с их оригиналами и выявляет, какой вид сходства (эквивалентности) реализуется в том или ином случае. Направивается вывод, что эквивалентность может проявляться на разных уровнях в разных текстах — на уровне сохранения цели коммуникации, уровне ситуации, уровне способа ее описания, уровне синтаксических структур и лексических единиц и, наконец, на уровне наибольшей близости к оригиналу, уровне дословного перевода. Причем уровни эти словно бы накладываются друг на друга: каждый последующий включает в себя предыдущие. Последний же, включающий в себя все остальные уровни, и признается наиболее близким к оригиналу [См. там же. С. 120—132].

Многоуровневый подход к определению эквивалентности в отечественном переводоведении был выдвинут самим Комиссаровым. При этом важно учитывать, что речь идет о лингвистической теории перевода, в рамках которой за исходный момент для оценки перевода принимается его соответствие оригиналу с точки зрения соотношения языков оригинала и перевода, сохранения объема переводимых высказываний, коммуникативной функции оригинала и т.п.

Между тем в последние десятилетия лингвоцентризм в переводоведении отступил на второй план. Хотя переводческая деятельность — это прежде всего деятельность языковая, ученые осознали, что перевод осуществляется не только с языка на язык, но и, так сказать, с культуры на культуру. Это породило новые трактовки терминов «эквивалентность»/ «адекватность», в которых признается вполне легитимным уход от сугубо лингвистически ориентированного сходства оригинала и его перевода (конечно, в той мере, в какой это возможно при двух языках, вовлеченных в процесс перевода). Понятно, что это

еще более осложнило ситуацию с содержательной нагрузкой и без того размытых терминов «эквивалентность»/ «адекватность».

По этой причине нужно вернуться *a fontes*¹ — вспомнить о том, что было вначале, чем вызвана необходимость использования данных терминов. Думается, в этом нам может помочь понятие репрезентативности перевода, использовавшееся Комиссаровым в его книге «Слово о переводе» (1973), но не получившее надлежащего развития в работах этого и других переводоведов.

§ 2. Понятие «репрезентативность перевода»

Для того чтобы лучше понять, что такое репрезентативность, обратимся к некоторым важным понятиям теории информации.

Вхождение теории информации в сферу научных интересов относится к середине XX в. С тех пор она как самостоятельное научное направление развивалась очень бурно. К тому же, что особенно важно, она была распространена на целый ряд естественных и гуманитарных наук (термодинамику, психологию, лингвистику и др.). Это стало возможным благодаря свойствам объекта каждого из предпринимаемых исследований.

Теория информации как таковая сосредоточена на выявлении собственно математических законов, определяющих функционирование систем связи и управления, а также методов измерения информации и определения возможностей, присущих различным системам, предназначенным для передачи, хранения и обработки информации. Тем не менее некоторые из проблем, рассматривавшихся теорией информации, непосредственно касались, например, поиска наиболее эффективных методов использования различных коммуникационных систем и отделения в их рамках необходимой информации, рассматриваемой в качестве сигналов, от так называемых шумов, или помех, что, в частности, во многом сближало ее с теорией коммуникации. Однако теория информации была в большей степени сосредоточена на изучении ограничений обработки и передачи информации, а собственно используемые при этом средства занимали ее в меньшей степени.

Еще одной изучавшейся в рамках теории информации проблемой, занимавшей ученых и других научных направлений, было выявление пределов возможностей, характеризующих те или иные передающие устройства, или информационные каналы. При этом понятие «информация» толкуется в самом широком смысле: как сообщение, пере-

¹ К истокам (лат.).

даваемое через любой аппарат-посредник, а также как сигналы, с которыми связана работа, например, компьютеров. Теория информации распространяется и на сигналы в нервной системе людей или животных, т.е. понятие «информация» означает «содержание, полученное из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств» [Винер. С. 31].

Подобного рода проблемы и положения теории информации оказались приложимыми и к другим, на первый взгляд довольно далеко отстоящим от нее сферам научного знания, например к дисциплинам гуманитарного цикла. Применение этой теории к наукам, изучающим вербальные средства передачи информации, вполне оправдано уже тем, что язык, в котором (как в специфической семиотической системе) словесные средства выражения главным образом и проявляют себя, без преувеличения представляет собой самое важное средство общения (обмена информацией) между людьми. Понятно, что это не может не вызывать интерес к языку, к различным языковым процессам, а также к языковым видам деятельности общающихся индивидов и целых языковых сообществ с точки зрения теории обмена информацией.

Итак, информация — это содержание, получаемое из внешнего по отношению к воспринимающим объектам мира, причем объекты эти (неважно, живые или неживые) изменяются под воздействием других объектов, информацию от которых получают и информация от которых их изменяет. Это проявление одного из важнейших свойств материи — отражения.

Различают два типа информации. Первый тип — это так называемая связанная информация, существующая объективно и обеспечивающая упорядоченность той или иной системы. Например, связанной информацией является информация генетического аппарата клетки. Второй тип — свободная информация, определяемая как отношение между управляющей и управляемой системами. Со свободной информацией мы имеем дело в результате влияния одних объектов на другие, т.е. в отражательной ситуации.

Во втором случае мы говорим также об определенной обратной связи, также бывающей двух типов: обратная связь, регулирующая лишь отдельно взятые, специфические движения, и обратная связь более высокого порядка, которая влияет не просто на отдельные действия, но изменяет всю линию поведения принимающего объекта. Второй тип обратной связи называется научением, т.е. таким типом получения и обработки информации, который изменяет все будущее поведение воспринимающего объекта.

Для переводоведения особенно важными представляются именно свободная информация и второй тип обратной связи.

Выше уже была в общих чертах описана структура коммуникативного акта в терминах теории информации: источник информации с передающим устройством, преобразующим информацию (сообщение) в приемлемую для передачи форму; канал коммуникации, т.е. среда, в которой осуществляется передача сообщения; принимающее устройство, или, в широком смысле, приемник, приводящий сообщения в форму, доступную для восприятия реципиента.

Но существует еще один немаловажный компонент структуры коммуникации, а именно — источник шума, или помех, вызывающий изменение или искажение сообщения. Это может быть потеря информации или какой-то ее части, сокращение или, наоборот, увеличение ее объема, потеря важных или менее существенных компонентов сообщения.

Н. Винер выделяет три ступени, или стадии, процесса получения информации. На первой проявляется себя *фонетическая* сторона языка, т.е. сам звук, который попадает в ухо и часть церебрального механизма, находящуюся в постоянной связи с внутренним ухом¹. Это ступень приема звука и его первоначальная обработка. Далее включается вторая сторона языка — *семантическая*. Здесь мы имеем дело со значением полученных звуковых сигналов. Третья ступень сообщения — это языковое поведение, т.е. перевод полученной информации в конкретные поступки, действия и т.п.

Здесь мы подходим к еще одной важной составляющей акта коммуникации — к коду, используемому для общения. Код — это некая система знаков и правил их комбинирования с целью передачи сообщения по каналу связи. При вербальном общении главным кодом служит язык.

Обратим внимание еще на одну существенную для концепции репрезентативности деталь теории информации. Дело в том, что при применении кибернетики к семантике информационных сообщений с целью контролировать искажения смысла в процессе их передачи следует различать информацию, «взятую в грубой и резкой форме», и такую информацию, «в соответствии с которой мы как человеческие существа можем эффективно действовать». Винер говорит, что, на его взгляд, главным является то, что для действия важно не количество посланной информации, а «количество информации, которая может проникнуть в коммуникативные и аккумулирующие аппараты в достаточном количестве, чтобы служить в качестве раздражителя действия» [Винер. С. 101].

¹ Понятно, в данном случае описывается ситуация, в которой воспринимается устное сообщение. В ситуациях, когда информация поступает иначе, например письменно, она будет восприниматься другими органами, например глазами.

Из этого следует, что, во-первых, у коммуникации, передачи информации, есть цель — произвести некоторое действие (в самом широком смысле этого слова). Во-вторых, именно способностью достигнуть эту цель и определяется то, имеем ли мы дело со свободной информацией вообще или со свободной информацией, побуждающей нас эффективно действовать.

Важнейшим для нас понятием теории информации является энтропия. В теории информации — это мера неопределенности состояния объекта, ситуации. Энтропия стремится к возрастанию. Это означает, что любая форма информации подвержена дезорганизации во время передачи. Другими словами, сообщения доходят в менее ясном виде, чем были посланы, т.е. неизбежно происходит некоторое искажение сообщения. В управлении и связи человек постоянно противодействует тенденции природы к разрушению порядка и организованности.

Теория информации, как уже было сказано, может быть применена к любому типу обмена информацией, в том числе к переводческой деятельности. Таким образом, перевод понимается как процесс передачи мыслей, высказанных на одном языке, средствами другого языка.

Мы уже знаем, что в качестве кода вербального обмена информацией выступает язык, лингвистические единицы. В этом коде заданы определенные ограничения на сочетаемость (комбинаторику), а также вероятность появления тех или иных единиц в данном типе речи.

В зависимости оттого, пользуются источник (отправитель) информации и ее реципиент, соединенные общим речевым каналом, одним и тем же кодом (языком) или разными кодами (языками), можно говорить об одноязычной и двуязычной (или многоязычной) коммуникации.

Следует особо заметить, что язык как средство общения кардинально отличается от любых других кодовых систем, прежде всего искусственных. Отличие это состоит в том, что язык — это не просто код, а социальный феномен, зависящий от развития языкового сообщества, которое им пользуется как средством общения. Историческое развитие языкового сообщества и изменение его языка взаимосвязаны и взаимозависимы. Механизм этой взаимосвязи и взаимозависимости еще не совсем понятен, но сам факт налицо и с ним невозможно не считаться. Искусственные языки, создаваемые для обслуживания тех областей человеческой деятельности, в которых естественный язык малоэффективен, как и другие искусственные кодовые системы, статичны, в то время как естественные человеческие языки постоянно развиваются, что создает огромную (и пока еще до конца не решенную) проблему для автоматизированной их обработки, поскольку они не поддаются полной формализации. Но проблема эта касается и естественного перевода.

Общая структура вербальной коммуникации при одноязычном коммуникативном акте выглядит следующим образом: источник (отправитель) информации со своим сообщением, которое преобразуется в соответствии с определенным кодом (языком); канал коммуникации, обеспечивающий передачу сообщения; декодирующий переданное (выходное) сообщение получатель (реципиент) информации.

Для переводоведения более важен двуязычный (многоязычный) тип коммуникации, которым является перевод.

В условиях двуязычной коммуникации вышеприведенная схема претерпевает некоторые изменения, прежде всего — терминологические. Так, исходное сообщение в переводоведении принято называть оригиналом, процесс передачи оригинала через канал связи — процессом перевода, а получаемое реципиентом преобразованное благодаря переводу сообщение — текстом перевода.

Основное отличие двуязычного общения от одноязычного состоит в наличии между отправителем и реципиентом сообщения декодирующего-кодирующего преобразователя, вербальная деятельность которого с производимыми в ее результате знаками (буквами, звуками и т.д.) выступает в качестве канала связи между ними. Этот преобразователь владеет обоими кодами. Им может быть человек или автоматическое устройство.

Дополнительное звено в коммуникации оказывает принципиальное влияние на весь ее ход.

Сообщение отправителя первоначально генерируется на одном языке. Целью отправителя является определенное воздействие на получателя. Для обеспечения нужного эффекта требуется понимание принимающей стороны посланного сообщения. Сообщение же передается на определенном языке, который оказывается недоступным для понимания в случае реципиента. Другими словами, реципиент не владеет кодом, на котором отправлено адресованное ему сообщение. По этой причине в ход коммуникации с целью преодоления возникшего препятствия вводится еще одно звено — преобразователь кода, *переводчик*.

Основная задача преобразователя кода состоит в том, чтобы единицы одного кода, несущие информацию, трансформировать (перевести) в единицы другого кода. Таким образом, преобразователь-переводчик получает сообщение, выраженное с помощью одного кода, а затем преобразует его в сообщение, выраженное с помощью другого.

Понятно, что в данном случае мы несколько упростили реальное положение вещей. На самом деле переводчик в процессе своей переводческой деятельности выступает и в роли получателя, и в роли отправителя передаваемого сообщения. Сначала отправитель посылает

сообщение, закодировав его с помощью одного языка. Переводчик принимает закодированное сообщение, воспринимая его сначала на *фонетической* стадии, и трансформирует в *семантическую* стадию. Затем он из получателя превращается в отправителя сообщения. *Семантическую* стадию существования сообщения он трансформирует в *фонетическую*, но уже иную по сравнению с первоначальной, поскольку использует для этого иной языковой код. Именно на этом языковом коде воспримет сообщение конечный реципиент коммуникативного акта и, в свою очередь, переведет новую *фонетическую* стадию сообщения в соответствующую *семантическую*, которая в конце концов и произведет изначально требовавшееся воздействие.

Обрисованная коммуникация через посредство переводчика требует некоторых комментариев. Дело в том, что роль переводчика не является полноценной реакцией на полученное им сообщение. Это видно из того, что он не действует в рамках данной ситуации общения, как любой другой индивид, поскольку не обращает *семантическую* сторону языкового сообщения в стадию *языкового поведения*. Иначе говоря, выслушав сообщение, восприняв его, он не действует в соответствии с тем, чего требует посредством этого сообщения отправитель, и отправитель воспринимает эту, по сути дела, «неестественную» реакцию на его сообщение как вполне нормальную и естественную. Такова социально (участниками коммуникативного акта) осознаваемая функция переводчика. Такова его конвенциональная роль в межъязыковом общении.

Естественность такой расстановки сил обычно не замечается до тех пор, пока она не нарушается либо малоопытным переводчиком, либо участником коммуникации, не приученным к работе с переводчиком. Переводчик в таком случае из посредника превращается в полноправного участника коммуникативного акта и неожиданно для всех начинает давать собственный комментарий по поводу переводимого им сообщения. Или кто-то из участников коммуникации (либо отправитель, либо получатель сообщения) начинает обращаться к нему как к собеседнику: отправитель (неожиданно для переводчика) начинает видеть в нем получателя сообщения и ожидает от него какой-то личной реакции на прозвучавшие слова; получатель (опять-таки неожиданно для переводчика) начинает видеть в нем отправителя сообщения и, обращаясь лично к переводчику, просит его каким-то образом модифицировать его суть. Понятно, что кроме путаницы в результате такого коммуникативного акта ничего не происходит. Налицо то, что в теории информации называется помехами при передаче информации, или ее энтропией.

В процессе коммуникации через переводчика между *фонетическим* и *семантическим* «обликом» сообщения, отправленного изна-

начально, и *фонетическим* и *семантическим* «обликом» конечного сообщения, т.е. сообщения, прошедшего через переводчика, нет полного равенства. Действительно, они неодинаковы по многим причинам. При передаче сообщения появляются помехи, шумы, и важно понять — шумы неизбежны. Конечно, было бы неверно в неизбежные шумы (помехи) «записывать» все, что может произойти на пути между отправителем сообщения и его получателем. Прежде нужно разобраться в том, что же происходит.

Во-первых, процесс коммуникации (с переводчиком или без него) имеет место в конкретных физических обстоятельствах, которые, естественно, как и при любом другом виде коммуникации, влияют на прохождение сигнала (в данном случае вербального сообщения) от начала до конца коммуникационной цепи. Если беседа происходит, скажем, на берегу моря или в цеху завода, у шумного шоссе или на аэродроме, то, понятно, все звуки, окружающие беседующих, повлияют на акустические условия коммуникации, и придется либо поменять место общения, либо оснастить говорящих искусственными усилителями их речевых органов (например, микрофонами).

Во-вторых, процесс коммуникации (и в этом особенность именно межъязыковой коммуникации с помощью переводчика) неизбежно предполагает то обстоятельство, что участники общения не владеют языковыми кодами друг друга, т.е. не говорят на языках друг друга. Поэтому в процессе общения им неизбежно понадобится перекодировка сообщения с одного языка на другой, что сразу же становится источником еще одного вида шума, преодолеть который гораздо сложнее, чем любой физический шум, несмотря на осязательность последнего и «невидимость» первого. Языки разнятся, превращаясь порой в непреодолимые препятствия на пути сообщения от отправителя к получателю. Энтропия передаваемой информации оказывается — по крайней мере в какой-то степени — неизбежной. От полной межъязыковой глухоты и немоты участников коммуникации спасает переводчик. Но обеспечить полную победу понимания не может никакой, даже самый лучший, самый опытный и талантливый переводчик. Это проклятие Вавилона.

В-третьих, и об этом в последнее время говорится все больше и больше: коммуникации препятствует различие культур. Несоответствие, или конфликт, культур — это мощнейший источник помех, а следовательно, энтропии информационного потока.

Если быть до конца точным, нужно упомянуть еще одно обстоятельство — личность самого переводчика как источника шумов. Переводчик может быть опытным и неопытным, что влияет на ход его переводческого посредничества; компетентным и некомпетентным;

психологически хорошо или плохо подготовленным к осуществлению перевода здесь и сейчас. Другими словами, подмешивается человеческий фактор (конечно, это исключается в случае машинного перевода).

Принципиально важно отметить то, что разный набор шумов приведет к разным вариантам окончательного сообщения (см. гл. 6).

Коммуникативные процессы между людьми, имеющие место ежедневно, ежечасно и даже ежеминутно на всей планете, по отдельности или образуя целые цепные реакции взаимодействий, — так или иначе, в той или иной степени подчинены одной цели — оказанию воздействия на принимающего информацию. Винер, один из основоположников теории информации, говорил, что информация поступает в коммуникативные и аккумулирующие аппараты, чтобы в конце концов служить в качестве «раздражителя действия». Информационный обмен без этого воздействия, без того, чтобы быть раздражителем действия, не имеет смысла.

Общаясь, мы обязательно метим в какую-то «мишень». К сожалению, при обсуждении вопросов, возникающих в связи с переводоведческой деятельностью, это нередко упускается из виду. Переводоведы и переводчики пускаются в рассуждения о том, как нужно перевести, буквально или вольно, тот или иной текст, его фрагмент и т.д. Подобные дискуссии давно перестали носить конструктивный характер и выродились в бесконечное повторение одного и того же, пусть и на разном материале. Разорвать этот порочный круг поможет соотношение условий протекания межъязыковой коммуникации при посредстве переводчика с *целью* коммуникации.

Итак, целью любого рода коммуникации является достижение определенного эффекта. При этом нельзя не учитывать то обстоятельство, что любая передача сигналов или внешнее вмешательство в их передачу всегда и неизбежно в какой-то степени сокращает объем передаваемой посредством этих сигналов информации. Такое положение дел объясняется тенденцией природы вообще и коммуникативной передачи информации в частности к беспорядку, к неуклонному увеличению энтропии.

Это вполне может и должно быть распространено на переводческие типы коммуникации. Информация, пересланная от отправителя к получателю, неизбежно оказывается неполной — во всяком случае, не более полной, чем отправленное сообщение, — по достижении конечной цели своего «путешествия» по каналу связи. При этом важно не забывать, что, вступая в информационный обмен, мы пытаемся достичь определенной цели, преодолевая энтропию и несмотря ни на что подерживая процесс информационного гомеостаза, сопротивления царящему упадку и разрушению. Но для ее достижения необходимой

оказывается не вся информация, содержащаяся в первоначальном сообщении. Другими словами, нам нужно позаботиться о передаче реципиенту не всей первоначальной информации, а только той ее части, которая будет достаточной для того, «чтобы служить в качестве раздражителя действия». В применении к переводоведению это означает умение выявить необходимую для передачи частей оригинала, потому что стопроцентно полная передача оригинала все равно невозможна.

В принципе, именно это проделывает в ходе своей деятельности любой переводчик. Он отбирает те или иные варианты перевода (транслатемы и их комбинации), соизмеряя их с интуитивно определенным сводом критериев «правильности» перевода (максимальной его близости к той части информации оригинала, которая должна повлиять на языковое поведение реципиента) и на этом основании принимая одни варианты и отвергая другие. Критерии же вырабатываются именно на основании осознанной им цели оригинала.

§ 3. Критерии репрезентативности перевода

Следует выявить черты перевода, которые должны обеспечивать его репрезентативность, т.е. сохранить ту часть оригинального сообщения, которая важна для «раздражения действия», а следовательно, к воспроизведению этих черт и должен стремиться любой переводчик. Именно с таких позиций должна оцениваться его работа. При этом надо различать как условия, определяющие репрезентативность любого перевода безотносительно к его функционально-стилистической принадлежности, так и те, что определяют репрезентативность переводов, выполненных в различных функциональных стилях. Если первый тип репрезентативности перевода очерчивает круг требований (абсолютный их минимум), которые должны предъявляться к любому переводному тексту, то второй представляет собой более длинный список и отражает особенности того функционального стиля, к которому относится данный оригинал и, соответственно, перевод. Так, требования к переводу инструкции по эксплуатации какого-либо прибора, которые должны обеспечить репрезентативность оригинала данным переводом, будут малочисленнее, чем те, что предъявляются к переводу стихотворения. Минимальным списком требований к переводу (на уровне текста, т.е. с точки зрения перевода полного текста оригинала) может быть список из четырех пунктов.

Во-первых, перевод должен верно отражать фактическую сторону оригинала, т.е. правильно передавать план его содержания, заключенную в нем информацию.

Во-вторых, перевод должен верно отражать цель создания оригинала, т.е. доносить до иноязычного реципиента прагматическую его компоненту.

В-третьих, перевод должен воспроизводить **тон** (см. гл. 1) и по крайней мере важнейшие стилистические особенности оригинала, т.е. текст перевода должен точно указывать на принадлежность оригинала к тому или иному функциональному стилю.

Наконец, **в-четвертых**, перевод должен точно доносить до реципиента авторское отношение к излагаемому в переводимом тексте предмету. Это требование исключает вмешательство переводчика во внутритекстовую оценку плана содержания.

Однако понятно, что не в каждом функциональном стиле этими критериями исчерпывается список предъявляемых к работе переводчика требований. Обычно выделяют пять функциональных стилей: разговорно-бытовой, научный, официально-деловой, газетно-публицистический, художественный. При этом тексты одних стилей более информационноцентричны, других — даже при том, что они передают определенную информацию, — менее и не могут быть охарактеризованы как тексты, созданные прежде всего ради передачи информации.

К первым относятся тексты, принадлежащие прежде всего к научному и официально-деловому стилям. В меньшей степени это относится к текстам разговорно-бытового и газетно-публицистического стилей. Понятно, что тексты, созданные в рамках художественного стиля, менее всего информационноцентричны. Главная их функция — воздействовать на читателя эстетически и влиять на его чувства. Но это в известной степени верно и в отношении произведений разговорно-бытового и газетно-информационного функциональных стилей, поскольку они также не только сообщают о чем-то, но и воздействуют передаваемой информацией на реципиента, чем сближаются с произведениями художественного функционального стиля (см. гл. 11).

Описанные выше минимальные требования в том, что касается репрезентативности, должны быть применены к переводам текстов, относящихся к наиболее информационноцентричным функциональным стилям — научному и официально-деловому (при этом к научному стилю можно причислить и тексты технические). Если только в переводимой научной статье нет игры слов, полемически заостренных пассажей и она выдержана в классически нейтральном научном стиле, то для обеспечения репрезентативности осуществляемого ее перевода переводчик вполне может ограничиться четырьмя изложенными выше критериями. Сложнее дело обстоит с другими функциональными стилями. При переводе текстов, относящихся к стилям менее информационно-

центричным, объем критериев репрезентативности возрастает. При этом важно отметить более значительную здесь роль плана выражения. Например, при переводе поэтического произведения, как наиболее сложного в художественном отношении типа текста, кроме следования четырем упомянутым критериям репрезентативности придется еще воспроизводить особенности формы (стихотворный метр, ритм, образность и т.д.). Должны быть переданы определяющие художественную форму факторы, среди которых наиболее существенными являются ритмическая организация, система поэтических образов, по возможности лексика и фразеология, строфическая структура, система рифмовки, фонетический строй (звукопись, аллитерации и т.д.). Кроме того, следует обращать внимание на наличие особых приемов, применяемых и очень важных в художественном произведении. В стихотворении это могут быть параллелизмы, инверсии, перенос части фразы из одной строки в другую или стыковка двух фраз в одной строке; стихотворение может быть написано в форме акростиха. Во внимание должны приниматься различные черты цикличности, если стихотворение не единично, а связано с другими стихотворениями. Если, например, в венке сонетов есть закольцованность, она должна быть сохранена в переводе. Г. Гачечиладзе существенными для перевода поэтического произведения считает еще характерные и отраженные в нем черты эпохи, когда оно было написано, национальную и социальную его специфику, творческую индивидуальность автора и особенность жанра; переводчик должен воспроизвести единство содержания и формы произведения, соблюсти соотношение частей и целого. Все это необходимо для достижения аналогичного оригиналу художественного эффекта.

Особого замечания заслуживает тип переводческих текстов, заведомо не стремящихся к наиболее полному воспроизведению оригинала. Дело в том, что в 1960—1970-е гг. в переводоведении преобладали работы, отражающие традиционный тип соотношения оригинал—перевод. Перевод понимался в них как по возможности полный смысловой и формальный аналог оригинала. Однако существует «неполный» перевод. «Усеченная» передача оригинального сообщения в переводе обычно диктуется особыми функционально-прагматическими задачами, поставленными перед переводчиком, что может быть обусловлено запросом заказчика перевода, интересующегося не всем текстом, а только какими-то его частями или аспектами. Задача неполного воспроизведения оригинала может быть по тем или иным причинам поставлена перед собой самим переводчиком.

В процессе осуществления такого перевода возможны изменения коммуникативных свойств оригинала, но перевод при этом будет удов- i

летворять заданным требованиям. Например, заказчика перевода может интересовать лишь перевод той части адресованного ему делового письма, в которой сообщаются подробности предстоящей поставки определенного товара, и, значит, переводчик будет переводить лишь эти аспекты текста письма, а не весь текст. Возможно, в письме выражались извинения за задержку поставки товара, но заказчика перевода интересует только информация о новых сроках поставки. И переводчик, соответственно, изменяет коммуникативную задачу перевода.

С точки зрения традиционных критериев оценки перевода данному типу межъязыковой коммуникации вообще будет отказано в праве называться переводом. Однако в последнее время взгляд на эту проблему изменяется, и ученые-переводоведы говорят об ином типе соотношения исходного и конечного текстов. Последний при этом все же называется переводом [Ванников, 1982, 1988].

Очевидно, такого типа перевод требует пересмотра вышеизложенных четырех критериев репрезентативности как минимального их набора. Возможно, что в переводе будут переданы, например, лишь некоторые аспекты содержания исходного сообщения, но при этом изменится цель высказывания. Модификации в той или иной степени могут быть подвергнуты и другие черты оригинала. Можно ли в таком случае говорить о переводе, если не выполняются даже минимальные предъявляемые к любому переводу требования?

Видимо, в данном случае следует разделять два больших типа переводов: собственно перевод и «сигнальный» перевод. Если к собственно переводу применим минимум критериев репрезентативности, то второй мы называем сигнальным, поскольку он воспроизводит оригинал лишь отчасти и в рамках поставленной его заказчиком коммуникативной задачи. На практике такого рода сигнальный вариант перевода делается чаще всего, например, для первоначального ознакомления реципиента перевода с оригиналом. В будущем перевод оригинала может быть осуществлен и в более полном объеме.

Важно, однако, понимать, что и собственно перевод, т.е. полный перевод, и перевод сигнальный выполняют свою репрезентативную по отношению к оригиналу функцию. Дело в том, что сигнальный перевод репрезентируют лишь интересующие заказчика черты оригинала.

В группу сигнальных текстов, между прочим, попадают не только переводы современных деловых писем и документов, которые часто переводятся в два этапа: сначала для первоначального ознакомления, чтобы сэкономить время и как можно скорее отреагировать на поступившую от делового партнера информацию, а потом в полном виде (например, для архива). Сигнальные тексты известны и в истории литературы, ког-

да одно и то же художественное произведение переводится сначала в сокращенном виде, и даже с некоторыми модификациями. Целью такого перевода является предварительное ознакомление читающей публики с тем или иным литературным явлением другой страны, позднее появляясь уже менее «вольные» переводы, а завершить процесс такой своеобразной переводческой ассимиляции какого-нибудь (особенно крупного) художественного произведения может сверточный (буквалистский) перевод. Примеров тому в истории русского перевода немало. Вспомним, например, как переводился шекспировский «Гамлет», и особенно монолог его главного героя (**To be or not to be**) в России. С 1748 по 1954 г. было создано более тридцати переводов этой трагедии. Первые были, по сути, переделками, но дальнейшие выполнялись, уже более точно следуя оригиналу. Примерами буквалистского перевода можно считать перевод «Энеиды» Вергилия, выполненный В. Брюсовым, или перевод мильновского «Винни-Пуха», осуществленный В.П. Рудневым.

Итак, перевод — это репрезентация оригинала средствами иного языка. Именно как репрезентация оригинала, адресованная реципиенту, перевод и должен осуществляться и оцениваться. В этом смысле репрезентативность позволяет не требовать от перевода текстуальной полноты, не всегда нужной в силу тех или иных коммуникативно обусловленных задач. Кроме того, установка на репрезентативность позволяет сконцентрироваться на процессе осуществления переводческой деятельности именно с точки зрения сохранения в окончательном тексте перевода важнейших черт оригинала, а ошибки (помехи) оценивать, исходя из того, насколько они мешают достижению изначально поставленной оригиналом цели.

Вопросы и задания

1. Изложите суть проблемы, связанной с используемыми в переводоведении терминами «эквивалентность» и «адекватность».
2. Что такое репрезентативность перевода?
3. Каков минимальный набор критериев репрезентативности перевода?
4. Что такое сигнальный (ознакомительный) перевод?

Глава 8

Репрезентативность перевода на микроуровне

**И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.**

А.С. Пушкин

Репрезентативность может и должна проявляться на макроуровне и микроуровне. Макроуровень — это уровень текста в целом. Микроуровень — это уровень компонентов текста.

Текст перевода в целом, на макроуровне, должен отвечать требованию репрезентативности. Он весь должен правильно отражать тему и цель оригинала, правильно представлять тон повествования и авторское отношение к описываемому. Но чтобы достичь такой репрезентативности, переводчику, очевидно, нужно добиться репрезентативности в составляющих это целое деталях.

Уже было показано, что, работая над переводом, мы движемся от первоначального варианта перевода того или иного слова, словосочетания, синтаксического оборота, предложения и т.д. к конечному, постоянно верифицируя полученный перевод на языковом, текстовом, вплоть до культурологического уровнях. Верификация, в сущности, оказывается средством достижения репрезентативности перевода, но не в масштабе переводимого текста в целом. В данном случае речь идет о достижении репрезентативности каждой единицы перевода, транслатемы, от чего и зависит репрезентативность всего текста. При этом точно так же, как в случае с репрезентативностью на макроуровне, необходимо, очевидно, выработать критерии репрезентативности на микроуровне, т.е. на уровне каждой конкретной транслатемы. В принципе, они будут теми же, что и в случае с репрезентативностью на макроуровне, хотя и потребуют некоторого незначительного переосмысления.

Действительно, уже первый из критериев нуждается в некоторой модификации. Термин «тема» вполне понятен в отношении текста) Но вряд ли можно употребить его в отношении, скажем, того или иного слова, синтаксической конструкции. Здесь лучше говорить не о «теме», а о «содержании» или «плане содержания». Другими словами, каждая языковая единица, употребляемая в том или ином тексте, бесспорно, обладает своим конкретным, реализующимся в данном контексте содержанием. Говоря о том, что сохранение содержания (темы) данной языковой единицы при включении ее уже в качестве единицы перевода в ту или иную транслатему, мы имеем в виду именно обеспечение репрезентативности, пусть и в рамках данной языковой единицы, т.е. не на макро-, а на микроуровне.

Цель высказывания как второе требование, очевидно, сближается в данном случае, т.е. на микроуровне обеспечения репрезентативности, с собственно содержанием той или иной переводимой единицы языка. Ее следует понимать на микроуровне как стремление переводчика сохранить интенцию автора оригинала, по причине которой он] прибеж к употреблению именно этой, а не другой единицы языка (слова, словосочетания, фразеологизма и т.п.). Поняв эту интенцию, переводчик стремится перенести ее в свой перевод, тем самым добиваясь репрезентативности на уровне транслатемы, в состав которой входит данная языковая единица. Успешно реализованная репрезентативность каждой конкретной транслатемы вносит свою лепту, свой вклад в общую репрезентативность текста, в репрезентативность на макроуровне.

Что касается тона переводимого текста, то на микроуровне, на уровне языковых единиц, которые вводятся в состав транслатем, т.е. обретают свои соответствия в ПЯ, он должен определяться стилистической данных языковых единиц. Стилистическая окраска, коннотативность, стилистическая маркированность — все это как раз и должно отразить тон, присущий тому или иному слову, синтаксической конструкции и т.п.

К сохранению стилистики языковых единиц оригинала вплотную примыкает и требование сохранить в переводе отношение автора к тому, о чем он говорит / пишет. Понятно, что сохранение стилистической окраски того или иного слова, предложения в целом позволит обеспечить репрезентативность текста перевода в целом, в частности и в аспекте сохранения, передачи средствами ПЯ в тексте перевода авторского отношения к тому, о чем идет речь в его тексте на ИЯ. Если он ироничен, это проявится в стилистике тех или иных слов, лексических оборотов и т.п. Если он серьезен в подаче избранного им темати-

ческого материала, никаких особых стилистических колебаний не будет ни в оригинале, ни, следовательно, в переводе: стиль будет ровным, либо нейтральным, либо несколько завышенным в сторону книжности и архаизации.

Оригинальный текст, подлежащий переводу, и текст, который переводчик порождает в процессе своей деятельности, — это тексты вербальные (хотя, конечно, и отражающие стоящую за ними культуру говорящего на данном языке народа). И текст оригинала, и текст перевода состоят из языкового материала, языковой текстуры. Поэтому логичнее и проще всего рассматривать репрезентативность на микроуровне, опираясь на языковые ярусы. Как мы уже знаем, понятие репрезентативности здесь (по сравнению с макроуровнем) несколько модифицируется. Но опять-таки важным фактором остается именно способность перевода представлять, замещать собой оригинал в языке и культуре перевода.

§ 1. Репрезентативность на фонетическом уровне

Фонетический уровень перевода образуют, пожалуй, самые «мелкие» элементы языка — звуки, выраженные теми или иными графическими символами — буквами. Звуки складываются в артикуляционную базу языка. Языки существенно разнятся в своих артикуляционных базах. Разнятся даже близкие, родственные по своим историческим корням языки. Расхождения проявляются в графических системах, фиксирующих фонемно-фонетический инвентарь языка.

Перевод на фонетическом уровне — отнюдь не легкая задача, ее нельзя решать «механически». Наоборот, к ней нужно относиться со всей серьезностью и вниманием, которых она, безусловно, заслуживает.

Проблемы перевода на фонетическом уровне связаны прежде всего с переводом собственных имен, историко-культурных реалий, географических названий и т.д. Другими словами, на фонетическом уровне переводчик работает с тем в тексте на ИЯ, что не имеет соответствий в ПЯ.

В случаях реалий переводчик, конечно, иногда может прибегнуть к приему генерализации и перевести такую лексическую единицу родовым понятием: вместо *Baedeker* можно сказать (написать) **популярный путеводитель** (для путешественников или туристов). Однако можно перевести это слово и как *Бедекер*, и такой способ перевода имен собственных гораздо более частотен. Причины понятны: это обеспечивает более точную (в данном случае по крайней мере формально) передачу оригинала. К описательному переводу прибегают лишь в тех

случаях, когда адресату перевода переводимое название или имя ничего или практически ничего не скажет и эффект от названия данной вещи, человека и т.п., запланированный в оригинале автором, окажется недействительным.

Передавать собственное имя, географическое название, торговую марку и т.д. переводчику приходится отнюдь не редко. При этом принцип репрезентативности проявляется в том, что переводчик должен сохранить содержание (тему) сообщения на рассматриваемом микроуровне. Это значит, что переводимое имя (собственное или нарицательное, но так или иначе специфически национальное, характеризующее определенную культуру) должно быть в той же степени узнаваемым или хотя бы понимаемым так же в переводе. Если в оригинале перед нами некое имя в его обычном варианте, бытовании, то и в переводе оно должно быть представлено (репрезентировано) в варианте обычном (но на ПЯ). Если же имя искажено в оригинале, то и фонетика перевода должна чутко это отразить. Другими словами, имя должно быть репрезентировано, что автоматически обеспечит сохранение цели его введения в текст оригинала. За исключением необдуманно составленных текстов, которые в данном случае нами исключаются из рассмотрения и анализа, любой текст, упоминая какие-то имена, названия, предметы, явления и т.п., упоминает их *зачем-то*, с какой-то конкретной целью. Переводчик и призван репрезентировать эту цель в своем переводе. Если имя приведено в оригинале точно, то очевидно, что его автор хотел донести до реципиента текста, кого или что он имел в виду. И переводчик обязан просто последовать примеру автора оригинала и воспроизвести имя в известном варианте его бытования в ПЯ, чтобы реципиент перевода тоже узнал упомянутое имя и понял, зачем оно фигурирует в данном тексте.

Предположим, имя по тем или иным причинам искажено. В этом случае переводчик должен, во-первых, понять, зачем это сделано, а во-вторых, осмысленно воспроизвести эффект искажения с конкретной целью, совпадающей с целью искажения имени в оригинале (если, конечно, это искажение — не очевидная ошибка, опечатка и т.д.).

Понятно, что переводчик на фонетическом уровне должен следить за сохранением содержания, цели и стилистических особенностей повествования, чтобы не создавать не запланированного автором оригинала коммуникативного эффекта.

При соблюдении всех вышеназванных условий переводчик уже на фонетическом уровне сохранит авторское отношение к излагаемому материалу.

Основными приемами перевода на фонетическом уровне являются транслитерация, транскрипция и собственно перевод¹.

Алгоритм действий переводчика в целом и кратко можно описать следующим образом. Прежде всего, встретив в тексте оригинала имя собственное или название некоего специфического национального явления (предмета обихода, обычая и т.п. — того, что принято называть национальными реалиями), переводчик должен убедиться, не существует ли (обще)принятого перевода этого слова. В этом случае ему нужно последовать укоренившейся в языке перевода традиции и перевести, скажем, *Paris* не *Лари* (что было бы правильной исходя из французского произношения), а так, как название этого города принято произносить по-русски — *Париж*.

Убедиться же, существует перевод данного слова на ПЯ или нет, можно, открыв соответствующий словарь. Например, если перед нами географическое название, то нужно открыть словарь географических названий и их соответствий в данной паре языков. Кстати, больше всего уже утвердившихся в переводческой традиции вариантов встречается именно среди географических названий.

Тот же принцип полезно иметь в виду при переводе имен известных людей, их трудов, произведений, открытий, изобретений и т.п. В этом случае нужно обращаться либо к словарям с указаниями соответствий перевода имен известных людей в данной паре языков, либо (скажем, для выяснения, как принято передавать на русском языке название той или иной книги какого-то известного ученого) к энциклопедическим словарям.

В наше время хорошим подспорьем для получения такого рода справок может оказаться Интернет. Но при этом важно помнить, что материалы, почерпнутые из Интернета, нужно проверять. Надежными оказываются только сведения, помещаемые на официальных сайтах и веб-страницах солидных информационных агентств и организаций.

Предположим, однако, что перед нами имя какого-нибудь молодого актера, еще только восходящей звезды, и мы первые переводим его имя. В этом случае, естественно, нет традиции перевода, на которую мы могли бы опереться, и перевод придется сделать самим. На сегодняшний день общепринятым является перевод-транскрипция

¹ Примеры собственно перевода были описаны выше: например, генерализация *Baedeker* - популярный путеводитель. В художественном переводе «говорящие» фамилии персонажей тоже нередко не транслитерируются, не транскрибируются, а переводятся соответствующими говорящими фамилиями в ПЯ.

иностранных имен на русский язык, т.е. передача графическими средствами ГШ фонетического облика данного слова ИЯ.

При этом нужно учитывать не происхождение и не национальность переводимого лица или объекта, а его *гражданство*. Если перед нами имя английского актера или другого известного человека, мы должны переводить его имя в соответствии с английской манерой произношения этого имени, даже если оно явно не английского происхождения. Это особенно актуально, когда мы сталкиваемся с представителями таких многонациональных стран, как США или Канада. Например, имя известнейшего американского дирижера и композитора Леонарда Бернштейна передается с буквой *s* перед буквой *m*, хотя, если бы фамилия *Bernstein* принадлежала немцу, мы бы перевели ее, употребив букву *ш* перед буквой *m*, по аналогии с *Эйнштейн*. Это объясняется особенностями произношения сочетания *st* в англоязычной и немецкоязычной традициях. Обратим внимание и на то, как передается немецкий дифтонг *ei*. В русской традиции немецкие имена с этим дифтонгом передаются через *ей* (*Гейне*, *Гейдельберг* и т.д.), в то время как в фамилии *Бернштейн* мы перевели его в соответствии с тем, как эта фамилия произносится в США, где Бернштейн жил и работал.

Таким образом, если перед нами английская (американская, австралийская, новозеландская, канадско-английская) фамилия, реалья и т.п., мы транскрибируем их, учитывая то, как произносятся они по-английски. Если перед нами немецкая, французская, польская, венгерская и т.д. фамилия, реалья, мы транскрибируем их в соответствии с тем, как они произносятся на языках-источниках. Это правило должно соблюдаться даже в том случае, когда мы встречаемся, скажем, с именем чешского ученого в английском тексте: мы должны затранскрибировать его имя так, как оно звучит по-чешски, а не по-английски. Например, Эйнштейн останется для нас Эйнштейном даже тогда, когда мы, переводя лектора из Гарвардского университета (США), услышим его произнесение этого имени как *Айнстайн*.

К сожалению, иногда из-за разнобоя в переводческой политике возникают разночтения в произношении тех или иных имен. Так, американский пианист, победитель Первого конкурса им. П.И. Чайковского в Москве (1958) известен у нас и как Ван Клиберн (транслитерация от *Van Cliburn*), и как Вэн Клайберн (транскрипция от того же имени). Повторимся, в наше время общепринятым считается все-таки именно транскрибирование иностранных имен на русском языке, а потому соответствующим современным переводческим традициям следует признать второй вариант, хотя репрезентативными — оба.

Дело обстояло так не всегда. Например, в свое время М.В. Ломоносов передавал на русском языке имя, известное нам сегодня как Исаак Ньютон, — *Невтон*, т.е. транслитерировал его от английского *Newton*:

О вы, которых ожидает
 Отечество от недр своих
 И видеть таковых желает,
 Каких зовет от стран чужих,
 О ваши дни благословенны!
 Держайте ныне ободренны
 Раченьем вашим показать,
 Что может собственных Платонов
 И быстрых разумом Невтонов
 Российская земля рождать.

(Ода на день восшествия на всероссийский престол
 Ея Величества государыни императрицы
 Елисаветы Петровны, 1747года)

Часто переводческая деятельность связана с языками, в которых употребляются различные графические системы. Например, в английском языке пишут, используя латинский шрифт, а в русском — кириллицу. Это вызывает определенного рода трудности. При передаче иноязычных слов в этом случае можно использовать транслитерацию — передачу графической формы той или иной лексической единицы без учета ее реального звучания. Строго говоря, речь в этом случае идет о переводе не на фонетическом, а на графическом уровне. Раньше при переводе с западноевропейских языков на русский употреблялась именно транслитерация. Таким способом в русский язык вошли многие географические названия: *London* — *Лондон*, *Marseilles* — *Марсель*, *Rhein* — *Рейн*. Имя (не фамилия) выдающегося английского физика Исаака Ньютона (*Isaac*) вошло в русский язык также в транслитерации.

В настоящее время более употребительно транскрибирование иностранных имен. То же имя *Isaac* с английского переводится уже не *Исаак*, как имя Ньютона, а *Айзек*, как, например, имя американского писателя Айзека Азимова (*Isaac Asimov*).

Случается, однако, оба эти приема совмещаются в одном имени, как в имени уже упомянутого Исаака Ньютона, т.е. имя его транслитерировано, а фамилия затранскрибирована. Таким образом, в данном

случае переводчик должен просто *знать*, как по-русски передается это имя. Он не может «вычислить», догадаться, вывести из каких-то правил или принципов русский вариант передачи имени этого английского ученого. Он просто должен знать общепринятый вариант перевода. Если он почему-то его изменит, то создаст текст, в котором по крайней мере это имя не будет выполнять репрезентирующую функцию. Действительно, если в англоязычном оригинале имя будет узнаваемым реципиентом текста, в нем не будет ничего необычного, то в русскоязычном его переводе появится элемент новизны, чуждый оригиналу.

§ 2. Репрезентативность на уровне словообразовательных моделей

На уровне морфологии репрезентативность проявляется аналогично тому, что было сказано в отношении репрезентативности на уровне фонетики, т.е. традиционные, утвердившиеся в ИЯ словообразовательные модели должны по возможности передаваться традиционными же словообразовательными моделями ПЯ. Нарушение этого принципа неизбежно ведет к утрате переводом (в большей или меньшей степени) его репрезентативности¹.

Сложнее дело обстоит с обеспечением репрезентативности при переводе новых слов, неологизмов, пусть даже образованных по старым словообразовательным моделям. Отнюдь не всегда удается передать с помощью перевода свойственные новообразованиям эмоциональный и экспрессивный оттенки. Нередко приходится довольствоваться описательными, стилистически нейтральными способами перевода по той причине, что в языке перевода зачастую не оказывается аналогичных (новых, с тем же эмоционально-экспрессивным потенциалом) словообразовательных моделей.

С переводом традиционных и устоявшихся в языке словообразовательных моделей, как правило, трудностей не возникает. Даже при том, что некоторые из них оказываются в переводе довольно громоздкими, и содержательно, и интенционно, и стилистически они могут быть признаны репрезентирующими элементы своих транслатов, относящиеся к ИЯ. Например, довольно трудными для перевода являются английские образования с суффиксами *-ible*, *-able*, которые иногда называют третьим причастием, поскольку в них ярко выражена

¹ Речь в настоящей главе идет о репрезентативности на микроуровне, поэтому возможны случаи ее неполной реализованности. Это не значит, что ее невозможно реализовать вовсе. Просто потребуется компенсация на других «участках» текста.

семантика глагольности, потенциальной открытости для действия. Перевод, как правило, и утяжеляется из-за необходимости разворачивать этот сжатый, будто пружина, элемент глагольности в отдельное словосочетание или даже придаточное предложение: *defensible* — такой, который можно защитить, правомерный; *calculable* — поддающийся подсчету; *taxable* — облагаемый налогом.

Среди наиболее важных способов словообразования в современном английском языке следует назвать аффиксальный способ, создание новых слов из фразовых глаголов, образование сложных слов и сокращений [См.: Айнбиндер].

Аффиксальный способ означает образование слов с помощью приставок и суффиксов. При этом одни аффиксальные образования вполне обычны и переводятся такими же обычными словами русского языка. Другие еще не устоялись в языке и потому требуют соответствующих с точки зрения новизны (репрезентирующих их) способов перевода.

Приведем пример. В последнее время продуктивной в английском языке становится модель образования новых слов с суффиксом *-age*, но одни слова предоставляются совершенно обычными, а другие все еще достаточно новы. Так, слово *mileage* означает пробег, количество миль, пройденных транспортным средством. Транслатема *mileage* — *пробег* включает в себя элементы вполне обычные: первый — для английского и второй — для русского языка. Любой другой способ перевода английского слова *mileage* должен быть признан нарушающим требование репрезентативности, поскольку создаст эффект новизны, отсутствующий в английском языке. Однако там появились словосочетания вроде *political mileage* — конструкция, хотя и вполне понятная, тем не менее воспринимаемая еще как довольно «свежая», новая и потому необычная. Перевод *политический опыт*, в принципе, верно отразит суть явления, выраженного данным английским словосочетанием, и тем не менее русское словосочетание недотягивает до английского, поскольку лишено той самой новизны и «свежести», присущих английскому. Перевод *политический пробег* неприемлем, поскольку, хотя и содержит новизну и «свежесть», но малопонятен носителю русского языка. Зато словосочетание *политический багаж*, наверное, ближе предыдущих двух к английскому *political mileage*, поскольку, пусть и вполне понятное русскоязычному человеку, и не очень новое и «свежее», оно тем не менее обладает беспорной эмоциональной зараженностью, освежающей ее восприятие. Учитывая, что слово *mileage* чаще всего употребляется с положительной коннотацией, например в выражении *to get mileage out of something* — *извлечь из чего-ли-*

, бо пользу, то перевод *политический багаж*, особенно с прилагательным *солидный*, оказывается вполне приемлемым с точки зрения репрезентативности английского словосочетания *political mileage*.

В английском языке распространены, например, слова со следующими суффиксами и приставками:

а- не-; без-; а-; *amorphous adj* аморфный, бесформенный.

Ы- би-; дву(х)-; *bipolar adj* двухполюсный; биполярный,

-*ese* (суффикс со значением «вид, жанр языка а»); *journalese n* газетный штамп; *computerese n* язык программирования.

-*gap nov.* (полусуффикс со значением недостатка чего-либо); *communication-gap n* некоммуникабельность.

-*gate nov.* (полусуффикс со значением «политический скандал»); *Irangate n* политический скандал по поводу снабжения Ирана оружием.

-*holic nov.* (суффикс со значением «чрезмерно увлекающийся чем-либо»); -голик; *alcoholic n* алкоголик; *workaholic n* трудоголик.

по- (лишенный названного качества; не требующий чего-либо); *po-nonsense adj* серьезный; деловой; *no-brainer n* простое дело.

рага-1. (близкий к чему-либо); *paramilitary adj* полувоенный; военизированный; 2. псевдо-; *para-journalism n* псевдожурнализм.

Как видим, не всегда можно подобрать в более или менее полной мере репрезентативный вариант перевода того или иного лексического образования. Иногда приходится довольствоваться лишь передачей содержания (темы), как, например, в случае с *Irangate*. Хотя иногда политики употребляют термин *Ирангейт*, транслитерируя английское слово по аналогии с *Watergate* — *Уотергейт*, все-таки для широкой публики более предпочтительным является описательный перевод. Зато, если переводчик работает с политически образованной аудиторией, он вполне может повысить степень репрезентативности своего перевода данного слова и употребить русское *Ирангейт*.

Непросто в полной мере обеспечить репрезентативность при переводе слов, образованных от фразовых глаголов. Здесь, как правило, приходится снимать свойственную им эмоциональность и экспрессивность.

Например, существительное и прилагательное *take-away* приходится переводить либо *обед(ы) на вынос*, либо в словосочетании *a take-away restaurant* описательно: *ресторан, в котором можно заказать пиззу на вынос*.

Иногда, пусть и нечасто, с такими словами возникают особого рода сложности. Так, у современного английского писателя Дж. Барнса

есть рассказ «The Stowaway*». Слово *stow(-)away* вообще-то значит «заяц» (безбилетный пассажир). Казалось бы, так, не мудрствуя лукаво, и следует перевести название рассказа, но «зайцем» в Ноевом ковчеге оказывается, как мы понимаем, дочитав рассказ до конца, червь-древоточец. И переводчику придется задуматься, имеет ли он право играть вторым, а вернее первым, основным, неметафорическим значением русского слова *заяц*, когда речь идет о черве-древоточце.

Довольно частотны такие, например, образования от фразовых глаголов:

- bringdown adj* унизительное замечание,
crackdown л ужесточение дисциплины, «закручивание гаек»,
drop-in n вечеринка, на которую можно прийти без приглашения,
hands-on adj обладающий практическим опытом.
make-up n 1. макияж; 2. состав; 3. строение; образование; конструкция,
off-license л винный магазин.
off-line adj (о компьютере) отключенный от Интернета,
off-the-shelf adj стандартный; «ширпотреб»,
on-line л (о компьютере) подключенный к Интернету,
rip-off л грабеж.
throwaway л ненужная вещь; пустяк,
walkover л (в спорте) легкая победа.

Опять-таки, как видим, перевести с полностью реализованной репрезентативностью удается отнюдь не все слова такого рода. Некоторые из них более «податливы» для перевода, например: *crackdown* — «закручивание гаек», где «закручивание гаек» может считаться довольно удачным переводом английского слова; или: *off-the-shelf* — «ширпотреб», где перевод «ширпотреб» удачен, но, конечно, с переводом прилагательного *off-the-shelf* могут возникнуть сложности, так как оно употребляется исключительно в атрибутивной (определятельной) функции и при переводе его словом «ширпотреб» приходится прибегать к грамматическим и к синтаксическим трансформациям, т.е. к замене частей речи оригинала другими частями речи в ПЯ, а следовательно, и к синтаксической перестройке высказывания. Как, например, иначе можно было бы перевести фразу / *hate her new off-the-shelf coat?* Разве что прибегнуть к несколько тяжеловатому, хотя, конечно, вполне возможному и понятному разговорному прилагательному *ширпотребовский*: *Мне ужасно не нравится ее новое ширпотребовское пальто*. Все-таки удачнее более эмоционально насы-

шенный вариант: **Мне ужасно не нравится ее новое пальто. Ширпотреб!**

Эмоциональный и экспрессивный потенциал других образований такого типа, к сожалению, при переводе почти неизбежно выхолащивается: *walkover* — *легкая победа*.

То, насколько продуктивной и, увы, отнюдь не легкой для перевода является эта модель английских неологизмов, показывает пример из передовой статьи газеты «The Moscow Times», в которой анализируются результаты прошедших в декабре 2003 г. в России парламентских (думских) выборов.

...one-third of voters chose President Vladimir Putin's «pop-party» [the party *United Russia* («Единая Россия»)], according to our exit poll. If this figure is added to the roughly 20 per cent that voted for LDPR and Homeland, two puppet parties created to *out-communist* (выделено мной. — **СТ.**) the Communists, and the additional seats all three will likely pick up in the single-mandate contests, Putin will come close to having the two-thirds majority needed to change the Constitution (something many say he secretly desires to do).

Мало того что здесь слово *communist* употребляется в соответствии с моделью грамматической конверсии не как существительное, а как глагол (что хотя и весьма распространено в английском языке, все же никогда не теряет своей новизны и свежести), оно «обогащено» еще адвербиальной приставкой **out**. К сожалению, насколько ярко столкновение однокоренных, но подвергнутых грамматической и семантической конверсии слов *out-communist* и *Communists* (фигура речи, подчеркивающая и даже предельно обнажающая механизм политической борьбы, в свое время активно использовавшийся коммунистами, но теперь примененный к ним самим), настолько выхолащенным будет простой описательный перевод на русский язык этого предложения, если только переводчик не проявит максимум творческих усилий и не передаст эту игру слов так же эмоционально, экспрессивно и остроумно.

Теперь о сложных словах. В английском языке довольно частотен способ образования новых (сложных) слов из словосочетаний или даже из целых предложений. Одни нередко появляются в публицистических статьях, в художественной прозе и не приживаются в языке, так и не став частью общеязыкового словаря, оставшись авторскими окказионализмами. Другие же подхватываются носителями английского языка и обретают новую жизнь.

Это лексикологическая сторона дела. Она важна для понимания того, что людям, изучающим язык, для активного овладения понадобятся не все сложные слова, образованные когда-то от словосочетаний или предложений.

Что же касается перевода, то переводчику приходится иметь дело с тем и другим типом сложнообразованных слов. При этом если не вошедшие в общий словарь английского языка сложные слова следует переводить, по возможности сохраняя новизну и яркость создаваемого ими впечатления также в русском языке, выступающем в роли ПЯ, то слова со стертой метафорикой требуют точно таких же по силе воздействия русских слов.

Вот некоторые сложные слова и их словарные переводы:

all-or-none **adj** категоричный.

apple-pie-virtues **n** традиционные американские добродетели,

coffee-table-book **n** подарочное издание (*книги, альбома*).

do's and don't's **n** правила.

hit-and-miss **adj** непредсказуемый; «не угадаешь»,

least-worst **adj** выбираемый как наименьшее зло.

once-over-lightly **n** 1. работа спустя рукава; 2. беглое ознакомление,

peace-and-order officers **n** блюстители порядка,

small-tooth-comb **n** тщательное расследование, «прочесывание»,

wannabee (*разг. от want to be*) **adj** подражающий своему кумиру,

warts-and-all **adv** как есть; со всеми «за» и «против»; без прикрас,

whatchamacallit *interj* как мне это / его назвать; как это?..; как его?..,

would-be **adj** имеющий шансы (стать, быть кем-либо); будущий.

Для примера возьмем из данного списка наречие *warts-and-all*. Согласно некоторым источникам, впервые эту фразу употребил Кромвель. Когда художник, собираясь писать его портрет, спросил, каким он хотел бы видеть себя на этом портрете, Кромвель в ответ якобы сказал: «Warts and all» («С бородавками и всем остальным»). Очевидно, он имел в виду то, что хотел бы увидеть себя на полотне таким же, как в жизни, без каких бы то ни было прикрас. В этом значении фраза и вошла в английский язык.

К сожалению, ни один из приведенных выше переводов этой фразы (*как есть; со всеми «за» и «против»; без прикрас*) все-таки не обеспечивает в полной мере репрезентативности на стилистическом уровне. Буквальный перевод (*с бородавками и всем остальным*), хотя и сохраняет образность кромвелевского высказывания, не имеет того же языкового статуса общепринятоеTM и идиоматичности (фразеологичности).

Поэтому приходится довольствоваться лишь сохранением содержания (темы), цели высказывания, интенции, но без стилистического соответствия оригиналу.

Лучше дело обстоит со сложным словом *small-tooth-comb*, переведенное как *тщательное расследование*, «*прочесывание*». Особенно близок к оригиналу (даже по образности) перевод *прочесывание*.

Рассмотрим наконец, последний тип словообразовательных моделей — сокращения. Существует несколько видов сокращений: 1) сокращения типа «буква—слово»; 2) сокращения, представляющие собой усеченные слова; 3) сложносокращенные слова; 4) акронимы (сокращения по начальным буквам словосочетаний).

Приведем примеры слов-сокращений:

AIDS (acquired immune deficiency syndrome) СПИД (синдром приобретенного иммунного дефицита).

A.S.A.P. (as soon as possible) как можно скорее.

celeb (celebrity) знаменитость.

email (electronic mail) электронная почта.

GI (General Issue) рядовой (в *армии США*).

GiGo (garbage in — garbage out) брак в работе с компьютером.

limo (limousin) лимузин.

magalog (magazine catalog) рекламный каталог «товары почтой» журнального формата.

narcodollars (narcotic dollars) доходы от продажи наркотиков, наркодоллары,

teen (teenager) подросток.

U-turn поворот на сто восемьдесят градусов (дорожный знак).

VIP (very important person) очень важное лицо; ВИП-персона.

WASP (white Anglo-Saxon protestant) белый протестант англосаксонского происхождения.

Для того чтобы обеспечить репрезентативность при переводе сокращений, необходимо учитывать реципиента переводного текста, культурную традицию его языка. Понятно, что переводчик должен знать культуру оригинала (в данном случае англоязычную), без чего он просто не расшифрует и не переведет то или иное сокращение. Но главное при переводе сокращений даже не культурно-языковой их статус. Дело в том, что, если даже какое-либо сокращение очень часто и понятно любому носителю ИЯ, но для него нет сокращения-соответствия в ПЯ, перевод сокращения сокращением без каких-либо комментариев, расшифровок и т.п. невозможен. Таким образом, стилистическая компонента репрезентативности приносится в жерт-

ву ради донесения до реципиента содержания (темы) данной языковой единицы, а вместе с ней и всего высказывания.

§ 3. Репрезентативность на грамматическом уровне

Говоря о репрезентативности при переводе грамматических явлений с одного языка на другой, следует помнить, что ярус грамматических особенностей языка — пожалуй, один из самых «национальных» ярусов. За этим ярусом грамматических категорий — каждая со своими значениями, конструкциями, парадигматическими сопряжениями различных словоформ и т.п. — скрывается один из механизмов, благодаря которым язык обретает свою особую «физиономию», делающую его не похожим ни на какой другой, даже самый генетически близкородственный; это, если продолжить ряд антропологических метафор, — *дактилоскопический отпечаток* языка, который не позволяет перепутать его ни с каким другим языком.

Такая грамматическая своеобразность, естественно, не может не отразиться на процессе перевода. Она заметно усложняет поиск переводческих соответствий и формирование транслата, в котором весьма нечасто удается обойтись без каких-либо (порой кардинальных) изменений, без тех или иных структурных перестроек. Вот почему, пожалуй, наиболее частотны здесь переводческие трансформации, связанные с изменением частей речи слов ИЯ в ПЯ, а также с перестройкой грамматических форм оригинала в переводе.

При этом следует помнить, что грамматические формы обладают своей семантикой. Даже если изменения частей речи при переводе не происходит и, скажем, инфинитив переводится инфинитивом же, нередко мы имеем дело с различным семантическим наполнением и статусом этих формально одинаковых грамматических явлений. Следовательно, неизбежны потери или добавления, т.е. изменения даже там, где, кажется, их и не было.

Кроме того, мы сталкиваемся с языковой нормой и речевым узусом. Наблюдения показывают, что язык и речь различаются прежде всего тем, что языковая норма отбирает те или иные единицы языка согласно принципу «правильно — неправильно», в то время как узус, т.е. речевая норма, отбирает единицы языка согласно критерию «более предпочтительно — менее предпочтительно».

Нарушение языковой нормы ведет к тому, что принято называть неграмотной, ошибочной и потому недопустимой речью, а нарушение речевой нормы, узуса, — к тому, что формально правильная речь фактически звучит как бы с лексико-грамматическим неестествен-

ным, иностранным, акцентом [Латышев. С. 93—94]. Причина кроется в том, что если на уровне коллигации (грамматико-синтаксической сочетаемости) никаких нарушений нет, то на уровне коллокации (лексико-семантической сочетаемости) нарушение как раз допущено; Нарушение коллокации и есть нарушение узуса, а нарушение коллигации — нарушение языковой нормы.

При этом следует понимать, что нарушение может происходить не только в семантике, т.е. в качественном аспекте, но и в количественном. Модальные глаголы, например, гораздо более употребительны в немецком, английском языках по сравнению с русским. Естественно, это нельзя не учитывать при переводе грамматических структур с их участием.

Нередко имеет место сочетание и качественного, и количественного аспектов узуса. Так, немецкий императив гораздо более частотен и в целом гораздо более силен и интенсивен по своему эмоциональному накалу, чем русский или английский. Поэтому, например, в различного рода инструкциях на русском языке повелительное наклонение употребляется реже. То же оказывается верным и при сравнении императивов в немецком и английском языках.

Особенно чувствительными грамматические различия становятся при выполнении ими определенных эстетических функций [См.: Благой; Якобсон]. Так, всякое истинное произведение литературы представляет собой целый комплекс художественных средств, необходимых художнику слова для выражения своих идей и мыслей. Одни из этих средств носят более общий характер, например композиция произведения, система образов, метод изображения героев, событий и т.п., что более или менее переводимо. Другие, чисто языковые художественные средства, часто связаны со всякого рода языковой игрой. Когда в том или ином художественном произведении на первый план выходят они, возможность их перевода оказывается задачей очень сложной.

Вот почему любое произведение литературы может быть переведено на другой язык лишь до определенной степени: хотя бы какая-то часть использованных в нем языковых художественных средств оказывается потерянной при переводе. И в основном это как раз грамматические механизмы языка, использованные для создания определенных словесно-художественных эффектов.

В итоге наиболее выигрышные национально-языковые характеристики творческого почерка художника слова оказываются плохо поддающимися переводу, а потому иноязычный читатель по переводам не получает о них полного представления.

Есть писатели и поэты, чья репутация в общемировом масштабе заметно теряет по сравнению с их славой у себя на родине. Одним из таких писателей, как известно, является А.С. Пушкин. Именно в этом ключе о нем и высказался Дж. Бейли (John Bayley): «...нам трудно понять произведения Пушкина главным образом из-за того, что они предстают перед нами на двух уровнях: они разочаровывают своей ходульностью и банальностью в переводе, но оказываются совершенно иными, волнующими и ни на что не похожими, когда мы знакомимся с ними на родном языке самого Пушкина» [См.: Readings in Criticism. P. 6]. Поэтому, с одной стороны, в России Пушкина считают гением, а с другой, иностранными деятелями литературы и искусства его репутация и слава постоянно подвергаются сомнению.

Р.О. Якобсон [С. 397] писал: «На склоне тридцатых годов редакторская работа над сочинениями Пушкина в чешском переводе наглядно показала мне, как стихи, думалось бы, тесно приближающиеся к тексту русского подлинника, к его образам и звуковому ладу, зачастую производят сокрушающее впечатление глубокого разрыва с оригиналом в силу неумения или же невозможности воспроизвести грамматический строй переводимого стихотворения», т.е. по крайней мере одна из причин сложной судьбы произведений Пушкина за рубежом заключается в их «грамматической» непереводимости, т.е. непереводимости на уровне грамматики, которая у Пушкина имеет важную эстетическую функцию.

В.В. Виноградов [1980. С. 180] в одной из своих работ, посвященной повести Пушкина «Пиковая дама», написал о ключевой роли, которую в прозе Пушкина вообще и в этой повести в частности играют видовые различия русских глаголов. Глаголы несовершенного вида создают своеобразный фон, на котором затем с помощью глаголов уже совершенного вида писатель показывает действия героев своих произведений. Динамика произведения во многом создается именно посредством напряжения, возникающего между глаголами совершенного и несовершенного видов. В то же время, анализируя перевод этой повести на английский язык, где нет такой же, как в русском языке, категории вида у глагола, а есть другая — своя категория так называемого *aspect'a* глагола, мы ясно видим, насколько сложной становится задача воспроизвести, репрезентировать этот микроуровень оригинала.

Впрочем, переводчики иногда не совсем оправданно играют на различиях грамматических категорий в языках, что называется перегибая палку.

Рассмотрим, например, следующий отрывок из романа У. Стайрона «Выбор Софи» (*W. Styron. Sophie's Choice*), переведенный с английского языка на русский:

— Благодарю вас, господин старший научный сотрудник от фирмы «Чарльз Пфайфер», — сказала она [Софи]. При этом я невольно подумал: «Господи, Софи, милочка, надо же кому-то научить тебя правильно говорить». — И благодарю вас, что вы сделали, чтобы я зацвела как роза, через мгновение добавила она. <...>

— Не *зацвела*, — пояснил он, — а зацвела. Тебе надо выучить совершенный и несовершенный виды глаголов. А это, видишь ли, дело нелегкое, так как в английском языке нет твердых непреложных правил. Приходится руководствоваться инстинктом (*Перев. Т. Кудрявцевой*).

Поскольку речь идет о том, что польке-эмигрантке, с точки зрения героя-повествователя, следовало бы выучить *английский язык*, и это понятно не только из контекста — об этом говорится открыто и прямо здесь же, — то очевидно, что перевод этого эпизода все-таки неправомерен, или, в нашей терминологии, нерепрезентативен, поскольку нарушает фактическую сторону оригинала (тему-содержание): в английском языке нет совершенного и несовершенного видов глагола.

§ 4. Репрезентативность на лексическом уровне

Репрезентативность на лексическом уровне достигается обычно «меньшей кровью», чем на уровне грамматическом, хотя и здесь она дается нелегко.

Лексика традиционно создает проблемы прежде всего из-за несовпадения объема значения лексем в разных, даже близкородственных, языках.

При этом разным набором значений в разных языках обладают даже самые, казалось бы, простые слова. Сравним, например, английское слово *tree* и русское *дерево*¹.

Из таблицы видно, что, у английского слова *tree* меньше значений, чем у русского слова *дерево*, зато оно включается в большее количество фразеологизмов и сложно образованных слов. При этом у обоих

¹ Определения заимствованы: для английской части — из словарей *Collins Cobuild English Language Dictionary*, *The Advanced Learner's Dictionary of Current English* by A.S. Hornby et al.; для русской части — из *Словаря русского языка* С.И. Ожегова.

TREE	ДЕРЕВО
1. A tall plant with a long trunk made of wood, which usually has leaves and branches, and which can live for many years. <i>In the middle of the lawn was a great cedar tree... The trees and shrubs were in full leaf</i>	I. Многолетнее растение с твердым! стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону. <i>Хвойные, лиственные деревья</i>
	II. Древесина (плотная твердая часть дерева или кустарника, находящаяся под корой). <i>Мебель светлого дерева. Резьба по дереву. Постучи по дереву!</i>
2. <i>Family tree</i> — a chart that shows all the people in your family over many generations and their relationships with one another	III. Родословное дерево — изображение истории рода в виде разветвленного дерева
3. <i>Christmas tree</i> — a fir tree, or an artificial tree that looks like a fir tree, which people put in their houses at Christmas and decorated with colorful lights and bolls	—
4. <i>Shoetree</i> — a long piece of metal, plastic, or wood which is put into shoe or boot so that the shoe or boot will keep its shape when it is not being worn	—
5. <i>Barking up the wrong tree</i> — doing something without realizing that there is no chance of success	—
6. <i>Up a gum tree</i> — in a difficult situation which is difficult to get out of	—
7. <i>Tree-lined</i> — streets or roads that have trees on either side of them. <i>...A pleasant tree-lined avenue in Bristol</i>	—
8. <i>Axle-tree</i> — a piece of wood for connecting two opposite wheels	—
9. <i>Tree (a verb)</i> — cause to take refuge up a tree. <i>The hunter was treed by the bear. The dog treed the cat</i>	—

слов совпадают только одно прямое значение (*a tall plant with a long trunk made of wood, which usually has leaves and branches, and which can live for many years* = *многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону*) и одно не прямое (*a chart that shows all the people in your family over many generations and their relationships with*

one another = изображение истории рода в виде разветвленного дерева). Это может отразиться на репрезентирующих свойствах перевалов, в состав транслатаем которых будет входить слово *tree* или *дерево*, что, конечно, не означает невозможности слову *дерево* в значении II найти соответствия в английском языке. Им будет слово *wood*. Проблема в другом: слово *дерево* в значении I может смыкаться в каком-нибудь потенциально возможном контексте со словом *дерево* в значении II, и тогда английский перевод не сможет репрезентировать (т.е. передать) эту игру значений русского слова. Другими словам, транслатеме *дерево* — *tree* будет «квази-соответствовать» транслатема *дерево* — *wood*.

То же можно сказать и обо всех приведенных в таблице английских фразеологизмах и сложных образованиях, в состав которых входит слово *tree*; русские соответствия не будут репрезентировать с той же степенью яркости соотносительность прямого и непрямого значений слова *tree*. Кроме того, если в русском языке слово *дерево* — исключительно имя существительное, то в английском соответствующее ему слово *tree* реализуется и как глагол со своей парадигмой (*trees, treeing, treed* и т.д.). Хотя глагол *tree* вполне возможно переводить на русский язык глагольными словосочетаниями типа *загнать на дерево*, перевод, репрезентативный с лексической точки зрения, теряет в репрезентативности с точек зрения грамматической и синтаксической.

С лексическим уровнем репрезентативности связана также проблема передачи различного рода национальных и культурных реалий того или иного языка средствами другого языка.

Надо сказать, что в теории и практике перевода существуют довольно четко разработанные и ясно сформулированные принципы, помогающие разрешить эту проблему.

Прежде всего, реалии могут передаваться путем заимствования. При этом переводчик работает на фонетическом уровне (о чем см. выше), т.е. он либо транслитерирует, либо транскрибирует иностранное слово. Конечно, этим не следует злоупотреблять, но иногда другого пути просто нет. Речь идет о случаях (и отнюдь не редких), когда принимающая культура просто не знает пришедшего из ИЯ и его культуры понятия, явления, предмета и т.п. Практически в любом современном языке можно найти немало заимствований, хотя и не все языки настолько открыты для них (транслитераций и транскрипций), как, скажем, английский, в котором их огромное количество. В некоторых странах, например во Франции, предпринимаются отчаянные попытки противостоять заимствованиям на государственном уровне — на уровне Французской академии наук. Ирония состоит в том, что на нынешнем этапе мировой истории заимствования идут главным об-

разом из языка, который сам в значительной степени состоит из заимствований, — из английского (особенно американского английского).

Едва ли не лучше всех других языков с потоком американизмов удается справляться исландскому языку, предпочитающему собственные языковые средства (аффиксы, корни). Хотя и здесь вряд ли можно говорить о языковом «герметизме». Просто в данном случае часто используется еще один способ, который, тем не менее, тоже имеет отношение к заимствованию, — так называемое калкирование. В процессе калкирования переводящий язык пользуется собственными аффиксами и корнями, но соединяет их так же, как они соединены в переводимом слове.

Например, английское слово *circumstance* произошло от латинского существительного *circumstantia*, которое в свою очередь было образовано от глагола *circumstare*, сложно образованного слова, состоящего из основ *circum* (вокруг) и *stare* (стоять). В английском налицо пример транслитерирующего заимствования, причем благодаря совпадению графики в обоих языках заимствование практически полностью совпадает со словом-оригиналом.

Французское слово *circonstance*, как и целый ряд других французских заимствований из вулгарной латини, тяготеет к транскрибирующему заимствованию, поскольку в большей степени опирается на то, как слово воспринималось на слух, а не визуально (в письменных источниках).

Русское слово *обстоятельство* — пример калкирующего заимствования, где *об-* соответствует латинскому префиксу *circum-*, а *-сто-* восходит к латинскому корню *-sta-K*

Реалии могут также передаваться с помощью пояснительного, или описательного, перевода. При этом моно- или двулексемное образование передается более распространенным периодом, поясняющим или описывающим то или иное явление, тот или иной предмет. Такой способ перевода является уже заимствованием не на уровне лексем, а на уровне стоящего за ней содержания. Поэтому репрезентативность перевода здесь обеспечивается на уровне темы (содержания, или плана содержания) и в меньшей степени на уровне плана выражения (тона), чем объясняется потеря образности, эмоциональности, экспрессивности.

Нередко, как уже говорилось, язык пытаются искусственно «герметизировать», защитить от иноязычных заимствований. Но спасти

і Возможно, однако, русское слово *обстоятельство* образовано от немецкого слова *Umstand* в первой половине XVIII в. Но все равно оно представляет собой пример словообразовательной кальки (См.: Шанский. С. 3011-

язык нужно не от чужого языка, а от чужой культуры, потому что именно влияние чужой культуры ведет за собой появление в языке новых слов и выражений.

Иногда языку навязываются определенные типы заимствований, но он сопротивляется и выбирает то, что считает для себя более приемлемым. Фактически на наших глазах такое произошло с термином ЭВМ (электронно-вычислительная машина), который существовал в конце 1960-х, в 1970-х гг. Теперь его полностью заменил термин *компьютер*. При этом, если посмотрим на оба термина, то обнаружим, что язык предпочел описательному переводу перевод транскрибирующий.

Видимо, нельзя говорить о прямой взаимозависимости репрезентирующей способности перевода и вида перевода-заимствования. В этом смысле перевод следует за языком, т.е. обеспечивает узнаваемость и четкую идентификацию денотата, стоящего за данной переводимой / переводящей лексической транслатемой.

Фактические ошибки — это самые вопиющие нарушения репрезентативности перевода на лексическом уровне. Как и в любой другой сфере человеческой деятельности, в переводе безошибочность — это скорее идеал, чем практически реализуемая задача. Но точно так же, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, чем больше опыт человека, тем меньше ошибок он совершает. И все же они неизбежны. *Errare humanum est.*

Ошибок не следует бояться, главное — уметь и *не бояться их исправлять*, чтобы не создавать препятствий для общения, способствовать которому и призван переводчик.

Упомянем, что есть два типа ошибок. Первый — это ошибки, не рождающие у носителей переводящего языка (ПЯ) никаких ассоциаций. Такие ошибки легко прощаются адресатами перевода, носителями ПЯ. Люди, говорящие на языке перевода, обычно с пониманием относятся к переводчику, допускающему такого рода ошибки, к которым относятся, например, оговорки. Как правило, они не препятствуют выполнению переводом его репрезентирующей функции. Такие ошибки отмечают реципиентами перевода так же, как радиослушатель отмечает звуковые помехи, слушая радиопередачу. Он умеет отделить главное, те звуки, которые важны для понимания передаваемой информации, от несущественного, тех звуков, которые суть лишь помехи. Например, если вместо *яблоко* будет произнесено *яблоко*, никакой сколько-нибудь существенной для общения потери не будет. Носитель русского языка, реципиент сообщения, внутренне исправит оговорку и без труда поймет, что имеется в виду.

Другое дело — ошибки, вызывающие у реципиента, носителя ПЯ, определенные, чаще всего нежелательные для данной ситуации общения ассоциации. Такие ошибки мешают восприятию передаваемой в ходе общения информации. И переводчик не должен быть источником таких ошибок.

Речь идет об ошибках, меняющих смысл слов в ПЯ. Например, если мы перепутаем слова *ripe* (зрелый) и *rape* (изнасиловать), переводя с русского языка на английский, то англоязычный реципиент будет отвлечен от восприятия важной для данной коммуникации информации. Или если вместо того, чтобы перевести словосочетание *слабое место* (*Книги — мое слабое место. Читаю всегда и везде с превеликим удовольствием*) как *weak point*, переводчик скажет *tender point*, он рискует рассмешить носителей английского языка и серьезно помешать ходу общения, а следовательно, разрушить репрезентирующий эффект своего перевода.

Между прочим, такие ошибки обычно не прощаются, причем вовсе не из-за патологической зловредности носителей ПЯ, а потому, что они создают комический эффект и уходят корнями в малорегулируемое «языковое подсознание». Чтобы удалить это комическое воспоминание, нужно, чтобы прошло много времени. Даже если переводчику и «простят» такую ошибку сразу, за ним долго будет тянуться шлейф насмешек, что повредит уже не только репрезентативности того конкретного общения, во время которого он допустил эту ошибку, но и его профессиональной репутации.

Отдельно следует сказать о репрезентативности перевода фразеологизмов, лексических единиц, находящихся на уровне так называемого малого синтаксиса. (Есть, однако, и более крупные фразеологические образования.)

Под фразеологизмами понимают несколько типов разнородных сочетаний: структуры типа фразовых глаголов в английском языке (*give up, put up with*), идиомы (*выносить сор из избы*), пословицы, поговорки (*не в свои сани не садись; любишь кататься, люби и саночки возить*), крылатые слова (*Человек — это звучит гордо*). Элементы всех этих сочетаний находятся в разной степени взаимозависимости. По общепринятой классификации В.В. Виноградова, выделяются фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения.

Для переводоведения, в отличие от лексикологии, не столь принципиальна собственно классификация фразеологизмов. В какую из групп фразеологизмов отнести выражение *бить баклуши*? В какую — *much of a muchness*? Все это отступает для переводчика на второй план,

зато он должен уметь выделять собственно семантическое ядро высказывания и его лексическую образность, потому что в разных видах текстов ему придется работать с этими выражениями по-разному. Например, при переводе научного текста, в котором употреблен какой-то фразеологизм, переводчик может сохранить лишь план содержания. И хотя, конечно, определенного рода потеря будет налицо, все же план выражения, как известно, играет подчиненную плану содержания роль в научном стиле изложения. А потому репрезентирующим свойствам такого перевода все-таки не будет нанесен сколько-нибудь существенный ущерб.

Если же переводчик сталкивается с переводом фразеологизма в публицистическом или художественном тексте, он должен по возможности передать не только план содержания, но и план выражения. Это достигается путем выделения сначала семантического ядра высказывания. Другими словами, мы должны понять, какая мысль передается с помощью данного фразеологизма, затем найденному семантическому ядру подбирается соответствующее, аналогичное фразеологическое выражение в ПЯ. При этом чаще всего элементы образности одного языка заменяются элементами образности другого. Например, английское выражение *get on like a house on fire* имеет два значения, и ни одному из них нельзя подобрать сходное по образности выражение в русском языке: 1) быстро и легко продвигаться вперед; быстро распространяться; делать огромные успехи; 2) прекрасно ладить друг с другом; жить душа в душу [См.: Кунин]. Из-за этого иногда возникают сложности. Так, автор оригинала может начать обыгрывать этот фразеологизм, может даже играть на обоих его значениях. И переводчику ничего не останется делать, как перевести это сочетание буквально, специально это оговорив: *по английскому выражению* и т.п. Особенно часто, иногда несмотря на всю неуклюжесть и тяжеловесность возникающего эффекта, такое приходится делать в устном переводе, где заменять образность ИЯ на образность ПЯ значит откровенно рисковать. Оратор начнет, например, обыгрывать значение данного фразеологизма, и если переводчик перевел его с иной образностью (хотя, возможно, и сохранил яркость плана выражения, и точно передал плана содержания), он вдруг обнаружит, что дальше переводить просто не в состоянии, потому что говорит уже о чем-то совершенно другом, а вернуться к оригиналу поздно.

Таким образом, перевод фразеологизма возможен либо с сохранением образности оригинала (что более приемлемо в письменном переводе, где переводчик видит развитие мысли автора, и неприемлемо в устном, где он слишком рискует), либо путем передачи только семантического его ядра.

§ 5. Репрезентативность на синтаксическом уровне

Соответствие синтаксических структур в одних языках синтаксическим структурам в других, так же как и в случае с грамматическими структурами, часто бывает неочевидное, скрытое. При некотором внешнем сходстве синтаксические структуры могут оказаться различными.

Например, английская инверсированная конструкция уступительного-условного типа *Had this happened all would have been different* внешне похожа на русскую конструкцию *Случись это, все было бы иначе*. На самом же деле стилистически они противоположны: если английская конструкция характерна для писвенной, книжной речи, то русская — наоборот, более характерна для разговорного стиля.

С точки зрения синтаксического построения в высказывании различают его собственно синтаксическую структуру и структуру коммуникативную. Для переводчика важно, что синтаксическая структура складывается из предикативной группы, в которую входят подлежащее и сказуемое, с примыкающим к ней дополнением. Это то, на что следует обращать внимание при переводе в первую очередь. Как правило, именно предикативная группа с примыкающим к ней дополнением составляет «скелет», основу переводимого текста, это особенно значимо при устном последовательном или синхронном переводе.

Остальные члены предложения так или иначе соотносятся с предикативной группой. Различают группу подлежащего, главным образом состоящую из определений, монологемных или развернутых (с подчиненными им словами, например в причастных оборотах). Определения описывают свойства, качества, признаки подлежащего. Даже если переводчик (при устном переводе) по необходимости (например, из-за скорости произнесения речи-оригинала) упустит одно из нескольких однородных определений, входящих в группу подлежащего, то ничего страшного для общего хода коммуникации не произойдет, репрезентативность предложения на микроуровне все-таки будет обеспечена. Хуже, если переводчик, пытаясь перевести каждое из цепочки прилагательных, сопутствующих подлежащему, «взлетит» в них и уже не доходит до самого подлежащего.

Кроме прилагательных в группу подлежащего могут входить также местоимения, числительные. Конечно, например, функция числительных более важна для обеспечения репрезентативности предложения, поэтому на них нужно обращать особое внимание. Если в устном переводе по той или иной причине переводчик не «ловит» числитель-

ное как оно есть, важно передать хотя бы его порядок: о чем идет речь — о сотнях, тысячах, миллионах?

Группа сказуемого, как правило, складывается из аналогов прилагательных — наречий. Если прилагательные — качества предметов и явлений, то наречия описывают качества и признаки действий и других признаков. Поэтому они входят либо в глагольную группу, либо присоединяются к тем же прилагательным. Но в данном случае речь идет о наречиях в составе глагольной группы, когда глагол выступает в роли сказуемого.

Логика рассуждений переводчика здесь та же, что и в случае с прилагательными при существительном-подлежащем, а именно: важно помнить о главном слове в словосочетании — глаголе. Наречия прижимают к нему. Если наречий несколько и они синонимичны, то ничего страшного не произойдет, если (в устном переводе) переводчик по необходимости опустит одно из них.

Весьма характерным членом группы сказуемого в русском языке является также деепричастный оборот. Следует, правда, помнить о том, что он больше характерен для письменной речи, и не злоупотреблять им в устном переводе; к тому же часто переводчики, особенно неопытные, вместо того чтобы разбить одно прозвучавшее на иностранном языке предложение на несколько ясных отдельных предложений на русском языке, запутываются во всех своих многочисленных деепричастных и заодно причастных оборотах. Постаравшись обеспечить целостность высказывания (и тем репрезентативность перевода), они рискуют запутаться настолько, что едва-едва доплетутся до конца какого-то путаного, полностью рассогласованного предложения, в котором не то что слушатели, а и сами переводчики уже ничего понять не смогут.

Учитывать синтаксическое построение высказывания нужно, конечно, и при письменном переводе, особенно сложных синтаксических периодов, которые довольно частотны в научном и юридическом типах текста. В таких случаях как раз и полезно на этапе предпереводческого ознакомления с текстом целиком или с тем или иным предложением выделить, хотя бы мысленно, предикативные группы с дополнениями, а затем уже приниматься за перевод.

Что касается коммуникативной структуры высказывания, то здесь важна проблема так называемого актуального членения предложения. И опять-таки это очень и очень важный аспект микроуровневой переводческой обработки текста оригинала.

Дело в том, что всякая логично организованная речь развертывает составляющие ее высказывания в определенной последовательности.

При этом внутри самих сменяющих друг друга высказываний наблюдается строгая закономерность перехода от известного («старого») знания к неизвестному («новому»).

Длина содержащих старую или новую информацию отрезков речи внутри высказываний колеблется от одного слова до нескольких.

Отрезок, выражающий «старую», уже известную коммуникантам информацию, называется темой, а выражающий «новую», неизвестную им информацию, — ремой.

Когда речь заходит о старой информации, имеется в виду либо информация, относящаяся к общим фоновым знаниям, либо уже упоминавшаяся во время данного коммуникативного акта.

Когда мы говорим о том, что рема — это некая новая информация, не обязательно имеется в виду вообще нечто неизвестное. Возможно, речь идет о том, что еще не упоминалось в данном коммуникативном акте.

В правильно организованном тексте темы и ремы выстраиваются в последовательность, разворачивающую содержание текста. При этом, как правило, рема предшествующего высказывания становится темой последующего, это обеспечивает плавное развертывание логики повествования. Рассмотрим, например, следующий текст: *Я прочитал роман N. Он оказался очень интересным.* Рема первого предложения *роман N* во втором, заменяясь на местоимение *он*, превращается в тему, а его ремой становится уже словосочетание *очень интересным*.

Превращаясь в тему, рема чаще всего выступает в различных своих вариантах, образуемых по принципу переноса с общего на частное и наоборот по сходству, ассоциации и т.д. Например: *Он выступает в составе сборной страны. Такая ответственность, естественно, требует полной самоотдачи.* Здесь рема первого предложения *выступает в составе сборной страны* становится темой второго *такая ответственность* по ассоциации.

Тема одного высказывания может оставаться темой и другого, но опять-таки представлять в несколько измененном виде. Приведем еще пример из спортивной тематики: *Сборная в очередной раз завоевала кубок Европы. Членов команды поздравил Президент страны.* Здесь тема первого предложения *сборная* остается темой и во втором, но в измененном виде: *членов команды*.

Несоблюдение правил тема-рематического развертывания текста перевода при том, что они соблюдены в оригинале, т.е. необеспечение репрезентативности перевода на этом микроуровне текста, приводит к тому, что текст становится трудновоспринимаемым.

Надо заметить, что показателями тема-рематического членения высказывания в разных языках выступают не только собственно синтаксические конструкции (расположение слов и т.п.). Так, в языках, где есть артикль с его дейктической функцией (функцией указания на новое, неизвестное или, наоборот, старое, известное), он тоже активно включается в оформление тема-рематического членения высказываний. Сравним два предложения на английском языке: *An old man sat on the bench* и *The old man sat on the bench*. В первом предложении неопределенный артикль (*an*) указывает на то, что мы еще не знаем этого старика, а потому с помощью неопределенного артикля вводится рематическая часть высказывания. Другое дело — второе предложение. Там при абсолютном совпадении всех остальных частей синтаксического целого употребляется другой (определенный) артикль перед словосочетанием *old man*. И это в корне меняет положение вещей. С помощью определенного артикля показывается, что мы уже знаем старика, о котором идет речь. Следовательно, с помощью определенного артикля вводится тематическая часть высказывания.

Таким образом, если первое предложение фактически могло бы служить ответом на вопрос: «Кто сидел на скамейке?», то второе — на вопрос: «Где (На чем) сидел старик?» Другими словами, схема тема-рематического деления первого предложения может выглядеть как РЕМА — ТЕМА; схема же тема-рематического деления второго предложения должна быть противоположной: ТЕМА — РЕМА. И регулятором тема-рематических отношений выступает как раз артикль: в первом случае — неопределенный, во втором — определенный.

Таковы принципы обеспечения репрезентативности перевода на микроуровне. Она должна достигаться не только на уровне текста в целом, на макроуровне, но и на микроуровне — уровне звука (графемы), морфемы, слова, словосочетания, предложения.

Вопросы и задания

1. Чем репрезентативность перевода на макроуровне отличается от его репрезентативности на микроуровне?
2. Охарактеризуйте способы достижения репрезентативности перевода на каждом из языковых ярусов.

Глава 9

Лингвистические модели (теории) переводческой деятельности

Стрельба в цель упражняет руку
и причиняет верность глазу.

К. Прутков

Как уже говорилось, перевод — один из наиболее древних видов человеческой деятельности. Однако о научном изучении перевода можно говорить лишь начиная с XX в. Только тогда появились работы, в которых предпринимались попытки с научных позиций понять и объективно и доказательно объяснить его суть.

Конечно, попытки осознать, что такое перевод, его особенности по сравнению с другими видами речевой деятельности человека, его силу и слабость (или даже полную несостоятельность, с точки зрения некоторых критиков перевода) предпринимались издавна. Споры велись по вопросам большим и малым. Кто-то делал это более изысканно и эстетизированно, кто-то в большей степени напрямик. Особенно метко и впечатляюще это получалось у поэтов, в том числе поэтов-переводчиков. Одним из первых на русском языке о переводе высказался А.П. Сумароков:

Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк рахтиче народ.
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни, переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся.
На что степень в степень последовать ему?
Ступай лишь тем путем и область дай уму.

Ты сим, как твой твореи письмом своим ни славен.
 Достигнешь до него и будешь сам с ним равен.
 Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
 Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
 Коль речи и слова поставишь без порядка;
 И будет перевод твой некая загадка.
 Которую никто не отгадает век;
 То даром, что слова все точно ты нарек.
 Когда переводить захочешь беспорочно.
 Не то, — творцов мне дух яви и силу точно.

Между прочим, в нашей стране существует целое литературное направление — стихи о переводе. Приведем, например, отрывок из стихотворения «Сонет» Новеллы Матвеевой, посвященного известному переводчику В. Левику:

Кто мог бы стать Рембо? Никто из нас.
 И даже сам Рембо не мог бы лично
 Опять родиться, стать собой вторично
 И вновь создать уж созданное раз.

А переводчик — может. Те слова,
 Что раз дались, но больше не дадутся
 Бодлеру — диво! — вновь на стол кладутся. <...>

По образному выражению поэтессы, когда поэт-переводчик принимается за свой перевод, «сверхтайное творится: / Сейчас неповторимость — повторится».

О муках переводческих не без горькой иронии пишет Арсений Тарковский:

Зазубрил ли ты, переводчик.
 Арифметику парных строчек? <...>
 Ах, восточные переводы.
 Как болит от вас голова.

Полемизируя с Тарковским, о тех же муках переводческих пишет Александр Гитович:

Он [перевод] был моей свободой и неволей,
 Моею добровольною тюрьмой.

Моим блаженством и мою болью.
Сердечной болью, а не головной.

Евгений Евтушенко в одном из своих стихотворений рассуждает на более частную переводческую тему: что такое вольный перевод. И советует переводчику:

Себя школярством не стесни!
Побольше музыки, свободы!
Я верю лишь в одни стихи,
не верю в просто переводы!

Все эти примеры показывают поэтический подход к переводоведческим проблемам, в корне отличающийся от собственно переводоведческого, научного подхода, к которому сейчас и возвращаемся.

На протяжении всего времени существования переводческой деятельности прежде всего сами переводчики осознали то, что перевод не может в полной мере совпадать с оригиналом. Это дало толчок попыткам выяснить, каковы отношения между исходным и переведенным текстами, в чем причина их неполного совпадения и возможно ли добиться большего успеха.

Когда же назрела необходимость разрешить эти вопросы с научных позиций, появились первые труды, которые сегодня мы называем переводоведческими. Это уже не просто эмпирические наблюдения за процессом перевода; не просто мнения о том, насколько удачным или неудачным оказался этот процесс в том или ином конкретном случае или может оказаться вообще. Теперь вопрос о природе, особенностях перевода был вынесен на рассмотрение с научной, поначалу лингвистической точки зрения, что и понятно, ведь перевод прежде всего — вербальная деятельность. Была сформулирована основная задача научного подхода к изучению этого вида деятельности — описать процесс осуществления перевода, объяснить его сущность, выявить, что следует признать достаточным и необходимым условием (или условиями) репрезентативности перевода как результата особого рода деятельности, т.е. раскрыть сущность отношений между оригиналом и переводом. Стало понятно, что для этого следует учитывать саму сущность соответствий прежде всего лингвистических единиц одного языка, с которого переводят (ИЯ), и другого языка, на который переводят (ПЯ). Это должно, по мысли ученых, способствовать уяснению того, как протекает процесс порождения текста на ПЯ, текста особого рода, поскольку он несамостоятелен,

«вторичен» [См.: Вербицкая. С. 7, 15] в том смысле, что является «пией», «слепком», иноязычным повторением текста оригинала.

Далее будут изложены основные положения наиболее важных лингвистических теорий переводческой деятельности.

§ 1. Теория закономерных соответствий

Одной из первых лингвистических теорий переводческой деятельности, выдвинутых в отечественном переводоведении, была «теория закономерных соответствий» Я.И. Рецкера, в 1950 г. опубликовавшего статью «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык». Однако сходные с ним взгляды высказывал в своей известной работе «Введение в теорию перевода» (1953) и А.В. Федоров.

Разработанная этими учеными теория лежит в основе многих учебных и практических пособий по переводу, издававшихся в нашей стране. Кроме того, она последовательно разрабатывалась Л.С. Бархударовым, а отдельные ее элементы использованы в концепциях В.Н. Комиссарова, В. Коллера и др.

Положительная роль теории закономерных соответствий состояла прежде всего в том, что впервые по большей части импрессионистическим соображениям о переводе, его качестве, царившим до того в публикациях по данной тематике, была противопоставлена научно (лингвистически) обоснованная теория. В соответствии с ней можно было рассматривать переводческую деятельность как процесс и анализировать ее результаты. Другими словами, оказалось возможным выделить некоторые принципы выбора вариантов перевода того или иного слова, оборота в процессе осуществления переводческой деятельности. Результат ее — текст перевода — тоже можно было рассматривать с точки зрения реализации *закономерных* соответствий. Авторам удалось показать, что переводчик действует не просто по интуиции, по вдохновению, что существуют определенные закономерности в выборе межъязыковых соответствий.

Эмпирической базой для построения теории закономерных соответствий послужил накопленный переводчиками-практиками большой опыт. Особой заслугой Федорова и Рецкера следует признать то, что они принимали в расчет не только художественный перевод, как это делалось до них (ср. «Высокое искусство» К.И. Чуковского). Исследователи опирались на опыт переводчиков, работавших также в других сферах, хотя художественный перевод, конечно, превалировал.

Свои изыскания исследователи строили на материалах многочисленных переводческих решений тех или иных проблем перевода. Рас-

смотрение случаев из практики натолкнуло ученых на мысль о том, что, при всем отличии их друг от друга в сходных лингвистических условиях переводчики принимают в большей или меньшей степени аналогичные решения. Поэтому, очевидно, можно выделить хотя бы самые общие закономерности, которыми руководствуется переводчик при поиске межъязыковых соответствий.

Понятно, что разрабатывалась теория закономерных соответствий, рассматривавшая перевод пока как исключительно языковую деятельность, на основе уже сложившегося к тому времени сравнительного языкознания. В компаративистике, в рамках которой уже больше века активно ведутся исследования по выявлению сходств и различий в языках, накопился большой фактический материал и были отработаны инструменты теоретического осмысления собранных языковых явлений.

Теория закономерных соответствий распространила свое влияние на различные языковые ярусы от лексики до синтаксиса и стиля. Сразу было заявлено о формировании лингвистической основы теории перевода. Такая позиция вызывала противостояние у многих переводчиков-практиков, особенно у тех, кто занимался художественным переводом. Они видели в появившемся новом научном направлении угрозу переводу как творческому акту. С другой стороны, лингвисты восприняли переводоведческие исследования как относящиеся исключительно к сфере прикладной лингвистики и ею ограничивающиеся. Сейчас, спустя полвека, ясно, что эти скептические взгляды на вновь появившееся научное направление оказались несостоятельными.

Суть теории Рецкера состоит в классификации соответствий, которые учитываются при переводе с одного языка на другой. В этой классификации выделено три группы соответствий: 1) эквиваленты; 2) аналоги (иногда называемые также «вариантными соответствиями»); 3) адекватные замены.

Под эквивалентами понимаются постоянные, не зависящие от контекста соответствия единиц ИЯ единицам ПЯ. Прежде всего это — однозначные термины. Например, английскому *the United Nations* соответствует русское *Организация Объединенных Наций*. Такого рода соответствия независимы от контекста, они всегда постоянны, хотя их сравнительно немного. Вторая группа — аналоги, или варианты соответствия, — группа гораздо более многочисленная. Аналогами их можно назвать в том смысле, что между данной единицей ИЯ и соответствующей ей единицей ПЯ устанавливаются аналоговые отношения: среди синонимических единиц ПЯ, соответствующих

данной единице ИЯ, подыскивается вариант передачи смысла, нам более подходящего для данного контекста. Другими словами, пере нами уже не однозначные соответствия, а набор соответствующих друг другу единиц ИЯ и ПЯ. Выбор каждой конкретной пары соответствий определяется контекстом. Так, английское слово *fair* можно переводить на русский язык как **честный** и как **справедливый**. Словосочетание *fair share* мы переведем, используя слово **справедливый**: **справедливая доля**. А словосочетание *fair deal* — с помощью слова **честный**: **честная сделка**. Именно контекст словосочетания, в котором употреблено английское слово, повлиял на наш выбор русского соответствия.

Третью группу закономерных соответствий в классификации Рецкера составляют так называемые адекватные замены. К ним переводчик прибегает тогда, когда для верной передачи мысли оригинала наиболее целесообразным представляются отход от «буквы подлинника», т.е. употребленных в оригинале слов, и решение стоящей перед ним задачи «исходя из целого». Здесь в классификации Рецкера обнаруживается противоречие, поскольку эквиваленты и варианты соответствия не могут быть поставлены в один ряд с адекватными заменами. Действительно, первые две группы берут за основу языковые единицы, которые можно определить как соответствия, в то время как третья группа предполагает не подбор соответствующих друг другу единиц ИЯ и ПЯ, а некие действия переводчика по установлению соответствия между теми или иными единицами ИЯ и ПЯ, т.е. речь идет о приемах перевода.

К приемам перевода Рецкер относит конкретизацию недифференцированных и абстрактных понятий, логическое развитие понятий, антонимический перевод и компенсацию. Позднее к этим приемам было добавлено так называемое «целостное переосмысление», когда переводчик решает переводить данное слово или выражение, основываясь на понимании целого высказывания, порой отходя от конкретных его элементов весьма далеко. Это можно проиллюстрировать тем, как переводятся, например, фразеологизмы (*A good riddance!* — **Скатертью дорожка!**). Очевидно, здесь намечаются уже принципы описания процесса перевода. В самом деле, Рецкер увязывает свою классификацию с действиями переводчика во время осуществления перевода. Он также предлагает ее для обучения переводчиков.

Согласно Рецкеру, в сознании переводчика возникают сначала эквиваленты, потом начинается поиск аналогов. Если ни то ни другое не подходит, он прибегает к адекватным заменам. В той же последователь-

ности следует обучать и переводчиков: сначала учить их находить эквиваленты, затем — аналоги, наконец осуществлять адекватные замены.

Особое место в теории Рецкера занимает так называемое незаконномерное установление эквивалентов, обеспечивающее творческий характер переводческой деятельности, исключающее автоматический подбор соответствий.

Надо сказать, что предложенная Рецкером классификация закономерных соответствий при переводе неоднократно уточнялась и самим автором, и другими теоретиками перевода.

Так, по поводу первой группы — эквивалентов — указывалось на то, что эквиваленты могут быть односторонними и двусторонними. Соответствие типа вышеприведенного *the United Nations — Организация Объединенных Наций* относится к двусторонним эквивалентам, поскольку английское словосочетание всегда будет переводиться на русский одинаково. То же верно и в отношении перевода в обратную сторону, с русского языка на английский.

Но «однозначная интерпретация языковой единицы в терминах другого языка может иметь место лишь в одном направлении» [Швейцер, 1973. С. 20]. Так, русское слово *ЭВМ (электронно-вычислительная машина)* переводится английским *computer*, но то, в свою очередь, — либо как *ЭВМ*, либо (в наше время чаще) как *компьютер*.

В отношении второй группы Швейцер предлагает различать несколько видов аналогов (вариантных соответствий). Аналоги могут находиться между собой в отношениях синонимии, как в вышеприведенном примере с английским словом *fair* и двумя его русскими соответствиями *справедливый* и *честный*. Но синонимия аналогов, которыми располагает переводчик в ПЯ, бывает не только идеографической (на уровне смысла) или стилистической (*хороший, классный, чудесный*), когда на выбор того или иного аналога, вариантного соответствия влияет контекст. Она может быть абсолютной, т.е. не зависящей от контекста: *Grand Jury* можно с равным правом перевести и как *Большое жюри* и как *Большой совет присяжных*. Следовательно, однозначность / неоднозначность и зависимость / независимость от контекста, как справедливо замечает Швейцер, не всегда совпадают.

Кроме того, в языках существуют многозначные слова, которым в других языках соответствуют слова, не являющиеся друг другу синонимами. Имеются в виду омонимы. Так, английское слово *fair* может переводиться на русский язык и как *честный*, и как *белокурый*. Выбор того или иного русскоязычного соответствия будет зависеть от того, в каком словосочетании употреблено слово *fair* в оригинальном тексте

на английском языке. Если это, например, словосочетание *by **f a b** means*, то перевод будет *честным путем /честно*. Если *fair* употреблено в словосочетании *fair hair*, то его нужно будет перевести как *светлые волосы*.

Есть определенные неточности и в описании приемов перевода, предложенном Рецкером. Например, в разделе, посвященном антонимическому переводу, приводятся иллюстрации, в которых нет антонимов. В примерах, о которых идет речь, устойчивые выражения на ИЯ заменяются соответствующими им устойчивыми выражениями на ПЯ: *Take your time — Не спешите; Mind your own business — Не вмешивайтесь в чужие дела*. Понятно, что в данном случае проблема в неудачной терминологии, хотя описанные явления, без сомнения, отражены точно и верно.

И.С. Алексеева [2000. С. 3sq.] отмечает «некоторые недостроенные места в, казалось бы, стройном здании классификации соответствий»: отсутствие единой базы классификации; неясность лексического объема однозначных эквивалентов, поскольку они могут включать в себя более одной лексемы (например, в терминологических выражениях, логотипических слоганах фирм, запретительных надписях). Алексеева также предлагает изучить соотношение параметра однозначности соответствий и типа текста, в котором они встречаются. Тип текста, по ее предположению, может определять степень свободы переводчика в выборе соответствия. На материале примеров, обсуждаемых Комиссаровым [См.: 19996. С. 176—177], она утверждает, что однозначные эквиваленты могут быть языковыми, а могут быть речевыми.

Критики указывали на чрезмерно нормативный характер теории Рецкера. Поэтому в последующих своих публикациях Рецкер неоднократно подчеркивает творческий характер переводческой деятельности.

Высказывались и другие замечания в отношении теории закономерных соответствий, но в целом следует заметить, что основная ее ценность состоит в том, что впервые были поставлены важные для понимания процесса перевода и оценки его результата вопросы.

Вклад Рецкера в создание и развитие лингвистической теории перевода в нашей стране трудно переоценить. По справедливому и меткому выражению Комиссарова [2002. С. 24], российское переводоведение во многом «вышло из Рецкера».

§ 2. Денотативная (ситуативная) теория перевода

С идеями, близкими денотативной теории перевода, мы столкнулись, обсуждая проблему переводимости / непереводимости / всепереводимости. Универсалистские взгляды наводили на мысль о глубинном сходстве всех языков.

На вопрос: «В чем же состоит это глубинное сходство между языками?» — приверженцы денотативной теории отвечают, что языковые знаки отражают те или иные предметы, явления реальной, окружающей человека действительности или связывающие их отношения, называемые денотатами. Окружающую действительность отражают все языки, и денотаты их объединяют.

Иногда в роли денотатов выступают целые ситуации. Отсюда второе название данной теории — ситуативная теория перевода. Ситуация при этом понимается как набор денотатов, находящихся в тех или иных соотношениях.

Такая модель перевода представлена прежде всего в работах Дж. Кэтфорда, В. Г. Гака.

Логика денотативной теории перевода следующая. Наблюдаемый и отражаемый человеком мир в общем и целом един для всего человечества. В любых языках можно найти разнооформленные внешне и несколько отличающиеся друг от друга по своему содержанию слова, которые, тем не менее, указывают на одни и те же реалии. Отсюда содержанием межъязыковой коммуникации является экстралингвистическая реальность, а процесс перевода, согласно денотативной теории, — это процесс описания денотатов, отраженных в языке оригинала, на языке перевода.

Таким образом, переводчик, воспринимая текст оригинала, связывает языковые единицы ИЯ с соответствующими и внеположенными им денотатами, фрагментами объективной реальности. Затем, выявив эти денотаты, он описывает их, но уже средствами не ИЯ, а ПЯ. Обычно переводчик заранее (без обращения к этапу выявления денотата) знает, какие языковые единицы ИЯ и ПЯ описывают одни и те же денотаты. Поэтому ему не нужно сопоставлять их с соответствующими денотатами, он просто заменяет единицы ИЯ соответствующими тем же денотатам единицами ПЯ. Однако такой укороченный путь возможен благодаря тому, что когда-то было установлено соответствие единиц ИЯ и ПЯ как обозначающих один и тот же фрагмент реальности.

Пока что мы исходили из того, что оба языка имеют наименования для одних и тех же явлений окружающего нас мира. Но на практике

оказывается, что в одном языке есть обозначение того, что никак не обозначено в другом, т.е. мы имеем дело с определенным расхождением в языковой картине мира. Кроме того, языки часто членят окружающую человека реальность по-разному. Хрестоматийными примерами являются следующие расхождения между, скажем, английским и русским языками: английское прилагательное *blue* соответствует русским *голубой* и *синий* или английский глагол *go* соответствует русским *идти* и *ехать*, а в определенных контекстах и *лететь*, и *плыть*.

Еще более сложными могут показаться случаи с культуронимами, обозначениями тех или иных явлений культуры, выраженных с помощью средств того или иного языка, выступающего в процессе перевода в качестве языка оригинала. Так, культуронимами будут, например, английские слова из политического и социологического лексиконов соответственно: *barn-storming*, *societal*.

Подобные случаи расхождения в обозначениях феноменов окружающего мира, тем не менее, не создают трудностей в рамках денотативной теории. Дело в том, что при таких несоответствиях всегда можно объяснить, что имеется в виду, дав описание фигурирующего в оригинале денотата или ситуации на ПЯ. Это особенно хорошо видно на примере как раз культуронимов. Так, *barn-storming* можно перевести описательно как *поездки кандидата в ходе предвыборной кампании по провинциальным городам с целью привлечь потенциальных избирателей*, а *societal* — как *имеющий отношение к обществу в целом*.

Именно в успешном решении подобного рода задач заключается главное достоинство данной теории. Можно выделить следующие случаи, когда без выяснения, какой денотат или какая ситуация стоит за тем или иным языковым комплексом, перевод оказывается невозможным.

1. Денотативная модель (теория) хорошо описывает перевод при отсутствии в ПЯ обозначения денотата или ситуации из оригинала. В этом случае переводчик описывает денотат или ситуацию сочетанием нескольких языковых единиц ПЯ (описательный перевод). Оба вышеприведенных примера (*barnstorming* и *societal*) подпадают под этот случай.

Еще одним решением может быть нахождение близкого по значению знака ПЯ, т.е. знака, называющего похожий денотат или похожую ситуацию, например: *sit-in* можно перевести как *сидячая забастовка*.

Наконец, переводчик может создать неологизм, новое обозначение для денотата ИЯ. Подобным образом поступают (надо сказать, отнюдь не всегда оправданно) в настоящее время переводчики, работающие с текстами по электронике, банковскому делу, психологии и многим другим областям знания, на которые оказали и продолжают оказывать влияние соответствующие англоязычные (прежде всего

американские) области знания и практической деятельности. Так у нас появились термины *компьютер (computer)*, вытеснивший *ЭВМ*, *овердрафт (overdraft)*, *фрустрация (frustration)* и многие другие.

2. Денотативная (ситуативная) модель позволяет объяснить перевод в случае узуального описания той или иной фигурирующей в оригинале ситуации. При этом и в ИЯ, и в ПЯ может существовать только один способ описания подобной ситуации. В данном случае для перевода избирается именно наличествующий в ПЯ узуальный вариант обозначения ситуации, описанной соответствующим узуальным же, но в условиях ИЯ выражением: *Wet paint — Окрашено*.

Встречаются случаи, когда, в принципе, возможен более близкий перевод, но переводчик избирает распространенный оборот, фразу, выражение, опять-таки опираясь на узус ПЯ, например: *спальный район — bedroom community* (а не *sleeping district*).

В научно-технических текстах квалифицированный переводчик, исходя из понимания предмета разговора (денотата, ситуации), может дать более точный по сравнению с оригиналом вариант его описания на ПЯ, несколько даже подредактировав оригинал.

3. Денотативная модель дает возможность объяснить своеобразное переводческое «лабиринство» в тех случаях, когда на первый план при описании каких-либо ситуаций средствами ПЯ выходит критерий их уместности для реципиентов перевода.

Достаточно много тому примеров можно найти в политической публицистике и художественной литературе. В русском переводе следующего английского предложения можно уловить усиление эмоциональной окраски выделенного прилагательного по очевидной причине, связанной с идеолого-политическим контекстом времен «холодной войны»:

Looking back over the 1960's, the political historian might describe it as the time when the American Government began to think of the American people as a *tiresome* nuisance. — Оглядываясь назад на шестидесятые годы, политический обозреватель, возможно, охарактеризует их как время, когда американское правительство начало смотреть на американский народ как на *досадную помеху* [См.: Левицкая, Фитерман. С. 175].

Таковы основные черты денотативной модели перевода, которые позволяют объяснить действия переводчика при выборе тех или иных вариантов перевода благодаря обращению к реальной действительности.

Однако денотативная модель имеет ряд недостатков. Например, она не позволяет обосновывать выбор между несколькими вариантами

ми перевода, когда таковые возможны. Другими словами, она более эффективна для перевода ситуаций, однозначно определяющих подходящий вариант перевода, а потому хороша для объяснения перевода терминов и терминоподобных единиц ИЯ (клише).

Некоторые исследователи критикуют денотативную модель также за то, что она учитывает лишь содержательную сторону оригинала. Перевод формальной его стороны, т.е. то, как выражено данное содержание в плане выражения, в ней не отражается. Например, не учитываются прагматические аспекты переводимых запретительно-разрешительных клишированных оборотов. В рамках денотативной модели можно объяснить, что переводится определенный запрет (скажем, курить в данном месте), но невозможно объяснить, почему более мягкой форме (*Просьба не курить*) предпочитается более строгая (*Не курить!*) или наоборот [См.: Комиссаров, 1973. С. 36].

Однако этот аргумент может быть опровергнут, если учесть второе название теории — ситуативная, ведь информация о денотате-ситуации вполне может (и, скорее всего, будет) включать в себя и информацию о прагматико-стилистических допущениях переводимого оригинала. Например, если обратиться к нашему примеру, при переводе запретительно-разрешительных клишированных оборотов переводчик, рассматривая денотат-ситуацию, будет знать, где этот оборот произносится или, если это объявление, пишется.

Тем не менее данная теория не отражает всей сложности переводческого процесса.

§ 3. Трансформационная теория перевода

Трансформационная теория выросла из генеративной (порождающей) грамматики Н. Хомского. Суть этой грамматики сводится к попытке сформулировать некие правила синтаксических преобразований, с помощью которых все многообразие высказываний, синтаксических структур выводимо из «ядерных», глубинных и простейших синтаксических структур. Конечные, выводимые, поверхностные структуры иначе называются трансформами. Ядерные и полученные с помощью трансформаций синтаксические структуры, трансформы, имеют общий элемент — план содержания. Благодаря интернализованному (находящемуся в сознании) аппарату синтаксических правил и ограниченного инвентаря элементов (звуков, слов) носитель языка (*native speaker*), по теории Хомского, способен по-разному оформлять данный план содержания и воспринимать все многообразие оборотов на родном языке.

Такой взгляд на структуру языкового сознания индивида в рамках трансформационной теории переводоведения был перенесен на межъязыковую деятельность. Если в рамках денотативной теории перевода акцент делался на сходстве двух взаимодействующих в процессе перевода языков, то в рамках трансформационной теории главным становится моделирование совершаемых переводчиком преобразований языковых единиц ИЯ в языковые единицы ПЯ, т.е. переводчик получает текст оригинала, производит с ним определенного рода трансформационные операции и выдает конечный текст — текст перевода.

Эта модель развивалась главным образом в ранних работах известного американского переводоведа Ю. Найды. Те или иные ее аспекты отражены также в работах О. Каде, В. Коллера.

Другим источником данной модели переводческой деятельности является интерес, проявленный в середине XX в. к машинному переводу. Поскольку он был немыслим без максимальной формализации процесса распознавания языковых знаков и их порождения, ведь машина может работать только в соответствии с эксплицитно выраженными правилами осуществления языковых операций, были предприняты попытки применить лингвистические модели к естественному переводу.

И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг указывают на принципиальное отличие автоматизированного перевода от перевода, осуществляемого человеком. Если переводящая машина работает на основе вложенных в нее правил преобразования языковых единиц и структур ИЯ в соответствующие им единицы и структуры ПЯ, то человек, помимо учета определенных такого рода принципов и правил, еще обращается к экстралингвистической реальности. Исследователи предлагают даже два специальных термина: собственно *перевод*, т.е. процесс преобразования оригинала в текст перевода без обращения к экстралингвистической реальности, и *интерпретация*, подразумевающая подключение к этому процессу внеязыковых данных.

Важно понимать, что с этой точки зрения любой осуществляемый человеком перевод, какой бы моделью он ни описывался, — это все-таки интерпретация. В этом смысле интересно, что Найда, в работах которого наиболее полно отражены идеи, связанные с трансформационной моделью перевода, — автор и идеи так называемой динамической эквивалентности. Последняя предполагает достижение в тексте перевода воздействия на реципиента, аналогичного воздействию оригинала на своего реципиента. Решение подобной задачи невозможно без понимания природы воздействия оригинала на своего ре-

ципиента, а это, в свою очередь, может быть понято только благодаря пониманию экстралингвистической реальности, в контексте котора оригинал создан и функционирует (или функционировал).

В рамках трансформационной модели выдвигалась идея «языка посредника», сближающая ее с денотативной моделью. В трансформационной теории под языком-посредником, или метаязыком понимается абстрактная схема лингвистического описания переводимой структуры. В эту схему входит, в частности, информация о наборе элементарных языковых единиц в их смыслопорождающих отношениях, ходе разворачивания/сворачивания данного отрезка текста от ядерной структуры до поверхностной, конечной или наоборот. Наличие такого рода фактически описания ситуации сродни выходу на реальность, осуществляемому при денотативной, или ситуативной, модели.

В переводоведении идеи порождающей грамматики Хомского получили двоякое воплощение. Во-первых, в ее терминах рассматривается собственно преобразование единиц и структур ИЯ в единицы структуры ПЯ, о чем было сказано выше. Во-вторых, идеи эти нашли отражение в модели, согласно которой трансформации используются для описания не перехода от ИЯ к ПЯ в процессе перевода, а этапов внутриязыкового (в ИЯ или ПЯ) переводческого преобразования. В рамках первого подхода при переводе совершаются трансформации; единиц и структур ИЯ в единицы и структуры ПЯ. Трансформации совершаются также внутри ИЯ и внутри ПЯ. При этом внутриязыковые трансформации и межъязыковые (собственно переводческие) преобразования понимаются как явления одного порядка.

Таким образом, переводчик в процессе осуществления своей деятельности трансформирует единицы и структуры ИЯ как исходные (аналогичные ядерным у Хомского) в единицы и структуры ПЯ как конечные, выводимые из них по определенным правилам (аналогия] ные «трансформам» у Хомского).

В рамках второго подхода рассматривается уже не переход от ИЯ к ПЯ, а внутриязыковые этапы переводческой обработки тех или иных единиц и структур. При этом считается возможным свести все много] образие единиц и структур ИЯ и ПЯ к некоему ограниченному их чис-1 лу. В обоих языках выявляются ядерные структуры, которые понима- \ ются как равные друг другу по своему содержательному наполнению.] Сам перевод превращается в процесс замещения ядерных структур] ИЯ соответствующими им ядерными структурами ПЯ.

Иногда сведение к ядерным структурам не отражает соотношения соответствующих им поверхностных структур. Тогда приходится при-]

бегать к так называемым окооядерным структурам, более «поверхностным» по сравнению с ядерными, но все же более простым (глубинным), чем переводимые поверхностные. Это могут быть две ядерные структуры, соединенные определенной связью (причинной, условной и т.д.). Если, например, предложение *Из-за своей инертности он так ничего и не узнал* свести к ядерным структурам *Он был инертен* и *Он ничего не узнал*, то между ними теряется причинно-следственная связь. Поэтому в данном случае лучше прибегнуть к окооядерной структуре, которая отразит эту связь: *Он был инертен, поэтому ничего не узнал*.

Весь процесс перевода проходит в три этапа. Первый этап — это анализ. Суть его в том, что структуры оригинала преобразуются в ядерные структуры ИЯ. Иначе это называют *обратной трансформацией*. Второй этап — замещение полученных ядерных структур ИЯ инвариантными по отношению к ним ядерными структурами ПЯ. Применяемый на этом этапе метод иначе называют *переносом* ядерных структур из ИЯ в ПЯ. Третий этап — синтез, или *реструктурирование*: ядерные структуры ПЯ преобразуются в конечные структуры текста перевода.

Трансформационная модель в применении к переводу оказывается весьма полезной, поскольку создает теоретическую основу для обнаружения переводчески соотносимых друг с другом структур и единиц взаимодействующих в процессе перевода пар языков. Это важно для частных теорий перевода.

Полезным оказывается и применение к переводу внутриязыковых трансформаций, вооружающее переводчика необходимым ему набором преобразовательных операций. Когда он сталкивается с грамматико-синтаксическими структурами ИЯ, которые не имеют аналогов в ПЯ, он получает возможность с помощью внутриязыковых трансформаций свести эти структуры к соответствующим им ядерным, которые и переводит (замещает) инвариантными ядерными структурами ПЯ.

Например, чтобы перевести каузативную английскую конструкцию *My friend's witty remark caused me to change my attitude to the problem*, переводчик может свести ее к ядерным структурам: *My friend made a witty remark about the problem in question* и *I changed my attitude towards it*. Затем вывести их на более высокий уровень окооядерной структуры, отражающей соотношение ядерных структур в изначальном предложении: *I changed my attitude to the problem because my friend (had) made a witty remark about it*. В таком виде английские каузативные конструкции, вообще очень сложные для перевода на русский язык, перевести проще.

Использование трансформационной модели очень плодотворно для преподавания перевода, поскольку позволяет научить студента переводить даже самые сложные конструкции ИЯ.

Безусловным преимуществом трансформационной теории является то, что она переводит сопоставление разноязычных единиц и структур из сферы грамматических категорий в сферу семантики. Учет ли грамматических категорий поверхностных структур, опора на них при переводе является одним из самых частотных источников буквализма, когда копируется план выражения оригинала и механистически переносится в ПЯ. Гораздо более продуктивен учет именно категорий семантики, общих для ИЯ и ПЯ. Кроме того, трансформационная модель помогает снять неоднозначность поверхностных структур ИЯ. Действительно, в отличие от них, ядерные или окооядерные структуры всегда выражены однозначно: предмет и объект — существительными или заменяющими их местоимениями; процесс — глаголом; качество, признак — прилагательным и т.д. Это существенно упрощает выяснение смысла изначального высказывания.

К недостаткам трансформационной теории перевода следует отнести отсутствие объяснения того, как осуществляется выбор конечной структуры/единицы ПЯ. Фактически в рамках данной теории не находят отражения механизм этого выбора. Цепочки преобразований с точки зрения второго из описанных выше подходов оказываются зависимыми друг от друга только на втором этапе переноса, замещения. Дальнейшее их расхождение осуществляется независимо друг от друга — по крайней мере, если соответствие их ядерных структур объяснимо, то соответствие начальной (в ИЯ) и конечной (в ПЯ) структур остается непроясненным. К тому же сопоставительное изучение переводов свидетельствует о том, что репрезентативными иногда являются также переводы, не сводимые к инвариантным ядерным соответствиям ИЯ и ПЯ.

Наконец, трансформационная модель перевода не может объяснить и такие легко объяснимые денотативной теорией транслатемы, как *instant coffee* — *растворимый кофе*.

§ 4. Семантическая теория перевода

Семантическая теория перевода ставит своей центральной задачей описание сущности соответствия между планом содержания оригинала и планом содержания перевода. Как уже было сказано выше, в этом заключена одна из главных задач переводоведения вообще. Данная теория исходит из того, что в процессе перевода переводчик стремится

ся прежде всего сохранить план содержания оригинала, донести его до реципиента перевода. При этом он находит такие единицы ПЯ, которые наилучшим образом передают содержание оригинала.

Конечно, чтобы найти наиболее близкие единицам ИЯ соответствия в ПЯ, необходим анализ содержательной структуры оригинала. В сущности, на этот уровень анализа выходят и создатели рассмотренной в предыдущем параграфе трансформационной теории перевода, подчеркивающие необходимость выделения ядерных и околюдерных структур оригинала и перевода с точки зрения не грамматических категорий, а именно семантики.

Точка отсчета семантической теории та же, поэтому иногда обе теории объединяют при рассмотрении их применимости для описания процесса перевода в рамках единой трансформационно-семантической теории. Однако в семантической модели существенно более подробно разрабатывается именно семантический компонент описания взаимодействия языка оригинала и языка перевода.

Прежде всего семантическая теория активно использует такой важный метод сопоставления ИЯ и ПЯ, как компонентный анализ. При этом значение каждой языковой единицы в ИЯ и ПЯ рассматривается как пучок (набор) сем (семантических множителей). Семы выявляются при сопоставлении данной лексической единицы с другими, соотносящимися с ней по тем или иным семантическим параметрам. Так, слово *преподаватель* обладает следующими семами: 1. *обучающий* — не *обучаемый* (ср. студент, учащийся, слушатель курсов); 2. *работник вуза* — не *учитель* (как в школе); 3. *мужского пола* — не *преподавательница*; 4. *единственного числа* — не *преподаватели* и т.д. В процессе перевода переводчик будет искать такое соответствие в ПЯ, которое наиболее полно отразит данный набор сем. Однако это не всегда возможно, так как набор семантических множителей у слов-соответствий в разных языках не совпадает. Например, переводчик может перевести русское слово *преподаватель* английским *professor*, утратив при этом, например, сему, указывающую на то, что данное слово обозначает представителя мужского пола.

Иногда перевод вынужден «сказать» больше, чем оригинал, или не может выразить ту или иную мысль, не нарушив при этом норм переводящего языка. В одной из своих статей Р. Якобсон подчеркнул, что языки отличаются друг от друга тем, что они *должны* передать, а не тем, что *могут* передать. Например, переводя английские существительные или прилагательные на русский язык, переводчик вынужден увеличить объем сообщаемой информации, поскольку русскому имени ингерентно присущи такие грамматические категории, которые не

обязательно присуши или вовсе не присуши английскому имени (род, падеж); или, переводя русские глаголы на английский язык, переводчик опять же вынужден будет лишить их видовых характеристик русского глагола, а также, скажем, различий в проявлении показателей лица в настоящем и будущем времени и рода в прошедшем, зато обязательно добавит аспектные характеристики английского глагола.

Следующий пример взят из стихотворения Б. Пастернака «Весна» и перевода этого стихотворения на английский, сделанного Л. Пастернак.

Разве только грязь вила вам,
А не скачет таль в глазах?
Не играет по канавам —
Словно в яблоках рысак? <...>

Is it only din you notice?
Does the thaw not catch your glance?
As a dapple-grey fine stallion
Does it not through ditches dance? <...>

Оглянись и ты увидишь
До зари, весь день, везде,
С головой Москва, как Китеж, —
В светло-голубой воде.

Only look, and you will see it:
From the rooftops to the ground
Moscow, all day long, like Kitezh
Lies, in light-blue water drowned.

Легко заметить, что в переводе нет контраста местоимений, который есть в оригинале: личное местоимение 2-го лица единственного числа в первой строфе и местоимение 2-го лица единственного числа в третьей. Этот контраст сохранить невозможно в силу языковой особенности переводящего языка, отсутствия в нем стилистически нейтрального противопоставления данных местоимений.

Возьмем еще один пример — отрывок из рассказа Э. Хемингуэя «Какими вы не будете» (**A Way You'll Never Be**) и перевод И. Кашкина.

The attack had gone across the field, been held up by machine-gun fire from the sunken road and from the group of farm-houses, encountered no resistance in the town, and reached the bank of the river. Coming along the road on a bicycle, getting off to push the machine when the surface of the road became too broken, Nicholas Adams saw what had happened by the position of the dead.

Атака развевталась по лулу, была приостановлена пулеметным огнем с дорожной выемки и с прилегающих строений, не встретила отпора в городе и закончилась на берегу реки. Проезжая по дороге на велосипеде и временами соскакивая, когда полотно было слишком изрыто, Николас Адаме понял, что происходило здесь, по тому, как лежали трупы.

Только во втором предложении русский читатель понимает, что атака, о которой говорится в этом фрагменте, имела место раньше, до того, как Николас Адаме попал на этот луг. В оригинале же это ясно с самого начала благодаря глагольным формам *Past Perfect*.

Оба примера могут служить иллюстрациями случаев, когда перевод лишает оригинал определенных грамматических свойств. Приведем еще пример расширения грамматической информации в переводе. Это видно в четвертом сонете У. Шекспира. В оригинале нет никаких указаний на пол адресата, в то время как в русском переводе С. Маршака адресатом становится мужчина.

Unthrifty loveliness why dost thou spend,
Upon thy selfthy beauty's legacy? <...>
Then beauteous niggard why dost thou
abuse.
The bounteous largeness given thee to
give?<...>

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасброд-
ном.<...>
Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.<...>

Однако, как видно из приведенных примеров, несмотря на определенные потери (в наборе сем), переводы можно считать репрезентирующими оригинал. Это значит, что помимо лингвистически обязательного набора сем существует их набор, реализуемый в конкретном коммуникативном акте. И эти два вида наборов могут не совпадать. В передаче коммуникативно релевантных сем переводимых языковых единиц ИЯ и состоит задача переводчика.

Дальнейший разговор о семантической модели перевода возвращает нас к уже знакомым по трансформационной модели понятиям глубинных и поверхностных структур. Но в рамках рассматриваемой модели нас интересуют трансформации не безотносительно к заложенному в них смыслу, а с учетом и лексических, и синтаксических средств в их взаимодействии.

Глубинные структуры подразделяются на два вида: глубинный синтаксис и глубинный словарь (глубинная лексика).

Глубинный синтаксис сводит все многообразие поверхностных структур к четырем типам «предикатных» отношений между предикатом, субъектом и объектом, к атрибутивным и сочинительным отношениям. При этом названные термины обозначают не грамматические категории, а семантические.

Глубинная лексика в рамках данной теории тоже характеризуется высоким уровнем абстракции и предназначена для описания двух категорий лексических функций. Первая — это «эквивалентные

замены», включающие в себя синонимы, конверсивы (слова со значением обратных, конверсивных, отношений к субъекту: *бояться — пугать*) и синтаксические дериваты (слова, относящиеся к разным частям речи, но выражающие одни и те же смыслы: с *уважением — уважительно*). Вторая категория лексических функций — это семантические параметры, т.е. выражения, уточняющие значение той или иной единицы во фразе. Речь фактически идет об учете при семантических трансформациях законов лексической сочетаемости данного языка, показываемых с точки зрения глубинных смысловых связей между взаимодействующими словами.

Вычленяется около 50 лексических и 22 синтаксических правил перифразирования.

Итак, процесс перевода, как и в трансформационной модели, строится следующим образом: обратная трансформация поверхностных единиц и структур ИЯ, сведение их к общим для ИЯ и ПЯ содержательным категориям, и дальнейшее их разворачивание в поверхностные структуры ПЯ. При этом для процесса перевода важным является еще один компонент лексико-семантического трансформирования, а именно так называемый селектор — процесс отбора, фильтрации всех порождаемых «генератором», т.е. набором лексико-синтаксических правил перифразирования, вариантов структур. Не все они одинаково приемлемы для окончательного текста перевода. Причиной «забраковывания» тех или иных способов трансформаций может быть отсутствие в ПЯ соответствующих грамматических форм, лексем. Учитывается и стилистическая неприемлемость некоторых вариантов.

Давая оценку семантической модели, Комиссаров [1973. С. 60] замечает, что она, с одной стороны, имеет значительную объяснительную силу, поскольку дает возможность описать не только общие элементы плана содержания оригинала и перевода, но также причины и направления расхождений между ними; с другой — «позволяет объективно анализировать систему синонимических средств, выражающих определенную содержательную категорию, и указывает на ряд существенных факторов, определяющих выбор варианта перевода. Большое значение семантической теории состоит, в частности, в том, что она дает возможность переводческого сопоставления не отдельных слов, а целых множеств языковых единиц с учетом правил построения высказываний в разных языках».

Швейцер [1973. С. 54] говорит о том, что эта модель «вполне может быть использована для построения динамической модели процесса перевода».

Но, как и предыдущие модели переводческой деятельности, данная при всех положительных своих свойствах все-таки не описывает процесс перевода во всей его сложности и многогранности. Так, Комиссаров [1973. С. 60—61] указывает на то, что, во-первых, не существует исчерпывающих каталогов языковых средств ни одного языка, распределенных по содержательным категориям. Во-вторых, семантическая модель перевода не объясняет случаев, когда описание одной и той же ситуации осуществляется в разных языках с помощью разных семантических категорий. В этом она уступает денотативной. В-третьих, семантическая модель не рассматривает проблем передачи образных ассоциаций при переводе, не учитывая тем самым многоплановости содержания текста, употребления единиц языка в переносном смысле и т.д. В-четвертых, она не учитывает такого важного фактора, определяющего выбор средств перевода, как цель коммуникации. Иногда это вызывает замену при переводе самой описываемой ситуации.

§ 5. Теория уровней эквивалентности

Следующая модель перевода — теория уровней эквивалентности — была представлена в работах Комиссарова как попытка преодолеть фрагментарность отражения переводческой деятельности в предыдущих моделях. Каждая из вышеперечисленных теорий — закономерных соответствий, денотативная (ситуативная) и трансформационно-семантическая — верно описывали лишь отдельные аспекты процесса перевода. Поэтому следующим логическим шагом было предложение объединить эти теоретические модели, что и было сделано в начале 1970-х гг.

Теория уровней эквивалентности претендует на то, чтобы быть общей теорией перевода, поскольку объединяет в себе факты анализа структуры содержания текста, описываемые другими теоретическими моделями. Основой объединяющей теории стало наличие в содержании оригинала уровней, различающихся характером передаваемой от адресанта к адресату информации.

Итак, соответствовать друг другу могут совершенно различные ситуации, описываемые в оригинале и переводе. И все же они признаются эквивалентными, поскольку таким образом обеспечивается донесение до адресата перевода смысла исходного (описанного в оригинале) сообщения. Различия же возникают из-за того, что разными являются культура и жизненный опыт, с одной стороны, автора и реципиентов оригинала, с другой — реципиентов перевода.

Например, представим себе, что один человек объясняет другому то, что тот и так знает. Если разговор идет по-английски, то второй собеседник может дать понять первому, что он уже в курсе дела, следующим образом: *You are preaching to the choir*. Русскоязычный реципиент не поймет, что хотел сказать второй собеседник, если получит буквальный перевод: * **Ты проповедуешь хору**. Дело в том, что подразумевается ситуация, знакомая носителям английского языка: на протестантских собраниях проповедник (пастор) обращается к залу, где сидят люди, слушающие из его уст благую весть. За пастором стоит хор из прихожан данной христианской группы, которым эта проповедь уже, естественно, не нужна, поскольку они и так спасенные, или возрожденные, христиане (*saved/regenerated/born again Christians*)¹. Проповедовать хору — значит проповедовать тем, кто в проповеди благой вести уже не нуждается. Другими словами, говорить то, что уже известно. С учетом всего этого становится понятной реакция второго собеседника на обращенное к нему избыточное объяснение. Конечно, более приемлемым будет, например, такой перевод: **Я уже все это (и без тебя) знаю**. Произошла полная замена одного высказывания другим.

Но заменяться могут и отдельные элементы высказывания. Это делается исходя из той же логики, которая была изложена выше в связи с полной заменой высказывания. Часто на уровне эквивалентности переводчик работает в тех случаях, когда нужно передать образное сравнение оригинала, отсутствующее в ПЯ или понимаемое в принимающей культуре существенно иначе по сравнению с ИЯ и его культурой. При этом изменение описываемой ситуации или ее элементов никак не меняет общей цели коммуникативного акта. Подобные переводческие преобразования осуществляются именно на уровне общей направленности коммуникации.

Часто в разных языках описывается одна и та же ситуация, но способы ее описания неодинаковы, т.е. при сохранении цели высказывания и ситуации в целом описание последней в отдельных ее элементах в тексте перевода может отличаться от ее описания в оригинале. Это связано с тем, что разные языки по-разному членят объективную действительность, выбирая для описания одни ее элементы и пренебрегая другими. Так, описывая красоту женщины, русский человек не стал бы описывать ее лодыжки, как это сделано в следующем предложении на английском языке:

¹ Отсюда второй вариант этого фразеологизма - *preach to the converted* (проповедовать уже обращенным в христианство).

...he was slightly disturbed by the cashier, a young and giggling Wisconsin school-teacher with ankles... (5. Lewis) / ...Мартина слегка волновала молодая кассирша, школьная учительница из Висконсина, хохотушка с изящными ножками... (Перев. Н. Вольпина).

Переводчик заменяет *ankles* на более понятные русскоязычному читателю *изящные ножки*. Описание женщины остается, но заменяется один его элемент [См.: Комиссаров, 1973. С. 147].

Еще один уровень эквивалентности — это уровень сообщения. Заметим, что сообщения в разных языках могут быть сходными, а могут различаться по своей структуре и характеру описываемых признаков. Стремясь обеспечить эквивалентность на уровне сообщения, переводчик добивается равнозначности, т.е. ищет в ПЯ идентичное по структуре сообщение. Если такого не находится, он ищет наиболее близкое сообщение, отличающееся от оригинала либо набором признаков, с помощью которых описывается ситуация в оригинале, либо их расположением в структуре высказывания, либо взаимной связью. Главная задача при этом — достижение тождества описываемых в сообщениях на ИЯ и ПЯ ситуаций.

Эквивалентность может быть достигнута не только на уровне цели, описания ситуации и (структуры) сообщения, но и на уровне высказывания, его структуры (*He lives in Moscow — Он живет в Москве*). Наконец, эквивалентность может быть достигнута на уровне знака, прежде всего слова.

Оригинал и перевод могут быть эквивалентны друг другу на всех уровнях — от цели коммуникации до языковых знаков — или лишь на некоторых из них. Целью переводчика должно быть достижение возможно полной эквивалентности оригинала и перевода, т.е. эквивалентности на максимальном количестве уровней.

Несомненными достоинствами данной модели переводческой деятельности является учет того, что содержание и структура, или план содержания и план выражения, тесно связаны между собой. В процессе переводческой деятельности учитываются оба эти плана, причем на разных уровнях: от уровня цели коммуникации до уровня слова. Переводчик при этом переходит с уровня на уровень, поскольку общность содержания и языковых средств, его выражающих, в оригинале и затем в переводе представляет собой «переменную величину» (Комиссаров). Данная лингвистическая модель перевода хороша именно тем, что показывает мобильность процесса, а не его заданность одним типом переводческих действий, выражающихся той или иной описанной моделью.

В данной модели выстраивается определенная иерархия уровней эквивалентности. Обязательной для всех видов перевода признается эквивалентность на уровне цели коммуникации. Однако чем больше уровней эквивалентности будет достигнуто при переводе, тем более репрезентирующим оригинал будет его текст.

Тем не менее в данной классификации можно заметить не всегда четкую разграниченность уровней эквивалентности, тем более что примеры, приводимые Комиссаровым для иллюстрирования тех или иных положений, связанных с достижением эквивалентности на уровне цели коммуникации, по сути, являются такими же отдельными высказываниями, как и на уровне сообщения и высказывания. Это в определенной степени препятствует уяснению различия между «максимальной эквивалентностью цели коммуникации», когда рассматривается максимально широкий контекст всего коммуникативного акта, и, например, отдельным высказыванием.

Следует отметить не совсем ясную здесь классификацию уровней. В ней очевидна некоторая произвольность, усугубляемая терминологической расплывчатостью общей схемы. С одной стороны, сообщается, что порядок перечисления уровней «соответствует этапам анализа, например, при "приеме" Рецептором переданного ему текста. Начиная с идентификации языковых знаков, использованных в сообщении, Рецептор последовательно уясняет содержание анализируемого текста на уровне высказывания, сообщения, описания ситуации и приходит к пониманию содержания целого на уровне цели комму- (никации)» [Комиссаров 1973. С. 66]. С другой стороны, четко не определено, например, чем высказывание отличается от сообщения. Высказывание определяется через слово *отрезок*, в котором «слова сочетаются по правилам грамматики, а, главное, располагаются в строго определенной последовательности» [Там же. С. 121]. Но что понимается под «отрезком» остается невыясненным, чему не помогают и примеры. Ничего не проясняет и сопоставление терминов *высказывание* и *сообщение*. О сообщении мы узнаем лишь следующее: «Источник строит определенное сообщение (излагает определенную мысль). И здесь в его распоряжении имеется выбор между различными способами описания одной и той же реальной ситуации» [Там же. С. 136]. Непонятно уже соотношение между сообщением и описанием ситуации, которое станет предметом рассуждений следующего уровня эквивалентности.

Наконец, если обязательным оказывается достижение эквивалентности на уровне цели коммуникации, то такое широкое понимание эквивалентности позволяет определить как переводы два текста,

совершенно друг с другом не связанные, но имеющие одну и ту же цель коммуникации.

Другими словами, очевидна необходимость уточнения некоторых положений данной модели переводческой деятельности, которая, тем не менее, должна быть признана наиболее всеобъемлющей по сравнению с другими лингвистическими моделями.

В заключение следует подчеркнуть, что классификация кратко изложенных выше теоретических моделей переводческой деятельности но многом условна, поскольку переводоведами давно осознана сложность и многогранность этой деятельности, а потому сложными и многогранными оказываются ее теоретические описания. Даже у одного и того же переводоведа трудно встретить изложение материала, которое бы укладывалось лишь в одну из предложенных схем, тем более что лингвистические теории перевода далеко не исчерпывают всех возможных подходов к изучению переводческой деятельности.

Вопросы и задания

1. Чем вызвана необходимость построения моделей переводческой деятельности?
2. Назовите основные лингвистические теории (модели) переводческой деятельности и охарактеризуйте их.

Глава 10

Репрезентативность: культурологический аспект

On peut dire que la culture generale, c'est ce qui permet a l'individu de saisir pleinement sa solidarite avec les autres hommes, dans l'espace et dans le temps...

P. Langevin

Репрезентативность перевода не сводится только к репрезентативности в плане выражения и плане содержания. Часто «правильно» переведенный с точки зрения передачи содержания оригинал оказывается непонятным или малопонятным для реципиента (реципиентов) перевода.

Дело в том, что оригинал был создан с учетом своего культурного контекста, своих этических и религиозных норм. В процессе же переводческой деятельности осуществляется перенос всей культурно-мировоззренческой системы, как она отражена в оригинале, в иную культурную среду. При этом переносе, как и при переносе с языка на язык, возникает опасность энтропии. Даже при том, что она неизбежна, помехи, ее порождающие, могут быть сведены к минимуму. Вопрос максимального уменьшения энтропии — это вопрос компетенции переводчика как посредника в межкультурной коммуникации. Если он достаточно хорошо знает взаимодействующие культуры и способен максимально сгладить пресловутый конфликт культур, можно говорить о том, что ему удастся оптимизировать межкультурную коммуникацию.

В наше время уже понятно, что недостаточно просто «правильно» переводить тексты с языка на язык. Переводчик очень часто оказывается в позиции эксперта по межкультурному общению.

... способный в пол-
пространство... (П. Ланжевен. фр.)

§ 1. Коммуникативная модель переводческой деятельности

Одними из первых посредническая роль переводчика в межкультурной и межкультурной коммуникации, а также важность культурной адаптации оригинала при переводе была осознана учеными-переводоведами, работавшими в Германии в конце 1970-х гг. в русле так называемой теории *skopos*.

Эта теория отразила смену переводоведческих парадигм, выход теоретических исследований переводческой деятельности за рамки исключительно лингвоцентричного подхода. Более широкий культурологический подход был подготовлен научными достижениями в сфере изучения коммуникации, лингвистики, современного литературоведения и других научных направлений [См.: Handbuch Translation. S. 104—107; Stolze. S. 188-193; Vermeer; Шадрин. С. 5]. Среди переводоведов, развивавших положения теории *skopos*, следует прежде всего назвать Г. Фермеера, М. Амман (M. Amman), П. Куссмауля (H. Kussmaul), К. Норд, К. Райе, Г. Хёнига.

Идеи 5А:о/н«-теоретиков оказались особенно актуальными тогда, когда возросла потребность в выработке переводческих технологий в области нехудожественных текстов. Перевод различного рода материалов в сфере туризма, контактов на международном уровне, особенно когда различия между исходной и принимающей культурами значительны, контрактов и т.п., естественно, требует учета культурно-образовательного, мировоззренческого уровня принимающей стороны.

Слово *skopos* — древнегреческое, означающее «цель», что подчеркивает ориентированность процесса перевода на принимающую аудиторию. В связи с теорией *skopos* говорят о *перспективном* подходе к переводу (в отличие от существовавшего до того *ретроспективного*). *Skopos* каждого конкретного переводческого процесса определяется до начала самого процесса: переводчик определяет для себя, что и для кого он переводит.

В целом модель переводческой деятельности может быть обрисована следующим образом. Лицо, отправляющее (или передающее) сообщение, нуждается в тексте, объекте отправки/передачи и получает его от производителя текста. Текст этот будет использован в определенных обстоятельствах, в общении с определенного рода аудиторией (публикой). Роль текста двойка. На фактическом уровне, уровне объектов, о которых идет речь, он служит средством передачи сообщения, которое в нем заключено. При этом вербальная часть сообщения далеко не исчерпывает всего объема передаваемой информации. На метауровне текст — средство достижения некоей цели (*skopos*).

Скажем, два незнакомых друг с другом человека, соседи по купе в поезде, могут обменяться репликами о погоде, из чего, однако, не следует, что они хотят поговорить о погоде. На самом деле они сигнализируют друг другу о готовности к общению. Но данный пример касается моноязычной и монокультурной коммуникации. В межъязыковой коммуникации требуется посредник, истолковывающий не только язык оригинала посредством языка перевода, но и культурно обусловленные элементы (со)общения. В вышеописанном случае он должен дать понять адресату сообщения, что собеседник устанавливает контакт и не прочь поговорить. И посредник, а точнее переводчик, должен знать, **как** адресату дать это понять.

Существенно то, что *skopos* часто определяется требованиями заказчика перевода, а сам переводчик выступает в роли эксперта по межкультурной коммуникации. Именно он определяет, каким образом оригинал должен быть обработан и в каком виде представлен реципиенту перевода. При таком подходе заметно повышается социальная функция переводчика. Он становится партнером заказчика, заинтересованным в успехе коммуникативного акта (См.: Vermeer. P. 13], а потому его следует рассматривать как специалиста, по статусу: своему равному адвокату, врачу и т.д.

Итак, в рамках теории *skopos*, одной из коммуникативных моделей переводческой деятельности, во главу угла ставится культурологический аспект высказывания и, соответственно, пересматривается (по сравнению с лингвистическими моделями) роль переводчика в межъязыковом коммуникативном акте, равно как и критерии оценки его труда.

Перевод (и переводчик) в межъязыковом коммуникативном акте преодолевает своеобразный лингвоэтнический барьер, который возникает из-за чисто языкового различия между ИЯ и ПЯ, несовпадения их норм и узусов. К тому же автор оригинала и реципиент перевода, принадлежа к разным культурным традициям, обладают различным культурным багажом, с помощью которого понимают те или иные высказывания.

Если проблемы преодоления в переводе собственно лингвистических различий между языками довольно успешно описываются лингвистическими теориями перевода, то решение проблем, возникающих при переводе вследствие различия культурного фона адресанта и адресата высказывания, невозможно без учета экстралингвистических условий, в которых разворачивается переводимое общение, и расширенного понимания функций переводчика.

§ 2. Прагматика перевода

В связи с культурологической адаптацией при переводе прежде всего возникает вопрос о прагматической стороне высказывания.

Термин «прагматика» введен в семиотику в конце 1930-х гг. Ч. Моррисом (С. Morris). Прагматика у Морриса является одним из разделов семиотики наряду с семантикой (изучающей отношение знаков к объектам), синтактикой (изучающей межзнаковые отношения). Прагматика же исследует отношение к знакам употребляющих их людей. В переводоведении, вслед за языкознанием, прагматические исследования включают в себя комплекс вопросов, связанных с субъектом речи, адресатом, взаимодействием в процессе коммуникации, а также ситуацией общения.

В отношении субъекта речи изучаются явные и скрытые цели высказывания (т.н. иллокутивные силы), речевая тактика, типы речевого поведения, правила разговора (дозировка информационной насыщенности речевого сообщения, достоверность сообщаемых сведений, их релевантность относительно темы разговора, ясное, недвусмысленное и последовательное их изложение и т.д.), прагматические пресуппозиции (оценка субъектом речи фонда знаний адресата, его психологического состояния, особенностей характера) и отношение говорящего к сообщаемой информации.

В отношении адресата изучаются принципы интерпретации речи, оказываемое на него воздействие (перлокутивный эффект), типы речевой реакции на полученный стимул.

Отношения между участниками коммуникации включают формы речевого общения (информативный диалог, дружеская беседа, спор, ссора), социально-этикетную сторону речи (формы обращения, стиль общения) и речевые акты, связывающие участников коммуникации (просьба, приказ и т.п.).

В связи с ситуацией общения рассматриваются интерпретация дейктических знаков (*здесь, этот, тогда*), индексальных компонентов в значениях слов (например, указание на пространственную ориентацию в глаголах *приходить, подходить*), а также обусловленность тематики и формы разговора ситуацией общения (типичные темы и формы общения в различных официальных ситуациях). В условиях межязыковой коммуникации встает закономерный вопрос об изучении соотношения всех вышеназванных аспектов коммуникации в разных языках.

Конечно, к изучению прагматических аспектов перевода подступы начинаются уже на этапе преобладания в переводоведении лингвист-

тических исследований, как это, например, видно при рассмотрении ситуативной лингвистической модели переводческой деятельности, поскольку переводимое высказывание соотносится с ситуацией общения и участниками коммуникации.

Но в большей степени прагматические исследования в их тесном сопряжении с культурологическими отражены в коммуникативных теориях перевода, в частности в теории *skopos* и ее логическом продолжении — теории переводческих действий Ю. Хольц-Мянттяри (J. Holz-Mantlari).

В теории Хольц-Мянттяри роль переводчика как эксперта по межкультурной коммуникации проявляется в полной мере. Именно он решает, какими должны быть содержание и форма текста перевода. Действительно, переводимые оригиналы — это тексты, обусловленные определенным культурным контекстом (условностями стилистических, жанровых конвенций, принятых в данной культуре). А потому отношения между оригиналом и переводом — это не только отношения между ИЯ и ПЯ, но и между исходной и принимающей культурами. Чтобы перевод достигал цели коммуникации, переводчик определенным образом формирует его, принимая во внимание традиции и условности принимающей культуры. В этом смысле переводчик проявляет себя как специалист по созданию текста.

§ 3. Примеры культурно обусловленных трудностей перевода

С развитием общества появляются и новые разновидности перевода, поскольку возникает необходимость в обслуживании новых сфер межкультурной коммуникации. В постперестроечную эпоху, когда российское общество шире открылось для христианства, появилась практически не существовавшая в советский период разновидность перевода (главным образом англо-русского / русско-английского) — перевод литературы, проповедей, других текстов христианской тематики. Несомненно, таким образом обогатилась система жанров отечественного перевода.

Речь идет о так называемом христианском переводе. В самом общем виде охарактеризуем лишь две особенности данного жанра, связанные с проблемами культурной репрезентативности перевода. При осуществлении христианского перевода возникают сложности по крайней мере двух типов в зависимости от характера общения — с опорой на (1) различные религиозные источники и (2) культурно обусловленные фундаменты.

(1) При переводе в условиях русско-английского христианского общения обе стороны традиционно используют различные источни-

ки. Имеется в виду прежде всего то, что версии Священного Писания, используемые в христианской среде русскоязычной и англоязычной, различаются на текстологическом уровне. Кроме того, различно количество этих опорных материалов. Если в русскоязычном христианском мире фактически используется лишь один так называемый Синодальный перевод Библии, то в англоязычном в ходу достаточно много переводов.

В результате в англоязычной традиции есть возможность подобрать наиболее удобный для целей конкретного общения перевод Писания (например, чтобы яснее донести до аудитории то или иное доктринальное или практическое положение в проповеди), а в русскоязычной-выбора практически нет. К тому же существуют нюансы в используемых христианами англоязычного мира и русскоязычного мира версиях Писания, которые представляют определенные трудности для перевода.

Трудности могут быть вызваны и различиями в переводах Библии. При этом важно понимать, что переводчик имеет дело больше чем просто с библейским текстом. Переводы Библии, как правило, являются частью культурно-исторической традиции, и переводчик выступает в роли посредника между этими традициями. Однако он не может прибегнуть к обычным приемам разрешения подобного рода проблем типа комментирования в корпусе примечаний и т.п. Это невозможно в силу того, что переводчик решает принципиально иную коммуникативную задачу, которая состоит в том, что такого рода тексты — в широком смысле: и устные, и письменные (например, проповеди) — обращены чаще всего к лингвистически и культурологически не подготовленному реципиенту и по большей части имеют целью непосредственное (в частности, эмоциональное) воздействие на аудиторию.

Так, в одном тексте [См.: Lee], толкующем Библию, цитируется стих 28 из первой главы книги Бытия: *And God blessed them: and God said unto them, Be fruitful, and multiply; and replenish the earth, and subdue it...* Далее толкование строится на слове *subdue*. Это слово, как утверждает автор толкования, подразумевает то, что на земле имеет место некий бунт, которому человек, по поручению Бога, должен положить конец (*subdue it*).

При переводе этого рассуждения с английского языка на русский переводчик, естественно, должен опираться на Синодальный перевод Библии, где говорится: *И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...* (Быт. 1:28). Очевидно, что переводчик неминуемо сталкивается с проблемой совмещения двух разных переводов оригинала Библии. При этом неваж-

но, какой перевод точнее и каково истинное значение слова, использованного в оригинале. Переводчик должен каким-то образом примирить два варианта и обеспечить донесение главной мысли толкования до читателя.

В данном случае, как и в других случаях подобного рода, переводчику, видимо, придется ограничиться компромиссным решением. В значении русского слова *обладать* сема *подавлять, подчинять*, являющаяся основной для английского глагола *subdue*, отсутствует. Можно, например, перевести это слово в толковании как *возобладать*, сохранив таким образом корень и потому подобие употребленного в стихе Синодального перевода глагола. Понятно, что это не безукоризненное решение проблемы, но давать филологический комментарий о природе разночтений древнееврейского подлинника и историческую справку о создании английской и русской версий в данном случае кажется абсолютно неуместным, поскольку мы имеем дело не с лингвистическим комментарием к Библии, а с текстом, предполагающим непосредственное воздействие на читателя. Таким образом, переводчик «принимает удар на себя» и выступает в качестве своеобразного моста между двумя культурными традициями (в чем видит свою главную задачу), принося в жертву абсолютную (с лингвистической точки зрения) «правильность» перевода ради обеспечения межкультурной коммуникации.

Трудности также могут возникать при сравнении сходных в одной версии и несходных в другой переводов одного и того же слова оригинала. Например, если мы вернемся к уже приведенному выше в качестве иллюстрации тексту, то обнаружим, что позже в нем со ссылкой на один из англоязычных переводов Библии сопоставляются два стиха: уже проанализированный из Бытия и из книги Иисуса Навина (18:1).

Praise the Lord that the land was subdued! Here we must be reminded again of Genesis 1 and the principle of the earth being subdued by man as God's representative. / Слава Господу за то, что земля была покорена! Здесь мы должны снова вспомнить о Быт. 1 и о принципе, согласно которому человек как представитель Бога должен возобладать над землей, покорить ее.

В обоих случаях в английском переводе употреблен один и тот же глагол — *subdue*. Первый стих ставит перед человеком задачу: *subdue the earth* (возобладейте над землей). Второй является исполнением поставленной задачи: *the earth is subdued* (земля покорена). В английском связь очевидна (употреблен один и тот же глагол), в русском она чисто семантическая (употреблены синонимы).

Опять-таки переводчик должен облегчить читателю восприятие английского толкования. Для большей очевидности связи между двумя стихами можно ввести расширение, не только употребить глаголы, принадлежащие к одной семантической парадигме, но и синтаксически показать связь между ними, сделав их однородными сказуемыми (должен *возобладать* над землей, *покорить* ее).

(2) В условиях описываемого рода коммуникации нередки случаи столкновения двух различных взглядов на мир. К тому же эта проблема может накладываться на уже описанную: различия в восприятии тех или иных сторон окружающего нас мира могут осложняться различиями в опорных версиях.

Автор был однажды свидетелем достаточно забавного и в то же время наводящего на раздумье эпизода. В устном сообщении об одной из десяти казней, посланных Господом через Моисея на Египет, описанных в книге Исхода (8), шла речь о нашествии жаб. В английском переводе, использованном в сообщении, было употреблено слово *frogs*. Но переводчик перевел это слово не его словарным эквивалентом *лягушки*, а словом *жабы*, опираясь на Синодальный перевод книги Исхода. Однако дальше в сообщении, рассчитанном на молодежную аудиторию, прозвучала мысль о том, что, возможно, одна или две лягушки (*frogs*) вполне приятны (*are quite nice*), но когда их множество, когда они повсюду, это уже неприятно (*it is already not that nice*). Переводчик так и не справился с этим предложением. Он перевел, что одна или две *жабы* не так уж и неприятны, и т.д. Здесь, конечно, вряд ли можно найти однозначное решение. С одной стороны, переводчик не мог предположить, что разговор примет такой оборот, а потому с самого начала не оставил себе пути к отступлению, введя, например, оба слова — *жаба*, поскольку таков перевод в Синодальной Библии, и *лягушка*, чтобы ближе подойти к восприятию эпизода носителем английского языка и соответствующей картины мира. С другой стороны, он не мог вдруг, немотивированно для русскоязычной аудитории ввести слово *лягушка* в объяснение эпизода о нашествии *жаб*. Более того, даже если бы он ввел в свой перевод слово *лягушка* и сказал, что лягушки приятны, отнюдь не всякий носитель русского языка и русского мировосприятия согласился бы с ним и потому счел бы это натяжкой.

Очевидно, что проблема в данном случае выводит нас на различие в том, как носители английского языка и английского менталитета и, соответственно, русского языка и русского менталитета воспринимают одно и то же животное. Это само по себе влияет на общее звучание и убедительность аргументации в данной части сообщения.

Приведенный выше случай достаточно показателен, если вспомнить, что, например, понятия **уверенность в спасении** и **надежность спасения** могут быть объяснены по-английски с помощью следующей иллюстрации. Человек, у которого в банке на счету миллионы, может быть **уверен** в том, что это богатство у него есть. Однако если банк не будет закрывать сейфы, в которых хранятся эти деньги, то человек столкнется с проблемой **надежности** хранения его богатства. Для представителя англоязычной культуры сравнение вопросов, относящихся к Богу и спасению, с деньгами кажется вполне приемлемым, в то время как по крайней мере для некоторых представителей русскоязычной культуры это может показаться чуть ли не кощунством. Опять-таки переводчик должен выступать в роли посредника не только и не просто между двумя текстами, но и между двумя культурами. Каким образом? Видимо, при случае объяснить тем, кому эта иллюстрация показалась не совсем корректной, что все дело в культурных различиях, а не в отсутствии надлежащего отношения к Богу у говорящего (пишущего).

Если подобные нюансы не принимаются во внимание, то общение в рамках взаимодействия, например, англоязычной и русскоязычной культур может быть в той или иной степени искажено, в частности и по вине переводчика.

Ограничимся только одним примером, строго говоря, не из сферы собственно христианского перевода, но определенно имеющим к нему прямое отношение. В англоязычном фильме «Elizabeth» (режиссер Ш. Капур; перевод, приведенный в субтитрах, осуществлен компанией «Союз-видео»), вшедшем с русскими субтитрами, есть эпизод, в котором главная героиня, Елизавета, узнав о том, что стала королевой, цитирует Псалом 118:23 в английской нумерации: ***This is the Lord's doing; it is marvellous in our eyes***, чему соответствует Псалом 117:23 в русской нумерации: ***Это — от Господа, и есть дивно в очах наших***. Переводчик, однако, не узнал цитаты и перевел реплику, всего лишь несколько стилизовав ее: ***Это промысел Божий! Им мы рады*** этому/Такой перевод заметно искажает образ королевы-протестантки, которая видит в происшедшем руку Господа и, опираясь на Слово Господа, говорит об этом.

Таким образом, в христианском англо-русском и русско-английском переводе можно выделить трудности культурного посредничества по крайней мере двух типов: 1) трудности на уровне используемых в процессе общения версий Священного Писания, которые уходят корнями в культурно-исторические традиции соответствующих народов; 2) трудности, вызванные различиями двух языковых

сообществ во взгляде на мир. И в первом, и во втором случае переводчик должен брать на себя роль «моста», соединяющего две культуры. Несоблюдение этого требования существенно снижает качество перевода, поскольку искажает (или вовсе нарушает) культурный фон переводимого высказывания, препятствуя эффективности межкультурной коммуникации в целом.

Нередко необходимость в культурной адаптации оригинала для того, чтобы он был понятен реципиенту перевода, возникает в художественном переводе.

У Э. Хемингуэя есть роман «Зеленые холмы Африки» (*Green Hills of Africa*). Роман этот менее известен, чем другие произведения писателя, а интересен тем, что, по сути, является экспериментом. Роман этот не имеет искусно построенной фабулы, хотя очень характерен для Хемингуэя, поскольку ориентирован на предельно реалистическое отражение действительности. Можно даже сказать, что он в определенном смысле **а-литературный**. автор принципиально избегает литературных условностей и в «сюжетной» стороне повествования, и в языке.

Не случайно Хемингуэй предпослал роману предисловие, где решительно заявляет, что отказывается что-либо «досочинять» к происходившему во время месяца его пребывания в Африке, что предпринимает попытку написать «абсолютно правдивую книгу» с реально действовавшими, а не вымышленными персонажами, без какой бы то ни было любовной интриги (просто потому, что ее не было):

Unlike many novels, none of the characters or incidents in this book is imaginary. Any one not finding sufficient love interest is at liberty, while reading it, to insert whatever love interest he or she may have at the time. The writer has attempted to write an absolutely true book to see whether the shape of a country and the pattern of a month's action can, if truly presented, compete with work of the imagination¹.

При этом писатель активно экспериментирует на уровне повествовательной техники, применяя целый ряд разнообразных приемов, способствующих более реалистическому изображению событий.

¹ В отличие от многих романов ни один персонаж, ни одно событие из описанных в этой книге не выдуманы. Всякий, кому покажется, что в романе недостает любовной интриги, может во время чтения добавить любовную историю, которую, возможно, в это время сам и переживает. Автор попытался написать абсолютно правдивую книгу. Он хотел посмотреть, не смогут ли документально описанный ландшафт и ход событий, разворачивавшихся в течение месяца, соперничать с вымыслом, плодом воображения (Перев. мой. — С. Т.).

Приведем пример из романа, интересный с точки зрения обсуждаемой в настоящей главе проблемы:

I dropped two [guineas] that thumped hard when they fell and as they lay, wings beating, Abdullah cut their heads off so they would be legal eating.

Я выстрелил раз-другой, и две птицы тяжело плюхнулись на землю. Они [цесарки] еще отчаянно трепыхались, но тут подоспел Абдулла и по мусульманскому обычаю отрезал им головы, чтобы мясо можно было есть правоверным (*Перев. В.Л. Хинкиса*).

В романе писатель нередко прибегает к приему своеобразной семантической компрессии. Действующие лица, некоторые культурные реалии он просто называет, «констатирует», никак не поясняя. О ком или о чем идет речь, либо становится понятно только по ходу развития действия, либо вообще никак не разъясняется. Так, в приведенном отрывке мусульманский религиозный обычай особым образом убивать животных, чтобы они были пригодны в пищу, автор не объясняет. В тексте мы видим лишь намек на этот обычай, т.е. Хемингуэй создает эффект истории о событиях, рассказанной «между делом», по принципу построения устной повествовательной речи — «слушай дальше, поймешь».

Ясно, что данное предложение без знания описанного в переводе мусульманского обычая понять трудно. При этом важно отметить, что Хемингуэй как автора, кажется, и не интересуется, поймет ли его читатель, он продолжает рассказывать дальше, не останавливаясь на подробностях. Тем не менее переводчик объясняет эту реалию.

Возможна двоякая оценка этого переводческого решения. С точки зрения общей стилистической установки оригинала, наверное, было бы логично не согласиться с переводчиком, ведь он нарушает эффект, задуманный автором. С другой стороны, переводчик, видимо, рассуждал так. Поскольку автор, зная, что имеется в виду, не объясняет этого своему читателю, значит, предполагает, что и читатель должен знать об этом мусульманском обычае. А если так, то реалия должна быть объяснена и читателю русскоязычному. Трудно отказать переводчику в правомерности такого хода рассуждений и избранного решения. Компромиссным решением могло быть разъяснительное примечание в виде сноски.

Наиболее опасными при переводе в плане культурологическом являются ошибки вроде следующей.

В журнале «Ваш досуг» (2004) была опубликована статья об американской актрисе Холли Берри. В статье говорилось, кроме всего про-

чего, о происхождении актрисы, о том, что отец у нее — чернокожий, а мать — *лицо кавказской национальности* (sic!). Хотя статья не является переводной, информация явно почерпнута из англоязычных источников, где раса матери актрисы по-английски названа, конечно, *Caucasian*.

В данном случае допущена грубейшая не только фактическая, но и культурологическая ошибка. Во-первых, мать Берри родом не с Кавказа, а если и переводить слово *Caucasian* прилагательным *кавказский*, то только в сочетании со словом *раса: кавказской расы* (как это рекомендуют двуязычные словари). Во-вторых, что хуже, в статье американские реалии вдруг описываются в расистских русскоязычных выражениях (*лицо кавказской национальности*). Если переводчик хотел превратить свою неграмотность в шутку, то она явно неудачна и неуместна. Статья, использовавшая такой перевод, в итоге оказалась полным сумбуром из ошибок и культурных несообразностей.

Конечно, мы не исчерпали всех трудностей перевода, возникающих в связи с культурологическим аспектом его репрезентативности, но нашей главной задачей было продемонстрировать актуальность возникающих в этом смысле проблем и необходимость учета культурной составляющей оригинала при его переводе.

Вопросы и задания

1. Какая модель переводческой деятельности отражает культурологическую компоненту межъязыкового общения? В чем ее отличие от лингвистических моделей перевода?
2. Какова роль переводчика в межъязыковом общении?
3. Проанализируйте приведенные в главе примеры с точки зрения того, как может или должен действовать в этих ситуациях переводчик. Приведите свои примеры.

Глава 11

Структурно-типологические аспекты переводного текста

Les journalists qui font profession de science, en lutte avec ceux qui font profession desprit, verserent des flots dencre...

*J. Verne*¹

В предыдущих главах говорилось о репрезентативности перевода на макроуровне, микроуровне и с культурологической точки зрения.

Однако этим не исчерпываются все аспекты репрезентативности перевода. Еще одним весьма важным его аспектом является учет типологии и структуры переводимого текста. Без этого невозможно говорить о репрезентативности переводным текстом текста оригинала.

Речь о структурно-типологических аспектах переводного текста идет вслед за культурологическим по той причине, что нормативные требования, предъявляемые к тем или иным видам текстов, связаны не только с языковой природой последних. Не вызывает сомнения их культурная обусловленность, культурная конвенциональность. Другими словами, то, как, какими лингвистическими средствами следует оформлять тот или иной текст, каковы должны быть его экстралингвистические параметры, зависит от того, в рамках какой культуры он создается, каковы традиции, диктующие автору или авторам правила его построения и в плане выражения, и в плане содержания.

Впрочем, основные жанровые характеристики определяемых видов текста все-таки похожи друг на друга и на известном уровне обобщения универсальны. Именно поэтому мы можем говорить о функциональных стилях вообще, которые, по сути, и несут в себе свойства, характеризующие те или иные виды текстов. В этом смысле, абстрагируясь от деталей, мы говорим о научном стиле изложения, офици-

¹ Журналисты, поклонники науки, в борьбе со своими противниками, выезжавшими на остроумии, пролили... потоки чернил... (Ж. Верн, *фр.перев. Н. Яковлева, Е. Корси*).

льно-деловом, публицистическом, разговорно-бытовом и художественном функциональных стилях, а не о русском или немецком научном стиле и т.п.

Таким образом, рассматривать структурно-типологические аспекты переводного текста в переводоведении, построение различного рода текстов мы должны с учетом, во-первых, универсальных, наднациональных принципов и, во-вторых, некоторых более или менее существенных деталей, национальных особенностей построения и оформления текстов в разных культурах, в разных странах.

Разнообразие текстов как произведений речи чрезвычайно велико. Иногда его образно называют «галактикой Гутенберга». При этом имеются в виду тексты, напечатанные в виде книг, статей и т.п. А ведь и до них, и даже в наше время параллельно им, существовало (и существует) множество рукописных текстов, написанных не на бумаге, а на других материалах (глиняных, восковых дощечках, камне, папирусных свитках и т.д.). И каждый текст передаст мысли, идеи, просьбы, ощущения, волеизъявления и т.п. своего автора (авторов).

Попыткой хоть как-то разобраться во всем этом, кажется, необозримом разнообразии и является классификация текстов. Для ее составления формулируются критерии, согласно которым проводится разграничение текстов на типы. Наиболее распространенной и удобной для перевода представляется функционально-стилистическая классификация текстов.

Согласно этой классификации, каждый текст относится к одному из ограниченного числа так называемых функциональных стилей. Многие стилистические исследования в отечественной филологии основываются на системе функциональных стилей (иногда называемых также функциональными разновидностями языка), разработанной акад. В.В. Виноградовым. Чаще всего различают следующие функциональные стили: официально-деловой, публицистический, научный, информационный, художественный, разговорно-бытовой. При этом по главу угла ставится идея о том, что все произведения речи создаются, чтобы выполнять определенные функции, главными из которых являются передача информации и произведение художественного эффекта на читателя или слушателя [См.: Виноградов; Современный русский язык; Арнольд; Солганик; Голуб].

Следуя этой классификации, мы будем характеризовать переводимые тексты с точки зрения принадлежности к одному из вышеназванных функциональных стилей, обращая внимание на то, какими свойствами обладают тексты, принадлежащие к одному и тому же функциональному стилю, чтобы затем распространить полученные

выводы на тексты, вновь создаваемые переводчиком. Это важно, поскольку иначе текст перевода лишится своих репрезентирующие оригинал качеств. Если, например, оригинал — научная статья, перевод может оказаться чем-то другим, а значит, уже не сможет служить! полноправной заменой оригинала.

§ 1. Особенности перевода научно-технических текстов

Если на воображаемом отрезке расположить все возможные типы текстов, то в зависимости от того, когнитивно или эмоционально! ориентированной является в них информация и насколько объективна ее подача, получится следующая картина.

научно- технические тексты	официально- деловые тексты	публицис- тические тексты	разговорно- бытовые тексты	художест- венные тексты
----------------------------------	----------------------------------	---------------------------------	----------------------------------	-------------------------------

Наиболее насыщенными когнитивной информацией являются тексты научно-технические. Далее на отрезке тексты представлены в такой последовательности: официально-деловые; публицистические, в которых наряду с когнитивной информацией представлена уже и? эмоционально ориентированная информация; разговорно-бытовые и, наконец, художественные.

Итак, от преобладания когнитивной информации мы прошли путь к преобладанию информации эмоциональной, причем важной составляющей эмоциональной информации в художественных текстах является значительная степень ее эстетизации. Поэтому в отношении художественных текстов логичнее говорить об эмоционально-эстетической информации.

Еще один нюанс, который следует учитывать, — то, что когнитивная информация — всегда осмысленная, практически оцениваемая с точки зрения ее полезности, разумности, согласованности с окружающей нас действительностью, которую мы благодаря этой научной когнитивной информации определенным образом изменяем в ходе своей деятельности.

Напротив, эмоциональная (или эмоционально-эстетическая) информация отнюдь не ставит разумность и осмысленность во главу угла. Не случайно одним из направлений словесно-художественного творчества является так называемая литература абсурда, нонсенса. ,

Сразу следует оговориться, что представленная классификация, основанная на функционально-стилистической шкале типов текстов, носит в большой степени теоретический характер. На практике, как известно, границы между стилями и, соответственно, типами текстов, гораздо менее четкие, более размытые. И в научном тексте может быть известная доля эмоционального участия автора, и тем более в художественном, который с полным правом можно назвать протестиическим (от имени древнегреческого Протея — божка, умевшего менять свою форму), могут быть черты других функциональных стилей, поскольку писатели часто подражают им в своих произведениях.

Приведем отрывок из романа популярного современного американского писателя М. Крайтона «Конго» (И/. *Crichton. Congo*).

Certainly microelectronics did not look like a moribund technology. In 1979, microelectronics was a major industry throughout the industrialized world, accounting for eighty billion dollars annually in the United States alone; six of the top twenty corporations in the Fortune 500 were deeply involved in microelectronics. These companies had a history of extraordinary competition and advance, over a period of less than thirty years.

In 1958, a manufacturer could fit 10 electronic components onto a single silicon chip. By 1970, it was possible to fit 100 units onto a chip of the same size — a tenfold increase in slightly more than a decade.

But by 1972, it was possible to fit 1,000 units on a chip, and by 1974, 10,000 units. It was expected that by 1980, there would be one million units on a single chip the size of a thumbnail, but, using electronic photoprojection, this goal was actually realized in 1978. By the spring of 1979, the new goal was ten million units — or, even better, one billion units — on a single silicon chip by 1980. But nobody expected to wait past June or July of 1979 for this development.

Данный отрывок представляет собой типичный пример научно-популярных экскурсов в ту или иную сферу деятельности современного человека. Романы Крайтона изобилуют такими микроисториями важнейших достижений научно-технической революции, и даже заканчиваются списком литературы по затронутым темам. Таким образом, художественное произведение выходит у Крайтона за рамки собственно художественного и приобретает черты научно-популярного издания.

Тем не менее перед нами художественный текст. Другой вопрос, что написан он как научно-популярный. А потому при переводе, естественно, нужно ориентироваться на тот же научно-популярный стиль изложения, очевидный в переводе романа на русский язык.

Но пока микроэлектроника не собиралась сдавать позиции. В 1979 году она стала важнейшей отраслью промышленности во всех развитых странах. Только в США годовая оборот этой отрасли превышал восемьдесят миллиардов долларов. Шесть из двадцати крупнейших корпораций были тесно связаны с микроэлектроникой. Меньше чем за тридцать лет эти корпорации пережили удивительную историю, полную поразительных успехов и конкуренции неслыханной остроты.

В 1958 году на одной кремниевой микросхеме удавалось разместить десять бескорпусных электронных компонентов. К 1970 году на микросхеме такого же размера монтировали уже сто компонентов. Следовательно, за десятилетие с небольшим произошло десятикратное повышение емкости полупроводниковых устройств.

Однако вскоре темпы роста емкости резко возросли. Уже в 1972 году на одной микросхеме удалось смонтировать тысячу, а в 1974 году — десять тысяч компонентов. Предполагалось, что к 1980 году будет достигнута неслыханная емкость — миллион компонентов на схеме размером с ноготь, но и эта задача была решена уже в 1978 году с помощью метода проекционной фотолитографии. К весне 1979 года была сформулирована новая цель: десять миллионов или даже миллиард компонентов на одной микросхеме к 1980 году, однако все надеялись, что решение будет найдено в июне или в крайнем случае в июле (*Перев. А.К. Андреева*).

И все же, абстрагируясь от этих, пусть и существенных, деталей, мы можем воспользоваться нашей классификацией в виде отрезка, где также видим движение от максимальной объективности изложения к максимальной его субъективности. Если одним из важнейших требований, предъявляемых к автору научного текста, является его личная максимальная отстраненность и непредвзятость при изложении научных фактов, выводов и т.п., то в художественном тексте, находящемся на противоположном конце нашего воображаемого отрезка, автор как раз проявляется в полной мере. Он может «прятаться» и излагать события словно бы не от себя лично, но, конечно, за каждым словом явно виден он сам. Даже если история, которую он рассказывает, им не придумана, то уж точно *додумана*.

В отношении классификации текстов важно понимать еще и то, что внутри каждого из функционально-стилистических типов есть своя, порой довольно многочисленная иерархия текстов. Так, если мы обратимся к научным текстам, то увидим, что к ним можно отнести и строго академическую статью, и статью в энциклопедии, и научно-популярный очерк, и учебник для средней школы, и вузовский учебник, и т.п. Понятно, что все это — разные типы подачи материала.

То же разнообразие мы видим и среди официально-деловых текстов, и среди публицистических, и разговорно-бытовых, и художественных. Все они характеризуются различными способами оформления плана выражения и организации плана содержания, что необходимо учитывать при переводе, добиваясь его репрезентативности.

Рассмотрим некоторые типы текстов в связи с определяющими их конститутивными элементами функциональных стилей [См.: Алексеева, 2000. С. 108 sq.; Солганик. С. 172 sq.].

Академические научные и технические тексты

В отличие от художественного текста, который при бесконечном многообразии способов ихтожения имеет всего одну тему — жизнь и внутренний мир человека, текст научно-технический при бесконечном многообразии тем имеет один, объективный, максимально отстраненный способ изложения материала, на который никак не влияет раскрываемая тема. Другими словами, тема научного текста никак не влияет на способ его оформления. Все научно-технические тексты в плане выражения унифицируются. Стиль изложения всегда один и тот же.

Студентам хорошо знакома стилистическая унификация научных текстов по тем требованиям, которые предъявляются к их курсовым и дипломным работам. Например, во введении к любой курсовой или дипломной работе обязательно должны быть изложены ее тема, цель, материал, метод и структура. Научные работы пишутся с использованием нейтральной лексики, книжных оборотов и т.д.

Рассмотрим стилистические особенности академических научных¹ и технических текстов подробнее.

Всякий тип текста характеризуется тем, кто выступает в качестве его автора и адресата.

Автор научно-технического текста — это специалист, ученый, работающий в данной области знаний, исследователь, изобретатель, технический эксперт и т.д. При этом автор всегда указан. Анонимных научно-технических текстов не бывает. Другое дело, что в качестве автора может выступать не один ученый, а, скажем, целая группа ученых или целая научно-исследовательская организация, лаборатория и т.п. При этом индивидуальность автора нивелируется до минимума. Автор выступает носителем корпоративных знаний. Не случайно требование к почти всем научным работам — раскрывать ту или иную проблему с учетом исторической перспективы. «История вопроса» —

¹ Под академическими научными текстами понимаются научные тексты, рассчитанные на ученых-специалистов в той или иной области знания.

очень важный компонент научного текста. Она помогает сохранить преемственность накопленных и вновь обретаемых знаний. Автор научного текста всегда опирается на опыт предшествующих поколений ученых и исследователей, чтобы не повторять их ошибок и максимально учитывать их положительный опыт и достижения.

Хотя в техническом тексте история вопроса раскрывается отнюдь не всегда, а лишь по необходимости, принцип преемственности, конечно же, подразумевается, хотя и остается «за скобками», т.е. за пределами данного конкретного текста, отражающего не ход мысли экспериментаторов, а уже результаты их деятельности.

Все, в чем автор научно-технического текста может позволить себе отойти от общепринятого канона изложения, — это время от времени незначительное отступление от академичности, степень сложности или, наоборот, простоты подачи материала и употребление своих любимых оборотов речи, слов и выражений, которые, однако, не выходят за рамки нейтрального, книжного языка.

Уже в научном тексте мы наблюдаем некоторые особенности стиля изложения, имеющие национально обусловленный, культурно-конвенциональный характер. Так, отход от академичности изложения неодинаков в разных культурно-языковых сообществах. В русском или, скажем, немецком языке автор научно-технического текста имеет меньше свободы, в то время как в англоязычной традиции отход от академичности присутствует в большей степени.

Уже говорилось о том, что главным содержательным компонентом научно-технических текстов является когнитивная информация. Он составляет сущность плана содержания. Сколько бы ни было тем научно-технических исследований, все они всегда будут относиться к когнитивной информации. План содержания при этом явно превалирует над планом выражения, что проявляется в «усредненности» стилистического компонента высказывания в научно-техническом тексте по сравнению с яркой индивидуальностью стилистики публицистического или тем более художественного текста.

План выражения научно-технических текстов включает в себя как вербальные, так и невербальные знаковые системы. Например, очень частотны в такого типа текстах схемы, графики, рисунки и иллюстрации, математические символы, которые могут встречаться по отдельности и объединяться в формулы. Понятно, что для переводчика они не представляют сколько-нибудь значительной сложности, так как имеют интернациональный характер и потому просто переносятся из текста оригинала в текст перевода без изменений. Другое дело — языковые (вербальные) средства. Пожалуй, единственное, что объединяет их с

невербальными средствами изложения, — это то, что и те и другие должны способствовать максимально объективной подаче обсуждаемого материала.

Если говорить о вербальных средствах, то объективность изложения достигается с помощью целого ряда лингвистических средств. Так, подлежащим чаще всего выступает имя существительное, нередко термин из данной области знаний. Им также может быть одно из так называемых средств вторичной номинации, т.е. языковых средств (чаще всего местоимений), которые указывают на уже названное существительное, например: *это, указанное свойство, качество, обстоятельство* — в русском языке; *the former, the latter, the above-mentioned* — в английском языке.

Что касается автора, то в русском и немецком языках он редко упоминает себя в качестве субъекта действия, выраженного подлежащим. Он может себе позволить лишь употребление так называемого ритуального «мы», да и то нечасто. Напротив, в англоязычной традиции гораздо чаще подлежащим предложения оказывается местоимение первого лица единственного числа /I/. Переводчик должен это учитывать.

В научно-технических текстах вообще предпочитается «безличность» описания экспериментов, рассуждений, изложения процесса достижения результатов и прихода к тем или иным выводам. Для этого в русском языке используются глагольные конструкции пассивные или с пассивным, неопределенно-личным или безличным значением (вместо *я предпринял попытку показать...* — *была предпринята попытка показать...*; вместо *в своей работе я затрагиваю ряд важных вопросов* — *в настоящей работе затрагивается ряд важных вопросов*; вместо *мы приходим к следующему выводу* — *можно сделать следующий вывод*).

Опять-таки степень «безличности» изложения может быть разной в разных языках. Например, если переводить с английского языка на русский фразу *In my work, I consider several fundamental questions...*, предпочтительней вариант (1) *В настоящей работе затрагивается ряд важных вопросов*, а не конструкция (2) *В своей работе я затрагиваю ряд важных вопросов*. Иначе, казалось бы, при абсолютно правильном варианте перевода английской конструкции русской (2) переводчик рискует создать у реципиента неправильное впечатление об авторе и его этическом облике как ученого.

Что касается глагольных времен, то преобладает настоящее время или такие его аспекты в романо-германских языках, которые имеют значение настоящего неопределенного, абсолютного, типа *Present Indefinite* в английском языке. Цель — показать события, явления с максимальной степенью обобщения и объективности как вневременные и универсальные.

Отличительной чертой стиля научного изложения является его *ниж* миноцентричность, т.е. частотность грамматического имени (существительных, местоимений, прилагательных). Характерно, что наиболее распространены существительные с абстрактным значением; нередко субстантивируются прилагательные. Это опять-таки вполне объяснимо, поскольку ученый показывает некие постоянные качества и свойства описываемых явлений, при этом в высокой степени абстрагируясь от конкретных случаев, предметов, веществ, материалов.

Необычайно частотны сочетания *существительное + десемантизированный глагол*. Так, в русском языке вместо *это значит следующее* мы чаще встретим фразу *это имеет следующее значение*.

Весь словарный запас, употребляющийся при создании научно-технических текстов, можно разделить на специальную и общую языковую лексику.

Наиболее характерной частью специальной лексики являются термины. Термин — это слово или словосочетание, которое обозначает то или иное понятие из какой-либо специальной области научного знания или практической деятельности. Термины специально предназначены для передачи именно когнитивной информации. Они включаются в системные отношения с другими терминами и стремятся к однозначности (моносемичности) в данной области знания и деятельности. Термины, кроме наиболее распространенных и общепринятых, во избежание разного их толкования, как правило, снабжаются определениями при первом упоминании в каждой конкретной научной работе. Термины характеризуются стилистической нейтральностью и не зависят от контекста.

Понятно, при переводе нужно сохранять все эти характеристики термина, что достигается благодаря переводу термина термином. Не допускаются никакая подмена, никакой приблизительный, синонимический перевод термина каким-либо, по мнению переводчика, близким по смыслу словом или выражением. Иначе говоря, в транслатеме, первой частью которой является термин (употребленный в оригинале, на ИЯ), второй, переводной, частью может быть только термин на ПЯ, соответствующий термину оригинала.

Термины в зависимости от контекста употребления можно разделить на следующие категории:

- функционирующие в одной терминосистеме (*browser, software, roast beef*);
- встречающиеся в одной терминосистеме, но имеющие разные значения, зависящие от контекста (например, *nozzle* может переводиться как *форсунка* или как *сопло*);

- термины-синонимы, близкие по значению, встречающиеся в одной терминосистеме: их часто приходится переводить одним термином. Например, *basin* — *бассейн*, *catchment* — *бассейн, водораздел*; *run-off* — *сток* и *water sewage* — *сток, сточные воды*.
- термины-омонимы, относящиеся к разным терминосистемам, например *mouse* — *мышь* (в биологии) и *мышь, мышка* (в электронике; деталь компьютера).

Хотя бы отчасти решить проблему перевода терминов помогают двуязычные специализированные толковые словари, совмещающие в себе характеристики, присущие как двуязычным, так и толковым словарям.

Ввиду того, что подобного рода толковые двуязычные словари созданы еще далеко не для всех областей науки и техники, алгоритм работы переводчика со словарями должен быть следующим. При обнаружении неизвестного термина в тексте ИЯ он сначала должен найти его определение в толковом словаре языка оригинала, после чего он смотрит, какие эквиваленты дает на этот термин двуязычный словарь, и проверяет их по толковому словарю ПЯ. Несмотря на трудоемкость процедуры, вариант перевода, полученный подобным образом, будет наиболее достоверным.

Еще одной заслуживающей обсуждения проблемой перевода терминов является перевод терминов-неологизмов. Для того чтобы обеспечить репрезентативность переводящего текста, рекомендуется переводить термины-неологизмы, создавая новые термины в ПЯ по той же словообразовательной модели, что и в оригинале. При этом не следует пренебрегать возможностью (если таковая есть) проконсультироваться со специалистами.

Основным источником пополнения терминосистем являются многокомпонентные термины, которые очень частотны, например, в немецком и английском языках. Это объясняется объективными причинами, ведь в любом языке запас лексических ресурсов хотя и обширен, но все же ограничен, а все новые и новые достижения НТР требуют и новых точных наименований.

Переводя подобного рода терминологические образования, следует понимать, в каком порядке нужно «расшифровывать», раскрывать их значение. В так называемых неустойчивых лексических образованиях (*unstable compounds*) в английском языке в качестве смыслового ядра выступает последнее (крайнее справа) слово составного термина. Все слова, которые находятся слева от этого ядра, выполняют функцию определения. Поэтому перевод на русский язык таких терминов нужно начинать с конца. Например, если мы переводим терминологию

гическое сочетание *radio wave propagation*, мы начинаем со слова *propagation* — *распространение*, затем *wave* — *волна (волны)* и, наконец, *radio* — *радио*. Получается: *распространение радиоволн*. Нередко подобного рода терминологические образования бывают довольно пространными: *frequency division multiplex terminal equipment* — *оконечная аппаратура частотного уплотнения*; *frequency modulated voice-frequency telegraph equipment* — *аппаратура тональной телеграфии с частотной модуляцией*.

Второй лексический пласт научных текстов — общеязыковая лексика. Относится она к семантическим полям, описывающим анализ, процесс (проведения эксперимента, развития чего-либо и т.п.), вывод, и характеризуется отсутствием эмоциональной окраски и коннотативности. Это нейтральная современная, как правило писменная, литературная норма. Слова и словосочетания данного лексического пласта научных текстов образуют развитую систему взаимозаменяемых синонимов. Так, важность чего-либо можно выразить следующими словами и сочетаниями: *имеет важное значение*, *существенно*, *играет важную роль*, *важно* и т.п. При этом возможна равноправная замена всех этих слов и словосочетаний другими, синонимичными, словами и словосочетаниями. Переводчик, однако, должен следить за тем, чтобы не допускать контаминации типа **играть значение*, **иметь роль*.

Все такие словосочетания представляют собой клише, стереотипные слова и фразы, стертые метафоры. Репрезентативность перевода этих лексических единиц достигается путем перевода не одной за другой частей переводимого выражения, как мы видели в случае терминологических образований, а соответствующими цельными клише из ПЯ. Так, выражение *в заключение* переводится на английский язык *to conclude*; *возникает закономерный вопрос* — *the question is bound to arise*; *что касается...* — *as for/as far as something is concerned...* Переводчик должен знать наиболее распространенные клише и готовые фразы, а также постоянно пополнять эту часть своего словаря из общеязыкового фонда.]

В научно-технических текстах очень высока плотность когнитивной информации. В частности, она достигается за счет использования сокращений. Они могут быть общеизвестными для данной области знаний (а, возможно, и шире): ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота), ЭКГ (электрокардиограмма) в медицине; АТМ (automated teller machine, банкомат), VAT (value added tax, НДС, налог на добавленную стоимость) в банковском деле; ОТО (общая теория относительности)* и СТО (специальная теория относительности) в физике; ПЯ и ИЯ (переводящий и исходный языки) в переводоведении и т.д.

Но если приведенные выше общеизвестные сокращения относятся все же к специальной лексике той или иной области знаний, то существует немало лексических единиц и общеязыкового словаря, тоже частотных в обсуждаемом типе текстов, например *и т.д.* (и так далее), *etc.* (*et cetera*), *usw.* (*und so weiter*), *напр.* (например), *з.В.* (*zum Beispiel*) и др.

Встречаются также сокращения, образуемые специально для данного текста. Они обычно расшифровываются при первом упоминании либо в отдельном списке (особенно если это сокращения, принимаемые для всей книги).

Понятно, что все упомянутые типы сокращений следует переводить соответствующими сокращениями, принятыми в ПЯ. Если говорить о различного рода контекстуальных сокращениях или авторских индивидуальных сокращениях, то их рекомендуется переводить, сохраняя способ сокращения оригинала. Так, если это усеченное слово, то и переводить его нужно, усекая соответствующее слово в ПЯ. Если перед нами акроним (сокращение по первым буквам), то и в ПЯ лучше всего сохранить акронимический принцип сокращения.

Контекстуальные сокращения особенно частотны в энциклопедических статьях. В них принято сокращать до первых букв понятия, имена и т.д., особенно заглавные слова. Кроме того, существуют и другие сокращения, характерные для энциклопедий и словарей, например *к-й* (который), *e-e* (*eine*, неопределенный артикль женского рода именительного падежа в немецком языке). К такого рода сокращениям приближаются сокращения грамматических и стилистических помет в словарях (*n* — noun, *vt* — transitive verb, *шутл.* — шутливо).

Для языка научно-технической прозы (например, в философии, юриспруденции) характерно довольно активное использование латинских и — реже — греческих, а также немецких, английских, французских слов и выражений, терминологических образований. Как правило, переводчик просто переносит эти вкрапления в текст на ПЯ без изменения. Если необходимо, он сопровождает то или иное выражение, которое может оказаться непонятным для реципиентов текста, соответствующим примечанием с переводом или более развернутым пояснением. От некоторых латинских слов и выражений в современных языках остались сокращения, причем широко известные. В английском языке это сокращения типа *e.g.* (*exempli gratia*, например), *i.e.* (*id est*, то есть).

Субъективность в научно-техническом, и особенно в техническом, тексте сводится к минимуму. И тем не менее в научно-исследовательском по своему характеру тексте встречаются различные формулы модальности, как грамматической, так и лексической, выражающие

субъективность высказываемого мнения. Примерами лексически выраженной модальности могут служить слова и выражения *по всей вероятности, вероятно, как представляется, как кажется, in tu opinion, as it may seem, obviously, to be sure* и др. Нередки апелляции к предшествующему научному опыту: *as is well known, как известно* и т.п.

В целом, с точки зрения плана содержания, для стиля изложения научно-технического материала характерными являются ясность, точность и последовательность. Изложение материала строится на строгой логичности, а не на ассоциативно-образных связях. Этим объясняется большая роль, которую играют в таком тексте языковые средства семантической и формальной когезии.

К средствам семантической когезии относят, например, термины. Обеспечить репрезентативность семантической когезии довольно просто, поскольку в таком случае главное — обеспечить репрезентативный перевод терминов и других лексических единиц, скрепляющих текст воедино. Лексических средств когезии в научно-техническом тексте обычно бывает очень много, и переводчик вправе незначительно изменять их количество. Например, ради благозвучности текста какой-либо термин, повторяющийся слишком часто, он может заменить на соответствующее ему местоимение. Главное, чтобы это было сделано не в ущерб ясности и точности изложения.

Сложнее дело обстоит в случае перевода средств формальной когезии. К ним относятся местоимения, союзы, вводные обороты (*следовательно, далее, итак, поскольку... постольку* и др.). Средства формальной когезии играют в научно-техническом тексте очень важную роль, и их следует максимально полно и точно передавать средствами ПЯ. В противном случае переводчик лишает оригинал, представленный в ПЯ переводом, по крайней мере частично, его логичности в способе подачи научно-технической информации.

В то же время при переводе таких лексических единиц допустима вариативность. Например, английский союз *for* можно переводить на русский язык и как *поскольку*, и как *потому что*, и даже как *ибо*, хотя последний вариант перевода несколько завывает планку стилистики изложения.

Синтаксис научно-технического текста может быть довольно сложным. Однако переводчик, помня о том, что в такого типа текстах план содержания превалирует над планом выражения, может прибегать к различного рода синтаксическим перестройкам и даже разбивать одно предложение на два или, наоборот, объединять два в одно, если это обеспечивает большую ясность и недвусмысленность изложения.

Что касается графики, то в научного типа текстах нередко полужирный шрифт, курсив; какие-то важные слова и термины даются в разрядку и т.д. По возможности переводчик должен сохранять эти полиграфические средства выделения того или иного аспекта изложения. Хотя опять-таки ему нужно учитывать некоторые национальные традиции оформления текстов. Так, часто названия (книг, статей и т.д.) в английском языке выделяются курсивом, в русском же мы предпочитаем двойные кавычки.

Несколько слов следует сказать о переводе собственных имен и названий. Лучшим, хотя, к сожалению, еще не общепринятым, является перевод (транслитерация или транскрипция) имен собственных, который тут же (в скобках) снабжается первоначальным написанием этих имен (при первом упоминании). Например: *...в работе Г. Тиль (G. Thiel) из этой статьи проф. Дж. Вудсворт (J. Woodsworth) становится ясно, . . . , . . .известный американский переводовед Ю. Найда (E. Nida)...* и т.д. Иначе по русскому переводу имен почти невозможно или довольно непросто определить их написание на латинице, что может, в свою очередь, воспрепятствовать узнаванию соответствующих имен читателями, которые знают их в таком написании. Кроме того, может оказаться сложным найти труды данных авторов для самостоятельного изучения. Другими словами, переводчик не должен мешать читателю в отождествлении того или иного имени собственного, тем более в научно-технической работе, где весь ссылочный материал приобретает особую важность и принципиальность.

В целом, научно-технические тексты отличает предельная прозрачность структуры. Так, во введении или вступительной части более или менее развернутого текста часто указывается, о чем говорится в каждом разделе. Кроме того, научно-технический текст содержит немало того, что условно можно назвать перекрестными внутритекстовыми ссылками: *см. выше/ниже, see Chapter N* и т.д. Выражения этого типа следует переводить соответствующими устойчивыми выражениями ПЯ, а не буквально, поскольку они носят исключительно конвенциональный, формульный характер.

Все сказанное выше о научно-техническом тексте отражает идеальное положение вещей. Нередко, однако, переводчик сталкивается с текстами, в которых те или иные их образующие аспекты проявляются в дефектной форме. Например, оригинал может быть выстроен не совсем логично. Как должен поступать в таком случае переводчик — просто переводить как есть или редактировать? Ответить на этот вопрос довольно сложно. Все зависит от ситуации, в которой работает переводчик, и от того, какое задание он получил от заказчика

перевода. Если его просят отредактировать, он редактирует, если нет, то просто переводит.

При переводе научно-технических текстов очень важен этап подготовительной (к собственно переводу) работы. Хотя этот этап важен и при переводе, например, художественного текста, суть подготовки будет, принципиально разной. Во время подготовки к переводу научной статьи или брошюры, книги или другого вида научно-технического текста переводчик должен вникнуть в тему, проблематику и способы выражения этой темы (термины, характерные обороты). Иначе он рискует просто не понять, о чем идет речь, а если понять, то не сумеет выразить это средствами ПЯ. Кроме того, он должен узнать как можно больше об авторе текста, историческом периоде, в который он жил (если это не ныне живущий ученый), статусе данного труда среди других его работ и работ его коллег, эволюции употребления тех или иных ключевых терминов, сути научных дискуссий по данной проблематике и т.д.

Возможно, переводчику придется несколько (или значительно) архаизировать язык изложения, если окажется, что работа принадлежит ученому далекого прошлого.

Переводя научно-технические тексты, переводчик может работать и в одну сторону (т.е. переводить только с одного языка на другой), и в обе (например с английского языка на русский и наоборот). Выбор направления перевода зависит от условий осуществления коммуникации. Скажем, во время научных конференций каждый переводчик может переводить в одну сторону на более или менее значительных отрезках речи (выступлениях, докладах), но беседы, переговоры, научно-технические диспуты, обсуждения и т.п. чаще всего требуют работы переводчика в обе стороны.

Научно-популярные тексты

При переводе научно-популярных текстов — учебников, статей, брошюр и т.д. — следует учитывать то, что в них в большей или меньшей степени снижается академичность изложения, подразумевающая нейтральность подачи материала, отстраненность и объективность, исключение индивидуальной вовлеченности в стиль письма и т.д., зато заметно ощущается стремление увлечь читателя, упрощается стиль изложения. Дело в том, что меняется адресат, в роли которого высту-

При этом не имеется в виду культурная адаптация текста, т.е. обеспечение его репрезентативности, верности оригиналу на уровне культурных требований, предъявляемых к подобного рода текстам, и традиций, сложившихся в их отношении в данной культурно-исторической среде.

пает уже не специалист в данной области знания, а человек, просто интересующийся соответствующей сферой научных исследований или только овладевающий ею.

Поэтому, несмотря на то что стиль изложения упрощается, существенно усложняется коммуникативная задача. Теперь переводчик должен совмещать при переводе и научность, и популярность. Для этого необходимо видеть долю того и другого в общем целом. В вузовском учебнике популярность проявится в том смысле, что определениями будут снабжаться не только вновь вводимые автором термины, но и уже принятые и утвердившиеся в данном научном направлении. В школьном учебнике отход от академической строгости научно-технического текста становится еще более заметным. Здесь упрощаются примеры — становятся более доступными и по тематике, и по стилю изложения; значительно уменьшается количество терминов, сокращений; снижается плотность информации; упрощается синтаксис. Нейтральность стиля в целом хотя и сохраняется, но (если вспомнить наш отрезок со всеми типами текстов, на котором научно-технический текст находится слева, а художественный — справа) сдвигается вправо, в сторону разговорно-бытового стиля.

Это еще более очевидно, когда мы беремся за перевод научно-популярного текста, адресованного широкой читательской публике. Более строгим будет изложение в статьях, книгах и т.п., рассчитанных на взрослую аудиторию; менее строгим — в книгах для детей. Авторство в научно-популярном тексте такого типа становится уже не номинальным, а вполне конкретно и недвусмысленно проявленным. Автор остается все тем же специалистом высокого класса, ученым, исследователем в данной области знания, но теперь он много говорит от себя лично, приводит примеры из собственной жизни и практики, а не просто выступает представителем научной общественности; говорит или пишет от первого лица, что, как мы помним, было недопустимо в строго академическом научном тексте. Здесь сильно стремление увлечь адресата текста предметом своего профессионального, научного или технического, интереса. Автор обращается к читателю напрямую, употребляет отходящую от нейтрального стиля лексику (разговорные, просторечные выражения, оценочные определения), даже иногда придумывает условных персонажей, желая сделать повествование максимально динамичным и интересным для малоподготовленного к восприятию сложной и, может быть, иногда очень специальной информации. В научно-популярном тексте возможны различные истории, анекдоты, которые тоже помогают автору облегчить восприятие излагаемого материала.

Примером научно-популярного текста является следующий отрывок из книги известного советского физика-теоретика А.Б. Mini.ua «Как рождаются физические теории» (1984):

i

1

Удивительное свойство света. Но, может быть, равенство скорости распространения света относится только к системам координат, движущимся с малыми скоростями?

В 1887 г. американский физик Альберт Майкелвсон измерил с колоссальной точностью скорости света вдоль и поперек движения Земли. Опыт Майкелсона доказал, что скорости света не зависят от скорости источника и одинаковы в неподвижной и движущейся системе координат. Принцип относительности оказался справедливым для света.

На первый взгляд это очень странно. В классической механике скорости движений складываются. Если человек идет по вагонам по ходу поезда со скоростью пять километров в час, а сам поезд движется со скоростью пятьдесят километров в час, то скорость прогуливающегося пассажира относительно Земли будет пятьдесят пять километров в час. То же самое, согласно классическому закону сложения скоростей, должно происходить и со светом. Но на деле скорости света всегда одна и та же.

Уже первое слово в этом отрывке *удивительное* явно не вписывается в стиль строгой научной прозы. То же верно в отношении выражения модальности (*может быть, ср. возможно*), да и сам вопрос, открывающий раздел, вместо более принятого в строго научном стиле утвердительного предложения типа: *Но / Однако, возможно, равенство скорости распространения света относится исключительно к системам координат, движущимся с малыми скоростями*. Все это указывает на стремление автора установить непосредственный контакт с читателем, вовлечь его в собственные рассуждения.

На то, что этот текст является научно-популярным, указывает и характер объяснения опыта Майкелсона. Для любого физика-специалиста достаточно назвать автора и год этого известного, хрестоматийного эксперимента. Пересказ его сути был бы явно излишним.

Предложение *На первый взгляд это очень странно* также выдает в тексте его научно-популярную ориентированность. Наконец, пример о человеке, идущем по ходу поезда и о его скорости в сравнении со скоростью движущегося поезда, опять-таки был бы излишним для работы, рассчитанной на читателя-специалиста.

При переводе этого фрагмента переводчик должен сохранить тщательно выверенный в оригинале баланс между дозировкой научной

информации и теми чертами авторского стиля, которые помогут читателю ее воспринять.

Искусствоведческие тексты

К научным и научно-популярным текстам примыкают тексты искусствоведческие. Они могут быть более или менее нагружены специальной лексикой терминологического характера, но насколько более или насколько менее, будет зависеть от адресата текста.

Например, в музыковедческом тексте вполне могут встретиться итальянские обозначения музыкальных темпов или характера исполнения, реже — немецкие и французские, что, понятно, будет зависеть от того, музыка композиторов каких стран анализируется. При этом тексты будут снабжаться переводом или кратким пояснением, если музыковедческий текст рассчитан на широкую аудиторию. И наоборот, если текст рассчитан на специалистов, то никакого перевода может не быть (как, скажем, у латинских терминов в юридическом тексте): *В сонатном Allegro композитор неожиданно вводит хор a cappella за сценой...* При этом каждому музыканту-профессионалу понятно, и что такое сонатное *Allegro* (первая часть сонаты или симфонии, которая обычно пишется в быстром темпе, — по-итальянски *Allegro*), и что такое хор *a cappella* (без сопровождения оркестра или какого-либо музыкального инструмента типа фортепиано).

В статье или книге о живописи, архитектуре, литературе или кино будут свои термины, но то, что позволяет объединить все искусствоведческие тексты, — это существенно больший по сравнению с естественно-научными текстами и текстами из сферы точных и гуманитарных наук процент ярких эпитетов, сравнений и даже метафор, что объясняется особенностями предмета повествования. Репрезентативность перевода такого текста резко снизится, если не передать яркость и образность его языка.

§ 2. Особенности перевода текстов, относящихся к официально-деловому стилю

Далее в нашем движении по воображаемому отрезку с различными типами текстов мы переходим к текстам, относящимся к официально-деловому стилю.

Это один из самых древних типов текста. Во многом именно с него начиналась письменность, поскольку письменный официально-деловой текст является не просто текстом, а документом, подтверждаю-

шим наличие чего-либо где-либо, заключение сделки; закрепляют чьи-то права и обязанности по отношению к другим лицам и т.п. уже не просто слова «в воздухе», а слова, зафиксированные с помощью каких-то материальных носителей.

Кроме того, официально-деловой язык заставил человека в полной мере овладеть такими, дотоле факультативными, необязательными языковыми показателями, как союзы, местоимения, служащим для оформления логически разворачивающегося высказывания.

Говоря об официально-деловом стиле, мы чаще имеем в виду письменные тексты. Однако это не значит, что не существует устных официально-деловых текстов. Конечно, к ним прежде всего относятся выступления на официальных приемах, торжествах, встречах, заседаниях, собраниях, заявления официальных лиц в средствах массовой информации и т.д.

Мысль в текстах данного функционального стиля так же, как в научном стиле, разворачивается логически последовательно, а не ассоциативно. Более того, в некоторых типах официальной документации (например, в деловых письмах) существует стандартный порядок изложения информации: представление адресанта, сообщение о том, откуда он узнал об организации-адресате или о той или иной проблеме; изложение просьбы, предложения, жалобы и т.п.; предъявление требований; предложение путей устранения возникших проблем и т.п.; заключение с подписью автора, дата.

Обеспечение репрезентативности оригинала при переводе текстов официально-делового стиля очень важно, поскольку относящиеся к нему тексты обслуживают ответственные сферы человеческой жизни и международных отношений.

Официально-деловой стиль представлен двумя подстилями: официально-документальным и обиходно-деловым. К официально-документальному относятся юридические тексты (тексты законодательных и дипломатических актов), к обиходно-деловому — служебная переписка и деловые бумаги.

Мы рассмотрим прежде всего юридические тексты, в том числе их дипломатическую разновидность.

Автором официально-документального текста является обычно юрист либо любой совершеннолетний гражданин общества, прибегающий к помощи юриста для консультаций по вопросам составления того или иного юридического документа, а также для того, чтобы его официально заверить и тем самым придать ему законную силу и обязательность исполнения. Реципиентом юридических текстов является опять-таки либо юрист, либо любой совершеннолетний гражданин.

Заметим, что и к автору, и к реципиенту юридических текстов предъявляются строгие требования. Если в роли того или другого выступает юрист, он должен быть практикующим юристом, членом определенных юридических сообществ, коллегий. Если документ составляет обычный гражданин, то он должен быть психически нормален, должен подтвердить свою личность и право выступать участником данной юридической операции.

В любом случае, несмотря на то что во всяком юридическом документе четко названы лица, выступающие в роли авторов, документ максимально безличен. Называя конкретную ситуацию и конкретные обстоятельства, в которых происходят или не происходят, должны или не должны происходить какие-то события, совершаются или не совершаются, должны или не должны совершаться какие-то действия, документ тем не менее поднимает свою тему на уровень объективного закона, перед которым все равны.

В силу своей строгой регламентирующей природы тексты официально-делового стиля в ходе истории максимально отточили и конвенционализировали свой язык, предназначенный для передачи важной когнитивной информации. Языковые средства юридического текста отбираются таким образом, чтобы полностью исключить двусмысленность, разночтения. К этому должен стремиться и переводчик юридических текстов.

Официально-деловой стиль вообще и стиль юридических текстов в частности отличаются высокой степенью клишированное™. Недаром практически во всех официальных организациях есть шаблоны основных документов (контрактов, договоров, справок, свидетельств и т.п.), специально издаются сборники образцов шаблонных документов и т.д. В этом смысле переводчик, собственно, не переводит, а просто составляет из новых данных документы по старым образцам.

В официально-деловом стиле велик удельный вес терминов, что роднит его со стилем научным. Термины там встречаются как известные только юристам, так и понятные широкой публике. В отношении юридических терминов следует сказать, что среди них немало интернациональной лексики (*домициль, апелляция, кассация, репатриация, коммюнике, реституция, дуайен, реторсии, атташе* и т.д.), а она, как известно, часто представляет собой определенную опасность. Дело в том, что среди такого рода лексических единиц очень много «ложных друзей переводчика» — слов, формально сходных (что и понятно, ведь у них одно и то же происхождение, чаще всего латинское или греческое), но различающихся либо полностью, либо частично по значению.

При переводе мы имеем дело по меньшей мере с двумя культурами, каждая из которых прошла свой путь развития. Естественно, что немало понятий, особенно в такой культурно и исторически зависимой сфере, как юриспруденция, не совпадают с имеющими то же название, но другими по своей сути понятиями в иной национальной среде. В итоге очень немногие юридические термины-дериваты от одного и того же латинского слова одинаковы по объему значения. (Это верно и в отношении «разошедшихся» в ходе своего исторического развития понятий в других сферах человеческой деятельности, например в бухгалтерии, банковском деле, медицине и т.д.) Поэтому всякий раз, сталкиваясь с внешне похожими терминами, нужно обязательно выверять их по специальным справочникам или консультироваться со специалистами на предмет выяснения, совпадает ли и в какой степени объем значения данного термина в ИЯ и ПЯ. Иначе можно допустить грубейшие фактические ошибки, что сделает наш перевод не репрезентирующим оригинал и приведет к серьезным последствиям, ведь мы имеем дело с документом, от верности перевода которого зависит решение многих, в том числе жизненно важных, вопросов.

Сравним для примера французское слово *nationalité* в следующем предложении: ...*Shelma Khaimovich Livshits qui vient d'obtenir la nationalité américaine*... — и русский термин *национальность*. Понятно, что в предложении на французском языке речь идет не о национальности, а о гражданстве. В том же тексте читаем: *Cordonnierjuif d Leningrad, Il était victime d'agressions antisémites*. В этом предложении мы имеем дело с еще одним потенциальным «ложным другом переводчика» — словом *agression*. Конечно, здесь речь идет вовсе не об агрессии, а о преследовании (по национальному признаку) или притеснении.

Вообще, слова в официально-деловом стиле употребляются исключительно в своих прямых значениях. Здесь нет места образности, тропам и т.д., поскольку их наличие создает не приемлемую ни при каких обстоятельствах в юридическом тексте неоднозначность, ведущую к различным толкованиям, а следовательно, и к утрате документом его главного свойства — юридической нормативности. Одни и те же слова, особенно если это термины, могут повторяться из предложения в предложение. Требование избегать таких повторений, предъявляемое к письменной речи, здесь теряет актуальность. Стилистические красоты приносятся в жертву ясности и предельной четкости выражения мысли.

В юридическом языке нередко встречаются латинские фразы. Но они здесь, в отличие от научного стиля, не придают речи особую «ученость» и рафинированность, а являются терминологическими образо-

ваниями. Сравним, например, выражения (1) *in via juris* (законным путем), (2) *casus belli* (случай, оправдывающий войну — выражение из языка дипломатии), (3) *retractatio iuramenti* (оспаривание присяги на основании ее ложности) и (4) *expressis verbis* (решительно, категорически) в таком, например, контексте: Проф. Погорелое *expressis verbis* утверждает, будто по моему исследованию «нет возможности составить себе понятие (*sic!*) об особенностях языка ни Дубровницкой, ни какой-либо другой грамоты» [См.: Бабкин, Шендецов]. Разница налицо: если выражения (1), (2) и (3) суть термины, их нельзя ни заменить, ни опустить, то выражение (4) в приведенной цитате из научной работы, отклика на рецензию, вполне может быть заменено соответствием на любом другом языке. Оно, в сущности, играет роль лишь своеобразного украшения, демонстрирующего образованность употребившего его автора высказывания. (Между прочим, ту же функцию имеет и слово *sic!*, означающее в переводе с латинского языка *так!* употребляющееся для привлечения внимания к какому-то слову или выражению.)

С интересующей нас точки зрения переводоведения, следует заметить, что латинские слова и выражения, употребляющиеся как термины, не переводятся, поскольку обычно хорошо известны специалистам в юриспруденции или дипломатии. Однако переводчику, если он специализируется на переводе юридической документации, в которой встречается этот пласт лексики, следует ознакомиться с ней, иначе он просто не сможет понять ход рассуждений автора оригинала.

Еще одним существенным свойством текста официально-делового стиля вообще и юридического в частности является более или менее значительная, но, как правило, почти всегда представленная архаизация языка. Предпочитаются отглагольные существительные, являющиеся типичными для разновидности официально-делового языка, получившей название канцелярит (*запрещение, разрешение, отклонение апелляции, повышение, понижение* и т.п.).

Официально-деловой стиль резко контрастирует с разговорно-бытовым во всех языках, где представлены данные функциональные стили. В английском языке эта разница особенно заметна. Так, если в его разговорном стиле предпочитают исконные, германские слова, которые в своем абсолютном большинстве одно- или двусложны, то в официально-деловом — слова латинского происхождения. Последние, как правило, многосложны: *dismemberment, belligerence, repatriation, restitution* и т.п. Переводчику на английский язык следует помнить о том, что из дублетных пар предпочтительнее слова именно латинского происхождения: из пар *begin — commence, tell — announce, help — assistance* в официально-деловой перевод попадут *commence, announce, assistance*.

Для дипломатического языка характерны так называемые этикетные слова, употребление которых, как и особых этикетных формул (оборотов речи), обусловлено необходимостью соблюдать строгий протокол, предписывающий поведение официальных лиц во время тех или иных официальных мероприятий. К этому слою лексики относятся обозначения титулов высокопоставленных лиц: *Его / Ее Величество Король / Королева, Его Высочество, уважаемый господин посол.*

Очень частотны в юридических документах глаголы настоящего времени, пассивные конструкции, модальные структуры со значением обязательности и долженствования. Все это сообщает юридическому документу объективность, безличность, всеобщность (по крайней мере в рамках данного социального коллектива) и предсказательность. Синтаксис таких документов может быть очень сложным и на первый взгляд запутанным. Но следует помнить, что юридический документ меньше всего рассчитан на удобочитаемость и понятность с первого прочтения. Главное, повторимся, не допустить разночтений, недопонимания. Здесь практически ничего не разумеется само собой. Сказано то, что сказано. На поверку оказывается, что сложный синтаксис лучше отвечает этим целям, чем, может быть, более простые, но допускающие несколько толкований синтаксические структуры. Поэтому для юридического языка характерны длинные периоды с многообразной союзной связью, с многочисленными причастными и / или деепричастными оборотами, инфинитивными комплексами, свободными словами и выражениями, другими обособленными конструкциями. Компрессивность юридическому тексту не свойственна.

Более компактны тексты обиходно-деловой разновидности официально-делового функционального стиля. Впрочем, компактность изложения достигается в них за счет исключительно того, что автор, минуя или сходя к минимуму обсуждение различных второстепенных вопросов, приступает непосредственно к сути дела.

Важным для структуры текста, принадлежащего к официально-деловому функциональному стилю, является его графическое оформление. Оно должно подчеркивать семантико-синтаксическое строение текста, упрощать работу с ним. Поэтому так распространены специальные бланки, формы, в которые авторы юридических текстов просто вносят свои данные.

Но даже если для некоторых форм официально-деловых документов и нет бланков, все равно существуют определенные обязательные способы их оформления. Например, любое заявление начинается с указания в правом верхнем углу имени должностного лица, к которо-

му оно обращено. (Заметим, что и лицо это выбирается не по воле автора заявления, а исходя из иерархии организации, в которой он работает или к которой обращается.) Тут же указываются имя обращающегося к этому должностному лицу человека, его звание, положение и т.п. Далее, по центру строки, пишется слово *заявление*, причем и имя должностного лица, и автора заявления, и само название документа составляют одно предложение, расположенное на странице особым образом:

<i>Директору</i>	<i>завода</i>	<i>NN</i>
<i>Иванову</i>	<i>ВВ.</i>	
<i>работника</i>	<i>цеха № 1</i>	
<i>Сидорова</i>	<i>ИИ.</i>	

заявление.

Как видим, здесь принят необычный для русского языка порядок слов с инверсией (*работника... заявление*, а не *заявление работника...*), при этом слово *заявление* вынесено в центр строки. После этого излагается суть обращения к директору. Скорее всего, оно будет начато либо со слова *Прошу...*, либо *Я, Сидоров И.И.,...*

Понятно, что подобного рода документы должны переводиться с учетом национальных традиций и общепринятых форм и оборотов речи ПЯ. Ни в коем случае невозможно отступление, искажение или изъятие тех или иных нюансов содержания переводимых документов. Переводчик должен следить за выдержанностью стиля языка перевода, особенно если он переводит на иностранный для него ПЯ. Последнее обстоятельство, понятно, предполагает обязательность отличного знания переводчиком стандартов и норм написания документов на ПЯ.

Перевод официально-деловых документов, как и научно-технических текстов, может осуществляться как в одном направлении, так и в обоих. Выбор направления перевода для каждого конкретного переводчика определяется типом и уровнем общения. Чаще всего в дипломатии, особенно на высоком уровне международных контактов — в ООН и других крупных политических и экономических организациях, на важных и ответственных форумах, встречах и т.п. — переводчики имеют четкую специализацию в отношении тех пар языков и направлений перевода, с которыми работают. Переводчику с английского на русский на этом уровне не доверяют перевод с русского на английский. Для этого будет приглашен другой переводчик, специализирующийся на этом направлении перевода.

§ 3. Особенности перевода публицистических текстов

Перейдем к текстам, которые относятся к (газетно-)публицистическому функциональному стилю. При этом мы движемся дальше вправо по нашему воображаемому отрезку, отражающему все функциональные стили. Публицистический стиль, таким образом, оказывается в самом центре этого отрезка.

Здесь мы имеем дело одновременно с информацией когнитивной и эмоциональной. С одной стороны, публицистические тексты нацелены на сообщение фактов, сведений, описание событий, с другой — это уже не объективная их подача, как было в научном стиле изложения. Публицистика активно вмешивается в жизнь общества, формируя общественное мнение путем открытого комментирования фактического материала, который попадает в поле ее зрения.

А в поле зрения публицистики попадает самый широкий спектр происходящего, происходившего и даже того, что еще только будет происходить, что планируется или начинается. Публицистика отслеживает масштабные социальные, политические и экономические процессы, причем в разные их моменты — зарождения, развития и расцвета, угасания и упадка. Масштабными эти процессы можно назвать потому, что они могут касаться всех и каждого, кто живет сегодня на нашей планете.

В то же время публицистика показывает эти процессы, не упуская из виду все многообразие их слагаемых, тех деталей и подробностей, из которых состоят все эти глобальные события и явления (какие-то локальные новости, события, происшествия, тенденции; очерки о людях, небольших коллективах, социальных группах и т.п.).

Все, что было сказано выше о публицистике, вбирающей в себя общее и частное, мелкое и глобальное, очень напоминает то, о чем говорится у И. Бродского в «Эклоге 5-й (летней)».

Жизнь — сумма мелких движений. Сумрак
в ножнах осоки, трепет пастушьих сумок,
меняющийся каждый миг рисунок
конского щавеля, дрожь люцерны,
чебреца, тимофеевки — драгоценны
для понимания законов сцены.

не имеющей центра. И злак, и плевел
в полдень отбрасывают на север
общую тень, ибо их посеял

тот же ветренный сеятель, кривотолки
о котором и по сей день не смолкли.
Вслушайся, как шуршат метелки

петушка-или-курочки! что лепечет
ромашки отрывистый чет и нечет!
как мать-и-мачеха им перечит,
как болтает, точно на грани бреда,
прямая лебедю Леда
нежной мяты. Лужайки лета,

освещенные солнцем! бездомный мотыль,
пирамиды крапивы, жара и одурь.
Пагоды папоротника. Поодаль —
анис, как рухнувшая колонна,
минарет шалфея в момент наклона —
травяная копия Вавилона,

зеленая версия Третьеримска! <...>

Бродский прекрасно показал здесь этот переход от мелкого, частного, будничного к глобальному, полномасштабному, универсальному. Различные травы, цветы, растения, их колыхания на ветру, их цветение; их очертания — все это вдруг складывается в громадные обобщения (пирамиды, пагоды, рухнувшая колонна, минарет, Вавилон, Третьеримск). Аллюзия на древнегреческую мифологию (упоминание Леды) опять-таки производит тот же эффект обобщенности, изображения *жизни* в целом, в ее исторической перспективе, уходящей далеко вглубь веков и тысячелетий, которая, тем не менее, складывается из *мелких движений*.

Наше отступление (из другого функционального стиля), как представляется, помогает уяснить, что происходит в публицистике. Она показывает нам глобальное, но через его частные проявления. (Недаром публицистику называют летописью современности.) Это сближает ее с художественным функциональным стилем, но больший удельный вес когнитивной, подлинной в своей фактографической точности информации все же делает ее непохожей на художественные произведения, где больше вымышленного, чем достоверного с фактологической точки зрения.

Итак, тематически публицистический стиль отличается огромным разнообразием. Это не может не влиять на спектр представленных в нем жанров и видов текстов. Конечно, это и устные (теле-, радиожур-

налистика), и письменные тексты (все, что связано с газетно-публицистическим стилем). И те и другие, соответственно, требуют различных приемов и методов обработки. Для переводчика разделение лингвистических текстов на устные и письменные также имеет важное значение именно с точки зрения различных приемов передачи оригинала и перевода.

В научном функциональном стиле и в официально-деловой речи мы также отметили наличие и устных, и письменных жанров. Но там это разделение все-таки еще не играет той роли, что в публицистике. Устный научный доклад или доклад какого-либо официального лица, конечно, отличается от письменной речи. Предложения будут короче, синтаксис проще, выступление будет менее насыщено сложными минами, а их концентрация на синтаксический период будет меньше* чем в письменной речи, где есть возможность вернуться к сложным терминологически насыщенным предложениям, абзацам и перечислениям. И все же разница будет минимальной. Не случайно, и научные доклады, и лекции, и официальные (политические и др.) выступления часто фактически зачитываются и уж по крайней мере тщательнейшим образом продумываются. Это свидетельствует о близости устного научного или официально-делового изложения к их письменному варианту. Переводчик часто уже заранее получает текст выступления, который может просмотреть перед переводом хотя бы в самых общих чертах.

Разделение на устную и письменную речь в публицистическом стиле имеет более «радикальные» последствия для стиля изложения и, конечно, особенностей перевода. Скажем, в теле- или радиопрограмме стиль изложения, как правило, предельно упрощается, поскольку рассчитан на самые широкие зрительско-слушательские массы. В этом случае публицистический текст приближается к разговорно-бытовому функциональному стилю (продвигается дальше вправо по нашей шкале функциональных стилей). И перевод, конечно, должен отразить этот сдвиг к разговорно-бытовому стилю, иначе будут нарушены условия, обеспечивающие репрезентативность перевода.

В письменной публицистике — особенно в отраслевых журналах и газетах, рассчитанных на профессионалов и специалистов в той или иной области знания или деятельности, — речь журналиста, автора той или иной статьи, будет приближаться к научному или официально-деловому стилю (т.е. сдвигаться влево по шкале функциональных стилей). Это скажется на характере избираемых для изложения лингвистических средств: будет больше терминов, будет специфически письменный, более сложный синтаксис и т.д. Конечно, все эти черты должны будут вобрать в себя и перевод.

Подача информации в публицистическом тексте может разворачиваться, в отличие от текста научного, не только сообразуясь с логикой, но и следуя ассоциациям. В этом смысле руководящим принципом построения текста будет стремление автора не только и не просто проинформировать реципиента, а еще и достичь определенного эффекта, определенным образом воздействовать на аудиторию, чему подчинены все средства выразительности, в том числе и способ организации текста.

Итак, автором публицистического текста чаще всего является журналист. Имя автора, как правило, указывается, хотя и не всегда. Например, мы не найдем указания на авторов кратких информационных сообщений и заметок о новостях в той или иной (социальной, политической или экономической) сфере жизни общества. В передовой статье автор также выражает не свою, а редакционную позицию по какому-либо актуальному вопросу. Таким образом, даже тогда, когда авторство не анонимно, оно обычно не принципиально, поскольку в целом ряде публицистических жанров журналист выступает, высказывая не свою собственную точку зрения в отношении освещаемых событий, а точку зрения редакции, представителем которой он в данном случае является. (Поэтому, между прочим, в различного рода дискуссионных и полемических статьях и выступлениях в том случае, когда позиция автора какой-либо публикации не совпадает с позицией редакции, это специально оговаривается. Например, перед статьей или после нее помещается небольшое примечание о том, что автор высказывает в ней собственное мнение. В нацеленных на публикацию дискуссионных и полемических материалов изданиях это оговаривается в разделах, где помещаются сведения о составе редакции и особенностях издания. Например, может быть сказано, что печатаемые материалы не всегда отражают позицию редакции или что редакция не несет ответственности за содержание тех или иных публикаций и т.п.) Несколько более определенно индивидуальное «я» журналиста может быть выражено в очерке, авторской радио- или телепередаче или, скажем, в фельетоне.

В качестве реципиента публицистических текстов может выступать самая широкая аудитория. Однако есть немало изданий, ориентированных на те или иные социальные группы (например, возрастные, религиозные), профессиональные круги и т.д.

Уже было сказано, что информация, которая представлена в текстах публицистического функционального стиля, складывается из сочетания информации когнитивной и эмоциональной. Понятно, что,

как и в случае с научно-популярной литературой, такое сочетание заметно усложняет коммуникативную задачу, решение которой должен в той же степени, что и в оригинале, обеспечить в своем переводе переводчик. Это требует от него внимательного прочтения текста, умения уловить грань между информацией когнитивной и сопутствующей ей информацией эмоциональной, и эту грань не переступать, не нарушать баланса соотношения этих двух типов информации.

Повторимся: для публицистического типа текстов очень характерно не просто изложение тех или иных фактов, а активная их оценка. Журналист не просто рассказывает о событиях, он идет дальше и навязывает обществу некоторую их оценку, активно влияя на общественное мнение, формируя его. И в этом смысле особую важность приобретает тот критерий репрезентативности, который требует от переводчика максимально верно отразить именно позицию автора текста, в данном случае журналиста, которую очень легко исказить и тем самым больше проявить свою позицию, позицию переводчика, а это недопустимо, даже если переводчик как личность с позицией автора совершенно не согласен. В таких случаях профессионал в переводчике должен брать верх над его личностью с ее гражданской позицией, убеждениями, представлениями и т.д.

Понятно, что яркая оценочность тех или иных фактов социальной жизни имеет вполне конкретные языковые формы. При этом, пожалуй, наиболее важным и показательным языковым ярусом является лексика.

Каждый функциональный стиль использует лексические единицы по-своему. Так, слова и выражения научно-технических текстов отличаются максимальной строгостью, недвусмысленностью, четкостью значений, противостоящей естественной диффузности семантики слов и выражений в языке вообще; однозначным соотношением понятий с выражающей их формой — плана выражения с планом содержания. Вот почему в научно-технических текстах так велика роль терминов. Зато диффузность значения слов ярко проявляется в разговорной речи. В художественном стиле изложения на первый план выходит внутренняя форма слова, сопряжение между различными значениями лексических единиц.

Что же касается публицистического стиля, то для него характерно максимальное использование эмоционального потенциала слов и выражений, их коннотативности, хотя, конечно, слова здесь реализуют и свою функцию сообщения. Сочетание того и другого — эмоциональности (без чего нельзя себе представить активную гражданскую позицию журналистики) и фактографичности слова — составляет суть лексических особенностей языка данного стиля.

В публицистике также немало терминов и терминологических образований, поскольку этого требует тематическое многообразие освещаемого СМИ материала. Если речь идет о политике, в тексте появляются политические термины (*демократия, инаугурация, кабинет министров, переговоры на высшем уровне, нота протеста, персона нон грата* и др.); если об экономике, то, соответственно, появляются экономические термины (*маркетинг, биржа, инфляция, демпинг* и др.).

В то же время журналист, пишущий статью или готовящий репортаж на какую-то тему, внимательно следит за тем, чтобы его текст понял неспециалист в данной области (исключение составляют публикации в отраслевых СМИ). Другими словами, им строго соблюдается принцип общедоступности и понятности материалов. Поэтому употребляемые в жанре публицистики термины являются либо уже широко известными и общепонятными, либо они снабжаются специальным пояснением или определением, но в целом их употребляется гораздо меньше, чем в научно-технических текстах.

Очень частотна в публицистике лексика с определенно выраженной оценочностью и образностью: эпитеты (*ужасающий, великолепный, ошеломляющий, странный*); слова, принадлежащие к не-нейтральным пластам лексики (архаизмы: *веха, витиеватость, радеть, казенный*); субстандартная лексика: *мочить, сортир*; слова, образованные по продуктивным, с яркой эмоциональностью моделям: *штурмовщина, заседанье, слабоватый*); библеизмы (*козел отпущения, имя им — легион, на круги своя, разверзшиеся х.Иаби небесные*); специальная лексика, но в переносном значении (*предвыборный марафон, политический фарс*).

Довольно часто в данном жанре используются деформированные и намеренно контаминированные фразеологизмы. Так, о президентах США и России Б. Клинтоне и Б. Ельцине, у которых в определенный период их президентской карьеры возникли сложности из-за подмоченной репутации, в одной из англоязычных газет появилась статья под названием *Lame Ducks of a Feather Flock Together*, обыгрывающим выражение *a lame duck*, которое, кроме буквального значения *хромая утка*, имеет еще значение *неудачливый человек, нуждающийся в чьей-либо помощи*; к тому же это выражение входило в состав более развернутого фразеологизма-поговорки *birds of a feather flock together* (букв.: *птицы одной породы стремятся объединиться в стаю* — аналог русской поговорки *рыбак рыбака видит издалека*).

Наконец, пожалуй, едва ли не главной особенностью публицистического текста являются клишированные словосочетания и выражения. Но клишированность здесь особая, не такая, как в научно-техни-

ческом или официально-деловом стилях. В публицистике клише ис- пользуются гораздо более разнообразно, у них больше функций.

Во-первых, они служат для максимального упрощения нос притя за счет легкой узнаваемости слов и выражений. Журнальное газетный текст или устный репортаж воспринимаются «гладко», - Реципиент такого текста будто скользит по нему, воспринимая исключи и с.п.но факты и их оценку. При этом время от времени журнал лист прибегает к помощи ярких словесных образов, чтобы привлечь внимание своей аудитории к тому или иному важному, с его точки зрения, моменту.

Во-вторых, журналистские клише черпаются из самых разных тематических сфер в зависимости от того, о чем в данном случае идет речь. Но особенно любимы журналистами клише из разговорного и литературного стилей — почти сплошь стертые метафоры, устойчивые эпитеты и другие так называемые речевые штампы (*жест доброй воли, кризис доверия, демографический взрыв, гром аплодисментов, мрачные прогнозы, радужные перспективы, скороспелые выводы* и т.д.). С помощью таких клише журналистика балансирует между, с одной стороны, яркостью (пусть и весьма умеренной по сравнению с худой жественной речью), а с другой — общедоступностью выражения.

Если говорить о переводе всего этого лексического многообразия, то здесь, конечно, возникает немало сложностей. Отнюдь **ни** всегда можно найти соответствие слову или выражению, которое; удовлетворительно представляло было их в ПЯ. Возьмем, например, то же название *Lame Ducks of a Feather Flock Together*. Как сохранили при переводе его на русский язык образность, ироничность подтекста, фразеологическую контаминацию? Решить без потерь эту задачу вряд ли удастся. Самым нетворческим и проигрышным, но, в принципе, все же удерживающимся в рамках репрезентативности является перевод с нейтрализацией, так что переведенное название этой статьи даст русскоязычному читателю представление о проблематике английского оригинала, но не более. Это мог бы быть перевод типа: *Два президента с подмоченной репутацией объединятся / протягивают друг другу руки*. Проигрышным он является потому, что сводит практически на нет эмоциональный заряд оригинала. Более удачным стал бы перевод, в котором переводчику удалось бы сохранить эмоциональную компоненту выражения. Этого можно достичь за счет сохранения образности по аналогии с переводом фразеологизмов. Прежде всего следует выделить семантическое ядро высказывания, а затем подобрать аналогичный фразеологизм в языке перевода (см. гл. 8).

Еще один пример. В нижеследующем отрывке из романа известного американского писателя К. Фоллетта (K. Follett) «Code to Zero*» тоже есть упоминание одного хлесткого газетного заголовка.

...Almost four months ago, the Soviet Union had stunned the world by sending up the first space satellite, the *Sputnik*. In all the countries where the tug-of-war between capitalism and communism was still going on <...> the message was heard: communist science is best. A month later the Soviets had sent up a second satellite, *Sputnik II*, with a dog onboard. Americans were devastated. A dog today, a man tomorrow.

President Eisenhower was quoted as promising an American satellite before the end of the year. On the first Friday in December, at fifteen minutes to noon, the U.S. Navy were announced to launch the *Vanguard* rocket and they did in front of the world's press. It rose a few feet into the air, burst into flames, toppled sideways, and smashed to pieces on the concrete. IT'S A FLOPNIK! said one headline.

Итак, как же перевести заголовок *It's a Flopnik*? Очевидно, языковая игра в этом случае осуществляется на уровне словообразовательных моделей. *Flopnik* — это новообразование от *спутник* с суффиксом *-nik*. В английском языке в 1960-е гг. появилось немало слов с этим суффиксом. Но здесь с его помощью образовано слово с корнем *flop*, что значит буквально *шлепок*, *хлопок*, а метафорически — *провал*, *неудача*. Автор заголовка, обыграв ситуацию (падение космического корабля), дал ей свою злую, колкую оценку (полнейший провал американской попытки догнать СССР и противопоставить ему свою мощь космической державы). Таким образом, переводчику нужно работать и на сложном, реализующем по крайней мере два значения слова *flop* семантическом уровне, и на уровне плана выражения (уровне словообразовательной модели с очень красноречивой и ярко проступающей внутренней формой)¹.

В отношении синтаксиса публицистического функционального стиля можно сказать, что он в значительной мере нацелен на воспроизведение конструкций разговорной речи. Это объясняется требованием общедоступности. Кроме того, разговорные синтаксические конструкции наиболее лаконичны, лапидарны, емки, выразительны. Часто произведения речи, относящиеся к данному функциональному

¹ Из нескольких вариантов, предложенных студентами моих семинаров на факультете иностранных языков МГУ, пожалуй, наиболее удачными были *flopnik* - *шлепник/плюжник* / *спутеляп*.

стилю, выстраиваются по типу разговорной речи диалогического характера (даже тогда, когда формально перед нами монолог).

Синтаксису в публицистике свойственны различные риторические построения (параллельные, анафорические конструкции, вопросительные и восклицательные предложения). В целом же он (вместе с другими языковыми средствами) помогает подчеркнуть значимость какой-либо информации, противопоставить ее чему-то будничному. Для примера приведем начало репортажа Б. Горбатова и М. Мерджанова «Пушки больше не стреляют» об окончании Великой Отечественной войны:

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года.

Гитлеровская Германия поставлена на колени. Война окончена.

Победа.

В отрывке очевидна ориентация на факты, которые выразительнее любых комментариев. Историческая значимость момента подчеркивается скупостью слов и предельной простотой и лаконичностью фраз. Более того, постепенно длина предложений уменьшается и, наконец, сводится к слову-предложению *Победа*. В нем, как в выводе, заключена вся сила осознания произошедшего. И в значительной степени этот эффект достигается благодаря синтаксису [См.: Солганик. С. 207—208].

Конечно, как и любой другой функциональный стиль, публицистический представлен целым спектром текстов, относящихся к различным жанрам и видам (очерк, фельетон, репортаж, информационное сообщение и др.) со своими структурно-типологическими особенностями. Чтобы обеспечить репрезентативность перевода каждого из них, переводчик должен тщательно изучить и передать эти особенности в переводе.

Перевод текстов, относящихся к публицистическому функциональному стилю, чаще всего осуществляется каждым конкретным переводчиком в обе стороны. Хотя иногда специфика издания, для которого он готовит свои тексты, требует от него сосредоточения каком-то одном направлении перевода.

§ 4. Особенности перевода текстов, принадлежащих к разговорно-бытовому стилю

Разговорно-бытовой стиль реализуется в ситуации общения. При этом между участниками коммуникации не должно быть официальных отношений. Официальные отношения навязывают участник

коммуникативного акта те или иные формулы обращения, лексику, синтаксис и т.д., хотя они того или нет. Как правило, разговорная речь протекает в условиях непосредственного общения, без посредников. Это речь устная. Если в литературе мы и встречаем имитацию устной речи, то это все же именно имитация, а не собственно разговорная речь.

Разговорная речь — это речь неподготовленная, свободно развивающаяся в процесс развертывания коммуникативного акта, ситуации общения, в чем она принципиально отличается от научной и официально-деловой речи. Это обстоятельство сообщает ей характерные особенности речепорождения: в ней много перебивков, остановок, вставок для заполнения паузы, пока говорящий подбирает нужное слово (*...это самоеwell...*). В разговорной речи активную роль играют мимика, жесты, понимание участниками разговора ситуативного контекста. Все эти экстралингвистические факторы помогают собеседникам понять друг друга несмотря на всю кажущуюся дефектность и неполноту лингвистических компонентов общения.

Кроме того, разговорная речь — это либо диалог, либо полилог; в разговоре участвуют либо двое, либо больше собеседников. В ней очень редки монологи, а если они и случаются, их протяженность относительно невелика.

Исходя из вышесказанного, разговорную речь можно определить как речь неофициальную, характеризующуюся непосредственностью протекания, неподготовленностью, спонтанностью; это речевая диалогическая и устная [См.: Солганик. С. 178—183].

Все это, казалось бы, ставит под сомнение релевантность текстов данного функционального стиля для перевода. Действительно, переводчик по сути своей посредник, а если условием протекания непосредственного общения между людьми является именно отсутствие посредников, то какое отношение все это имеет к переводу как виду межъязыкового посредничества? Присутствие третьего лица в разговоре двоих, конечно, изменяет, хотя бы отчасти, и другие признаки непосредственного разговора.

Поэтому в применении к переводу следует, видимо, несколько модифицировать определение условий реализации разговорно-бытового стиля. Конечно, вряд ли можно себе представить ситуацию, в которой перевод понадобится близким людям, вступающим в разговор. Но в том-то и дело, что разговорная речь реализуется не только между близко знакомыми людьми. Иногда это происходит в более широком контексте общения, который может быть назван социально-бытовым [См.: Комиссаров, 2001].

Сразу же нужно оговориться, что под социально-бытовым контекстом не всегда понимается реализация собственно речи, относящейся к разговорно-бытовому стилю. Иногда в том или ином социально-бытовом контексте тематика переводимого устного текста может отходить от тем, характерных для этого функционального стиля. Действительно, чаще всего круг тем разговорного стиля включает в себя обсуждение погоды, здоровья, новостей, покупок и т.д. и т.п. [См.: Соулганик. С. 180). Но в более широком социально-бытовом контексте* встречаются разговоры, беседы, тематически близкие к официально-деловому стилю. Это могут быть обращения людей, возможно эмигрантов или беженцев, к работодателям, домовладельцам в новой для них стране и т.п. Однако ход такого общения — менее формальный, нередко весьма спонтанный — заставляет переводчика обрабатывать исходный текст с учетом целого ряда факторов, свойственных именно текстам разговорно-бытового стиля. Вот почему переводчику важно знать его особенности.

Итак, понятия автора (источника) и реципиента (адресата) текста в данном функциональном стиле существенно меняются вследствие его диалогического характера. Здесь всегда по меньшей мере два собеседника-автора. Они же выступают поочередно в роли реципиентов: сначала высказывается первый, т.е. проявляет себя как автор какого-либо высказывания, а второй воспринимает это высказывание; затем роли меняются — второй собеседник реагирует на сказанное первым. И так разворачивается диалог.

Информация здесь когнитивная, поскольку участники коммуникативного акта нередко сообщают друг другу какие-то сведения, новости, рассказывают о каких-то происшествиях и т.п. При этом очень весомой становится эмоциональная информация. Нередко она даже превосходит когнитивную. Да и когнитивная информация претерпевает некоторые изменения. Часто те или иные высказывания (типа приветственных формул) выступают в роли сигналов, устанавливающих контакт между собеседниками, означающих их готовность общаться, поддерживать отношения и т.д.

Рассмотрим некоторые лингвистические особенности текстов, относящихся к данному функциональному стилю.

Прежде всего, слову, употребляемому в рамках разговорно-бытового стиля, свойственна семантическая неопределенность. Такие слова, как *вещь*, *штука*, *thing*, *doohickey* (*штучка*, *закорючка*) и многие другие могут означать почти все что угодно. Что конкретно они означают в том или ином разговоре, определяется контекстом, ситуацией, обстановкой.

Переводчик может расшифровывать эти слова, называя обозначаемые ими вещи «своими именами», а может, учитывая функционально-стилистическую особенность текста-оригинала, произведения разговорной речи, и условия, в которых протекает общение, сохранять эти слова, подбирая им при этом культурологически оправданное соответствие в ПЯ.

Для разговорно-бытового стиля характерно использование так называемых семантических стяжений, или конденсатов. Это такие слова, как *малолитражка* (стяжение от *малолитражный автомобиль*), *малолетка* (от *малолетний*, т.е. ребенок или подросток), *многотиражка* (от *многотиражный*).

Довольно распространены в разговорной речи различного рода сокращения, которые емко и экономно выражают значительные пласты ее содержания. При этом сокращения чаще замещают собой официальные полные названия (которые нередко уже затруднительно и вспомнить). Всякий в России знает, что такое *КГБ*, *чека* (*ЧК*). Всякий в США поймет вас, если вы скажете *LA* (*Los-Angeles*). Причем от первичных сокращений (которые по происхождению могут быть и не разговорными) появляются вторичные, чисто разговорные: *КГБ* — (*ка*)*эбэшник*.

Частотны в разговорном стиле и различного рода специфически сниженные названия-клички. Например, вместо *русские* можно услышать *кацаны*, вместо *украинцы* — *хохлы*. Названия городов тоже часто претерпевают такие изменения: *Санкт-Петербург* становится *Питером*, *San-Francisco* — *Frisco*.

Переводчик обычно расшифровывает лексические сокращения, поскольку иначе их просто невозможно перевести, ведь в ПЯ не существует соответствий той же стилистической окраски. В этом случае репрезентативность на уровне передачи стиля оригинала либо страдает, поскольку переводчик нейтрализует стилистическую игру оригинала, либо переводчик восполняет утраченный эффект с помощью другого элемента высказывания.

Очень активно в разговорном стиле используются местоимения. Вместо имен существительных, прилагательных бывает легче употребить ограниченный круг их заменителей. Кроме того, в процессе порождения спонтанной речи люди часто забывают какие-то слова (они «вылетают из головы», их не могут вспомнить, хотя они и «крутятся на языке»).

В разговорный стиль активно проникают книжная лексика, термины, которые тут же, однако, подвергаются специфической разговорной обработке, в результате чего их терминологически строгая семантика размывается. Но именно благодаря этой своей восприимчивости.

по словам Л.В. Щербы, разговорная речь и становится кузнице словесных новшеств, впоследствии становящихся общеупотребительными. Так, в наше время привычным стало употребление слов **СТЫКОВАТЬСЯ**, **пересекаться**: *Давай с тобой как-нибудь состыкуемся / пересечемся в городе.*

Активно используются продуктивные и не очень словообразовательные модели. Суффиксы **-ищ-** и **-еньк-** довольно продуктивны в современном русском языке. С их помощью образуются различные новые словоформы, большинство из которых, впрочем, тут же забывается: **автомобилище**, **магазинище**, **оранжевенький**, **коричневатенький**. А возвратная частица **-ся**, относясь к менее продуктивным аффиксам, образует вполне употребительные разговорные слова: **Я закупался / скупился перед праздниками** (т.е. закупил все, что может потребоваться / скупил массу товара в разных магазинах).

Большую часть разговорной речи, менее консервативной по сравнению с книжной, составляют заимствования из различных иностранных языков. Некоторые заимствования вытесняют слова и термины, предписываемые институтами, призванными кодифицировать и определять языковые нормы. Так произошло, например, с термином **компьютер**, который вытеснил термин **ЭВМ**.

Своеобразен синтаксис разговорной речи. Его прежде всего характеризуют многочисленные простые и часто неполные предложения (в продуктовом магазине: — *Можно молока? Два. Вот чек*). Распространены эллиптические конструкции (*Я ей — слово, она — десять!*). При переводе такие конструкции обычно представляются в более полном виде, что объясняется стремлением переводчика пояснить ситуацию, более полно описав ее.

Перевод разговорно-бытовых произведений речи двусторонний. Переводчик должен уметь переводить в обе стороны (на родной для него язык и с родного). Это требование предъявляет к нему реальность осуществления перевода в социально-бытовом контексте: никто не будет приглашать для беседы двух переводчиков, как во время межгосударственных официальных переговоров.

Г5. Особенности перевода художественных текстов

Художественный стиль — пожалуй, наиболее полно описанный из функциональных стилей. Вместе с тем вряд из этого можно сделать вывод о том, что он наиболее изученный из них. Это объясняется тем, что художественный стиль — самый подвижный, творчески развиваемый из стилей. Если научный и официально-деловой стили стремят-

ся к тому, чтобы четко очертить круг используемых в них средств выражения того или иного содержания, а разговорно-бытовой и публицистический, хотя и более открыты для нового, мобильны и изменчивы, все же из-за своей слишком значительной демократической ориентированности не выходят за известные границы новизны и творческой изобретательности, то художественный стиль буквально не знает никаких преград на пути своего движения к новому, ранее неизвестному. Более того, новизна и необычность выражения становится условием успешной коммуникации в рамках этого функционального стиля. У Е. Баратынского читаем:

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратовли, Шекспиров ли двойник.
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!

Несмотря на ограниченный круг тем, затрагиваемых в художественных текстах (жизнь человека, его внутренний мир), средства, которые используются для раскрытия их, неограниченно разнообразны. При этом каждый подлинный художник слова стремится не к тому, чтобы слиться со своими коллегами по перу, а наоборот — выделиться, сказать что-то по-новому, привлечь внимание читательской аудитории к вечным вопросам, для чего просто вынужден искать новые средства художественной выразительности.

Художественные тексты имеют и совершенно отличный от всех других текстов эстетический статус. Они всегда рассматривались как особый тип текстов, а их творцы — как особые, одаренные свыше или, во всяком случае, необычные люди. Так, наука исходит из принципиального рационалистического подхода к действительности. Искусство же принципиально интуитивно, если не вообще иррационально. В итоге, по словам Гегеля (С. II), «источником художественных произведений является свободная деятельность фантазии, которая в создании своих воображаемых объектов еще более свободна, чем сама природа». Поэтому почти единодушно и литературоведы, и сами художники слова говорят о непомерной для человека сложности постижения великой тайны, которая заключена в природе искусства вообще и искусства слова в частности, «таинственного песенного дара» (А. Ахматова).

Художественные тексты и обществом сохраняются дольше, чем любые другие. Научные труды даже самых прозорливых авторов, из-

лагающие даже самые гениально провидческие идеи и догадки о тех или иных аспектах бытия. Вселенной, живут максимум несколько веков, дальше они переходят в разряд трудов, хотя и важных с исторической точки зрения, но устаревших в смысле полноты знания об окружающем нас мире. Документы, даже дипломатические, живут еще меньше. Любое изменение политико-экономической расстановки сил в мире кладет конец многим достигнутым ранее договоренностям, переводя зафиксировавшие их документы из современности в историю. Публицистические и разговорные образцы речи и вовсе «однодневки». Жизнь их — мгновение. Зато художественные произведения живут тысячелетиями. Единственное, что может прервать их жизнь, — это разрушение материального носителя, с помощью которого или на котором они созданы (если они не скопированы на другой материальный носитель).

Срок же, отведенный переводам этих почти что вечных произведений художественной литературы, несравнимо мал. Оригиналы не устаревают, в то время как старые переводы сменяются новыми. И это также объяснимо: перевод, не воспроизведя в ПЯ и культуре ПЯ всего «организма» оригинала, отразил лишь какую-то одну из его возможных трактовок. Общество, развиваясь, становится способным постичь новые содержательные планы великого произведения-оригинала и вызывает к жизни новые (но, по сути, такие же этапные) переводы.

Художественные тексты являются носителями особой эстетической информации. При этом эмоциональная информация также представлена в них очень ярко. Можно даже говорить о сплаве этих двух видов информации — информации эмоционально-эстетической. Когнитивная информация (как было показано в начале главы), хотя тоже может быть представлена в художественном тексте, все же не играет в нем ведущей роли, как в научном или официально-деловом стилях, или даже разговорно-бытовом и публицистическом.

По словам Аристотеля, поэзия (под которой он понимал любой вид художественного творчества) вернее истории (т.е. фактографически выверенного изображения действительности), поскольку показывает не то, что произошло, как история, а то, что должно (было) произойти. Статус когнитивной информации в художественном тексте не так высок, как статус информации эстетической, поскольку главная задача подлинно художественного произведения — обратить наше внимание на универсальное, главное, вечное, помочь разглядеть это вечное в частном, на этом частном не останавливаясь, а продвигаясь дальше, во всем доходя, по словам поэта, до самой сути.

Источником художественного текста является художник Слова, талантливый человек, писатель. Он всегда представляет себя лично (между прочим, поэтому так нестойки и недолговечны различного рода творческие объединения, группировки). Автор абсолютно свободен в выборе темы, способов ее выражения и т.п. Все, что общество может сделать, чтобы хоть как-то повлиять на творческую свободу художника, — это отказать ему в обнародовании его произведений. Впрочем, как правило, настоящего художника это хотя и несколько огорчает, но не останавливает: он пишет «в стол», но все-таки пишет так, как считает нужным. И история не так уж редко оказывается именно на его стороне.

Другим — и тоже незначительным — ограничителем свободы художника СМИ являются традиции литературных форм и жанров. Например, поэт, сочиняющий сонет, не может просто проигнорировать историю сонета от итальянского Треченто до его собственной литературно-исторической эпохи. Вместе с тем и этот барьер, как показывает история развития искусства, оказывается вполне преодолимым. Прозаики, поэты и драматурги со временем переосмысливают традиционные жанры и формы, структурно-стилистические литературные каноны, границы их размываются, они как бы переходят друг в друга, изменяясь до неузнаваемости.

Реципиентом художественного текста может выступать любой человек. Естественно, для этого нужно проявить интерес к художественному тексту, захотеть воспринять его, развить себя эстетически для того, чтобы это стало возможным.

Но и в вопросе восприятия художественного текста есть свои особенности. Каждый реципиент художественного текста имеет право вычитывать и реально вычитывает в нем нечто свое, что позволяет говорить о таком его свойстве, как амбивалентность (См.: Туркова, Тюленев], т.е. неоднозначность, открытость для нескольких (многих, даже бесконечного количества) интерпретаций.

Нередко художественный текст оказывается словно бы многослойным: за поверхностным уровнем фабулы могут проступать более глубокие уровни символов, образов, идей и т.п. Вот почему так сложно переводить по-настоящему талантливый художественный текст. В нем есть немало плохо поддающегося передаче в иной культурно-эстетической среде, и практически невозможным оказывается сохранение всего объема художественных средств и содержательных планов в их сбалансированности и взаимодействии. Именно поэтому даже великие переводчики и художники слова впадали в крайность, отрицая возможность художественного перевода, а заодно и перевода вообще.

Вряд ли можно составить хоть сколько-нибудь полный перечень всех языковых средств и механизмов, к которым прибегает художник слова для того, чтобы выразить свои мысли и чувства и донести их до своего читателя, тем более что набор этих средств меняется от эпохи к эпохе (что отчасти отражается в динамике литературно-эстетических школ, направлений, эпох), от автора к автору. Потенциально весь объем языка, все действующие в нем механизмы могут стать и в ту или иную историческую эпоху становились средствами художественной выразительности. Не случайно состояние национальной литературы, ее развитость и утонченность, ее история и традиции, богатство ее языка в многообразии его выразительных средств, стилистических уровней и ярусов свидетельствуют о развитии национального языка и национальной литературы во многом благодаря весомому вкладу великих художников слова. Таким был Данте для итальянской литературы и итальянского языка; такими были Чосер и Шекспир — для английского языка, и литературы; таким был Пушкин — для русского языка и литературы.

Пожалуй, самой яркой отличительной чертой именно художественного текста является чрезвычайно активное использование тропов и фигур речи. Это свойство текстов художественного функционального стиля было замечено еще в древности. Так, у древних греков и римлян существовали подробнейшие классификации тропов и фигур речи. До сих пор мы используем терминологию эстетиков Античности, когда называем те или иные из этих художественных приемов.

Тропы и фигуры речи являются мощнейшим способом обновления планов выражения, соответствующих одному и тому же плану содержания, а ведь именно в этом, как уже было сказано, состоит главный принцип, лежащий в основе создания и функционирования художественного текста: при ограниченности интересующих искусство тем и проблем художник слова располагает неограниченной (или ограниченной лишь самим языком) палитрой художественных средств и приемов. Действительно, если присмотреться внимательно к истории развития искусства, нетрудно заметить, что, хотя художники говорят о людях разных национальностей и культур, живущих в разных условиях, сталкивающихся с разными жизненными обстоятельствами, речь на глубинном уровне идет об одном и том же: о человеке, его воззрениях на мир, на самого себя в этом мире, о его попытках понять смысл своего существования, о его стремлении следовать определенным высшим морально-нравственным законам бытия.

Говоря о репрезентативности перевода художественного текста, надо заметить, что количество ее критериев здесь заметно возрастает.

Переводчик должен удовлетворить большему числу требований, чтобы создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре. Среди таких критериев, конечно, следует назвать сохранение по возможности большого количества тропов и фигур речи как важную составляющую художественной стилистики того или иного произведения. Перевод должен сигнализировать об эпохе создания оригинала: если перед нами античный текст, то и перевод должен создавать впечатление античного текста; репрезентировать по крайней мере основные особенности того или иного литературного направления, к которому относится автор; воспроизводить индивидуальный стиль автора оригинала.

К переводу поэзии (не случайно имеющему репутацию одного из самых сложных видов перевода) предъявляются еще более строгие требования. Он должен воспроизводить не только содержание и не просто лишь какие-то (основные) черты плана выражения (чего в прозе, как правило, может быть достаточно), но стремиться к воспроизведению ритмических и метрических особенностей, сохранению количества и принципа чередования стоп (если они неодинаковы). Кроме того, переводчик поэзии должен воспроизводить особенности рифмы (при этом, например, В. Брюсов требует от переводчика поэзии еще и сохранения в переводе по крайней мере одного из рифмующихся слов), тип чередования рифм, каденции, строевые строфы. По возможности переводчик должен передавать и звукопись подлинника. Другими словами, в идеале переводчик должен сохранить все, на практике — многое¹. Таким образом, критерии репрезентативности в случае поэтического перевода становятся гораздо более многочисленными.

Б. Слуцкий в своем стихотворении «Трудности перевода» образно передал муки переводчика поэзии:

Переводя стихи,
проходишь через стену
и с мордой в крови
выходишь вдруг на сцену
под тысячу свечей,
пред тысячью очей,
сквозь кладку кирпичей

¹ Надо сказать, что объем критериев репрезентативности перевода поэзии варьируется в различных культурах. У нас, например, принято стихи переводить стихами, в то время как во французской традиции поэзию чаще переводят прозой.

пробившись, как ручей.
Стоишь ты налегке,
иллюзии не строя,
размазав по щеке
кирпич и слезы с кровью,
сквозь стену, сквозь бетон,
сквозь темноту стреляя,
нашел ты верный тон?
Попал ты в цель?
Не знаю.

Говоря о художественном переводе, мы имеем в виду исключительно письменный перевод, причем в абсолютном большинстве случаев речь идет о переводах с иностранного для переводчика языка на его родной. Это вполне понятно и легко объяснимо: нужно быть носителем языка, чтобы создавать на нем художественные произведения, тем более что далеко не каждый носитель языка на такое способен.

Несмотря на то что о художественном переводе написано больше, чем о любом другом типе перевода, нельзя сказать, что тема эта исчерпана. Трудно этому научить, хотя, в принципе, возможно, но требуется, чтобы будущий переводчик обладал склонностью к художественной работе со словом, имел солидный культурный и общечеловеческий багаж и постоянно его увеличивал.

Где-то на пересечении публицистического, разговорно-бытового и художественного стилей находится рекламный текст. Этот вид текстов появился в активной переводческой практике относительно недавно, и здесь много еще не вполне осознанного, не полностью понятого и изученного.

Рекламный текст тесно связан с культурой той или иной национально-государственной общности. Он, как правило, очень краток; выстраивается часто по законам произведений речи, совмещающих в себе передачу информации когнитивной (сведений о товарах и услугах) и эмоциональной (стремление оказать воздействие на реципиента). Впрочем, нередко хороший, мастерски созданный рекламный текст рассчитан и на определенный эстетический эффект.

Все это делает перевод рекламного текста почти невыполнимой задачей из-за неизбежных потерь, ведь в рекламном тексте, созданном для привлечения к товару или услуге потенциального покупателя, буквально каждый эффект, каждый аспект на счету. Если в переводе не будет передан какой-либо из них, текст может оказаться разбалансированным и на реципиента будет оказано не то воздействие, что

было запланировано в оригинале. Поэтому в рекламном деле говорят уже не просто о переводчике. Ключевую роль играет «копирайтер», человек, создающий рекламный текст. Он может быть и переводчиком, хотя это не является обязательным условием; может учитывать перевод (возможно, осуществленный для него кем-то другим, если сам он не переводчик), а может счесть его безнадежным в условиях данной культуры и создать совершенно новый текст.

Копирайтер работает по заказу фирмы-изготовителя или фирмы-распространителя. В этом смысле именно фирма-заказчик и оказывается, пусть и не автором, но источником рекламного текста, поскольку именно она определяет, что в нем должно быть и чего быть не должно.

Реципиентом потенциально может быть любой человек. Но это потенциально, реально же рекламный текст нацеливается на определенную социальную группу, которую может заинтересовать рекламируемые товар или услуга.

Итак, очевидно, что собственно перевод рекламного текста приближается к тому, что мы ранее назвали сигнальным текстом (см. гл. 6). Переводчик не так уж часто создает окончательный текст рекламы. Чаще он создает подготовительный текст, функционально сходный с подстрочником при переводе поэзии с редких языков, — переводчик поэзии в таком случае создает свой перевод на основе предварительного. Копирайтер же создает окончательный текст на основе перевода иноязычного рекламного текста.

Вопросы и задания

1. Как репрезентативность связана с функционально-стилистическими и жанровыми особенностями переводимых текстов?
2. Охарактеризуйте особенности перевода текстов, относящихся к пяти основным функциональным стилям.

Глава 12

Историческая динамика переводческой деятельности

Time is the greatest innovator.

F. Bacon¹

§ 1. Проблема типологии перевода

Одной из важнейших в теории перевода задач — выявление и описание основных разновидностей — форм, видов и жанров — перевода. Практически все крупные переводоведы (А.В. Федоров, А.Д. Швейцер, А. Людсканов, Я.И. Рецкер, Э. Кари, А. Попович и др.) отмечают необходимость типологического изучения перевода. Отчасти восполняющей пробел в этой области можно считать главу «Основные формы, виды и жанры перевода. Основные принципы типологии перевода» из «Введения в общую теорию перевода» А. Лиловой. Ценность этой работы заключается прежде всего в попытке, хотя по необходимости и кратко, конспективно (ведь это только глава в книге), отразить многоаспектность проблемы. Лилова формулирует принципы, которые должны быть положены в основу типологической классификации перевода, анализирует различные подходы к ее созданию. Среди принципов построения типологической классификации называются соотнесение данного вида перевода с другими сходными и несходными с ним видами, выяснение внутренней структуры первого, изучение системы свойственных ему жанров. Кроме того, Лилова объясняет, почему разработка типологии перевода — вопрос важный и насущный: во-первых, потому что помогает выявить общее, что объединяет различные виды и жанры перевода; во-вторых, потому что это дает возможность полнее показать сущность и специфику

¹ Время — величайший изобретатель (Ф. Бэкон, 1561 — 1626. *англ.*).

каждого конкретного вида и жанра перевода; наконец, в-третьих, таким образом можно выявить, как взаимодействуют все виды и жанры перевода. Последнее преимущество типологического подхода к изучению перевода, как подчеркивает болгарская исследовательница, важно не только для теории, но и для переводческой практики. По сути, аргументация важности типологических разысканий в переводоведении уже сама может служить своеобразным стратегическим планом для составления типологии, поскольку намечает наиболее существенные черты и свойства того или иного вида перевода, которые определяют его место в общей типологии.

§ 2. Динамика исторического развития перевода

Система разновидностей перевода — это система динамичная, т.е. типология перевода, кроме всего прочего, должна отражать историческую динамику живого, практического переводческого процесса и чутко реагировать на появление изменений в системе форм, видов и жанров перевода. Не может быть раз и навсегда данной типологии перевода, она неизбежно меняется, отражая изменения в переводческой практике.

Говоря о структуре переводоведения (см. гл. 2, § 5), мы перечисляли основные разновидности перевода: естественный и машинный; устный (последовательный, синхронный) и письменный с промежуточными формами (устно-письменный и писменно-устный); односторонний, двусторонний; общественно-политический, научно-технический, художественный. Когда речь заходит об исторической динамике перевода, имеются в виду главным образом изменения не в этой типологической классификации, поскольку в ней представлены наиболее общие разновидности переводческой деятельности, мало изменяющиеся на протяжении времени. Можно говорить, например, о том, что устный перевод существовал издавна, относительно столь же древним является письменный перевод. То же верно для одностороннего и двустороннего переводов, а также для глобально понимаемых тематических разновидностей (общественно-политический, художественный переводы).

Некоторое отклонение от этого принципа наблюдается в случае с машинным переводом, появившимся в середине XX в. и противопоставленным¹ естественному переводу, и с синхронным переводом,

¹ Под противопоставленностью машинного перевода естественному в данном случае подразумевается не антагонизм этих двух видов перевода, а исключительно положение одного и другого в типологической классификации перевода.

появившимся в 1920-х гг. в связи с необходимостью обслуживать международные конференции, симпозиумы и т.п.

Кроме общей типологии перевода можно говорить о типологии каждого конкретного его вида, имеющего свои многочисленные жанры и поджанры. Здесь-то и прослеживается активно развертывающаяся динамика угасания одних подвидов перевода и появления новых. В сущности, появление синхронного перевода должно быть отнесено именно к этому случаю — к внутривидовой динамике развития переводческой деятельности, поскольку это новый подвид устного перевода, которым на некоторых типах международных мероприятий был вытеснен последовательный перевод.

Устный перевод дал также такие «отпочкования», как теле- и радиоперевод, дублирование фильмов. Некоторые типы устного перевода появились на пересечении видовой и тематической классификаций: перевод конференций (организованных с помощью Интернета, спутниковой связи; телемосты), переговоров и судебный перевод. Помимо специфических условий осуществления переводческой деятельности, эти переводы требуют от переводчика углубленного владения обсуждаемой, порой узко специальной проблематикой¹.

Приведем в качестве примера два вида перевода. Один из них, машинный, или автоматический, — относительно новое явление для переводчиков всего мира. Другой — христианский — осуществлялся на протяжении последних двух тысячелетий, но иногда эта традиция прерывалась, как, например, в нашей стране. Возобновление ее после нескольких десятилетий практически полного невнимания сделало его также новым явлением в системе переводческих тематических жанров в нашей стране².

§ 3. Машинный (автоматический) перевод

Машинный перевод³ в типологической классификации перевода противопоставлен переводу естественному (ручному), осуществляемому человеком.

¹ Видами перевода, хотя и не совсем новыми, но относительно недавно вошедшими в поле зрения переводоведения, являются бытовой перевод (в западной терминологии *community interpreting*) и сурдоперевод для глухонемых людей [См.: Комиссаров, 2001; Handbuch Translation].

² Обратим внимание на то, что в разделе о христианском переводе речь идет главным образом о протестантской традиции в русскоязычном переводе. Православные христианские тексты не имеются в виду.

³ Machine translation, mechanical translation. MT, automatic translation (*англ.*).

Практика машинного перевода связана с появлением компьютеров. В 1949 г. спустя пять лет после начала эксплуатации в США первого довольно мощного компьютера математик У. Вивер призвал ученое сообщество использовать ЭВМ для перевода. Собственно автоматический перевод был одной из первых областей, в которых предполагалось применять компьютер. Вначале идея такого перевода была принята на ура. Достижение поставленной цели показалось очень простым. Первые проекты машинного перевода строились на перекодировании текста ИЯ на текст ПЯ без учета грамматики, более поздние и современные, однако, представляли собой уже более сложные системы, построенные с учетом грамматики, семантики и даже экстралингвистической информации.

В машинном переводе используется трансформационный метод (см. гл. 9, § 3). В компьютерную программу закладываются слова и словосочетания ИЯ и ПЯ. Далее осуществляется так называемый пословно-пооборотный перевод. При этом неоднозначность соответствий единиц ИЯ и ПЯ заставила разработчиков программ машинного перевода предусмотреть алгоритм выбора правильного соответствия. Такие алгоритмы основаны на двух принципах: синтаксическом и семантическом. Программа, построенная на синтаксическом алгоритме, находит соответствия ИЯ и ПЯ, исходя из синтаксической роли, которую играет та или иная единица ИЯ в предложении. Это дает машине возможность, например, разделить *run* как существительное от *run* как глагола. Семантический алгоритм позволяет определить, какое из значений многозначных слов реализуется в данном тексте. Оба алгоритма применяются в комплексе. В более сложных программах к ним подключается и алгоритм выбора значений слов и оборотов по экстралингвистической информации. Однако такие трехалгоритмовые программы находятся еще в стадии разработки.

Основой любой программы машинного перевода является автоматический словарь. Некоторые словари снабжены функцией пополнения лексики. Автоматический словарь представляет собой программный модуль, который распознает слова и словосочетания, преобразует встречающиеся в тексте словоформы в словарный вид (*gives* преобразуется в *give*), истолковывает грамматическую информацию (-s понимается либо как показатель 3-го лица единственного числа глагола, либо множественного числа существительного), содержит информацию о соответствиях данного слова / выражения в ПЯ, грамматических, семантических свойствах этих соответствий, формирует семантико-синтаксическое представление входного текста.

Преобразование исходного текста в конечный в специальной литературе называется трансфер. В процессе трансфера анализируется синтаксис и семантика входного текста, уточняется его структура, затем происходит преобразование структуры данного входного предложения в ядерную структуру по правилам машинной грамматики. Наконец, осуществляется синтез синтаксической структуры соответствующего выходного предложения (см. гл. 9, § 3, 4).

В некоторых программах помимо схемы трансфера используется язык-посредник (*interlingua, pivot language*), представляющий собой некий универсальный код, объединяющий грамматическую и семантическую информацию о тексте на любом языке, через который происходит трансформация текста на ИЯ в текст на ПЯ.

После трансфера осуществляется лексический синтез выходного предложения по синтаксическим и семантическим признакам, затем синтезируются нужные словоформы ПЯ (в нужных падежах, лицах, числах, временах и т.п.).

Довольно популярными (в США и других странах) являются системы, базирующиеся на статистических моделях переводных соответствий. Принцип, стоящий за этими моделями, заключается в том, что любое слово одного языка может переводиться любым словом другого, но с разной вероятностью. При этом автомат с помощью параллельных текстов и сравнения оригинала с выполненными человеком переводами определяет вероятностные величины переводных соответствий. Регистрируются и синтаксические вероятностные величины переводных соответствий. В итоге создается словарь наиболее вероятных соответствий. На базе этого словаря и осуществляется автоматический перевод. Если словарь оказывается неполным, обрабатывается новый корпус параллельных текстов.

После первоначальной эйфории в истории машинного перевода было осознано, что перевод связан с объектом чрезвычайной сложности — с естественным языком, что с первоначально поставленной задачей разработки полноценного перевода при помощи машины справиться не так легко. К тому же перевод — это творческая деятельность, и уже хотя бы поэтому он не может быть в полной мере заменен машиной.

В результате начальную эйфорию сменили более уравновешенные взгляды на возможности машинного перевода. Стало ясно, что он, хотя и не заменил собой переводчика-человека, все же может быть ему полезен.

Сфера использования машинного перевода сведена в настоящее время к промышленному переволу. Б. Сигурд (B. Sigurd) называет это

направление переводом для специальных целей и добавляет, что машинный перевод не разрабатывается для перевода художественных текстов, поэзии, Шекспира или Библии [См.: Sigurd. P. 33). Он может помочь в рутинной переводческой работе, когда быстрота выполнения перевода важнее его качества. Например, машинный перевод может оказаться кстати для специалиста в какой-либо области, не владеющего тем или иным иностранным языком, на котором ему нужно прочитать интересующий его текст. Хотя машинный перевод, как правило, оказывается полным грамматических и лексических ошибок, синтаксических неувязок, человек вполне может получить общее представление о содержании текста и о том, насколько этот текст интересен для него. Это поможет ему, например, решить, стоит ли заказывать более качественный перевод или предпринять попытку отредактировать уже полученный. Таким образом, машинный перевод позволяет получить то, что мы условно назвали сигнальным переводом (см. гл. 7, § 3).

Машинный перевод оказался очень интересным проектом с переводоведческой точки зрения, поскольку заставил ученых пристальнее всмотреться в то, как перевод осуществляется человеком.

Обычно в качестве спонсоров проектов по разработке программ машинного перевода выступают такие организации, как Евратом и НАТО в Европе, НАСА и Пентагон в США. Например, в НАСА автоматический перевод на постоянной основе использовался для перевода рабочей документации при осуществлении совместного советско-американского космического проекта «Союз — Аполлон».

В США вообще (особенно во времена «холодной войны») уделялось много внимания переводу с русского языка на английский. Системы SYSTRAN и XONICS, например, были сориентированы на перевод с русского на английский. Кроме того, разрабатывались программы перевода с китайского языка на английский (в Калифорнийском университете в Беркли).

В Канаде с 1976 г. машинный перевод активно используется для перевода прогнозов погоды с английского языка на французский. Система работает со скоростью 1000 слов в минуту. При этом затраты составляют всего лишь треть от затрат на обеспечение естественного перевода того же объема материалов. Каждый день машины переводят до 30 000 слов, работая при этом всего полчаса в день. Успех программы объясняется тем, что в текстах метеорологических сводок используется ограниченная по тематике лексика, а также стандартные синтаксические конструкции. Люди привлекаются к осуществлению перевода лишь тогда, когда машина отвергает какое-либо предложе-

ние как неперебиваемое. Неперебиваемыми предложения оказываются из-за орфографических ошибок, слов, не зафиксированных в машинном словаре, и нарушений английской грамматики.

§ 4. Христианский перевод в постсоветской России

В постсоветский период истории нашего общества в самостоятельный, обладающий специфическими чертами жанр выдвинулся христианский перевод, т.е. перевод всех видов христианских произведений речи (как письменных, так и устных).

Хотя появляются отдельные (в значительной степени фрагментарные) исследования [См.: Шутова; Алексеева, 2000; Тюленев, 2000а; Тюленев, 2001; Дорохова], касающиеся тех или иных аспектов христианского перевода, вопрос о создании общей его типологии по-прежнему стоит остро. Это важно и с теоретической точки зрения (так как без типологии перевода невозможно полноценное научное освещение других важных вопросов переводоведения), и с практической (поскольку типология помогает прояснить, например, требования и критерии верности перевода как продукта деятельности переводчика того или иного типа христианских текстов). Последнее обстоятельство приобретает особую актуальность, поскольку с распространением в нашей стране (главным образом западного, англоязычного) миссионерства, появилось множество переводной христианской литературы. Это и новые переводы Нового Завета, и различного рода книги, брошюры и т.д. и т.п. Если уже сейчас не будут сформулированы критерии оценки этих переводов, создастся серьезная опасность свести критику перевода, которая должна быть научной и объективной, к вкусовым оценкам [См.: Алексеева, 2000а. С. 3—4], определяющимся чаще всего предпочтением данным критиком той или иной конфессии.

Христианский перевод прежде всего должен быть рассмотрен в контексте других видов перевода. Анализируя его «внешние» связи, обнаруживаем следующие две особенности.

Во-первых, он может быть объединен с другими «духовно» ориентированными видами переводов и образовать с ними группу религиозного перевода. Основанием для такого сближения переводов в сфере несовместимых по идеологическим причинам религий является тот факт, что все они имеют дело с особым рода языком — языком религиозным (конечно, в первую очередь имеются в виду языки народов, исповедующих мировые религии) [См.: Мсчковская]. Та-

ким образом, соотношение религиозного перевода и перевода христианского — это соотношение общего и частного.

Во-вторых, христианский перевод можно изучать, опираясь на то, что уже известно об общественно-политическом, художественном, научно-техническом и других видах перевода. Понятно, что приемы (в широком смысле этого слова), к которым прибегают переводчики, работающие с религиозными текстами, в основе своей совпадают с общепереводческими приемами и лишь применяются к другому материалу.

Если рассмотреть внутреннюю стратификацию христианского перевода, то легко обнаружить в нем два больших раздела. Первый — это перевод Библии, Священного Писания христианской религии. Второй — перевод всех других видов произведений речи христианской тематики, т.е. христианский перевод в узком смысле этого слова. Если принципы перевода Библии — это сфера достаточно хорошо изученная и полно описанная (одним из авторитетов в этой области является выдающийся американский переводовед Ю. Найда, автор целого ряда работ, в которых он развивал свои переводоведческие идеи на примере библейского перевода), то христианский перевод в узком смысле изучен гораздо меньше, и в настоящее время можно говорить только о начале научных исследований в этом направлении.

Таким образом даже беглый анализ взаимоотношений христианского перевода с другими видами перевода позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, христианский перевод включается на правах частного случая в более широкую группу типов перевода, которую условно назовем «религиозным переводом». Во-вторых, через посредство этой группы (т.е. являясь уже ее представителем, ее частью) он вступает во взаимодействие с другими, не-религиозными видами перевода. Это взаимодействие, как показывает опыт, плодотворное: с одной стороны, христианский перевод и в теоретическом, и в практическом смысле обогащается тем, что изучено, достигнуто и применяется в других видах перевода; с другой — он сам вносит существенный вклад в теорию и практику перевода вообще. Достаточно вспомнить теорию динамической эквивалентности, сформулированную Найдой на основе библейского перевода. Или, если обратиться к прессе, все чаще можно встретить тексты с элементами христианской тематики, принципы перевода которых изучаются прежде всего в рамках христианского перевода. Еще один пример взаимодействия христианского и «светского» переводов дает сфера искусствоведения, где незнание переводчиком Библии можно уверенно приравнять к его профессиональной непригодности. В-треть-

их, сам термин «христианский» может употребляться в широком и узком смыслах в зависимости от того, что имеется в виду: христианский перевод вообще или в отличие от библейского (вместе складывающиеся в «общехристианский» перевод).

Далее, должна быть проанализирована внутренняя структура бытования данного вида перевода. Другими словами, следует рассматривать перевод в зависимости от формы речи (устный/ письменный перевод). Понятно, что устный перевод произнесенной проповеди будет отличаться по ряду параметров от письменного перевода проповеди записанной. Форма существования того или иного христианского произведения речи будет диктовать его оформление при переводе. Например, во многом предопределяет возможность или невозможность введения в перевод элемента комментария, часто крайне необходимого для адекватного восприятия оригинала в условиях конфессиональных и общекультурных различий.

Кроме того, можно себе представить хотя и менее распространенные, но возможные переходные виды перевода: устно-письменный, письменно-устный, которые также осуществляются в специфических условиях и потому влияют на результат работы переводчика. Например, в рамках соотношения особенностей влияния устной и письменной речи на работу переводчика можно рассматривать принципы письменного перевода изначально устных текстов. В какой роли выступает в таких случаях переводчик: только переводчика или редактора тоже?

Важное место при анализе иерархии разновидностей христианского перевода занимает изучение системы свойственных ему жанров — с одной стороны, для оптимизации практической переводческой деятельности (определения репертуара конкретных приемов перевода), а с ЯруГой — для выработки критериев критики перевода как конечного продукта деятельности переводчика.

Говоря о спектре жанровых разновидностей христианского перевода, мы имеем в виду характер переводимого материала, а классифицировать последний с этой точки зрения можно по-разному. Укажем некоторые из возможных вариантов.

Мы воспользуемся уже существующими в филологии таксономическими системами. Одна из них — это система функций языка. Как известно, существует несколько таких систем. Обратимся к наиболее полной из них — к классификации функций языка, предложенной Р. Якобсоном [См.: Jakobson, 1960), который выдвинул шестикомпонентную систему со следующими функциями языка: референциальной, эмотивной, конативной, фатической, металингвистической и

поэтической. Если применить эту классификацию к типам христианского перевода с точки зрения характера переводимого материала, получим такую картину:

- *референциальная функция* реализуется в переводе таких жанров, как беседа, сообщение, проповедь; среди библейских книг и, соответственно, их переводов, реализующих эту функцию, назовем, например, Книгу Бытия, повествующую о начале, исторические книги — Книги Царств, 1-ю и 2-ю Книги Паралипоменон, Книги Эздры, Неемии, Эсфирь (из Ветхого Завета); Евангелия, Книгу деяний апостолов и Книгу Откровения (из Нового Завета);
- *эмотивная функция* реализуется в переводе христианской мемуарной, художественной прозы и поэзии, в том числе Книги псалмов, Экклезиаста, Книги Иова, многочисленных христианских гимнов;
- *конативная функция* реализуется прежде всего в переводе молитв, призывов действовать так или иначе, обращенных как к верующим, так и к неверующим;
- *фатическая функция* не может быть проиллюстрирована переводом какого-то особого самостоятельного жанра, однако в христианских текстах часто встречаются фрагменты и их переводы, построенные на функции установления контакта со слушателем, собеседником;
- *металингвистическая функция* реализуется в переводе различного рода поясняющих христианскую терминологию трактатов и публикаций (например, учебников по систематическому богословию);
- *поэтическая функция*, конечно, проявляется в переводе христианской поэзии и беллетризированной прозы.

Следует подчеркнуть, что, как справедливо указывает Яacobсон, вряд ли можно найти произведение речи (в частности, перевод), в котором бы реализовывалась только одна из указанных функций. Так, известная «Исповедь» Блаженного Августина — это рассказ о его пути к Богу (референция); это многообразное выражение его отношения к предмету речи (эмотивная функция); это эксплицитное или имплицитное обращение к читателю, предполагаемое уже жанром своеобразной исповеди-проповеди, одновременно и установление контакта с ним, и воздействие на него (фатическая и конативная функции, проявляющиеся также в прямых обращениях к Богу). В книге Августин предпринимает попытки уяснить для себя некоторые категории (например, что такое время) и объяснить свое пони-

мание их читателю (металингвистическая функция). При этом определенная ориентация на формальную сторону сообщения позволяет говорить о реализации Августином также поэтической функции. Естественно, все это находит отражение в существующих переводах «Исповеди».

По поводу реализации поэтической функции нужно заметить следующее. В абсолютном большинстве случаев в христианских произведениях речи средоточие на способе вербализации сообщения хотя и встречается весьма часто, никогда не носит самодовлеющего характера (как, например, в поэзии формалистически ориентированных поэтов и прозаиков). Содержание здесь всегда превалирует, что, понятно, нельзя не учитывать при переводе соответствующих христианских произведений.

Еще одна жанровая классификация христианского перевода возможна с точки зрения функциональных стилей, разновидностей литературного языка, выполняющих ту или иную функцию в общении. Так, разговорно-бытовой стиль проявляется при переводе христианских неформальных общений-бесед. Близость к научному функциональному стилю обнаруживают переводы богословских трактатов с обилием терминов и греко-латинских вкраплений, особой организацией языка изложения и т.д. Официально-деловой стиль в той или иной мере реализуется в переводах проповедей с их риторической выстроенностью и «официальностью». Публицистический стиль можно встретить в переводах полемических христианских эссе, раннехристианских апологий. Наконец, сфера художественного стиля — это сфера перевода христианской прозы и поэзии.

Если пойти по достаточно традиционному пути разделения всех видов и жанров перевода на художественные и нехудожественные, то к нехудожественным жанрам христианского перевода отнесем (по степени приближения к художественному христианскому переводу) перевод неформальной беседы, сообщения-проповеди, доктринального трактата. Далее переходим к художественным видам перевода: перевод христианской прозы (*посланий; эссе* типа переводов эссе К. Честертона, К. Льюиса; *крупных художественных форм* — типа книги Дж. Беньяна «Путешествие Пилигрима» и т.п.), перевод поэтических и музыкально-поэтических произведений (например, поэзии Дж. Донна и его последователей, поэтов-метафизиков, а также поэзии Дж. М. Хопкинса, гимнов и т.п.). Между прочим, заметим, необходимость в переводе христиански ориентированной художественной литературы на русский язык, в частности, с английского языка до сих пор остается очень большой, поскольку

вследствие разногласий между православием и протестантизмом до революции и из-за атеистической пропаганды в советский период такая принципиально христианская литература, как английская, особенно времен Реформации, сводилась у нас исключительно к светско-любовной части, в основном и попадавшей в хрестоматии и переводные сборники. Так, мимо советского читателя прошли многие произведения Донна, поэтов-метафизиков, Хопкинса и др., а классический роман Беньяна «Путешествие Пилигрима» до сих пор еще не известен широкому российскому читателю. Естественно, исправить это положение призваны в первую очередь «почтовые лошади просвещения» — переводчики.

В типологической классификации христианского перевода следует особо сказать о кино-, видео-, теле- и радиопереводе. Эти виды перевода образуют одну группу с переводом непосредственного христианского общения (т.е. общения в прямом контакте с аудиторией) и переводом письменным. Различать эти виды перевода следует исходя из того, что служит каналом коммуникации.

Характеризуя отдельные жанры христианского перевода, различающиеся каналом коммуникации, следует заметить, что их гужно рассматривать в рамках вышеизложенных классификаций на основе реализации в переводе определенных функций языка или принадлежности перевода к тому или иному функциональному стилю. Например, перевод христианского художественного фильма будет реализацией, скажем, поэтической, референциальной и эмотивной функций, а перевод телепроповеди — проявлением конативной, фатической, референциальной и металингвистической функций. Соответственно будут избираться те или иные переводческие приемы.

Типологический анализ христианского перевода, как и любого другого вида перевода, включает в себя анализ коммуникативно-прагматических его аспектов. При этом надо учитывать следующее обстоятельство. Дело в том, что к универсальным переводоведческим проблемам добавляются специфические проблемы данного типа человеческого общения — общности/ различия конфессиональных традиций. Эти проблемы оказывают непосредственное влияние на способы решения тех или иных переводческих задач. Если предшествующие аспекты отражали особенности христианского «сообщения», то в данном аспекте должны приниматься во внимание особенности отправителя этого сообщения (например, конфессиональная принадлежность проповедника, миссионера и т.д.), а также его получателя (аудитория, к которой тот или другой обращаются). Обращение молодого пастора к молодежной аудитории, понятно, нельзя пе-

реводить так же, как обращение проповедника с кафедры в англиканском соборе.

Вопросы и задания

1. Какова роль типологии перевода для решения практических и теоретических задач изучения перевода?
2. Покажите на примерах, каким образом проявляется динамика в истории развития переводческой деятельности.

Использование перевода в других научных направлениях

Есть и другие, кто кое-что знает.

Север Себокт (VII в.)

Уже говорилось о тесном взаимодействии переводоведения со смежными научными дисциплинами (см. гл. 4). Наука о переводе пользуется достижениями других наук для того, чтобы лучше понять те или иные аспекты переводческой деятельности. Но, естественно, обогащаясь за счет других наук, переводоведение в свою очередь немало дает и им.

Перевод всегда играл важную роль в различных научных изысканиях гуманитарного цикла. Далее мы приведем несколько примеров его взаимодействия с некоторыми такими научными направлениями.

§ 1. Перевод в лингвопоэтике

Среди многообразных и многоаспектных взаимовлияний переводоведения и различных областей филологии особо отметим сферу взаимоотношений переводоведения и лингвопоэтики.

Перевод можно рассматривать как своего рода крупномасштабный эксперимент, заключающийся в сопоставлении языковых и речевых явлений в нескольких языках. Причем сопоставление происходит в условиях реального межъязыкового общения. В процессе подобного рода взаимодействия во всех сопоставляемых языках обнаруживаются такие их особенности, которые остаются (или могут остаться) не выявленными при изучении каждого из языков по отдельности [С.м.: Комиссаров, 1999а. С. 4).

Итак, сопоставление (или сравнение) явлений разных языков может быть с полным правом названо универсальным лингвистическим приемом. Оно помогает лучше уяснить то, что в силу тех или иных

причин трудно заметить, рассматривая интересующее нас явление само по себе, вне сопоставления его с другими явлениями. Сопоставление с использованием перевода оказывается полезным в стилистике, лингвопоэтике. Перевод помогает решить проблему принципиальной *асистемности* словесно-художественного произведения, проблему слабой включенности данного произведения в систему с другими самостоятельными произведениями словесно-художественного творчества, что проявляется прежде всего в уникальности каждого конкретного произведения литературы, вследствие чего данный художественный текст трудно сопоставить с каким-либо другим текстом — сравнимыми оказываются лишь отдельные черты. Перевод как раз и становится тем фоном, на котором оказываются более заметными особенности оригинала. Можно сказать также, что если сопоставление с оригиналом проводится лицом, владеющим как языком оригинала, так и языком перевода, то последний выступает фактически в роли своеобразного комментария к оригиналу, что опять-таки способствует лучшему его пониманию, помогает по-новому, с непривычной точки зрения его оценить.

Л.Н. Толстой писал, что все совершенство пушкинской драматической поэмы «Цыганы» раскрылось ему, лишь когда он прочитал ее в переводе на французский язык. Именно сопоставление оригинала и перевода открыло ему не замеченные им до того эстетические богатства ставшего слишком привычным русского текста. Перевод оказался своеобразным зеркалом, в котором Толстой увидел черты оригинала, каких до этого не мог заметить.

И.В. Гёте писал Ж. де Нервалю, переводчику «Фауста» на французский: «Я еще никогда так хорошо не понимал самого себя, как при чтении вашего перевода... в этом французском переводе все опять производит на меня впечатление и кажется свежим, новым и острым». А свою поэму «Герман и Доротея» Гете особенно любил в латинском переводе, потому что так она представлялась ему благороднее.

Писатель и переводчик Л.В. Гинзбург говорил, что знающие русский язык англичане увидели по-новому и полюбили Бернса в переводах С.Я. Маршака.

Такое возможно потому, что перевод отличается от оригинала минимумом признаков (по сравнению с другими самостоятельными произведениями, сколь близкими к данному они ни казались бы); при этом практически все отличия перевода от оригинала можно считать значимыми в том смысле, что отсутствие в переводе ка-

кой-либо характеристики оригинала указывает на необходимость изучения важности этой характеристики для стиля последнего. Если в оригинале данная характеристика несет на себе значительную художественно-смысловую нагрузку, можно говорить об обнаружении стилиобразующей характеристики данного произведения, а при увеличении объема анализируемых произведений конкретного писателя и подтверждении полученного результата — и о стилиобразующей характеристике в целом творческой манеры письма данного автора.

Таковы в самых общих чертах возможности использования перевода (переводов) в сопоставлении его (их) с оригиналом в процессе стилистического анализа последнего. Приведем пример сопоставления оригинала и переводов. Последовательность действий при этом была такой: сначала сопоставлялись переводы и оригинал, обнаруженные различия между ними заставляли искать объяснение причин различий, что вело вглубь изучаемого оригинала. Без перевода мы, скорее всего, прошли бы мимо обнаруженных культурологически обусловленных и с этой точки зрения интересных явлений — концептов.

Одна из проблем восприятия творчества Пушкина читателем (не только иноязычным, но и русским) — это исключительное богатство концептосферы пушкинского языка. Термин «концептосфера» принадлежит акад. Д.С. Лихачеву. Комментируя ощущение А. Ахматовой от «Евгения Онегина», выраженное в следующих строчках:

И было сердцу ничего не надо.
Когда пила я этот жгучий зной.
«Онегина» воздушная громада.
Как облако, стояла надо мной, —

Он говорит, что поэтесса тонко почувствовала и выразила очень важную мысль. Дело в том, что роман Пушкина в стихах, равно как и другие его произведения, заключает в себе огромное богатство концептов русского языка. Концепты же являются своеобразными культурными феноменами, отраженными в языке. Таким образом, национальный язык есть не только средство общения, но и потенциальный «заместитель» культуры и показатель ее богатства; национальный язык выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества и даже в отдельной личности, выражающей культурно-языковой потенциал нации.

Вот почему переводить такого писателя, как Пушкин, чьи произведения являются своеобразными концептосферами («воздушными громадами»), оказывается довольно сложной задачей. Во-первых, концептов в пушкинском языке чрезвычайно много. Во-вторых, как вслед за Ахматовой утверждает Лихачев, восприятие концептосферы, представленной в произведениях Пушкина, существенно затрудняется ее «облачностью», реализованностью не до конца. Для примера разберем переводы на английский язык его повести «Станционный смотритель» из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Сравнительному анализу были подвержены словосочетания типа «прилагательное + существительное», в первую очередь с точки зрения выполнения ими квалификативной функции, в оригинале и переводах¹. Проанализировать язык одной из повестей данного цикла представляется необычайно интересным, поскольку здесь перед нами предстает уже сформировавшийся прозаический стиль Пушкина и еще потому, что соотношение голоса автора и голосов героев в этих повестях очень сложное и неоднозначное [Виноградов, 1941. С. 532 sq.].

Под квалификативными понимаются такие словосочетания (в данном случае типа Adj + N), которые выражают авторскую оценку какого-либо героя произведения, события и т.п. Кваликативные словосочетания принадлежат к числу наиболее естественных способов выражения отношения автора к явлениям окружающего мира, которые он воспроизводит в своих произведениях. При этом они оказываются вовлеченными в выражение оценки тех или иных концептов различными героями повествования.

Прежде всего следует учитывать, что во всех повестях цикла ощущается присутствие собирателя историй — Белкина — и, конечно, их рассказчиков. Нельзя забывать и об издателе, «спрятавшемся» глубже всех, но, тем не менее, все же присутствующем и даже тонко комментирующем многое из представленного на суд читателя. Таким обра-

¹ При сравнительном анализе повести были использованы следующие переводы: 1. Alexander S. Pushkin. *The Queen of Spades and The Postmaster* / Ed. by E. Haldeman-Julius. Girard, Kansas. N. d.; 2. *The Queen of Spades and Other Stories* by Alexander Sergeievitch Pushkin. Translated from Russian by Mrs Sutherland Edwards. Lnd., 1892; 3. *The Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin*. The Modern Library. Translated by T. Keane. N.Y., 1943; 4. Alexander Pushkin. *Complete Prose Fiction*. Translated by Paul Debreczeny. Stanford University Press, 1983; 5. Alexander Pushkin. *The Queen of Spades and Other Stories*. A new translation by Alan Myers. OUP, 1997; 6. A Pushkin. *Selected Warks*. Prose. 4)1. U. Translated by Ivy and Tatiana Litvinov. M., 1990. Далее переводы цитируются по указанным номерам.

зом, читатель сталкивается с «хором» голосов различной степени вычлененности: это голоса издателя А.П., Белкина, конкретного рассказчика данной повести (в «Станционном смотрителе» это титулярный советник А.Г.Н.), а также голоса непосредственных участников описываемых событий. При этом голоса как бы накладываются один на другой, что, естественно, нельзя не учитывать при анализе квалификативности атрибутивных словосочетаний.

Некоторые атрибутивные словосочетания в повести «Станционный смотритель» можно сравнить с палимпсестом, каждый из слоев которого несет свою информацию. Рассмотрим следующие словосочетания: *прекрасная баллада Дмитриева, усердный Терентьич, о бедной Дуне, серенькие тучи, с любезными читателями*. Все они заключают в себе сразу несколько точек зрения, голоса сразу нескольких героев и рассказчиков. Например, о балладе «Карикатура» И.И. Дмитриева определение *прекрасная* в словосочетании *прекрасная баллада Дмитриева* могут употребить рассказчик, титулярный советник-А.Г.Н. и Белкин, которые при всем свойственном им остроумии вряд ли отличаются той высокой степенью развитости литературного вкуса, которая, несомненно, присуща издателю (т.е. самому Пушкину — А.П.). В одном из своих писем к Вяземскому (март 1824 г.) Пушкин писал: «Грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь чорт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова».

Таким образом, Пушкин вряд ли оценил бы балладу Дмитриева как *прекрасную*. Скорее всего, здесь посредством одного словосочетания Пушкин мастерски сводит сразу два взгляда на один и тот же предмет, вовлекая нас в своеобразную литературную полемику, квалифицируя данный культурно-исторический концепт с позиций разных «участников дискуссии», но последнее слово оставляя все же за нами.

Что может сделать в данном случае переводчик? Все проанализированные переводы абсолютно единодушны в способе передачи словосочетания на английский язык: *Dmitriev's beautiful ballad*, не считая разногласий в транслитерации фамилии «Дмитриев». При этом перевод бессилен передать литературно-исторический концепт, приобщить читателя к пушкинской концептосфере. Даже если дать комментарий к соответствующему словосочетанию, задача не будет решена. В расчете на внимательного, понимающего и тонкого читателя Пушкин вмещает намек на целый литературный спор в одно (!)

словосочетание. Комментатор вынужден был бы разворачивать все это в длинное объяснение.

То же верно и в отношении атрибутивного словосочетания *усердный Терентьт*, собственно одного из героев баллады Дмитриева. Данное словосочетание может быть рассмотрено как сочувственное, вполне искреннее сравнение Самсона Вырина со слезливым стариком Терентьичем, и в то же время за ним явственно проступает ирония издателя:

Таков был рассказ приятеля моего, старого зрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые *живописно* (курсив мой. — С. 7!) отирал он свою полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева.

Но и этим дело не ограничивается. Сюжет «Станционного зрителя» вступает в аллюзивные отношения с сюжетом «Карикатуры». В последней герой, «бывший вахмистр Шешминского полку», возвращается домой, где от слуги Терентьича узнает, что лишился своей жены Груняши, которую «попутал грех лукавый»: «она держала пристань недобрым молодцам», за что и была осуждена и, по-видимому, сослана. Недолго думая, «бывший вахмистр» находит себе новую жену. И у Дмитриева, и у Пушкина герой теряет близкого ему человека. У Дмитриева плачет только Терентьич, вахмистр же находит себе новую жену. У Пушкина ситуация сложнее, эмоционально насыщеннее: Вырин потерял Дуню, Вырин же и плачет; при этом жизнь Вырина без Дуни действительно потеряла всякий смысл; Вырин постарел в одночасье. Если в балладе Дмитриева сюжет подан однозначно комически, то у Пушкина он достаточно серьезен и в какой-то степени даже трагичен, хотя при этом Пушкин всячески избегает «сентиментальничанья». У Дмитриева Терентьич плачет действительно живописно:

«Охти, охти, боярин! —
 Ответствовал старик, —
 Охти!» — и, скорчась, слезы
 Утер своей полкой.

У Пушкина плач Вырина хоть и вызывает иронию (плачет он, разгоряченный пуншем!), но в то же время будит в рассказчике и искреннюю жалость по отношению к брошенному ветреной дочерью старику:

Таков был рассказ приятеля моего, старого зрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентич в прекрасной балладе Дмитриева. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули мое сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого зрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Так, одно аллюзивное словосочетание оказывается довольно сложным конгломератом чувств и отношений к происходящему.

Переводы опять-таки, с одной стороны, кажутся верными и единственно возможными вариантами передачи словосочетания оригинала; с другой — лишены (в силу своей принадлежности иной концептосфере) того напряжения, которое можно почувствовать при внимательном рассмотрении русского словосочетания: (1) *the zealous Terentich*; (2) *the faithful Terentieff*, (3) *the zealous Terentyich*; (4) *the zealous Terentich*; (5) *the loyal Terentich*; 6) *zealous Terentyich*. Перевод (2) явно указывает на отсутствие понимания концепта даже у самой переводчицы.

Словосочетание *о бедной Дуне*, пожалуй, еще более интересно. Перевести это словосочетание, при всей его кажущейся простоте, оказывается делом нелегким. Причина в том, что его тоже можно рассматривать на разных уровнях, в результате чего оно будет обретать различные коннотации: на уровне рассказчика, где опять-таки это выражение сочувствия старому отцу, потерявшему любимую и единственную дочь, его «заблудшую овечку»; на уровне Белкина, который, как нетрудно предположить, в своих литературно-графоманских претензиях подражает «Бедной Лизе» Карамзина, изображению главной героини повести, несчастной игрушки в руках жестокой судьбы¹, и, что кажется вполне возможным, играл роль самого Карамзина (хотя бы и перед собой самим только, никем так и не понятый — см. краткую историю его жизни во вступлении к «Повестям...»); и на самом глубинном уровне, уровне издателя, где тоже есть намек на печальную историю, рассказанную Карамзиным, но намек, содержащий отчасти иронию, отчасти серьезные литературно-полемические, отчасти по-человечески горестные размышления.

¹ Как и у Карамзина, рассказ у Белкина ведется от первого лица. Местами Белкин не менее сентиментален, чем Карамзин, хотя ирония (которую, видимо, следует приписать все-таки издателю) приглушает эту сентиментальность. Даже ритмически это словосочетание (*бедная Дуня* — дактилическая стопа + хорейческая) ориентировано на словосочетание *бедная Лиза*.

Пародийность, заключенная в этом словосочетании, проявляется в том, что бедная Дуня вовсе не такая уж и бедная (ее счастливую семейную жизнь мы видим, правда, лишь «краешком глаза», в самом конце повести). Серьезные раздумья, на которые наводит нас мысль о «бедной Дуне», — это прежде всего раздумья, вызванные незатейливым рассказом мальчугана в конце повести о раскаянии Дуни на могиле отца, в них Пушкин еще раз поднимает немаловажную для него тему раскаяния¹.

Переводчики в передаче этого словосочетания единодушны: *poor Dounia/ Dunya/ Dunia*. Только перевод (6) дает вариант *the unfortunate Dunya*. Насколько эти переводы верны с точки зрения переводческой техники, настолько беспомощны с точки зрения передачи концептосферы, стоящей за словосочетанием *бедная Дуня* в оригинале.

Словосочетание *серенькие тучи* интересно тем, что, во-первых, в его состав входит прилагательное с уменьшительным суффиксом, естественно усложняющим перевод его на английский язык, и, во-вторых, это словосочетание также можно рассматривать на разных уровнях и потому по-разному интерпретировать в зависимости от того, с какой точки зрения его анализировать. Интересно также, что от того, как мы истолкуем стилистическую окраску этого уменьшительного суффикса, зависит наше понимание всей пейзажной зарисовки, в которую включается данное словосочетание.

Эпитет *серенькие* Пушкин употребил и в «Отрывках из путешествия Онегина»:

Иные нужны мне картины:
 Люблю песчаный косогор.
 Перед избушкой две рябины,
 Калитку, сломанный забор.
 На небе серенькие тучи.

Однако вопрос интерпретации его употребления здесь (сообщает ли он особое, теплое чувство нарисованной картине, легкую ли иронию, или то и другое одновременно) тоже остается открытым. Понять значительность степени амбивалентности пушкинского употребления эпитета *серенькие* еще легче, если сравнить его с практически лишенным всякой амбивалентности (в силу уже самого жа-

¹ Мотив раскаяния находим у него, например, в стихотворении «Воспоминание» (1830); раскаиваются Лизавета Ивановна и Германн в «Пиковой даме»; в рассматриваемой повести мы тоже видим раскаивающихся Дуню и Минского.

пра мемуаров) употреблением того же эпитета Буниным в «Нобелевских днях»:

Девятого ноября 1933 года, старый добрый Прованс, старый добрый Грасс, где я почти безвыездно провел целых десять лет жизни, тихий, теплый *серенький* (курсив мой. — *СТ.*) день...

Четыре из шести рассматриваемых переводов повести передают словосочетание, отбрасывая всякие попытки воспроизвести его форму: (1, 2, 3, 6) *grey clouds*. Переводы (4) и (5) дают вариант прилагательного *greyish*, которое однако, в английском языке обозначает слабую интенсивность окраски (*somewhat grey*), это соответствует русскому *сероватый*. В оригинале же смысл не такой. Определить границы этого смысла не так-то легко, потому что слово это употреблено принципиально амбивалентно — «облачно»: оно может означать и теплое чувство говорящего, и его едва уловимую иронию, а скорее всего, и то и другое.

Еще одно квалификативное атрибутивное словосочетание, в котором ясно различим намек на одного из самых популярных в начале XIX в. в России писателей, Карамзина, — это словосочетание с *любезными читателями*. И снова оно охватывает по крайней мере два уровня: уровень любителя, Белкина, и уровень легкой иронии со стороны издателя. В самом деле, как наивно заимствованный из писательской манеры Карамзина литературный прием обращения к читателю, это словосочетание открывает нам больше о литературных амбициях Белкина, характеризуя его таким образом как определенного рода личность. Если же взглянуть на это словосочетание с другой точки зрения, оно приобретает слегка ироничную коннотацию и таким образом выявляет оценку литературных устремлений Белкина, данную издателем. «Собственно, с Карамзина, всегда учитывающего интересы читателя, адресующегося к нему и подчеркивающего конкретность и актуальность этой связи, и начинается ставшее позже традиционным приемом обращение к читателю: Любезный читатель!..» [Топоров. С. 88]. Именно на традиционности этого приема и играет Пушкин.

В переводе перед нами разные варианты: (1, 3, 4) *my amiable readers*; (2) *my dear readers*; (5) *my gentle readers*; (6) *my indulgent readers*. Однако все они решают проблему перевода буквы, но не мысли, их породившей. Вопрос здесь в том, следует ли переводчику искать в языке перевода аналогичный литературный прием, хотя бы отчасти сохраняя литературно-исторический концепт.

Так, практически во всех рассмотренных словосочетаниях оригинала уживаются взаимоисключающие подчас значения. Пушкин

очень искусно использует одно из наиболее недвусмысленных средств квалификации (атрибутивные словосочетания), парадоксальным образом открытой квалификации как раз и избегая.

Известно, что пушкинская проза принципиально ориентирована на расподобление с поэзией, отсюда ее заметная скупость на яркие адъективные комплексы. В ней преобладают словосочетания с высокой степенью клишированное™, которые, казалось бы, нетрудно перевести на английский язык. Однако на самом деле простота этих словосочетаний лишь кажущаяся: нередко английский переводчик анализируемой повести сталкивается с проблемами культурологического порядка, поскольку эта словосочетания зачастую окружены аурой различного рода социальных и литературных аллюзий и ассоциаций. В таких случаях на уровне чисто переводческой техники вряд ли можно найти какое-то решение. Требуется некий комментарий историко-литературного характера. Хотя план содержания отражен более или менее удовлетворительно, стилистическая виртуозность владения Пушкиным русским языком во всех проанализированных примерах теряется.

§ 2. Перевод в библейской текстологии

Перевод литературного произведения обычно оценивается с точки зрения его буквальности или свободы в передаче оригинала, верности/неверности оригиналу, красоты или ее отсутствия в переводе и т.д. и т.п. Но он может рассматриваться и как средство изучения оригинала, что было показано на примере анализа одного аспекта прозаического стиля Пушкина. Такой же подход к переводу принят, например, в библейской текстологии. Принципы использования перевода с целью изучения оригинала развиваются библейской текстологией уже в течение более двух тысяч лет.

Текстология — это особая отрасль филологии, которая занимается изучением произведений письменности, литературы и фольклора с тем, чтобы критически проверить, установить и организовать их тексты для дальнейшего исследования и публикации. Соответственно, библейская текстология занимается реконструкцией текста Библии.

Среди других отраслей библеистики текстологические исследования стоят особняком. Ученые, исследующие Библию с целью решения тех или иных текстологических проблем, с ней связанных, устанавливают авторство входящих в Библию книг, историю их создания и т.д. Библейская текстология, несомненно, — наиболее развитый из других видов текстологии.

Главными источниками, на которые опирается библейская текстология, являются: 1) сохранившиеся манускрипты; 2) патристика и цитаты из других преимущественно христианских авторов; 3) ранние переводы (версии) оригиналов как Ветхого, так и Нового Завета на другие языки.

Практически все текстологические исследования в настоящее время в значительной мере используют переводы. Однако цель их не в том, чтобы оценить сами переводы, а чтобы с их помощью восстановить оригинал.

Об огромной и все более и более возрастающей важности ранних переводов в деле реконструкции оригинального текста, например. Нового Завета известный ученый-филолог, специалист по новозаветной текстологии Б.М. Метцер писал следующее: «Большинство современных текстологов признает огромную важность переводов для восстановления первоначальной формы древнегреческого текста Нового Завета. <...> ...В настоящее время переводы, которые ученые-текстологи в прошлом либо ругали, либо игнорировали, начинают получать то внимание, которого заслуживают» [Metzger. P. 25—26]. Той же точки зрения на роль ранних версий библейских текстов на других языках придерживается и другой библеист-текстолог А. Вигрен [Wikgren. P. 96.].

По словам Дж. Гринли (J.H. Greenlee), в новозаветной текстологии важность той или иной версии перевода Нового Завета заключается в том, что она выступает свидетельством древнегреческого текста оригинала. При этом внимательнейшим образом должна быть изучена «природа» перевода, чтобы определить типологическую близость его языка к языку оригинала, тип переводческих неудач в передаче оригинала и т.д. — все то, что дает возможность сконцентрироваться на особенностях перевода, которые помогают выделить те или иные интересующие исследователя свойства оригинала. При этом в библейской текстологии есть стройная система критериев, позволяющих определять различия оригинала и переводов, которые не способствуют изучению первого и потому должны быть исключены из критического аппарата.

Вигрен исключает из аппарата различий, которым снабжаются критические издания Нового Завета на древнегреческом языке, случаи: 1) когда виновниками различных вариантов чтения того или иного места оригинала явно стали переписчики манускриптов; 2) когда причина появления вариантов типична для двуязычных манускриптов, в которых один из языков оказывает влияние на другой.

Библейская текстология располагает, без преувеличения, огромным корпусом вариантов оригинала. Есть много ранних версий ветхозаветного текста: древнегреческие манускрипты Септуагинты; манускрипты сирийской Пешитты и латинской Вульгаты. Все эти версии оригинального библейского текста ценны тем, что создавались непосредственно на основе древнееврейского текста Ветхого Завета. Базой для новозаветной текстологии служат древние переводы на сирийский, коптский, латинский, армянский, грузинский, эфиопский и другие языки. Как видим, библейская текстология преимущественно многоязычна: она опирается на переводы Библии, выполненные в древности на целый ряд языков. Что касается Библии и ее текстологических исследований, есть особые компиляции различных версий оригинала, так называемые полиглоты, которые позволяют ученым сопоставить сохранившиеся свидетельства оригинала Писания и его переводы, главным образом созданные в течение первой тысячи лет передачи оригинала (см. гл. 3, § 2).

Итак, в библейской текстологии древние переводы Писания на другие языки являются важным инструментом при реконструкции первоначального текста Библии. За многовековую историю были разработаны довольно надежные критерии определения тех вариантов переводных текстов, которые могут и должны учитываться при воссоздании оригинала, и тех, которые не являются релевантными для реконструкции, поскольку содержат помехи, возникшие при передаче текста (ср. гл. 6).

Конечно, здесь невозможно было раскрыть все типы использования перевода в других, смежных с ним научных направлениях. Мы ограничились только двумя. Их можно было привести гораздо больше и не только из наук гуманитарного цикла. Так, изучение деятельности переводчика много дает ученым-психологам, культурологам и антропологам, специалистам по электронике, которые разрабатывают новые программы машинного перевода, и т.д.

Вопросы

1. Какую роль играет перевод в лингвопоэтических исследованиях?
2. Чем полезен перевод в библейской текстологии?

Вспомогательные средства в работе переводчика

The true university of these days
is a collection of books.

T. *Carlyle*¹

§ 1. Словари

В отношении роли словарей в работе переводчика существует несколько заблуждений.

Во-первых, вопреки распространенному мнению, словари — это не единственное вспомогательное орудие в руках переводчика, хотя, пожалуй, одно из самых надежных и необходимых.

Во-вторых, словари могут быть использованы отнюдь не при любом переводе. Например, для устного переводчика словарь представляет собой лишь подсобное средство. С помощью словаря он может подготовиться к своей работе или уже после работы проверить те или иные слова (или отдельные значения уже известных ему слов), которых он не знал или в которых до конца не уверен, но они встретились ему в процессе перевода и он их перевел интуитивно, исходя из контекста.

Надо сказать, что и в письменном переводе, особенно в условиях дефицита времени, словарь используется только тогда, когда без него не обойтись. Другими словами, нельзя думать, что достаточно знать основы языка, иметь словарь (двуязычный) и этого вполне достаточно, чтобы быть переводчиком.

В-третьих, репутация двуязычных словарей как самых полезных для переводчика, как панацеи от любых переводческих проблем не выдерживает критики, если мы посмотрим на реальный переводчес-

кий процесс. Они скорее более полезны в обучении иностранным языкам.

В-четвертых, функция двуязычных словарей в работе переводчика состоит не в том, чтобы дать готовый вариант перевода того или иного слова или выражения. Как раз наоборот, обращение к словарю в поисках неизвестного слова или его значения — только начальный шаг. Опять-таки, вопреки широко распространенному заблуждению, эквивалент или эквиваленты того или иного слова, приведенные в соответствующей статье двуязычного словаря, не так часто, как принято считать, оказываются пригодными для перенесения в текст перевода.

Наконец, существует опасность впасть в другую крайность и не прибегать к словарю вовсе. Нередко самоуверенные горе-переводчики попадают в капканы неправильно понятых из контекста и, следовательно, неправильно переведенных слов, что искажает смысл целых предложений или даже всего текста. Кроме того, медвежью услугу таким «мастерам своего дела» часто оказывают «ложные друзья переводчика». Будучи похожими по форме на слова ПЯ, эти единицы текста оригинала могут (порой существенно) отличаться от них по своему значению. Уверенному в своем знании этих слов переводчику и не приходит в голову, что перед ним его «ложный друг», и он ничто-же сумняшеся совершает ошибку.

Так, под влиянием подобного рода ошибок в русском языке начали неправильно употреблять слово *агрессивный*, приписывая ему значение «активный», «инициативный». Такого значения у русского прилагательного *агрессивный* нет. В русском языке оно значит «захватнический», «враждебный», а вовсе не «настойчивый», «напористый», но именно в этом смысле некоторые комментаторы стали употреблять данное слово. Они называют, например, какого-нибудь футболиста молодым, талантливым, агрессивным. В ряду слов с положительной стилистической окраской (*молодой, талантливый*) оказывается не к месту употребленное слово с отрицательной коннотацией — *агрессивный* (См.: Розенталь, Джанджакова, Кабанова. С. 178). Так же неправильно употребляют слово *амбициозный*, говоря, к примеру, об амбициозных планах. На самом деле, конечно, имеются в виду *грандиозные* планы.

В одном из переводов фильма «The American Beauty*» героиня говорит мужу: *You look so pathetic*. Переводчик передает эту фразу так: *Ты выглядишь таким патетичным*. Он просто не удосужился проверить по словарю значение слова *pathetic*, которое значит «жалкий», «печальный» и т.п. Таким образом, реплику героини нужно было перевести, например, так: *Ты выглядишь таким жалким! / Ты такой жалкий!*

Между прочим, составляются и издаются целые списки «ложных друзей переводчика». Так, существует «Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика"» (под ред. В.В. Акуленко; М., 1969). Л.И. Борисова издала словарь «ложных друзей переводчика» из сферы научно-технического перевода («"Ложные друзья" переводчика научно-технической литературы». Часть I: М., 1989; Часть II: М., 1990). Списки «ложных друзей переводчика» включаются в некоторые издания, посвященные наравне с этой и другим проблемам перевода.

В 1980-х гг. начался и до сих пор продолжается настоящий словарный бум. На таких разработанных в лексикографическом отношении языках, как английский, немецкий, французский, в меньшей степени — русский, появляется огромное количество самых разнообразных словарей. Между издательствами идет жесткая конкуренция, борьба за покупателя. И если для издательств конкуренция — это проблема, то для пользователей появляющихся все новых и новых словарей — скорее благо, поскольку перед ними открывается возможность подобрать лучшие словари.

Словари различаются подбором и объемом словника, по тому, каким образом материал организуется. Они бывают одно-, дву- и многоязычные.

По типу лексического материала, отобранного для словника, словари могут быть справочными и учебными. Такое разделение основывается на идее, выдвинутой еще в 1935 г. акад. Л.В. Щербой о том, что в лексикографии следует различать словари «активного» и «пассивного» типа.

Справочные словари (словари «пассивного» типа), предназначены для использования главным образом во время чтения на соответствующих иностранных языках и обычно содержат сжатую информацию о системе значений слов, т.е. ориентированы на пассивное овладение данной в словаре лексикой.

Учебные словари (словари «активного» типа) предназначены для активного овладения базовой лексикой данного иностранного языка в процессе обучения. Они дают необходимые грамматические сведения, а также сведения о сочетаемостных свойствах слов.

Как правило, словник справочных словарей гораздо шире словника учебных, зато объем статьи учебного словаря значительно превышает объем соответствующей статьи словаря справочного. В первом, кроме грамматических сведений о слове, приводятся наиболее частотные словосочетания с ним, идиомы и т.п.

Слова и в учебных, и в справочных словарях расположены в алфавитном порядке. В большинстве английских словарей дается транс-

крипция заглавного слова. При этом следует принять во внимание, что не все словари следуют одной и той же системе транскрибирования слов. Большинство из них транскрибирует слова на основе Международного фонетического алфавита (International Phonetic Alphabet). В некоторых словарях при транскрибировании слов за основу принимаются иные системы.

Вот как, например, в разных словарях затранскрибировано одно и то же слово *abalone*:

abalone [aɪbʌˈloʊn] *п зоол.* морское ухо — традиционная фонетическая транскрипция (International Phonetic Alphabet);

(ab-a-lone-ee) — Collins English Dictionary (2000);

abaloni — Oxford Compact English Dictionary (2000).

Уже из приведенных примеров становится ясно, насколько могут различаться транскрипции в разных словарях. Для того чтобы грамотно произнести искомое слово, нужно внимательно ознакомиться с правилами пользования словарем, которые всегда изложены в его начале, иначе неизбежны ошибки в произношении, которых профессиональный переводчик просто не может себе позволить.

В последнее время появляется немало словарей смешанного, справочно-учебного типа, которые в той или иной степени сочетают в себе черты обоих типов словарей.

Одноязычные словари, как следует из названия, — это словари, в которых и толкуемые, и толкующие единицы принадлежат к одному языку. Основным достоинством одноязычных словарей в глазах переводчика должно быть то, что, в отличие от двуязычных, они *точно передают понятия*. Двуязычные словари дают всего лишь перевод, причем перевод основных значений, не второстепенных, не говоря уже о значениях, появляющихся у слов в новых контекстах. Одноязычные словари позволяют заглянуть в языковую логику номинации тех или иных явлений. Между прочим, начинающие, неопытные переводчики часто делают ошибки, например, из-за того, что не заглядывают в одноязычные словари, предпочитая им двуязычные. У опытного переводчика приоритеты распределены наоборот. Двуязычным словарем он пользуется, лишь когда слово забылось, «вылетело из головы» и когда ему нужно перевести однозначные слова и выражения (термины, реалии, имена).

Одноязычные словари могут достаточно полно представлять семантические структуры слов в историческом аспекте. К наиболее известным из них относятся, например, 12-томный «Oxford English

Dictionary* (J. Murray et al., 1933); «The Random House Dictionary of the English Language* (ed. by J. Stein, 1967); «Duden. Deutsches Woerterbuch* (J. Grimm/ W. Grimm, 1854/1984); «Le Grand Larousse de la langue francaise» (1971). Такие словари, как «The American Heritage Dictionary of the English Language* (Boston, N.Y., 2000); «Concise Oxford Dictionary. (OUP, 1999) и др., более или менее полно отражают современное состояние языка.

Среди русскоязычных словарей назовем 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» под ред. В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Е.С. Истрина (1948—1965); 4-томный «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1981—1984); «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1999); «Большой толковый словарь русского языка» (под ред. С.А. Кузнецова, 2000).

Популярными в последнее время стали одноязычные учебные словари, как правило рассчитанные на иноязычных пользователей: «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (A.S. Hornby et al., 1948 sq.); «Longman Dictionary of Contemporary English* (1992); «Collins COBUILD English Language Dictionary* (1990); «Langenscheidts Grosswoerterbuch — Deutsch als Fremdesprache* (1993); «Dictionnaire Universel de poche* (Hachette, 1999) и др.

Хорошим подспорьем в работе переводчика может оказаться такой словарь учебного типа, как, например, «Longman Language Activator* (1997).

Переводчику с русского языка на английский (по крайней мере в некоторых случаях) может пригодиться словарь «Longman Dictionary of Common Errors* (J.V. Heaton, N.D. Turton, 1991).

Переводчики нередко прибегают также к помощи различных специализированных, или отраслевых, словарей, представляющих лексику из той или иной профессиональной сферы. В связи с этим следует заметить, что переводчики, особенно работающие одновременно с различными заказчиками, сталкиваются с проблемой острой нехватки фоновых знаний в той или иной профессиональной сфере. Отраслевые словари отчасти помогают решить эту проблему. Однако более эффективным подсобным средством являются толковые отраслевые словари, в которых заглавному слову дается объяснение, позволяющее установить (хотя бы приблизительно), что значит конкретное понятие, термин. Таким словарем, например, является «Longman Business English Dictionary* (2001). Существуют еще отраслевые словари, совмещающие в себе тезаурус и толковый словарь. К ним относится, например, словарь «The Wordsworth Word Finder* (M. McCutcheon, N.Y., 1992).

Весьма полезны для переводчиков словари сленга, например «Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions*» (R.A. Spears, 1991), диалектов, орфоэпические, орфографические, фразеологические, словари паронимов, иностранных слов и т.д.

Не обойтись переводчику и без различного рода словарей сочетаемости. Такие словари очень помогают при переводе на иностранный язык. К ним относятся словари типа популярного «Комбинаторного словаря английского языка» (М. Бенсон, Э. Бенсон, Р. Илсон, 1990).

В культурологическом смысле совершенно необходим англо-русскому переводчику знаменитый словарь Э. Бруэра, в обновленной версии выходящий под названием «The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. Based on the original book by Ebenezer Cobham Brewer. Revised by Ivor H. Evans*» (1996).

Двуязычные словари не толкуют слова, а дают каждому одно или несколько эквивалентов на другом языке. Как и одноязычные словари, они могут быть справочного, учебного или смешанно^Г типа. Словники в них обычно составляются в алфавитном порядке.

Выше уже говорилось о необходимости отраслевых словарей. Однако одноязычных переводчику бывает недостаточно, поскольку, давая ему возможность понять смысл того или иного термина, они все же не помогают в поиске иноязычного соответствия и образовании нужной транслатемы.

Особенно полезны в этом смысле двуязычные специализированные толковые словари, которые совмещают в себе функции как словарей двуязычных, так и одноязычных толковых.

Заметим, что переводчику не следует слепо доверять двуязычному словарю, поскольку, как правило, система значений в нем с соответствующими иноязычными эквивалентами не всегда точно передает необходимые тонкости и особенности употребления нужного слова. Поэтому найденное в двуязычном словаре слово полезно проверять по одноязычному [См.: Микоуан. Р. 190—200].

Примерами двуязычных словарей могут служить «Большой русско-английский словарь» под ред. Д.И. Ермоловича (2000); «The New Oxford Russian Dictionary*» (1993); «Harper Collins Russian Dictionary*» (1994); «Новый большой русско-английский словарь» под ред. П.Н. Макурова, М.С. Мюллера, В.Ю. Петрова (1997); «Новый большой англо-русский словарь в 3-х томах» (Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, 1993) и др. Специализированные двуязычные словари: «Финансы: Толковый словарь» (1998); «Бизнес: Оксфордский толковый словарь» (1995); «Русско-английский научно-технический словарь

переводчика» (М.Г. Циммерман, К.З. Веденева, 2000); «Англо-русский и русско-английский словарь географических названий» (М.В. Горская, 1994); «Англо-русский словарь персоналий» (Д.И. Ермолович, 2000); «Новый русско-английский юридический словарь» (И.И. Борисенко, В.В. Саенко, 2002); «Русско-английский словарь для гидов-переводчиков и экскурсоводов (редкие слова)» (Д.И. Ермолович, 2003) и др.

К двуязычным специализированным словарям следует отнести глоссарии-справочники из определенной профессиональной сферы. Они, как правило, не так полны, зато отражают терминологическую систему, используемую в определенной организации. Например, с опорой на официальный язык ООН и других международных организаций подобного типа создавалось издание «Conference Terminology. Англо-русский глоссарий-справочник по процедурной терминологии и праву международных договоров» (Н.Г. Санников, 1996).

Тезаурусы — очень важное лексикографическое подсобное средство в работе переводчика.

В тезаурусах единицы словника чаще всего не толкуются (или не только толкуются), а снабжаются перечнем синонимов и антонимов. Тезаурусы, которые могут быть одноязычными и двуязычными, необходимы при переводе текстов на иностранный язык.

Примеры одноязычных тезаурусов: «Thesaurus of English Words and Phrases* (P.M. Roget et al., 1852/1962); «Webster's Collegiate Thesaurus* (1988); «The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form* (ed. by Philip D. Morehead, 1985); «Deutscher Sprachschatz* (D. Sanders, 1877/ 1985).

К двуязычным словарям тезаурусного типа относятся «Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков» (И.И. Убин, 1987); «Англо-русский идеографический словарь» (Т.П. Шаталова, 1993).

Энциклопедии как важный источник самой разнообразной информации представляют для переводчика особую ценность.

Деятельность переводчика осуществляется на уровне речи (*parole*): он работает с текстами, в то время как описанные выше словари имеют дело с языком (*langue*). По крайней мере отчасти эту проблему решают словари энциклопедического типа, где в алфавитном порядке даются понятия из различных специальных областей знания, имена собственные и т.д., что не находит отражения в общеязыковых словарях. Иначе говоря, энциклопедические словари отражают бытование языка на уровне речи (*parole*).

Надо сказать, в последнее время все более популярными становятся словари (одноязычные и двуязычные), также включающие в словарь наиболее распространенные понятия из различных областей специального знания, собственные имена и т.д.

Энциклопедии могут быть многотомными типа известных «The Encyclopaedia Britannica» («Британника»), «The Encyclopaedia Americana» или некогда популярной у нас в стране «Большой советской энциклопедии»; однотомными и даже карманными изданиями, например: «Справочник необходимых знаний» (А.Кондрашов, 2001); «Pocket Science Encyclopedia» (1998); ее немецкоязычный вариант «Der Taschen-Brockhaus Unsere Welt» (1999); «Running Press Cyclopaedia. (1995).

Самого пристального внимания со стороны переводчиков заслуживает еще одна мощная тенденция в современном словарном деле. Словари теперь все чаще издаются не только в книжном формате, но и на компакт-дисках (CD), как, например, система электронных словарей «АВВУ LINGUO 6.5: Большой англо-русский, русско-английский словарь» (2000); семейство электронных словарей «МультиЛекс»; словари «Контекст» (Context) фирмы «Информатис».

Электронные словари удобны, во-первых, потому, что включают в себя на одном и том же компакт-диске и большой общеязыковой словарь, и, как правило, несколько отраслевых словарей. Во-вторых, благодаря системе компьютерного поиска в них легко отыскать примеры на конкретное словоупотребление, причем как при переводе с одного языка на другой, так и обратно. В-третьих, эти словари легко использовать при работе на компьютере. Наконец, в-четвертых, один компакт-диск заменяет несколько громоздких книжных томов. Так, благодаря электронной версии энциклопедии «Британника» пользование ею значительно упрощается, облегчаются различного рода глобальные тематические поиски в той или иной сфере знания. При этом диск этот — всего лишь небольшая тонкая пластинка!

Словари и энциклопедии, доступные и в Интернете, позволяют следить за оперативными лексикографическими обновлениями изданий, тем более что на электронных энциклопедиях в самом программном обеспечении, установленном на компакт-диске, как правило, есть специальная гиперссылка на соответствующий «материнский» сайт в Интернете. Записанная на диск информация может быть автоматически обновлена или дополнена с учетом изменений, произошедших в соответствующей сфере знания или общественно-политической жизни.

Среди электронных энциклопедических словарей следует еще упомянуть словари фирмы «Microsoft» (Encarta, Bookshelf) и «Dorling Kindersley — Multimedia («Encyclopedia of Nature*»).

Периодически полезно заходить на сайты крупных словарных издательств: www.longman-elt.com/dictionaries; www.oup.com и др.

§ 2. Параллельные тексты

Сопоставление параллельных текстов — важный инструмент оптимизации работы переводчика. Цель сопоставления — выявить соответствия в двух языках, вовлеченных в процесс перевода.

Поясним, что под параллельными текстами понимаются тексты, которые сходны по тем или иным параметрам, например тематически. В практике перевода сопоставляются в основном тематически сходные *разноязычные* тексты.

В плане выражения сопоставляться могут тексты с одинаковой прагматической ориентацией, принадлежащие к одному и тому же функционально-стилистическому пласту или, наоборот, к разным пластам. Благодаря такому сопоставлению переводчик может лучше уяснить для себя те или иные аспекты функционирования и ИЯ, и ПЯ.

Сопоставление возможно и в плане содержания. При этом сопоставляются, например, тематически сходные тексты. Это, пожалуй, самый распространенный вид сопоставления параллельных текстов при подготовке к переводу в сфере, где переводчик не чувствует себя достаточно уверенным. Он может не знать тех или иных терминов, наиболее частотных оборотов из какой-нибудь профессиональной сферы. Поэтому и обращается к сравнению, например, текстов на ИЯ и ПЯ, касающихся одной и той же темы, хотя вовсе не обязательно соотносящихся друг с другом как оригинал и перевод. Он может проанализировать и уже существующие оригиналы и переводы текстов по данной тематике, ранее, до него, сделанные другими переводчиками.

Чтобы лучше понять содержание оригинала, полезно сопоставлять существующие редакции (черновики?) оригинала. Это особенно важно при художественном переводе, когда есть возможность изучить различные авторские или авторизованные редакции переводимого произведения, доступные черновики и т.п.

Сопоставление, как следует из вышесказанного, может осуществляться и в рамках одного языка, и в рамках двух языков сразу. Например, сначала сопоставляются несколько параллельных текстов на ИЯ: анализируются язык, на котором они написаны (кон-

кретные лексические единицы, пунктуация, грамматико-синтаксические и фразеологические особенности текстов), стилистика и композиция; находятся и осмысляются сходства и различия сопоставляемых текстов.

Затем та же работа переносится на сходные (по тем или иным параметрам) тексты на ПЯ, которые могут быть созданы независимо от текстов на ИЯ, подвергшихся анализу в предыдущей сопоставительной операции.

Следующим шагом будет сопоставление полученных результатов. Только после этого переводчик может *со знанием дела* приступить к собственному переводу того или иного текста.

В связи с сопоставлением, тем более масштабным, встает еще один вопрос: где брать параллельные тексты?

Параллельные тексты существуют в компаниях—заказчиках переводов. Переводчик может обратиться к уже переведенным в этих компаниях подобного типа документам, которые обязательно хранятся в их, как правило, электронных архивах. Если такой возможности по каким-то причинам не оказывается, переводчик может воспользоваться различными публикациями на интересующую его тему. В наше время это легко сделать с помощью глобальной сети Интернет. Правда, при обращении к Интернету, следует помнить, что материал, представленный в нем, очень неоднороден. Перед тем как анализировать те или иные источники из Интернета, следует убедиться в их надежности, аутентичности.

§ 3. Технические средства

В настоящее время работу переводчика невозможно представить себе без персонального компьютера. Тексты сегодня переводятся не вручную, как прежде, а набираются на компьютере. А потому переводчик должен овладеть компьютерной грамотой и уметь пользоваться компьютером по крайней мере на уровне пользователя. Сейчас практически нигде работа переводчика не принимается, если она не набрана на компьютере (чаще всего в текстовом редакторе *Word*).

Письменный переводчик, конечно, не обязательно должен печатать со скоростью машинистки. Но рекомендуется все же научиться печатать со скоростью, не являющейся сдерживающим фактором при переводе текста «с листа», и, конечно, переводчик должен уметь печатать на тех языках, с которых и на которые переводит. Например, переводчик, работающий с русским и английским языками, должен уметь бегло (и лучше слепым методом) печатать как на кириллице, так

и на латинице. Он должен также уметь пользоваться сканером, принтером, модемом.

В работе, как показывает опыт, не следует пренебрегать машинным переводом. Иногда при больших объемах достаточно стандартизированных в плане выражения текстов перевод значительно упрощается при умелом использовании различных программ компьютерного (машинного) перевода.

Не следует ни переоценивать, ни недооценивать машинный перевод. Нужно считать его полезным подспорьем на предварительном переводческом этапе обработки текста на ИЯ. Чаше всего есть смысл пропустить через программу-переводчик сначала небольшой показательный отрезок текста, насыщенный наиболее частотными терминами и речевыми оборотами. Затем внести обнаруженные ошибки перевода в словарь программы-переводчика и обработать уже текст целиком. Либо воспользоваться опцией замены обнаруженных ошибок в меню «Правка» в редакторе *Word*.

Понятно, что машинный перевод не эффективен при переводе художественных текстов, зато он вполне применим в переводе техническом.

Вопросы

1. Какие словари и для чего использует переводчик в своей работе?
2. Что такое «ложные друзья переводчика»? В чем причина их появления в / при переводе?
3. Какие одноязычные / двуязычные словари, тезаурусы и энциклопедии на той паре языков, с которой работаете, вы знаете?
4. Что такое параллельные тексты? Чем они помогают переводчику?

Глава 15

Научная критика перевода - раздел переводоведения в стадии становления

Sine irae studio¹.

Тацил(ок.55 - ок. 120)

Бей, но выслушай.

Плутарх (ок. 45 - ок. 127)

Научная критика перевода — это один из аспектов прикладного переводоведения (см. гл. 2, § 5), важный для развития и совершенствования как теории, так и практики переводческой деятельности. Роль научной критики перевода здесь сродни критике литературной для развития литературы, поэтому полезно будет кратко рассмотреть ее историю.

Литературная критика известна с древности, когда она была практически неотделима от складывающейся теории литературы. Одним из первых важных и систематизированных трудов в этой области явилась «Поэтика» Аристотеля (IV в. до н.э.), где были определены такие ключевые понятия, как поэзия, подражание (имитация), трагедия, катарсис, единство и полнота сюжета. Аристотель рассматривает также черты типичных персонажей трагедии, связь трагедии и эпической поэзии и т.д.

В более или менее систематизированном виде высказывали во времена Античности свои литературно-критические взгляды Платон, Дионисий Геликарнасский, Плутарх, Лукиан, Гораций, Квинтилиан, Цицерон, Сенека, Петроний и др.

Затем более или менее успешно критика развивалась в Средние века, в эпохи Возрождения и Просвещения. Из наиболее важных имен этих периодов истории критики в Европе назовем Лонгина (Longinus, III в. н.э.), св. Августина (ум. 430), Данте, Петрарку (Petrarca, 1304—1374), Боккаччо, Дю Белле, Ф. Малерба (Malherbe, ок. 1555—1628), Н. Буало (Boileau, 1636-1711), Д. Драйдена (Dryden, 1631-1700).

Как самостоятельная профессия критика (прежде всего литературная) оформляется в начале XIX в. Тогда же она становится и особым жанром литературы. Виднейшими критиками XIX в. были Т. Карлейль (Carlyle, 1795-1881), Ш. Сент-Бёв (Sainte-Beuve, 1804-1869), В.Г. Белинский.

Термин «критика» в современном его значении стал употребляться с XVII в. Он подразумевает истолкование и оценку произведений искусства, литературы. Литературная критика излагает, обосновывает те или иные художественно-эстетические воззрения, систематизирует их и выражает свои суждения о произведениях искусства в соответствии с определенным набором критериев, таких, как степень отражения в произведении насущных проблем общества, духовной жизни людей и степень мастерства выражения этих насущных проблем средствами данного вида искусства.

Критика вообще и литературная критика в частности активно влияет на литературный процесс и тенденции в развитии искусства в целом. В этом смысле критика оказывает непосредственное воздействие на формирование общественного сознания. Часто выступления критиков, людей, профессионально занимающихся данной деятельностью, приобретают полемически заостренный характер, что, собственно, и отражает стремление активно влиять на развитие искусства и отношение к нему общества.

За свою довольно продолжительную историю литературная критика выработала собственные жанры. К ним относятся рецензия, критическая статья об отдельном произведении, обзор, проблемная статья, монография о современном литературном процессе.

К сожалению, научная критика перевода не может похвалиться такой историей. Хотя, нужно сказать, обсуждение вариантов перевода не могло не существовать с древних времен. Оценка создаваемых переводов неизменно сопровождает деятельность любого коллектива переводчиков или людей, по своим профессиональным обязанностям к ним приближающихся. Так было в Месопотамии, Древнем Египте, Древней Индии, в средневековых монастырях. Это подтверждает, в частности, «Собрание старающихся о переводе иностранных книг» в России (XVIII в.). Примеров тому, конечно, много в XX и XXI вв.

Тем не менее еще рано говорить о том, что научная критика перевода сложилась хотя бы в той же степени, что и литературная критика. Несомненно, она находится еще только в стадии становления, корнями уходя в высказывания о различных аспектах переводческой деятельности, критическую эссеистику о переводе, практические оценочные суждения о нем в различных переводческих коллективах.

Почти все известные нам критические суждения о переводе касались переводов художественной литературы. Из множества таких суждений складывалась более или менее объективная оценка той или иной переводческой работы, т.е. осуществляется сложный переход критики ненаучной в научную. Постепенно субъективность, импрессионистичность оценок уступает место теоретически обоснованным взглядам критика-профессионала. Термины *критика* и *критический* употребляются именно в смысле научно обоснованной оценки того или иного явления (в данном случае переводческого труда, перевода). Понятно, что это возможно только при наличии разработанной теории данной деятельности.

История критики перевода, таким образом, вырастает из недр истории теории перевода (см. гл. 3). В этом смысле ценный вклад в отечественную научную критику перевода внесли труды К.И. Чуковского, А.В. Федорова, выступавших пионерами в формировании научно обоснованной системы оценок переводческого труда.

В книге «Высокое искусство» Чуковский впервые предлагает некоторые критерии оценки художественного перевода. Так, он пытается оценить работу переводчика с точки зрения богатства/бедности его словаря, передачи стиля автора, ритмики, звукописи оригинала в переводе. Это, безусловно, играет позитивную роль в преодолении вкусовщины и упрощенного деления переводов на «хорошие» или «плохие». Чуковский нащупывает некоторые объективно оцениваемые их параметры.

Вместе с тем, как указывает И.С. Алексеева [См.: Алексеева, 2001. С. 14], в книге Чуковского «традиционная эссеистичность литературной критики вообще словно борется с попыткой аналитического проникновения в сложный феномен эквивалентности». Здесь преобладает оценка по принципу «как делать не надо», что позже подхватят и другие переводчики-редакторы, как, например, Н. Галь в книге «Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора» (1987). Кроме того, Чуковский сводит все к чувству меры, к таланту, такту переводчика. Это трудно отрицать, тем не менее дальнейший ход развития переводоведения и, в частности, критики перевода показал, что следует идти дальше по пути объективизации научной критики перевода.

Это подтверждают работы Федорова. Будучи литературоведом и переводчиком, он выстроил довольно сбалансированную систему теории перевода, учтя достижения литературной критики и особенности переводческой деятельности, что в свою очередь подтолкнуло развитие научной критики перевода. В ряде статей Федоров говорит о настоятельной необходимости создать методологическую и теорети-

ческую основу для осмысления практической переводческой деятельности в различных аспектах творческого индивидуального стиля переводчика и связанной с ним проблемы вариативности перевода (прежде всего, конечно, художественного, хотя и не только его). В своем фундаментальном труде «Основы общей теории перевода» он создает предпосылки для научной критики перевода на базе уже гораздо более полной, чем в отдельных ранних своих работах, теоретической системы.

Позитивный вклад в развитие критики перевода внесли также статьи Р.А. Будагова «Академик А.Н. Веселовский как переводчик Боккаччо (К проблеме художественного перевода)»; Н.М. Любимова «Золотое сечение» и «Неслыханная простота» о И.А. Бунине и Б.Л. Пастернаке как о переводчиках. Следует отметить также сборники «Мастерство перевода» и «Тетради переводчика», в которых появлялись серьезные публикации, внесшие свой вклад в формирование научной критики перевода.

И все же общий фон, на котором выделялись подобного рода работы, трудно назвать благоприятным для дальнейшего продвижения критики перевода. До сих пор преобладающим «жанром» разборов переводных книг остается выискивание фактических неточностей.

Основной проблемой развития научной критики перевода на нынешнем этапе является то, что в этой области, особенно со стороны литературоведов, не учитываются достижения теории перевода. Отсюда распространенное убеждение, что перевод должен передавать *все без исключения* стороны оригинала. А поскольку такого перевода в принципе быть не может, критики порицают любые расхождения оригинала и перевода. Между тем бурное развитие переводоведения создало уже довольно прочный фундамент, на котором может развиваться критика перевода. Это подчеркивают современные переводоведы (И.Х. Алексеева, М. Амман, В. Вилс, В. Коллер, К. Райе, П.М. Топер, С. Флорин, Дж. Хауз и др.).

Топер [См.: С. 230 sq.], говоря о причинах неудовлетворительного состояния дел в сфере научной критики перевода, отмечает, что одна из причин — заниженная общественная оценка труда переводчика, а Алексеева [См.: 2001. С. 17] добавляет, что на это наслаивается и низкая оценка теории перевода среди филологов. Кроме того, развитие научной критики перевода заметно тормозится из-за широко распространенного убеждения, будто критики достоин только художественный перевод. Однако критика перевода должна быть, безусловно, распространена на переводы текстов любых жанров и функциональных стилей.

Подлинно научная критика перевода, таким образом, понимается как раздел переводоведения, в задачи которого, по мнению известного немецкого переводоведа Райе, специальной занимавшейся данной тематикой и посвятившей ей ряд статей и монографию («Возможности и границы переводческой критики»), входит установление, описание и оценка переводческих решений в данном тексте перевода. При этом важно, чтобы высказываемая специалистом оценка являлась не только его субъективным мнением, но была аргументированной и стремилась к объективности [См.: Handbuch Translation. S. 373]. Для этого критика перевода должна опираться на достижения теории перевода, быть индуктивной и аналитической, а не дедуктивной и прескриптивной (предписывающей). Другими словами, критический анализ перевода должен исходить из конкретных фактов переводческой деятельности, подвергаемых тщательному, логически обоснованному разбору; следует избегать каких-либо общих абстрактных построений и чуждых навязываемых переводчику принципов. По словам Я. Виликовского, переводческая критика необходима «не как коррекция, не как средство для определения и классификации, а как инструмент описания наблюдаемых фактов...» [Цит. по: Тонер. С. 235].

Критику нужно учитывать коммуникативную функцию текста оригинала и, уже исходя из этого, определять, насколько репрезентативен текст перевода, насколько он выполняет данную коммуникативную задачу. При этом переводчик обязан обеспечить репрезентативность перевода на уровне отражения плана содержания (темы исходного сообщения), собственно цели и позиции автора оригинала, его *тона* (см. гл. 1, 7). Если критически оценивается произведение, переводческая репрезентативность которого не может быть ограничена указанными критериями, следует расширить спектр принимаемых во внимание явлений (см. гл. 11).

Критика должна быть распространена на все виды и типы перевода: от художественного до научно-технического и официально-делового, от письменного до устного¹. Критик перевода может обращаться и к широкому читателю, и к узкому кругу специалистов. Поэтому критический анализ перевода по своим жанровым характеристикам в зависимости от аудитории-адресата может быть текстом и литературоведческим, и специализированным.

¹ В настоящее время, однако, еще практически не существует прецедентов критического анализа, скажем, устного (синхронного?) перевода на какой-либо конференции неспециалистов в области перевода. Все обычно ограничивается кулуарными обменов мнений непосредственных ее участников.

Среди целей и функций научной критики перевода назовем, следуя Райе, три. Во-первых, она должна вносить свой вклад в повышение качества переводческой деятельности, мастерства переводчиков. Во-вторых, важной ее функцией является функция просветительская, т.е. критика перевода должна повышать осведомленность общества, пользующегося услугами переводчиков, об особенностях данного вида деятельности. Благодаря этому общество, конкретные его представители будут воспитываться на лучших переводческих образцах и осознанно выбирать тот или иной перевод, того или иного переводчика. Наконец, критика перевода призвана сыграть существенную роль в процессе подготовки будущих переводчиков.

Вопросы и задания

1. Сопоставьте литературную критику и критику перевода. В чем их сходство? В чем различие?
2. Раскройте суть проблем, с которыми сталкивается научная критика перевода в ходе своего развития.
3. Что входит в задачи научной критики перевода? Каковы ее функции?
4. Что должно быть основой научно-критического анализа переводов? Что должно повышать его объективность?

Глава 16

Вопросы преподавания перевода

Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки...

АД Кантемир

...Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

А. С. Пушкин

§ 1. Состояние дел в сфере преподавания перевода на сегодняшний день

В настоящее время остро стоит вопрос о разработке методологических принципов преподавания перевода. Как справедливо отмечается в ряде изданий, этот раздел прикладного переводоведения практически не разработан и научная методология преподавания перевода по-прежнему настоятельно требует к себе внимания [См.: Комиссаров, 1997. С. 3; Алексеева, 2000. С. 3]. В специальной литературе обсуждаются вопросы учебного плана, организации учебного процесса, предлагаются конкретные дидактические приемы подготовки переводчиков.

На современном этапе разработка дидактических материалов опережает теоретическую дидактику перевода, что следует признать явлением естественным. Действительно, мы находимся в стадии накопления необходимого опыта, материалов в конкретных парах языков (русский—английский, русский—французский, русский—немецкий, русский—испанский и т.д.). Благодаря этому создается база, которая позднее будет подвергнута выходящему за рамки конкретных пар языков анализу, и, видимо, будут созданы методические пособия обобщенно-теоретического характера. Впрочем, практическое применение дидактических принципов все равно всегда должно переплавляться в упражнения, задания, тексты и другие учебные материалы, а это немислимо без языковой конкретики, которая обеспечивается на уровне взаимодействующих в процессе перевода языков.

Таким образом, сейчас методика преподавания перевода находится еще только на начальном витке спирали, которая через надъязыковое обобщение (методологию перевода) в конце концов приведет ее к конкретным парам языков, но на более высоком уровне, с учетом опыта преподавания перевода в других парах языков.

Без прохождения полного витка спирали вряд ли можно решить существующую в настоящее время проблему отсутствия учебных заведений по подготовке преподавателей перевода. Трудно представить себе преподавателя иностранного языка, не освоившего методики его преподавания. Но именно такова ситуация на сегодняшний день в сфере преподавания перевода: будущих переводчиков обучают в большинстве своем преподаватели иностранных языков, которые в лучшем случае сами являются переводчиками-практиками.

Понятно, что такое положение дел нельзя признать нормальным. В то же время будущих преподавателей перевода пока еще просто мало чему можно обучить: не создано полноценной, всеобъемлющей методологии преподавания перевода, в соответствии с которой должны выстраиваться специальные преподавательские методики в конкретных парах языков.

Поэтому сегодня подготовка преподавателей перевода осуществляется на основе исключительно обмена опытом самими же преподавателями, для чего организуются различного рода семинары, курсы, конференции и т.п.

§ 2. Этапность в обучении переводу

Процесс перевода строится обычно согласно этапному принципу. Открывает курс перевода начальный, или базовый, этап обучения. Затем студенты переходят к более сложным и в то же время более специализированным формам и видам переводческой деятельности. При этом распределение студентов может быть как на переводчиков устных и письменных, так и осваивающих определенные тематические виды перевода. Например, в группе студентов можно выделить тех, кто будет овладевать устным переводом, затем — синхронным, и тех, кто будет совершенствоваться в письменном переводе. В свою очередь письменников, например, распределяют по группам, специализирующимся на юридическом, научном, банковско-финансовом переводах, и т.д.¹

¹ Распределение по группам происходит, как правило, с учетом ряда параметров. Например, обязательно учитывается психологическая предрасположенность студентов к осуществлению того или иного вида перевода (например, синхронного), работоспо-

Из обрисованной схемы становится очевидным, что наиболее общим и в этом смысле важным является именно базовый (начальный) уровень.

Как известно, все и всегда сложно именно начинать. Особенно трудно приступать к тем видам деятельности, где целью является выработка устойчивых, доведенных до автоматизма навыков. Трудно, например, обучать иностранному языку. Поэтому разрабатываются специальные методики по базовым курсам английского, французского языков, РКИ (русского как иностранного) и т.д. Трудность начального обучения языкам состоит в том, что, в отличие от продвинутого этапа, преподавателю не на что опереться: у его ученика нет ни знания, пусть самого поверхностного, грамматики, ни необходимого запаса слов изучаемого языка.

Такова же ситуация и с базовым курсом обучения переводу. Однако здесь есть некоторые особенности. Как и при построении любого основополагающего курса, необходимо найти наиболее подходящие способы преподнесения студентам нового, того, с чем они еще не сталкивались. И этого действительно достаточно в базовом курсе перевода.

Однако следует отдавать себе отчет в том, что курс перевода следует за курсом иностранного языка, у студентов это ассоциируется именно с продолжением изучения языка. Они часто не видят разницы между этими двумя видами деятельности, а потому с прохладцей (в лучшем случае с любопытством) подходят к изучению перевода. В этом смысле пафос курса базового перевода — *показ новизны этого вида деятельности*, а в значительной степени и развенчание стереотипов о переводе и переводоведении, сложившихся в обществе в целом.

Таким образом, начиная обучение переводу, надо иметь в виду, что: 1) следует дозированно, методологически правильно вводить новый, неизвестный студентам материал; 2) придется преодолевать укоренившиеся у них неправильные представления о преподаваемом им виде деятельности, следует также избавиться от стереотипов в отношении к преподаванию теории и практики перевода и самим преподавателям, в прошлом, как правило, преподавателям иностранного языка.

В этой связи следует помнить о различиях между переводом буквальным (подстрочником), учебным (главным образом лексико-

(продолжение сноски)

собность и т.п. Принимается во внимание, конечно, и языковая, и общеобразовательная подготовка студента. Если речь идет о художественном переводе, студент опять-таки должен проявить ряд качеств, которые позволят ему претендовать на участие в работе соответствующей специализированной группы: творческие задатки, широту кругозора и тл.

грамматическим) и собственно переводом (в переводоведческом смысле этого слова). Соответственно, перевод может осуществляться на уровне языка, ситуации, или данного контекста, а также культуры.

Буквальный перевод, пословный, «поединичный» (от понятия «единица языка»), следует признать в общем неприемлемым в процессе обучения переводу, особенно на базовом уровне¹.

Учебный перевод осуществляется на уровне языка, лексико-грамматическом уровне, и представляется вполне приемлемым в процессе обучения иностранному языку. И он действительно довольно широко применяется на практике, скажем ESP². Однако учебный перевод следует признать неприемлемым в процессе преподавания перевода как специального вида деятельности, поскольку это исключительно вспомогательный род деятельности, направленной на овладение иностранным языком, фактически вид контроля за степенью понимания текста, предложения, словосочетания и т.д. на изучаемом иностранном языке при посредничестве родного (чаще всего) языка студента.

Когда речь идет о базовом и продвинутом уровнях обучения переводу, подразумевается именно «полнокровный», *собственно* перевод. Такой вид перевода осуществляется с учетом необходимости и языкового (точнее — межъязыкового), и ситуационно-контекстуального, и культурного (точнее — межкультурного) посредничества.

Базовый курс перевода понимается как начальный этап обучения переводу. В соответствующей официальной программе курс этот является первой стадией подготовки будущих переводчиков и должен заложить прочный фундамент для дальнейшего обучения как переводу, так и собственной деятельности новоиспеченного переводчика.

Фундамент, который должен быть заложен базовым курсом, — это *minimim minimorum*, во-первых, знаний о переводе, переводческой деятельности и, во-вторых, переводческих навыков. При этом, если речь идет о подготовке именно переводчиков, а не переводоведов, удельный вес второго должен превышать удельный вес первого. Однако невозможно пренебрегать теорией ради практики, поскольку практика сильно пострадает от такого зашоренного эмпиризма и узколобого прагматизма, что, к сожалению, приходится наблюдать довольно часто даже у неплохих переводчиков-практиков.

¹ Включая и так называемый подстрочник, используемый на определенных этапах при переводе поэзии. О переводе поэзии на базовом уровне обучения переводу речи быть не может. Тем более что и подстрочник поэтического текста не имеет ничего общего с буквалистским переводом, который часто встречается у только начинающих изучать перевод студентов.

² English for Special Purposes (английский язык для специальных целей).

Стало уже аксиомой положение о том, что перевод — это одно из высших проявлений межъязыковой, а потому и языковой вообще, деятельности человека. Следовательно, к базовому курсу перевода студент (или шире — обучающийся / обучаемый переводу) должен подойти с определенным набором компетенций. Как минимум он должен достаточно высокой степени владеть языками, с которого и на который его будут обучать переводить. Важно также, чтобы он обладал знаниями о культурах стран, народов, языки которых вовлечены в его переводческую деятельность. Если базовый курс перевода затрагивает какую-то узко тематико-профессиональную сферу (научную, экономическую, техническую и т.п.), понятно, студент должен владеть терминологией и другими лексико-синтаксическими единицами данной системы, причем на обоих языках.

В отношении языковой и общекультурной компетенции студента возникают некоторые вопросы. Например, что считать удовлетворительной степенью владения языками, вовлеченными в перевод? В какой степени студент должен владеть информацией о культуре, истории и т.д. стран, с языками и носителями которых он будет работать как переводчик? Очевидно, лингвистически будущий студент базового курса перевода должен быть подготовлен так, чтобы владеть грамматикой обоих языков, их лексикой в объеме, достаточном для беспрепятственного выражения своих мыслей хотя бы на уровне бытового общения¹, а также в своей профессиональной сфере (лингвистика, литературоведение и т.п.). Он обязан по крайней мере на пассивном уровне видеть разницу между текстами, созданными на одном и том же языке, но принадлежащими к разным функциональным стилям. Кроме того, ему придется получить начальные сведения из области контрастивной лингвистики, что даст ему представление о сходствах и различиях языков и языковых картин мира не только вообще, но и языков данной переводческой пары в частности. К необходимой «стартовой» компетенции будущего переводчика следует отнести и его умение самостоятельно расширять свой словарь, лингвокультурологическую информированность.

Базовый курс перевода, складывающийся, как уже говорилось, из двух частей — оснащения студентов (1) необходимыми теоретическими знаниями и (2) практическими навыками, — должен, например в

¹ Под владением языками на бытовом уровне понимается владение превышающим минимальный словарь, поскольку речь идет не только о речепорождении, но и о речевосприятии, а также наиболее частотными идиоматическими оборотами, которые необходимы для адекватной языковой реакции на те или иные ситуации межъязыкового и межкультурного общения на данных языках и в данных культурных сообществах.

отличие от курса лекций по теории перевода, ставить перед собой задачу «проложить мост» между этими двумя частями, что определяет подход к выбору рекомендуемой студентам литературы по введению в предмет перевода. Она может быть не слишком специализированной и в то же время давать основополагающие сведения о специфике переводческой деятельности. Пособия такого рода можно назвать условно-теоретическими, поскольку в них собственно теория перевода представлена минимально, зато немало внимания уделяется практическому ее применению, приводятся примеры из переводческого опыта самих авторов, что заметно оживляет подачу переводческих и переводоведческих проблем еще малоподготовленной к их восприятию читательской аудитории. Можно посоветовать также книги, в популярной форме излагающие вопросы практики переводческой деятельности и лишь отчасти касающиеся вопросов теории, например: «Как стать переводчиком?» Р.К. Миньяра-Белоручева, «Профессия: переводчик» Г.Э. Мирама, «Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания» А. Чужакина и П. Палажченко, «Высокое искусство» К.И. Чуковского.

После можно перейти к более специализированным и теоретико-практически фундаментальным, но все же достаточно кратким курсам: «Введение в практику письменного перевода с русского языка на английский» А.Л. Бурака, «Основы профессионального перевода» Д.И. Ермоловича и др.¹

В отношении практических навыков, которые надо вырабатывать уже в рамках базового курса, важно учитывать следующее.

• Письменный перевод нужно предпочесть устному, поскольку в плане восприятия оригинала он проще. Дело в том, что курс перевода, естественным образом основываясь на языковых курсах (родного и иностранного языков), усложняет языковую деятельность студентов. Чтение текстов проще аудирования, однако письменный перевод уже сложнее даже аудирования, поскольку требует не просто свободного восприятия и *некой* реакции на предъявляемый текст, а его определенного рода обработки и воспроизведения на ином языке. При

¹ Формы обработки сведений, почерпнутых из этих книг, на практических занятиях по переводу могут быть различными — от коллоквиумов и докладов студентов до самостоятельного изучения ими подобного рода публикаций и проверки усвоения полученных знаний на зачете/экзамене. Преподаватель во время занятий должен постоянно апеллировать к теории при решении тех или иных практических задач, чтобы развивать у студентов осознанный, профессиональный подход к переводческой деятельности и искоренять всякое проявление у них дилетантизма и вкусовщины. Это, между прочим, как раз и поможет построить мост между теорией и практикой перевода.

устном переводе нужно еще и запоминать текст оригинала. Студент таким образом лишается свободы речепроизводства и оказывается «прикованным» к оригиналу. Устный перевод требует кроме всего прочего значительной активизации памяти, несоизмеримой с речетворчеством, известным студенту по занятиям иностранным или родным языками. Сначала память просто не справляется с такой нагрузкой; ее нужно соответствующим образом подготовить. Если сразу же заняться устным переводом, то неизбежна проблема повторных предъявлений оригинала (целиком или по частям), что существенно искажает процесс реальной переводческой деятельности, моделируемый на занятиях. Последнее же является необходимым условием успешного обучения переводу, поскольку иначе у студентов создается неправильное представление о ходе переводческой деятельности, фактически они научатся осуществлять не этот, а какой-то другой вид деятельности. Чтобы решить эту методическую задачу, нужно последовать известному принципу движения от простого к сложному и начать с письменного перевода, при котором студент имеет право и в «реальной жизни» несколько раз обращаться к оригиналу или его фрагменту, чего нельзя делать при устном переводе¹.

• На начальном этапе следует отказаться от тематического подхода к обучению переводу, поскольку иначе занятие по переводу превратится в занятие по экономике, банковскому делу и т.д. Преподавателю придется объяснять те или иные понятия этих профессионально-специализированных сфер и отвлекаться от собственно перевода. На первом этапе лучше сосредоточиться на отработке минимума переводческих навыков, опираясь на уже знакомые студентам области знаний. Например, на лингвистически ориентированных факультетах можно строить занятия на основе лингвистических текстов. Таким образом снимается проблема введения новой лексики и новых понятий. Кроме того, следует придерживаться стилистически нейтральных сфер общения. В этом смысле рекомендуется строить базовый курс перевода на научно-нейтральных текстах.

• Необходимо проработать способы перевода основных лексико-грамматических, синтаксических и стилистических единиц одного языка на другой. При этом большая часть времени должна быть уделена переводу с иностранного языка на родной. Хотя, учитывая ре-

¹ С другой стороны, уже - в рамках базового курса перевода нужно готовить студентов к последующему курсу устного перевода, постепенно вводя упражнения, развивающие умение применить приобретенные на примере письменного перевода навыки, скажем при устном фрагментарном переводе отдельных предложений, небольших текстов и т.п.

альную переводческую практику в нашей стране, следует заниматься со студентами и переводом на иностранный язык.

- Важно, во-первых, обучить студентов пользоваться переводческими трансформациями на конкретном языковом материале, и, во-вторых, приучить активно обращаться к словарям.

- Одной из главных методических задач является выработка у студентов навыка порождать речь (цельные тексты) как на родном, так и на иностранном языке. Следует определить круг типичных для научной сферы текстов (реферат, рецензия и т.д.), на примере которых отработать клишированные фразы, построенные с учетом изученных лексико-грамматических, синтаксических и стилистических единиц.

- Еще одним важным аспектом преподавательской деятельности является выработка у студентов навыка редактирования собственного (или чужого) перевода, развивающего критический подход к переводу (своему или чужому). В этом смысле попутно заметим, что в обучении редактированию перевода нельзя переоценить роль практической стилистики родного и иностранного языков.

- Следует развивать у студентов умение создавать репрезентирующие оригинал варианты перевода, т.е. они должны научиться вычленять в тексте оригинала важные с точки зрения его основного содержания (*message*) элементы, которые обязательно нужно сохранить в переводе, и отличать их от тех элементов оригинала, которыми можно поступиться при переводе ради сохранения более важных составляющих оригинала.

Таковы некоторые важные аспекты построения базового курса перевода, игнорирование которых может привести к серьезным методическим и методологическим просчетам, что не замедлит негативно отразиться на процессе подготовки молодых переводчиков.

Как уже говорилось выше, вслед за базовым уровнем перевода идут более специализированные его курсы: устный перевод (сначала последовательный, а затем синхронный); письменный перевод, дифференцированный по тематическим модулям (судебно-юридический, научно-технический, художественный).

§ 3. Проблема моделирования учебных текстов по переводу

Классификация функциональных стилей, предложенная акад. В.В. Виноградовым, относительно недавно была расширена, и в сферу филологического анализа вошли произведения речи, направленные на выявление и показ отличительных черт той или иной языковой системы

в ее функционировании главным образом для решения дидактических и научно-исследовательских задач. Данный функциональный стиль является объектом изучения специальной филологической дисциплины — прагмалингвистики, в рамках которой впервые поставлен вопрос о научно обоснованном моделировании языковых явлений в форме особого рода текстов¹.

Под функциональным стилем, как известно, понимается разновидность литературного языка, которая выполняет определенную функцию в процессе коммуникации. Традиционно выделяются разговорно-бытовой, научный, официально-деловой, публицистический и художественный функциональные стили. Каждый функциональный стиль характеризуется по крайней мере тремя свойствами: 1) особой сферой применения; 2) определенными условиями общения (официальными/неофициальными); 3) главной своей задачей [Солганик. С. 173—174].

Однако классификация функциональных стилей не включает в себя целый корпус особого рода текстов — учебных и научно-исследовательских. Любой учебник содержит множество таких текстов. До настоящего времени они фактически не изучались филологической наукой как разновидность функционального стиля и оттеснялись в область методики преподавания (главным образом языков). Только в 1970-х гг. впервые был поставлен вопрос о филологическом изучении данного функционального регистра [Ахманова, Магидова].

Чтобы убедиться в необходимости изучать данный корпус текстов со всеми присущими ему особенностями языкового употребления с точки зрения функциональной стилистики, достаточно применить к нему приведенные выше критерии идентификации функционального стиля.

Действительно, функциональный стиль учебных и научно-исследовательских материалов имеет свою сферу применения, не совпадающую со сферой применения никакого другого функционального стиля. Это учебные тексты или тексты, оптимизирующие научно-исследовательскую деятельность. Стиль этот определенно решает свою,

¹ Здесь и далее под прагмалингвистическим текстом понимается такое произведение речи, которое обеспечивает оптимальное моделирование (выявление и демонстрацию в функционировании) наиболее важных и показательных черт интересующей исследователя языковой системы или произведения речи (текста). Введение термина «прагмалингвистика» можно считать оправданным, поскольку компонент *прагма* — как раз и указывает на особую *практическую* (дидактическую и научно-исследовательскую) ориентированность текстов данного функционального стиля.

только ему присущую главную задачу. Произведения речи, относящиеся к этому функциональному стилю, направлены прежде всего не на передачу информации и не на оказание эмоционально-эстетического воздействия на реципиента. Они выполняют принципиально иную функцию: показывают в наиболее ясной и наглядной форме те или иные особенности изучаемой языковой системы. Что касается определенных условий общения, характеризующих любой функциональный стиль, то официальным или неофициальным язык того или иного текста прагмалингвистического функционального стиля будет в зависимости от задач, которые перед ним ставятся. Например, если это учебный текст, воспроизводящий наиболее употребительные обороты бытовой речи, то и условия общения, отраженные в нем, будут неофициальными. В этом смысле данный функциональный стиль, как и художественный, условно можно назвать *протейстическим* (т.е. изменяющим свой «вид» в зависимости от коммуникативной задачи).

Основные свойства прагмалингвистического функционального стиля и методы моделирования тех или иных языковых явлений описаны уже в целом ряде исследований. Но до сих пор эта работа проводилась в сфере обучения языкам. Безусловно, полезно распространить уже разработанные в прагмалингвистике принципы на материалы, используемые при обучении переводу. Эта задача актуальна, во-первых, потому, что обучение иностранному языку нельзя приравнивать к обучению переводу, поскольку материалы, используемые в обоих процессах и принципы их создания различны. Во-вторых, методологические принципы обучения переводу, в отличие от методологических принципов обучения языку, в настоящее время находятся еще *in statu nascendi*¹.

В методической литературе, предлагающей материалы для обучения переводу, наблюдается широкий разброс подходов к тому, каким образом лучше преподносить эти материалы. Одни пособия предлагают подборки текстов и упражнений на перевод тех или иных лексических единиц, грамматических и синтаксических конструкций, стилистических приемов, а также на развитие навыков применения переводческих трансформаций. При этом в них не предпринимается практически никаких попыток каким-то образом систематизировать предлагаемый материал. Но есть целый ряд других пособий по переводу, в которых систематизация является очень важным принципом построения учебного материала.

Требуют обобщения пока во многом еще стихийно выявляемые и применяемые принципы построения самих учебных материалов. Ограничимся одним примером. С одной стороны, почти аксиомой переводоведения является положение о том, что перевод абсолютного большинства лексических единиц, а тем более грамматических и синтаксических конструкций и стилистических приемов, зависит от широкого контекста переводимого оригинала. С другой стороны, очень распространены учебные материалы, представляющие собой набор разрозненных словосочетаний или предложений. И хотя составители такого рода материалов заявляют о том, что подобранные ими предложения не требуют более широкого контекста, на практике дело обстоит сложнее. Полноценным переводом отдельно взятых предложений в большинстве случаев назвать вряд ли возможно. Налицо противоречие между переводоведческими постулатами и методологическими установками, которые кладутся в основу создания прагмалингвистических материалов по обучению переводу.

Таким образом, в настоящее время есть необходимость применить достижения прагмалингвистики к материалам, используемым в процессе обучения переводу. Без научно обоснованной методологии построения этих материалов невозможно создание полноценного и с теоретической, и практической точек зрения корпуса соответствующих учебных текстов. При этом следует понимать, что важно использовать такие аутентичные тексты на ИЯ, которые максимально насыщены материалами, заставляющими студента применить тот или иной переводческий прием. Если текст специально создается, что, конечно, тоже возможно, поскольку не всегда удается найти тексты на достаточно частотное использование того или иного приема, он все же должен быть коллокационно и коллигационно безупречным образцом ИЯ. И быть четко соотношенным с моделируемым текстом определенного функционального стиля.

§ 4. Кино- и видеоматериалы в обучении переводу

Весьма полезным при обучении студентов переводу, как показывает практика, является использование кино- и видеоматериалов. Обычно на уроках иностранного языка это происходит следующим образом: фильм просматривается либо целиком, либо по частям, затем устраивается некое его обсуждение. Как правило, такого рода просмотры и обсуждения, если и приносят пользу, то очень небольшую. Уловив в лучшем случае половину из того, о чем говорилось на экране, об остальном догадавшись благодаря видеоряду, студент знакомится с об-

шим содержанием фильма, получая некое достаточно поверхностное о нем впечатление. В активный словарь студента (ведь именно для этого и показывают ему фильм, где люди говорят на изучаемом им языке) попадает немного: одна-две, самое большее несколько броских фраз. Основная польза заключается, как правило, в том, что у студентов вырабатывается навык пассивного восприятия иностранного языка на слух (аудирувайия), ну и, конечно, студенты получают сведения о культуре стран изучаемого языка.

Существуют и более эффективные способы использования кино- и видеоматериалов, особенно если речь идет не просто о студентах, изучающих иностранный язык, а о будущих переводчиках, ведь в скором времени от них потребуются не просто изложение впечатлений от того, что они слышат, а точное воспроизведение услышанного (пусть и на другом, как правило родном, языке). Это предполагает отличное знание единиц общего словаря, равно как и знание реалий, сленга, профессиональной лексики той или иной области человеческой деятельности (всем этим, между прочим, изобилуют не только фильмы), знание различных региональных разновидностей того или иного иностранного языка и т.д. и т.п. Как же можно обучить всему этому (понятно, не в полном объеме, что вряд ли вообще возможно) с помощью кино- и видеоматериалов?

Прежде всего, конечно, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов «просто» просмотр фильмов, под которым понимается просмотр фильмов в полном объеме, целиком. Полезно ли это, ведь выше мы сказали, что результаты таких просмотров оставляют желать лучшего?

Г.Э. Мирам (С. 12—13] справедливо указывает на то, что студентам-переводчикам необходимо «естественное» знание чужого языка. При этом важно, считает он, накопить максимально большой «банк сигнатур» слов чужого языка. Сигнатура слова — это своеобразная фонетическая подпись говорящего. У каждого она своя. Сигнатуры родного языка мы накапливаем с детства. Проблема возникает с иностранным языком, где иногда малейшие искажения фонетического облика слова повергают начинающего переводчика в ужас от того, что он не узнает слов того самого языка, который изучал годами. Мирам подчеркивает, что накопление сигнатур сопряжено с трудностями не только в процессе обучения, но и в практической деятельности переводчика, поскольку иностранцы, зная, что их переводят, зачастую говорят медленно, а нередко и упрощают свою мысль, создавая своего рода «тепличные условия» для переводчика, обрекающие его на порой непреодолимые трудности, когда он наконец попадает в стихию неадаптированной иностранной речи.

Один из способов преодоления такого рода сложностей — смотреть как можно больше фильмов на изучаемом иностранном языке. Но это может быть полезным при одном условии: у преподавателя должна быть уверенность в том, что подобранные им кино- или видеоматериалы отвечают задачам курса и соответствуют уровню языковой подготовки студентов. Другими словами, если, скажем, на занятиях по экономическому переводу студентам покажут фильм о любви, в котором главный герой (какая удача!) работает в банке, и это все, что в фильме связано с экономикой, то такой просмотр окажется практически бесполезным для студентов с точки зрения курса экономического перевода. Или будет подобран очень подходящий к теме курса фильм, но герои в нем окажутся жителями небольшого городка в одном из южных штатов США и будут говорить с сильным характерным акцентом, который студенты не поймут, но постесняются в этом сознаться, и в итоге опять-таки вряд ли такой просмотр пойдет им на пользу.

Сколько раз нужно смотреть один и тот же фильм, ведь маловероятно, что с первого раза студенты усвоят все в нем для себя полезное? В отношении «верхней границы» количества просмотров одного и того же материала Р.К. Миньяр-Белоручев [С. 96] советует следующее: это нужно делать до тех пор, «пока не станет понятным каждое слово». Естественно, в рамках жесткой «часовой сетки», с одной стороны, и программы курса, с другой, преподаватель вряд ли может себе позволить такую роскошь. Остается воодушевлять студентов делать это самостоятельно (о чем, собственно, и говорит Миньяр-Белоручев).

Что касается аудиторной работы, то преподаватель может выбрать некоторые наиболее важные и полезные для его курса эпизоды и «проработать» их (т.е. просмотреть, прослушать в различных режимах, о чем см. ниже) на протяжении нескольких занятий, чтобы таким образом хотя бы отчасти закрепить раз понятое и вывести материал из пассива в актив.

Как показывает опыт, очень важно до просмотра подготовить студентов к восприятию тех или иных ключевых для понимания фильма слов и выражений (особенно если принять во внимание постоянный лимит аудиторного времени для желаемого количества просмотров). В этом случае их восприятие фильма заметно активизируется: они узнают в нем то, что раньше бы не узнали. Например, если фильм показывается аудитории, овладевающей основами юридического перевода, и содержит целый ряд сцен, например, судебного разбирательства, то полезно заранее объяснить, кто, что и где находится в зале, скажем, американского суда, кто такие *jurors*, *prosecution*, *defence* и т.п., кратко

описать процедуру рассмотрения дел в суде, познакомить студентов с такими стандартными фразами, как *Objection!*, *Objection overruled*, *Objection sustained*, *Publish the verdict* и др.

Если мы хотим дать студентам представление о непривычном для них региональном варианте английского языка, на котором говорят в том или ином фильме, то для облегчения работы, особенно вначале, можно использовать сценарий данного фильма. Работу в таком случае лучшего всего строить, основываясь на небольших эпизодах, при этом ознакомление с соответствующим эпизодом по сценарию может предшествовать просмотру, а уже дальше, когда студенты начнут постепенно привыкать к акценту, сценарий целесообразно использовать в основном для проверки понимания того или иного слова или предложения. Таким образом происходит знакомство с региональным диалектом, в «банк сигнатур» добавляются новые фонетические варианты слов изучаемого языка. Хрброшим примером такого рода работы с кино- или видеоматериалами может, например, служить фильм «Forrest Gump», в котором главный герой, родом из Алабамы, вместе с большинством других персонажей говорит на типичном южноамериканском диалекте английского языка. Сценарий этого фильма (и многих других) можно найти в Интернете.

Полезно также сравнивать оригинал фильма с его лицензионным (или нелицензионным) переводом. Это лучше делать опять-таки по сценам, анализируя, каким образом переводчики решают те или иные проблемы в конкретных эпизодах. Хорошо предложить студентам дать собственные варианты перевода отдельных фраз, оборотов. Анализ можно направить на конкретный аспект перевода. Так, полнометражный мультипликационный фильм «The Prince of Egypt*» можно сравнить с его переводной версией на русском языке («Принц Египта») с точки зрения различий в восприятии и передаче библейской истории о выходе израильтян из Египта в американском оригинале и русском переводе. В первом случае создается максимально приближенный к сегодняшнему дню вариант осмысления оригинала, отличающийся среди всего прочего и выбором лингвистических средств (например, коллоквиализмы типа *O boy! look at that!*, вложенные в уста жрецов!). В случае русского перевода следует говорить о существенной прагматической адаптации оригинала: стиль приводится в соответствие с подобающей, согласно представлению переводчика, библейской истории торжественностью, возвышенностью.

Важным аспектом такого вида работы является, естественно, контроль. В качестве контрольного задания может быть дан русский текст, в который будут введены все релевантные для курса слова и вы-

ражения, прозвучавшие в фильме. Затем, при втором просмотре, студенты могут сами проанализировать свои переводы и внести в них необходимые исправления и уточнения. Можно использовать переводной вариант просмотренного фильма. При этом, конечно, нужно удостовериться, что перевод выполнен на должном профессиональном уровне. Получится своего рода обратный кино- или видеоперевод. В принципе, можно прибегнуть и к любому русскому фильму той же (интересующей нас) тематики для перевода его эпизодов, например, на английский язык.

Еще одним способом использования кино- и видеоматериалов на занятиях по переводу является просмотр фильмов с субтитрами. В этой категории можно выделить два вида фильмов: с субтитрами на языке оригинала и с субтитрами на родном языке студентов. И те и другие весьма полезны для будущих переводчиков, хотя и по-разному.

Первый вид фильмов — с субтитрами на языке оригинала — полезен, поскольку обеспечивает более полное понимание студентами неадаптированной речи героев фильма. Кроме того, на продвинутых этапах обучения можно указать студентам на то, что титры иногда «редактируют» разговорную, прерывистую речь персонажей и таким образом дают пример того, как ее должен воспринимать и — чаще всего — передавать переводчик, т.е. он должен уметь опускать междометия — заполнители пауз, выравнивать синтаксис и т.д., хотя, возможно, не всегда это необходимо в процессе перевода.

Хорошим упражнением с фильмами, где приводятся субтитры на языке оригинала, может быть упражнение по устному их переводу. Как показывает опыт, это очень мобилизует студентов, максимально заостряет их внимание, ведь они осуществляют почти синхронный перевод. Конечно, субтитры помогают воспринять неуловимое на слух. При этом у студентов работают сразу два рецептора: слуховой и зрительный, что также развивает навык быстрого зрительного охвата написанной фразы, важного для перевода с листа.

Преподаватель может также сделать аудиозапись наиболее интересных с переводческой точки зрения эпизодов. Студенты затем начнут с последовательного перевода этой записи, постепенно накладывая свой перевод на произносимую фразу и таким образом переходя к синхронному переводу отрывка. Данную методику, естественно, можно рекомендовать и в качестве подготовительного этапа перед просмотром фильма и его синхронным переводом с опорой (при необходимости) на субтитры.

Что касается фильмов с субтитрами на родном языке студентов (в нашем случае на русском), то они, прежде всего, могут служить матери-

алом для анализа перевода того или иного фильма, сделанного профессиональным переводчиком. При этом полезно просматривать фильм не от начала до конца, а отдельными сценами. Во время просмотра очередной сцены студентов можно попросить отметить различия между прозвучавшими в фильме фразами и их переводом в субтитрах. Например, автор этих строк анализировал таким образом со студентами фильм «Elizabeth» с русскими субтитрами, и анализ оказался весьма полезным, поскольку в фильме студенты видели, как решаются или не решаются (обходятся) те или иные сложности (французский акцент в английской речи, передача вкраплений французской речи в английской), реализуются различные приемы перевода с помощью семантического развития мысли оригинала, конкретизации, обобщения, введения и опущения слов, антонимического перевода, переформулирования. Кроме того, такой вид работы опять же требует от студентов включения сразу двух рецепторов: они должны сравнивать аудиоряд с субтитрами, при этом фиксируя на бумаге несоответствия. Важно заметить, что все это происходит в *реальном* режиме: нет искусственного замедления речи, действий, нет *учебного упрощения* процесса анализа специально для студентов. Все это, безусловно, заставляет их собраться и максимально динамизирует обучение переводу.

При работе с фильмами, сопровождающимися субтитрами на родном языке студентов, тоже, конечно, можно создавать «аудиоверсии» тех или иных эпизодов и прорабатывать их отдельно. Можно также сравнивать перевод той или иной фразы, сделанный студентом, с переводом, данным в субтитрах с последующим анализом расхождения, сходства между ними. Важно учитывать, конечно, некоторые «жанровые» различия двух видов перевода (например, то, что устный перевод, особенно если он последовательный, не сокращает исходный текст, как это нередко происходит при создании текста субтитров).

Затронутые здесь проблемы и приведенные примеры тех или иных видов упражнений, конечно, не могут претендовать на исчерпывающую полноту. Наша задача состояла в том, чтобы лишь обозначить некоторые аспекты преподавания перевода.

Вопросы практики переводческой деятельности

...С прибором рынка в поединок.

В. Хлебников

§ 1. Рынок переводческих услуг

В настоящее время, главным образом благодаря разрушению «железного занавеса», в Российской Федерации профессия переводчика стала одной из самых востребованных, особенно в таких промышленно-экономических, политических и культурных центрах, как Москва и Санкт-Петербург. Действительно, несравнимо более интенсивными по сравнению с советской эпохой в истории нашей страны стали контакты в самых разных сферах жизни общества со странами так называемого дальнего зарубежья. Появились новые самостоятельные государства — бывшие республики СССР образовали по контрасту с дальним ближнее зарубежье. Все это не могло не вызвать настоящий бум переводческой деятельности на постсоветском пространстве. Некогда малоактивный и инертный в этом смысле Советский Союз, казавшийся почти самодостаточным, вдруг, рассыпавшись на самостоятельные государства, открылся без всякого преувеличения для новых отношений со всем миром. Автоматически выросла нужда в переводчиках. Так, объемы письменного перевода во Всероссийском центре переводов (ВЦП) все увеличиваются, хотя происходит некоторое их перераспределение в зависимости от типов переводимых текстов. Всероссийский центр переводов — это старейшая переводческая организация страны, и потому статистические данные о его работе вполне достоверно отражают общие тенденции в том, что касается специальной литературы и документации в России.

С 1984 по 2000 г. отмечается, во-первых, резкое падение объема переводов научной литературы с иностранных языков на русский, что отражает крайне скудное государственное и иное финансирование научно-исследовательских работ как в Москве, так и по стране в целом.

Во-вторых, появляются новые типы требующих перевода документов, например контрактов, учредительных документов вновь образуемых организаций в сфере бизнеса, доверенностей, таможенной и финансовой документации (38,3% от всего объема переводов за 2000 г.). Все это свидетельствует об активизации новых и уже существовавших коммерческих структур в различных секторах экономики страны и об установлении деловых контактов с зарубежными партнерами. Личные документы, перевод которых заказывают в ВЦП, свидетельствуют об интенсивности миграционных процессов на территории России, стран СНГ и Балтии.

Вряд ли следует ожидать коренного изменения в обозначившихся на сегодняшний день тенденциях. И это данные по работе только одной переводческой организации. В последнее время, однако, появилось немало различного рода переводческих бюро, практически всепроникающей и всеобъемлющей стала деятельность индивидуальных переводчиков. Кто-то из них работает в какой-нибудь организации или у частных лиц постоянно, кто-то выполняет конкретные заказы (ср. английское *freelance* — внештатник; лицо, работающее по договорам).

Однако может возникнуть закономерный вопрос: переводчики с каких и на какие языки особенно нужны?

По данным ВЦП, самые востребованные для перевода языки на территории Российской Федерации — это английский и немецкий (в комбинации с русским). При этом английский язык далеко отрывается и от немецкого, и тем более от всех других языков. Так, с английского на русский в 2000 г. было осуществлено 52% переводов. С русского на английский — почти 19%. Это больше, чем в какой-либо другой паре языков, и в общей сложности составляет свыше 70% от всех выполненных в ВЦП за 2000 г. переводов. С немецкого на русский и с русского на немецкий было сделано 16,4% переводов. Для сравнения: с французского на русский, с русского на французский было сделано 0,6%, с испанского на русский и с русского на испанский — 0,5% переводов.

Что касается языков бывших республик СССР (нынешних стран СНГ), то в общей сложности с них и на них было переведено 9,7% документов. Среди этих языков лидирует украинский язык. На него с

русского языка и с него на русский было переведено 3,8% материалов. Переводы с русского на языки стран Закавказья и обратно в общей сложности составляют 4,1%.

На сегодняшний день практически нет дипломированных переводчиков с русского на так называемые редкие языки, к которым относятся венгерский, греческий, нидерландский, датский, норвежский, шведский, финский и др. Еще более сложная ситуация сложилась с такими языками, как фламандский, каталонский, исландский.

Собственно термин «редкие языки» указывает не на размер страны, где говорят на данном языке, а на нехватку переводчиков, работающих с этим языком.

Такова в общих чертах ситуация на переводческом рынке Российской Федерации. Оговоримся: конечно, представленная выше информация неполна, поскольку отражает данные, во-первых, по письменному переводу и, во-вторых, лишь в рамках одной (хотя и очень показательной) организации. Тем не менее, как представляется, на основе этих статистических показателей можно уловить некоторые тенденции в развитии рынка переводческих услуг.

§ 2. Переводческая этика

Прежде всего переводчик должен понимать, какую роль он играет в процессе общения двух взаимодействующих субъектов. Он занимает промежуточную между ними позицию и, соответственно, должен вести себя, с одной стороны, с достоинством, с другой — не перетягивать на себя центр внимания.

Нередко работодатели требуют от переводчика выполнения не свойственных ему функций. Переводчик должен знать свои обязанности и не позволять работодателям требовать от него большего. Поэтому в любой уважающей себя компании с переводчиком заключают договор, где перечисляются все его функции и называется плата за их выполнение. Например, в контракте должны быть оговорены форма (устный/письменный или оба) и вид или виды (устный последовательный/синхронный и т.п.) перевода, который должен осуществлять переводчик, а также с какого на какой язык он должен переводить.

В идеале переводчику следовало бы быть членом профсоюза (или другого профессионального объединения) переводчиков. Общественная поддержка необходима для гарантии соблюдения его профессиональных прав. К сожалению, в настоящее время в России ничего подобного не существует.

Не следует путать профессиональные объединения с бюро переводов, цель которых, к сожалению, вовсе не в том, чтобы защитить переводчика, а скорее нажиться на его труде, ему недоплачивая.

Между осведомленностью общества о том, в чем состоит труд переводчика, и оценкой его труда, в частности материальной, существует прямая зависимость. Там, где общество осознает сложность и ответственность, возложенную на переводчика, оно соответственно и оценивает его труд. Осведомленность общества, по справедливому наблюдению Г.Э. Мирама [С. 148–149], — это осведомленность и чисто лингвистическая. В нашей стране иностранными языками владеют немногие, отсюда и расхожее убеждение, что переводить — дело нехитрое. Другое дело Западная Европа и Северная Америка, где средний образованный человек, как правило, говорит хотя бы на одном иностранном языке. И — парадокс! — вместо того чтобы обесцениться или вовсе исчезнуть за ненадобностью, труд переводчика уважают и достойно оплачивают. Дело в том, что заказчики и работодатели на собственном опыте знают, насколько сложен этот труд.

Конечно, у переводчика есть обязанности. Прежде всего он должен следить за тем, чтобы постоянно повышать свой профессиональный уровень.

Этические вопросы связаны в основном с работой устного переводчика. Именно он должен следить за тем, чтобы быть в форме во время работы при любом самочувствии. В этом смысле его профессия сродни профессии актера, музыканта. Переводчик работает на людях, а поэтому должен быть аккуратно и опрятно одет, должен внятно и, если нужно, громко говорить.

Он обязан быть предельно дисциплинированным, ни в коем случае не опаздывать на запланированные мероприятия.

Кроме того, переводчик — это профессия социальная. Другими словами, он должен быть в меру коммуникабельным, вежливым, воспитанным, ни в коем случае не давать волю собственным эмоциям. Его задача не мешать, а способствовать пониманию между людьми.

В определенном смысле профессия переводчика сравнима с профессиями врача, адвоката. При его посредничестве раскрываются проекты, планы, даже тайны (государственные, политические). Его долг — хранить эти тайны и еще не обнародованную информацию.

Переводчик во время перевода должен стремиться к нейтральности и известной отстраненности, понимать, что шутки и остроты предназначены не для него, а для аудитории, и реагировать на них сдержанно, но, конечно, не стоять каменным столбом.

* * *

Итак, мы рассмотрели основные положения теории перевода и выстраивающей ее науки — переводоведения, без которых невозможно уяснить для себя особенности этого вида деятельности.

Процесс перевода рассматривался нами как коммуникативный акт особого типа, отличающийся от монокодового (однойязычного) присутствием посредствующего звена — переводчика. Были проанализированы последствия введения в коммуникативный акт этого дополнительного, но необходимого звена, которое, с одной стороны, создает помехи на пути сообщения от адресанта к адресату, но, с другой, именно благодаря ему коммуникация оказывается вообще возможной.

В задачу автора не входило дать исчерпывающую информацию по многим, в том числе и центральным, проблемам теории перевода. Главным было затронуть наиболее важные вопросы и дать читателю хотя бы самое общее о них представление. Вместе с тем автор старался не давать готовых решений, а излагать материал таким образом, чтобы стимулировать осмысленное отношение читателя к затронутым проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

- Айнбиндер М.И.* Англо-русский словарь-справочник. Новейшие модели словообразования в языке Америки и Англии. СПб., 1999.
- Алексеев М.П.* «Евгений Онегин» на языках мира // Мастерство перевода, 1964. М., 1965.
- Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи: XVIII в. — первая половина XIX в. // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982.
- Алексеева И.С.* Научная критика перевода — аспект переводоведения в стадии становления // Университетское переводоведение. Вып. 2. Материалы II Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». 23-25 октября 2000 г. СПб., 2001.
- Алексеева И.С.* Профессиональное обучение переводчика. СПб., 2000.
- Алексеева И.С.* Теория закономерных соответствий как нерешенная проблема // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 8. Актуальные проблемы теории и практики перевода. СПб., 2000 (2000а).
- Аникст А.А.* Слово о Вильгельме Левике // Мастерство перевода. Сборник тринадцатый. М., 1990.
- Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). М., 1990.
- Арутюнова Н.Д.* Речь // Русский язык. М., 1998.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ахманова О.С., Магидова И.М.* Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // ВЯ. 1978, № 3.
- Бабкин А.М., Шендцов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов. СПб., 1994.
- Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
- Бархударов Л.С.* Языки перевод. М., 1975.
- Берков И.Н.* Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981.
- Благой Д.* Грамматика поэзии // Благой Д. От Кантемира до наших дней. М., 1979.
- Бикман Дж., Келлоудж.* Не искажая Слова Божия. Принципы перевода и семантического анализа Библии. СПб., 1994.
- Бродович О.И.* Вариативность перевода и категория эквивалентности // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5. Актуальные проблемы теории и практики перевода. 15—22 марта 1999. СПб., 1999.
- Будагов Р.А.* Академик А.Н. Веселовский как переводчик Боккаччо (К проблеме художественного перевода) // Будагов Р.А. Филология и культура. М., 1980.
- Бурак А.Л., Берди М., Етстратов В.С.* Дополнение к русско-английским словарям. Слова, значения слов и выражения, отсутствующие в русско-английских словарях. М., 2001.
- Бурак А.Л.* Введение в практику письменного перевода с русского языка на английский. М., 2002.

- Бурак А.Л.* Просто о сложном // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1999. № 4.
- Ваард Я. де, Найда Ю.* На новых языках заговoryт. Функциональная эквивалентность в библейских переводах. СПб., 1998.
- Ванников Ю.В.* Понятие адекватности текста и типы адекватности перевода // Уровни текста и методы его лингвистического анализа: Сб. статей / Под ред. Ю.В. Ванникова. М., 1982.
- Ванников Ю.В.* Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. Сб. статей / Под ред. А.Д. Швейцера. М., 1988. С. 34-39.
- Вейзе А.А., Киреев Н.Б., Мирончиков И.К.* Перевод технической литературы с английского на русский. Минск, 1997.
- Вербицкая М.В.* Теория вторичных текстов. М., 2000.
- Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.
- Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. М., 1980.
- Виноградов В.В.* Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963.
- Виноградов В.В.* Статья Пушкина. М., 1941.
- Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.
- Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский. Приемы. Навыки. М., 1999.
- Виссон Л.* Практикум по синхронному переводу с русского на английский (с аудиоприложением). М., 2000.
- Влахос С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
- Водовозов Н.В.* История древней русской литературы. М., 1972.
- Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М., 1978.
- Гак В.Г., Григорьев Б.Б.* Теория и практика перевода. Французский язык. М., 2001.
- Галь Н.Я.* Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора. М., 1987.
- Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм // Поэтика перевода: Сб. статей. М., 1988.
- Гачечиладзе Г.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., 1972.
- Гегель Г.В. Ф.* Эстетика: В 4-х т. М., 1968-1973.
- Гиривенко А.Н.* Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века. Эпоха романтизма. М., 2002.
- Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. М., 1997.
- Денисова Г.В.* Границы перевода. М., 1998.
- Дорохова Ю.Э.* Принципы выбора лексического эквивалента в библейском переводе (на материале современных переводов) // Перевод в современном мире: Сб. статей. М., 2001.
- Ермолович Д.И.* Основы профессионального перевода. М., 1996.
- Есаулов И.А.* Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). М., 1995.
- Иванов В.В.* О языковых причинах трудностей перевода художественного текста // Поэтика перевода. Сб. статей. М., 1988.
- Кабакчи В.В.* Практика английского языка межкультурного общения. СПб., 2001.

- Каде О.* Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М., 1978.
- Казакова Т.А.* Практические основы перевода. СПб., 2000.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистическое переводоведение в России. М., 2002.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М., 1999 (1999а).
- Комиссаров В.Н.* Перевод в социально-бытовом контексте: постановка проблемы // Перевод в современном мире. М., 2001.
- Комиссаров В.Н.* Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М., 1978.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 1999 (1999б).
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М., 1973.
- Комиссаров В.Н.* Теоретические методики обучения переводу. М., 1997.
- Копанев П.И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972.
- Копт'илов В.* Теорij i практика перекладу. Юнв, 2003.
- Кунина А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955.
- Кэтфорд Дж.К.* Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М., 1978.
- Латышев Л.К.* Технология перевода. М., 2001.
- Левин Ю.Д.* Об исторической эволюции принципов перевода // Международные связи русской литературы: Сб. статей. М.-Л., 1963.
- Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985.
- Левецкая Т.Р., Фитерман А.М.* Проблемы перевода. М., 1976.
- Ленков Г.* Приближаясь к Пушкину // Иностранная литература. 1977. № 12.
- Либерман Я.Л.* Как переводят стихи. Екатеринбург, 1995.
- Лилова А.* Введение в общую теорию перевода. М., 1985.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Любимов Н.М.* Несгораемые слова. М., 1988.
- Магигова ИМ.* Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи. М., 1989.
- Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- Марчук Ю.Н.* Проблемы машинного перевода. М., 1983.
- Медникова Э.М.* Translation as an Aspect of Foreign Language Studies. М., 1976.
- Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М., 1998.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. М., 1996.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? М., 1999.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Французский язык. Курс устного перевода. М., 2003.
- Мирам Г.Э.* Профессия: переводчик. Киев, 1999.
- Мкртчян Л.* Родное и близкое. Статьи. М., 1978.
- Мунен Ж.* Теория проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М., 1978.
- Нелюбин Л.Л.* Перевод и прикладная лингвистика. М., 1983.

- Нелюбин Л.Л.* Переводоведческий словарь. М., 1999.
- Озеров Л.А.* Рабочие тетради переводчика // Мастерство перевода. Сборник тринадцатый. М., 1990.
- От глиняной таблички — к университету. Образовательные системы Востока и Запада в эпоху древности и средневековья / Под ред. Т.Н. Матулис. М., 1998.
- Палажченко П.* Все познается в сравнении, или Несистематический словарь. М., 1999.
- Перевод в современном мире. М., 2001.
- Перевод — средство взаимного сближения народов. М., 1987.
- Попович А.* Проблемы художественного перевода. Благовещенск, 2000.
- Поэтика перевода: Сб. статей / Сост. С.Ф. Гончаренко. М., 1988.
- Прокопович С.С.* Адекватный перевод или интерпретация текста? // Тетради переводчика. Вып. 17 / Под ред. Л.С. Бархударова. М., 1980.
- Пушкин А.С.* Переводы и подражания. Комментированное издание с текстами на языке оригинала / Сост. К.Н. Атарова и Г.А. Лескис. М., 1999.
- Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. М., 1964.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
- Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998.
- Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1998.
- Семенец О.Е., Панасьев А.Н.* История перевода: Учебное пособие. Киев, 1989.
- Семенец О.Е., Панасьев А.Н.* История перевода (Средневековая Азия. Восточная Европа XV-XVIII вв.). Киев, 1991.
- Серман И.* Русская литература XVIII в. и перевод // Мастерство перевода. 1962. М., 1963.
- Скворцов Л.И.* Норма языковая // Русский язык. М., 1998.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1987.
- Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.
- Солганик Г.Я.* Стилистика текста. М., 1997.
- Судовцев В.А.* Научно-техническая информация и перевод. М., 1989.
- Топер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000.
- Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста. М., 1986.
- Туркова Е.С., Тюленев С.В.* К вопросу о критериях художественности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1.
- Тюленев С.В.* Вторичный текст как средство прагматилистического изучения оригинала. М., 2000.
- Тюленев С.В.* Пансемантизм в христианском переводе: ошибка или вариант? // Международная научная конференция «Язык и культура». Тезисы докладов. М., 2001.
- Тюленев С.В.* Христианский перевод: на стыке культур // II Международная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения». Тезисы докладов. СПб., 2000 (2000а).

- Университетское переводоведение. Материалы I, II, III международных научных конференций «Федоровские чтения». СПб., 2000, 2001, 2002.
- Федоров А.В.** Основы общей теории перевода. М., 1968.
- Фридриг М.** Перевод в России. Искусство, цензура, читатель. Фрагменты книги // Иностранная литература. 1996. № 4.
- Чернов Г.В.** Теория и практика синхронного перевода. М., 1978.
- Чистович И.А.** История перевода Библии на русский язык. Репринтное воспроизведение издания 1899 г. М., 1997.
- Чужакин А., Налажченко П.** Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. М., 1997.
- Чуковский К.И.** Высокое искусство. М., 1988.
- Шадрин В.И.** Теория *skopos* в современном переводоведении // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5. Актуальные проблемы теории и практики перевода. 15-22 марта 1999 г. СПб., 1999.
- Шанский Н.М. и др.** Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1975.
- Швейцер А.Д.** Пастернак — переводчик: к вопросу о стратегии перевода // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. научных трудов. Вып. 426. М., 1996.
- Швейцер А.Д.** Перевод и лингвистика. М., 1973.
- Шор В.** Из истории советского перевода (Литературные споры 20-х годов нашего века) // Мастерство перевода. Сборник тринадцатый. М., 1990.
- Шутова Е.С.** Проблемы перевода текстов Римско-католической церкви на русский язык // Университетское переводоведение. Вып. 1. Материалы I Всероссийской научной конференции «Федоровские чтения». 27–28 октября 1999 г. СПб., 2000.
- Щерба Л.В.** Опыты лингвистического толкования стихотворений // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Эткинд Е.Г.** Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.
- Эткинд Е.Г.** Художественный перевод: искусство и наука // Вопросы языкознания. 1970, № 4.
- Язык. Поэтика. Перевод: Сб. научных трудов. Вып. 426. М., 1996.
- Якобсон Р.** Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Poetics. Warsaw, 1961.
- Brodovich O.** The Unit of Translation and the Process-Product Dichotomy: A Study in Translation Philosophy // Folia Anglistica 2000. Theory and Practice of Translation. М., 2000.
- Bruce F.F.** The English Bible. A History of Translations from the earliest English Versions to the New English Bible. Lnd., 1962.
- Bullinger E. W.** Figures of Speech Used In the Bible. Grand Rapids, Michigan, 1995.
- Green Y.J.** Thinking Through Translation. University of Georgia Press, 2001.
- Handbuch Translation / Hrsg. M. Snell-Hornby, H.G. Hoening, P. Kussmaul, P.A. Schmitt / Zweite, verbesserte Auflage. Tubingen, 1999.

- Iser W.* The Range of Interpretation. Columbia University Press, 2000.
- Jakobson R.* Linguistics and Poetics // Style in Language. The Massachusetts Institute of Technology, 1960.
- Jakobson R.* On Linguistic Aspects of Translation // The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. Routledge, 2000.
- Koller W.* Einfuhrung in die Ubersetzungswissenschaft / 6. Auflage. Wiebelsheim, 2001.
- Lambert J.* The cultural component reconsidered // Translation Studies. An Interdisciplinary / Ed. by M. Snell-Hornby, F. Poehhacker, K. Kaindl. John Benjamins Publishing Company, 1994.
- Lee W.* The Vision of God's Building. Anaheim, 1990.
- Metzger B. M.* The Evidence of the Versions for the Text of the New Testament // New Testament Manuscript Studies. The Material and the Making of a Critical Apparatus / Ed. by M. M. Parvis, A. P. Wikgren. The University of Chicago Press, 1950.
- Mikoyan A.* Bilingual Dictionaries in Translation: Friend or Foe? // Folia Anglistica 2000. Theory and Practice of Translation. M., 2000.
- Miram G.* Translation Algorithms. Kyiv, 1998.
- Munday J.* Introducing Translation Studies. Theories and Applications. Lnd.; N.Y., 2001.
- Nabokov V.* The Servile Path // On Translation. Harvard University Press, 1959.
- Nida E. A.* Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating // On Translation. Harvard University Press, 1959.
- Readings in Criticism (Russian Literature in England and America). M., 1978.
- Reinhold N.* Virginia Woolf's Russian Voyage Out // Woolf Studies Annual. N.Y., 2003.
- Res Traductoria. Перевод и сравнительное изучение литератур. К восьмидесятилетию Ю. Д. Левина. СПб., 2000.
- Sigurd B.* Machine Translation — State of the Art // Theory and Practice of Translation / Ed. by L. Graehs, G. Korlen, B. Malmberg. Stockholm, 1978.
- Steiner G.* After Babel. Aspects of language and translation. 3rd edition. OUP, 1998.
- Steiner G.* Foreword // Translating Religious Texts / Ed. by D. Jasper. The Macmillan Press Ltd, 1993.
- Stolze R.* Ubersetzungstheorien. Eine Einfuhrung / 3. Auflage. Tubingen, 2001.
- Theories of Translation. An Anthology of Essays from Dryden to Derrida / Ed. by R. Schulte and J. Biguenet. Chicago, 1992.
- Translation Studies Reader, The / Ed. by L. Venuti. Lnd., 2000.
- Tyulenev S.* Translation As a Means of Stylistic Analysis // Folia Anglistica Scholastica. English Department: Work in Progress. M., 1998.
- Ubersetzer und Dolmetscher. Theoretische Grundlagen, Ausbildung, Berufspraxis. Dritte Auflage / V. Kapp (Hrsg.). Tubingen, 1991.
- Vermeer H. J.* Translation today: Old and new problems // Translation Studies. An Interdisciplinary / Ed. by M. Snell-Hornby, F. Poehhacker, K. Kaindl. John Benjamins Publishing Company, 1994.

- Waard J. de, Nida E.A.* From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville, 1986.
- Wikgren A.P.* The Citation of Versional Evidence in an Apparatus Criticus // New Testament Manuscript Studies / The Material and the Making of a Critical Apparatus / Ed. by M.M. Parvis, A.P. Wikgren. The University of Chicago Press, 1950.

SUMMARY

Translation studies is a relatively new scientific discipline. It branched off from applied linguistics and literary criticism only in the 20th century, but has grown rapidly since. Translation studies aims at the construction and development of a translation theory, which is needed among other things to educate multitudes of practising translators and interpreters who are crucial for modern international communication.

The newness of translation studies is betrayed by certain inconsistencies, even in its basic terminology. Among such nomenclatorial conundrums are fundamental terms as *translation* itself. What does the term stand for — a process or the resulting text? Does it mean translation only, or interpreting as well, and is it also an umbrella term for the two? The very name of the science is also a matter for debate — do we talk of translation studies, translatology, or theory of translation?

And yet, despite these (and other) terminological difficulties, translation studies has become a fully-fledged science with its own object of study, i.e. inter-lingual and inter-cultural communication through a translator or interpreter.

Translation can be defined as an inter-lingual and inter-cultural communicative act made through a translator or interpreter, resulting in a text that represents the original in the target language, and in the larger context of the target culture.

The history of translation as a human activity goes back to the very dawn of civilisation. The increasing diversity of languages at that time, and the necessity of establishing contact between neighbouring language communities, led to the use of so-called 'go-betweens'. Through the course of the history, these go-betweens have developed from gifted multi-lingual people to highly sophisticated professional translators.

Translation studies, as an attempt to understand and explicate the phenomenon of translation, did not come from nothing, but grew out of various empirical judgements and speculations about translation — its peculiarities, limitations, and even its apparent impossibility. To reiterate, we can speak of a science of translation only since the 20th century, when translation studies was adopted by linguistics (as one of its applied foci of interest) and by literary criticism (in dealing with a text not written in the critic's own tongue), and then emancipated from the both.

Translation process is a communicative act and may be considered in terms of the theory of communicative acts. However, compared with a mono-lingual communicative act, the act of inter-lingual communication that takes place in translation has an additional element — a *transcoder*.

This complication of the way the message passes from its source to the recipient is an example of 'interference', which exists, to a greater or lesser degree, with every communicative act. It must be remembered that however 'good' the translation, the original message can never be delivered to the recipient perfectly intact, i.e. in its original form. But, in spite of various kinds of interference, the informative core of a message *may be* delivered to the addressee.

Translation should be carried out in such a way so as to ensure the communication of at least this informative core. But since communication is as much about the way the facts are communicated as the facts themselves, the concept of information

should be enlarged to embrace not only the content plane of the message but also its expression plane, which is most obvious and important in literary translations.

Before translation takes place, we must discover what the informative core of a message is. This will allow us to work out the criteria for evaluating the degree of success of the translation.

The content or factual aspect of a message is made up of its *communicative aim and goal*, the *stylistic colouring* of the original, and *the author's point of view* concerning his message.

It should be emphasised this is the *minimum* generally applicable set of criteria. There are two variations of this set to be taken into consideration.

The minimum set of criteria may be enlarged or adapted depending on the type of the original text. In texts whose primary function is to convey facts (e.g. scientific, technical texts) the minimum criteria may be considered sufficient for the evaluation of a translation. Whereas, for the translation of a poem, the criteria should take into account the complex expression plane of the text.

On the other hand, this minimum set of criteria can be reduced in 'preliminary translations', whose function is to acquaint the recipient with the basic content of the message. This sort of translation might be a first stage towards a fuller version of the original.

Importantly, any translation should serve as a *representation* of its original. The concept of representation and the minimum set of criteria or conditions needed to ensure representation, is the main concept of the present work.

Several Chapters (VIII—XI) are devoted to defining the concept of representation in translation on various levels of the organisation of the text from its micro-level (phonetic) to the macro-level (cultural aspects).

Another long-debated matter of translation studies is that of the unit of translation.

First of all, the unit of translation is only relevant when we consider translation as a process, not as the result. In other words, there is no point in discussing what the unit of translation is while looking at the final, translated text. While working on his or her translation, the translator or interpreter starts by considering linguistic units of one level (usually individual words), and later comes to appreciate their textual interdependence, which, in turn, leads him or her to enlarge these linguistic units to the size of word-combinations, sentences, and even entire paragraphs and texts.

The unit of translation, though traditionally linked to linguistic units, does not necessarily coincide with the latter and often varies as far as its linguistic 'volume' is concerned. The unit of translation may be a word, but it might also comprise of several words. The size of a unit of translation depends on the capacity of the target language to express the same notion that is expressed in the original.

The unit of translation is termed *translateme*, and is a combination of a linguistic unit of the source language expressing a certain contextual meaning and the minimal corresponding linguistic unit of the target language with the same meaning.

The aim of this book is to give a systematic presentation of all the major aspects of translation and the particular problems of translation studies. The book deals with translation both in its linguistic and inter-cultural aspects, considered within the history of translation and alongside the concerns that provoke heated discussions today.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Глава 1.</i> «Перевод» как центральное понятие переводоведения	9
§ 1. Понятие «перевод»	9
§ 2. Процесс перевода как процесс коммуникации	10
§ 3. Перевод как текст	13
§ 4. Проблема переводимости/непереводимости/всепереводимости	18
<i>Глава 2.</i> Переводоведение как самостоятельное научное направление	24
§ 1. Становление переводоведения	24
§ 2. Объект и предмет переводоведения	27
§ 3. Методы исследования в переводоведении	29
§ 4. Терминологический аппарат переводоведения	31
§ 5. Структура переводоведения	32
<i>Глава 3.</i> Соотношение переводческой деятельности и переводоведения	37
§ 1. Краткий обзор истории переводческой деятельности	38
§ 2. Перевод и литературные контакты	42
§ 3. Перевод в России	45
§ 4. Краткий обзор истории переводоведения	76
<i>Глава 4.</i> Переводоведение и смежные с ним научные дисциплины	80
§ 1. Многоаспектность перевода как вида деятельности	80
§ 2. Переводоведение и филология	81
§ 3. Переводоведение и гуманитарные науки нефилологического цикла	85
§ 4. Переводоведение и естественные науки	86
<i>Глава 5.</i> Единица перевода	88
§ 1. Проблема единицы перевода в связи с центральными проблемами переводоведения	88
§ 2. Понятие «транслатема». Проблема языкового наполнения транслатемы	89
§ 3. Транслатема и процесс перевода	92
§ 4. Верификация транслатемы	95
§ 5. Лингвистическая обработка транслатем	99

Глава 6. Источники помех в межкультурной коммуникации	104
§ 1. Оригинал как источник помех в процессе межкультурной коммуникации	104
§ 2. Процесс перевода как источник помех в межкультурной коммуникации	107
§ 3. Реципиент сообщения как источник помех в межкультурной коммуникации	116
§ 4. Перевод как коммуникативный акт «повторяющего» типа, средство преодоления энтропии при межкультурной коммуникации	118
Глава 7. Репрезентативность перевода	132
§ 1. Переводческая эквивалентность / адекватность	132
§ 2. Понятие «репрезентативность перевода»	138
§ 3. Критерии репрезентативности перевода	146
Глава 8. Репрезентативность перевода на микроуровне	151
§ 1. Репрезентативность на фонетическом уровне	153
§ 2. Репрезентативность на уровне словообразовательных моделей	158
§ 3. Репрезентативность на грамматическом уровне	165
§ 4. Репрезентативность на лексическом уровне	168
§ 5. Репрезентативность на синтаксическом уровне	175
Глава 9. Лингвистические модели (теории) переводческой деятельности	179
§ 1. Теория закономерных соответствий	182
§ 2. Денотативная (ситуативная) теория перевода	187
§ 3. Трансформационная теория перевода	190
§ 4. Семантическая теория перевода	194
§ 5. Теория уровней эквивалентности	199
Глава 10. Репрезентативность: культурологический аспект	204
§ 1. Коммуникативная модель переводческой деятельности	205
§ 2. Прагматика перевода	207
§ 3. Примеры культурно обусловленных трудностей перевода	208
Глава 11. Структурно-типологические аспекты переводного текста	216
§ 1. Особенности перевода научно-технических текстов	218
§ 2. Особенности перевода текстов, относящихся к официально-деловому стилю	233
§ 3. Особенности перевода публицистических текстов	240
§ 4. Особенности перевода текстов, принадлежащих к разговорно-бытовому стилю	248
§ 5. Особенности перевода художественных текстов	252
Глава 12. Историческая динамика переводческой деятельности	260
§ 1. Проблема типологии перевода	260

§ 2. Динамика исторического развития перевода	261
§ 3. Машинный (автоматический) перевод	262
§ 4. Христианский перевод в постсоветской России	266
<i>Глава 13. Использование перевода в других научных направлениях</i>	<i>273</i>
§ 1. Перевод в лингвопоэтике	273
§ 2. Перевод в библейской текстологии ; —	282
<i>Глава 14. Вспомогательные средства в работе переводчика</i>	<i>285</i>
§ 1. Словари	285
§ 2. Параллельные тексты	293
§ 3. Технические средства	294
<i>Глава 15. Научная критика перевода — раздел переводоведения в стадии становления</i>	<i>296</i>
<i>Глава 16. Вопросы преподавания перевода</i>	<i>302</i>
§ 1. Состояние дел в сфере преподавания перевода на сегодняшний день	302
§ 2. Этапность в обучении переводу	303
§ 3. Проблема моделирования учебных текстов по переводу	309
§ 4. Кино- и видеоматериалы в обучении переводу	312
<i>Глава 11. Вопросы практики переводческой деятельности</i>	<i>318</i>
§ 1. Рынок переводческих услуг	318
§ 2. Переводческая этика	320
Литература	321
Summary	330

Учебное издание

Сергей Владимирович Тюленев

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Учебное пособие

Редактор *Е.И. Солдаткина*

Корректор *В.В. Евтюхина*

Внешнее оформление *Н.Д. Горбуновой*

Компьютерная верстка *С. С. Востриковой*

Гигиенический сертификат
77.99.02.953.Д.003058.05.04 от 05.05.2004

Изд. лиц. № 066160 от 02.11.98.

Подписано в печать 16.07.2004. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Гарнитура Петербург. Усл.-печ. л. 21.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4104

УИЦ «Гардарики»

101000, Москва, Лубянский пр., д. 7, стр. 1

Тел.: (095) 921-0289; факс: (095) 921-1169

E-mail: grd@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфкомбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93